К-107
1862 №5
16181

ОСНОВА
1862
5

1879
17

16181

107

157 2/17

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владимiръ Мономахъ.

1862

ТРАВЕНЬ

(МАЙ)

59
a

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ. 22 іюня 1862 года.

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

I.

О ПРЕПОДАВАНІИ НА ЮЖНОРУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Всякому другу южнорусской народности безспорно мило и драгоцѣнно все, что̀ заявляетъ о стремленіи къ возрожденію нашего языка и литературы. Не можемъ мы не дорожить всѣмъ, что̀ явилось замѣчательнаго въ области нашего слова; произведѣнія Квитки, Шевченка, Кулиша, Марка Вовчка, составляютъ уже нашу народную славу; появленіемъ »Основы«, вызвано нѣсколько новыхъ даровитыхъ личностей. Все это утѣшительно для Южнорусса, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что все это не главное въ нашей литературной задачѣ: недостаетъ чего-то самаго существеннаго, того, что̀ бы дало твердость и плодотворность нашимъ стремленіямъ. Мы видали въ нашей южнорусской литературѣ много хорошаго, взятаго изъ народа; но видали слишкомъ мало того, что̀ мы взамѣнъ дали народу. Соловья баснями не кормятъ — говоритъ пословица; такъ и народъ нельзя насыщать повѣстями и стишками. Ему нужна крѣпкая, питательная пища знанія и образованія .

Не знаю, ка́къ скажутъ другіе, но мнѣ кажется, что пока на южнорусскомъ языкѣ не будутъ сообщаться знанія, пока этотъ языкъ не сдѣлается проводникомъ общечеловѣческой образованности, до-тѣхъ-поръ всѣ наши писанія на этомъ языкѣ — блестящій пустоцвѣтъ, и потомки назовутъ ихъ результатомъ прихоти, охоты для забавы переряживаться изъ сертука въ свитку и припишутъ ихъ болѣе модѣ на народность, чѣмъ любви къ на-

родности. Горькая истина лучше сладкой лжи. Кто любитъ свой народъ—пусть любитъ его не по-донкихотски, не воображеніемъ, а сердцемъ и дѣломъ, — пусть любитъ не отвлеченное понятіе о народѣ, а народъ въ дѣйствительности, въ осязаемости; пусть любитъ живыя существа, принадлежащія къ народу, и ищетъ того, что̀ имъ полезно и нужно. Въ сферѣ своенароднаго слова мы не можемъ быть полезны народу ничѣмъ другимъ, какъ употребивъ это слово орудіемъ общечеловѣческаго образованія. Народъ долженъ учиться, народъ хочетъ учиться; если мы не дадимъ ему средствъ и способовъ учиться на своемъ языкѣ — онъ станетъ учиться на чужомъ—и наша народность погибнетъ съ образованіемъ народа. И вправѣ ли мы будемъ тогда жалѣть о ней? Что̀ отраднѣе: видѣть ли народъ въ невѣжествѣ сохраняющимъ свою народность, или образованнымъ, но потерявшимъ эту народность? Конечно, при такомъ выборѣ, придется пожертвовать народностію. Но для чего же приносить безполезную жертву, когда можно совмѣстить то и другое, когда это будетъ и нравственно-справедливо?

Намъ нужно преподаваніе науки на нашемъ родномъ языкѣ, преподаваніе не тѣмъ, которые уже привыкли не только говорить, но и мыслить на общерусскомъ языкѣ, но тому народу, для котораго родной языкъ до-сихъ-поръ— удобнѣйшая и легчайшая форма передачи и выраженія мыслей. Вмѣсто повѣстей, комедій, стиховъ,—нужны научныя книги. Разумѣется, въ выборѣ слѣдуетъ быть благоразумнымъ. Смѣшно было бы, еслибъ кто-нибудь перевелъ на южнорусскій языкъ »Космосъ« Гумбольта, или Римскую исторію, Момзена: для такого рода сочиненій еще не пришло время. Надобно ограничиться элементарнымъ изложеніемъ научныхъ знаній, необходимыхъ для перваго образованія. Такимъ образомъ, кромѣ букварей, въ настоящее время необходимы для народа: краткая священная и церковная исторія, катихизисъ, отрывки изъ поученій святыхъ отцевъ церкви, изъ житій любимыхъ народомъ святыхъ, и объясненіе богослуженія. Что̀ бы ни говорили модные прогрессисты, которымъ кажется удобнымъ навязать народу матеріализмъ,—народъ съ омерзеніемъ отвернется отъ ихъ ученья, коль-скоро замѣтитъ, что прежде всего, подъ видомъ этого ученья, хотятъ посягать на святыню его сердца. Народъ южнорусскій способенъ съ любовью принимать образованіе,

если оно будетъ ему даваться въ православно-христіанскомъ духѣ. Православное христіанство было въ продолженіе многихъ вѣковъ основою его нравственной силы; за православіе страдали его предки; православіе слилось съ его существомъ; да и самое православіе южнорусскаго народа гораздо духовнѣе, жизненнѣе, внутренно-сильнѣе чѣмъ нѣкоторые полагаютъ, и не состоитъ, какъ часто у великоруссовъ, въ соблюденіи однихъ внѣшнихъ обрядовъ. Во всякомъ случаѣ, еслибы мы сами, въ этомъ отношеніи, стояли подъ вліяніемъ иныхъ взглядовъ, то все-таки не смѣемъ насильственно подкладывать народу чуждыя ему нравственно-религіозныя или иррелигіозныя начала, противныя тѣмъ, съ которыми онъ родился, сросся, сжился. Когда его умственный кругозоръ расширится, тогда онъ самъ выработаетъ себѣ сообразную сферу идей, на основаніи новыхъ для него данныхъ въ природѣ. За сферою религіи должно слѣдовать знакомство съ природою: надобно написать для народа ариѳметику, космографію, географію и удобочтимыя сочиненія, которыя бы знакомили его съ важнѣйшими сторонами естествознанія вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ надобно составить грамматику роднаго языка, по которой бы народъ ознакомился съ построеніемъ человѣческаго слова. Наконецъ, надобно написать книжечку, въ которой сообщить народу главныя основанія его положенія въ государствѣ и его юридическихъ правъ. Этимъ пока можно ограничиться. Исторіи, вопреки нѣкоторымъ, мы не считаемъ нужнымъ вводить въ этотъ планъ первоначальнаго воспитанія. Исторія есть такая наука, которая требуетъ уже большого запаса предварительныхъ свѣдѣній и значительной степени развитія: безъ того—она безполезна. Книги, сочиненныя для народа, должны быть написаны такъ, чтобъ онѣ читались, а не вызубривались,— понимались, а не вдалбливались; свѣдѣнія пусть укладываются въ головѣ учащихся процессомъ часто-повтормагояе чтенія, размышленія, пересказыванія другимъ, и толковъ о прочтенномъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, чѣмъ бы слѣдовало заняться теперь южнорусскимъ писателямъ, а люди состоятельные, живущіе въ Малороссіи—пусть покажутъ свою любовь къ народу на дѣлѣ, принявъ на свой счетъ изданіе такихъ сочиненій и заведеніе училищъ, гдѣ бы дѣти поселянъ пріобрѣтали воспитаніе на родномъ языкѣ.

Противъ нашего проэкта возстанутъ тѣ защитники государственнаго единства, которые думаютъ, что для спокойствія государства необходимо насильственно подвести къ одному знаменателю всѣ народные обычаи и пріемы жизни. Но государство и народъ—не одно и тоже. Государство есть необходимая внѣшняя форма соединенія обществъ и можетъ быть составлено изъ многихъ народовъ, которые, въ государственномъ смыслѣ, всѣ вмѣстѣ составляютъ одно тѣло, но во внутренней жизни каждый пребываетъ самобытнымъ цѣлымъ. Не смѣшивая себя съ народомъ, государство не должно предпочитать одного изъ нѣсколькихъ подвластныхъ себѣ народовъ и ставить его выше другихъ, но равнымъ-образомъ охранять порядокъ ихъ взаимныхъ отношеній и не мѣшать свободному развитію каждаго изъ нихъ. Для власти, выражающей государственное начало, обычаи и особенности народовъ должны быть въ равной степени законны, и нравственныя требованія жизни каждаго изъ нихъ не должны встрѣчать препятствій. Ложно думаютъ, будто при такомъ разнообразіи можетъ порваться связь, соединяющая народы. Если государство станетъ на точку сознанія права народностей, то каждая народность будетъ естественно видѣть въ связи съ другими залогъ своего благосостоянія. Зачѣмъ народу желать отторгаться отъ государства, когда это государство его удовлетворяетъ? Вѣдь безъ власти обществу существовать нельзя; вырвавшись изъ государства, нужно будетъ творить новое государство... Для чего же ломать прежнее, когда оно удовлетворительно? Коль-скоро государственное начало, соединяя подъ собою нѣсколько народовъ, будетъ соблюдать только взаимную связь между ними съ одинаковымъ уваженіемъ ко всѣмъ народностямъ вмѣстѣ, и къ каждой относиться не какъ ко второстепенной, подчиненной, низшей, выше которой есть—господствующая, а какъ къ самобытной, самоправной: тогда не можетъ быть недовольства къ государству, ни вражды къ другимъ, вмѣстѣ соединеннымъ, народностямъ, еслибы даже въ коренныхъ основаніяхъ народностей не было органической связи. Но такого расторженія никакъ нельзя ожидать между южнорусской и великорусской народностями, потому что онѣ соединены не только по принципу государственной необходимости, но связаны и духовнымъ родствомъ вѣры и происхожденія. Возможно ли ожидать расторженія тамъ, гдѣ раздѣленныя насильственными обстоятель-

ствами въ продолженіи вѣковъ стремились къ взаимному соединенію? Возможно ли это расторженіе тогда, когда во всемъ славянскомъ мірѣ чувствуется и сознается братская взаимность и стремленіе къ соединенію? Только при глубокомъ незнаніи смысла нашей прошедшей исторіи, при непониманіи духа и понятій народныхъ, можно дойти до нелѣпыхъ опасеній расторженія связи двухъ русскихъ народностей при ихъ равноправности. — —

Русское государство, въ его первобытномъ зачинѣ, возникло не по насильственнымъ побужденіямъ, и хотя впослѣдствіи чуждое завоеваніе вызвало элементъ насильственной централизаціи, но древнія свободныя начала самоправности народовъ, входящихъ въ государственный кругъ, не оставались мертвыми. Послѣ соединенія Украины съ Москвою, московское, государство оказывало уваженіе къ принципу мѣстной своеобразности Малороссіи и признавало, что малороссіяне должны пребывать »по ихъ черкаскимъ обычаямъ. Отклоненій, правда, было много; нѣкоторыя были очень рѣзки; но принципъ признанія малороссійской народности оставался и признавался. Только уже въ позднія времена вліяніе европейскихъ идей—сочетанія государственнаго единства съ единствомъ народности, заронило и у насъ несправедливую мысль, что поддержка южнорусской народности и развитіе южнорусскаго языка могутъ быть вредны для государственной цѣльности. Откинуть принятое извнѣ (:и тамъ уже, откуда оно занято, сдѣлалось оно несостоятельнымъ и признается такимъ:), не будетъ опасно въ настоящее время. Народъ южнорусскій своимъ уваженіемъ къ законности и порядку, своимъ постояннымъ сознаніемъ необходимости органической связи съ великорусскимъ, заслужилъ, кажется, отъ власти столько довѣрія, чтобы не считали его языка и саморазвитія зловредными для цѣльности государства.

Есть другая опасность для нашего проэкта: — это наша уже не южнорусская только, но всероссійская лѣнь и апатія къ истинно-полезному труду и дѣйствительно-высокому подвигу. Писать повѣсти и стишки часто безцвѣтные, пустые »зъ чорнобровими дівками, буйнимъ вітромъ, могилами, степами и зозулями« гораздо легче, нежели предаться предварительному изученію и трезвому труду для составленія научныхъ книгъ, необходимыхъ народу. Также точно и наши состоятельные народолюбцы охотнѣе одѣнутся, для забавы, въ quasi-національный костюмъ, ввернуть въ

свою рѣчь два–три малороссійскихъ выраженія, поспорятъ о достоинствахъ Шевченка, чѣмъ удѣлять рубль-другой изъ своихъ доходовъ на дѣло общественнаго образованія. Дай-Богъ, чтобъ мы ошиблись; дай-Богъ, чтобъ насъ обличили въ несправедливости этихъ словъ—не словами, а дѣломъ. Тогда и всѣ предыдущія сочиненія нашихъ даровитыхъ писателей будутъ имѣть важное значеніе предварительной обработки народнаго слова и приготовленія его для народнаго образованія. Если же, сохрани-Богъ, станется такъ, какъ мы опасаемся, — тогда наше стремленіе къ возрожденію народности неболѣе какъ мода на народность, не имѣетъ корня въ жизненныхъ потребностяхъ, и нашей южнорусской народности суждено погибнуть...

Н. Костомаровъ.

КОБЗАРЬ.

LVIII.

* *
*

Росли́ у-ку́почці; зросли́;
Смія́тись, гра́тись переста́ли...
Нена́че спра́вді розійшли́сь....
Зійшли́сь неза́баромъ; побра́лись;
И ти́хо, ве́село пройшли́
Душе́ю-се́рцемъ непови́нні
Ажъ до само́і домови́ни...
А мі́жъ людьми́ вони́ жили́!

—

Пода́й же й намъ, всеще́дрий Бо́же,
Ота́къ цвісти́, ота́къ рости́,
Та́къ одружи́тися и йти́, —
Не сварячи́сь въ тяжкій доро́зі
На то́й світъ ти́хий перейти́.

25 іюня 1860.
Петербургъ.

LIX.

* *
*

На па́мьять 5 а́вгуста 1860 г.

Моя ти лю́бо! мій ти дру́же!
Не йму́ть намъ віри безъ хреста́,

Не йму́ть намъ вiри безъ попа́,
Рабы́ — невóльники — недýжі!
— —
— — Збре́шуть лю́де —
Одýрять! Не одýрить Богъ:
Кара́ть и ми́ловать не бу́де;
Ми не рабы́ ёго: ми — *люде*...
Моя ти лю́бо! усміхни́сь,
И во́льную святу́ю ду́шу
И ру́ку во́льную, мій дру́же,
Пода́й мині... то перейти́
И Вінъ помóже намъ калю́жу,
Помóже й ли́хо донести́
И похова́ть лихе́, дебе́ле,
Въ хати́ні ти́хій и весе́лій.

5 августа 1860.
Стрѣльна.

LX.

Н. Я. МАКАРОВУ.

На памьять 14 сентября.

Барвінокъ цвівъ и зеленівъ,
Сла́вся, ростіла́вся, —
Та недóсвітъ пере́дъ-світомъ
Въ садóчокъ укра́вся.

Потопта́въ весе́лі квіти,
Побúвъ, поморóзивъ....
Шкóда того́ барвіночка
Й недóсвіта шкóда!

14 сентября 1860.
Петербургъ.

LXI.

* *
*

Поста́влю ха́ту и кімна́ту,
Садо́къ-раёчокъ насажу́;
Поси́жу я и похожу́
Въ своій мале́нькій благода́ті,
Та въ одині — самотині
Въ садо́чку бу́ду спочива́ти. .
Присня́тця діточки мені,
Весе́лая присни́тця ма́ти,
Давне-коли́шній та ясни́й
Присни́тця сонъ мені... — и ти́!...
Ні, я не бу́ду спочива́ти,
Бо й ти присни́сся! И мали́й
Раёчокъ мій, спідти́ха — ти́ха
Підкра́десся, наро́бишъ лиха́, —
Запа́лишъ рай мій самотни́й.

27 сентября 1860.
Петербургъ.

Т. Шевченко.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

6) ДО ГР. СТ. ТАРНОВСЬКОГО.

I.

С. Петербургъ. 1842, марта 26.

Григорій Степановичъ!

Я думаю, вы меня хорошенько побранили за *Гайдамаки*. Было мнѣ съ ними горя: насилу выпустилъ цензурный комитетъ. Насилу кое-какъ я ихъ увѣрилъ, что я не бунтовщикъ. Теперь спѣшу разослать, чтобы не спохватились. Посылаю вамъ три экземпляра: одинъ возьмите собі, другий отдайте Николаю Андреевичу Maestro Маркевичу, третій Виктору Забілі на заочное знакомство. По вашему реэстру, я поручилъ И. М. Корбі роздать экземпляры. Прощайте. Желаю вамъ встрѣтить весну весело. А у насъ еще зима.

Вашъ покорный слуга *Т. Шевченко.*

P. S. Трохи, трохи бувъ не забувъ! Я чувъ, шо въ васъ є молоденькі дівчата. Не давайте імъ, будьте ласкаві, и не показуйте моі *Гайдамаки*, бо тамъ є багато такого, шо ажъ самому соромъ. Нехай трошки підождуть: я імъ пришлю *Черницю Марьяну;* къ Великодню думаю надрюковать. Це вже буде *невозмутительнее.*

Ще разъ P. S. Поправляйте, будьте ласкаві, самі граматику, — бо такъ погано видержана коректура, шо цуръ ёму.

II.

С. Петербургъ, 25 января, 1843 г.

Спасибі вамъ, Григорій Степановичъ, шо ви мене таки не забуваете,—ще разъ спасибі. А я вже думавъ, шо мене всі одцурались,—ажъ, бачу, ні: есть ще на світі хочъ одинъ щирий чоловікъ. Чувъ я, що ви нездужали, але думавъ, що такъ тілько — звычайне по-панському. Ажъ якъ росказавъ мені Дараганъ, то я ажъ злякався. Слава Господові, шо минýло! Цуръ ёму! щобъ и не згадувать! А ось-що шкода, шо ви сю зиму не приіхали. У насъ була виставка въ Академіи, и дуже добра, а теперъ черезъ день дають »Руслана и Людмилу«. Та що то за опера, такъ-ну! А надто, якъ Артемовський співа Руслана, то такъ, шо ажъ потилицю почухаешъ—далебі правда! Добрий співака, нічого сказать. Отъ вамъ и все, шо тутъ робитця. Василій Ивановичъ вернувся изъ Италіі ще товщий, якъ бувъ, и розумніший, и добріший; дякуе вамъ и кланяетця. Карлъ Павловичъ байдики бье, собі на здоровья, а »Осада Пскова« жде літа. Михайловъ кончивъ вашу картину добре. Штернбергъ пише мені, що вінъ нездужавъ, але теперъ вичунявъ и вамъ кланяетця, бо вінъ дума, шо ви въ Петербургѣ. А я... чортъ-зна-що: не то роблю щó, не то гуляю, сновигаю по оцёму чортовому болотові, та згадую нашу Украіну. Охъ, якъби-то мені можно було приіхать до соловья! весело бъ було; та не знаю. Спіткали мене прокляті кацапи, такъ-що не знаю, якъ и випручатьця. Та вжежъ якъ-небудь вирвусь хочъ після Великодня и прямісінько до васъ, а потімъ уже дальше. Ще ось-що. Намалёвавъ я се літо дві картини и сховавъ: думавъ, шо ви приідете, бо картини, бачте, наші, то я іхъ кацапамъ и не показувавъ. Але Скобелевъ таки проиíшпоривъ и одну вимантачивъ. А друга ще въ мене. А шобъ и ця не помандрувала за якимъ-небудь москалемъ (бо це, бачте, моя »Катерина«), то я думаю послать іі до васъ. А шо воно буде коштувать, то це вже ваше діло: хочъ кусокъ сала, то й це добре на чужині. Я намалёвавъ Катерину той часъ, якъ вона попрощалася съ своимъ москаликомъ и вертаетця въ село. У царини, підъ куренемъ, дідусь спить, ложечки собі струже и сумно дивитця на Катерину

А вона сердешна тіль(ко) не плаче та підіймае передню червону запащину, бо вже, знаете, трошки тее.... А москаль дере собі за своіми, тілько курява ляга. Собачка ще поганенька доганя ёго та ніби-то гавкае. По однімъ боці могила; на могилі вітрякъ; а тамъ уже степъ тілько мріе. Отака моя картина (1). Коли вподобаете — добре, а ні — то на горище, поки я приіду. А вже коли приіду, то не виганяйте місяць або другий, бо въ мене и на Украіні, окроме васъ нема, пристанища. А я вамъ що-небудь намалюю. Спасибі вамъ и за ласкаве слово про дітей моіхъ »Гайдамаківъ.« Пустивъ я іхъ у люди и до ціеі пори ще ніхто й спасибі не сказавъ. Може й тамъ надъ ними сміютця такъ, якъ тутъ москалі. Зовуть мене пнтузіастомъ, спрічъ дурнемъ. Богъ імъ звидить; нехай я буду и мужицький поэтъ, аби тілько поэтъ, то мині більше нічого и не треба. Нехай собака лае — вітеръ рознесе. Ви, спасибі вамъ, боітеся мині росказувать про людей. Цуръ імъ! покоштувавъ уже я цёго меду, щобъ вінъ скисъ!

Бачивъ я вчора вашого хлопця рисунки. Добре, дуже добре. Тілько треба ему другого майстра, бо вінъ тілько яблука та огірки и малюе, а це така річъ, що серце не нагодуешъ. А зъ ёго бувъ би добрий маляръ, бо воно хлопья до всёго беруче. Обіцянку пришлю вашимъ дівчатамъ къ великодню, а може и ранше, коли впораюсь, — тілько не ту шо я вамъ писавъ, а иншу, по московському скомпонована, щобъ не казали москалі, що я іхъ язика не знаю. Бувайте здорові! нехай зъ вами дітцця все добре и не забувайте щирого вашого *Т. Шевченка*.

7) ДО ЗИГМУНДА СІРАКОВСЬКОГО.

Мой милый, мой добрый Zyhmonte *(sic)*! благодарю тебя за твое ласковое, сердечное, украинское слово, тысячу разъ благодарю тебя. Радъ бы я отвѣчатъ тѣмъ же сердцу милымъ словомъ, но я такъ запуганъ, что боюся родного милаго звука. Особенно, въ настоящее время я едва и какъ-нибудь могу выражаться. О моемъ настоящемъ горѣ сообщаю я А. П. и ты у него прочитаешь эти гнусныя подробности.

---

(1) Тутъ же начерчений карандашемъ и перомъ эскизъ. П. К.

Кернера и прочее съ письмомъ И. Станкевича, писаннымъ 25 октября, получилъ я сегодня, т. е. 6 апрѣля. Все это пролежало всю зиму въ Гурьевѣ. Но лучше поздо, нежели никогда. Благодарю жъ васъ, друзья мои, мои братья милые, что вы не оставляете меня! Поцѣлуй добраго Станкевича за его ласковыя письма и извини меня передъ нимъ, что я теперь не пишу ему: до отхода почты осталось только два часа, а до смѣны караула—часъ, а я на караулѣ и написалъ, что́ только успѣлъ.

Кто такой Кіевскій студентъ, посылаемый сюда? Если ты зналъ его въ Оренбургѣ, то сообщи мнѣ; а то я не мастеръ сразу узнавать людей такъ, чтобы не сдѣлать маху.

Поцѣлуй Карла, Цейзиха и будь здоровъ. Не забывай любящаго тебя Ш.

8) ДО А. П. (?).

Передъ отъѣздомъ вашимъ въ степь писали вы ко мнѣ письмо, на которое я вамъ не отвѣчалъ, во-первыхъ, по недостатку адреса, а во-вторыхъ, потому, что совершенно не о чемъ было писать, а переливать изъ пустого въ порожнее скучно. Вы пишете, что, можетъ-быть, въ письмѣ вашемъ встрѣтилось мнѣ что-нибудь не по сердцу, и потому я вамъ не отвѣчалъ. Какъ вамъ пришло въ голову такое предположеніе! можете ли вы что-нибудь написать, что́ бы мнѣ было не по сердцу? Спаси васъ, Господи, отъ такихъ мыслей! Каждая строчка, каждое слово вашего письма я принималъ, какъ слово брата, какъ слово искренняго друга. Какія бы ни были ваши предположенія, однакоже вы на нихъ не остановились. За то вамъ сердечно благодаренъ. Поздравляя меня съ новымъ годомъ, вы желаете мнѣ, какъ братъ, всего лу́чшаго, и особенно — чтобы вырваться изъ этой пустыни. Благодарю васъ! Прекрасное, человѣколюбивое желаніе! Но увы! вашему доброму желанію и моей единой надеждѣ не суждено осуществиться.

Вотъ-что́ случилось со мною. Въ прошломъ году, генералъ Фрейманъ представилъ меня въ унтеръ-офицеры. Я существовалъ этой бѣдной надеждою до конца марта текущаго года; а передъ самой Пасхой почта привезла приказъ маіора Л—ва, чтобы взять меня въ руки и къ его пріѣзду непремѣнно сдѣлать меня образцовымъ фрунтовикомъ, а не то—я никогда не долженъ надѣяться

на облегченіе моей участи. Хорошо я встрѣтилъ праздникъ Пасхи! Праздникъ прошелъ, и изъ меня, теперь пятидесятилѣтняго старика, тянутъ жилы по осьми часовъ въ сутки!

Вотъ мои радости! вотъ мои новости! Не пеняйте же мнѣ, что я не отвѣчалъ вамъ на ваши письма. Я ждалъ и мнѣ хотѣлось хоть малой радостію порадовать вашу сострадательную душу; а разсказывать вамъ о своихъ страданіяхъ — значитъ — заставлять васъ самихъ страдать. А у васъ и своего горя не мало, а дѣлить горе между страдальцемъ значитъ — увеличивать общую скорбь.

Еще вотъ-что́. У насъ не получаетъ никто »Отечественныхъ Записокъ«, а у васъ, вѣроятно, кто-нибудь получаетъ; то просмотрите вы хорошенько май и іюнь, не увидите ли тамъ разсказъ »Княжна«, подписанный *К. Дармограй*. Если нѣтъ, то напишите кому нибудь въ Петербургъ, чтобы получилъ рукопись въ конторѣ журнала и переслалъ вамъ, а вы адресуйте ее въ »Современникъ«, или что́ найдете лучшимъ, то съ нею и сдѣлайте.

Прощайте, мой добрый, мой незабвенный друже! Съ слѣдующею почтою буду вамъ писать больше.

III. (1).

9) ДО А. Н. МАРКЕВИЧА.

22 апрѣля 1857 г.

Христосъ воскресе!

На самий великдень пришла съ Гурьева до насъ почта и привизла мині письмо твое и 16 р. грошей. Спасибі тобі, друже мій незнаемий! Подякуй и поцілуй твоіхъ товаришей и земляківъ моіхъ щирихъ; спасибі імъ, що не забуваютъ безталаннаго старого кобзаря. Нехай не забуде іхъ Господь милосердий своею доброю долею. Спасибі вамъ, молодні брати моі и за книги. Спасибі ему, тому Николаю М., а Кулиша, якъ побачишъ, то поцілуй ёго и скажи ёму, що такоі книги, якъ *Записки о Южной Руси*, я ще зроду не читавъ, та й не було ще такого добра въ Руській литературі. Спасибі ему! Вінъ мене неначе на крилахъ перенісъ въ нашу Украіну и посадивъ межъ старими,

(1) Ся буква написана такъ, що виходить Т и Ш., а именно Ш.

сліпими товаришами-кобзарями. Живо и просто вилита стареча мова. А мóже воно тимъ и живо, що просто. И якъ не буде вінъ продолжать своіхъ *Записокъ*, то ёго Богъ святий покарае. Такъ и скажи ёму, друже мій, якъ ёго побачишъ.

Ще ось-що: чи не зострінесся тамъ часомъ съ Гербелемъ, переводчикомъ Слова о полку Игореви. Воно хочъ и зоветця *Гербель*, а такий же хохолъ, якъ и ми зъ тобою, молодий мій друже! Ото жъ якъ побачишъ его, то подякуй ёму за переводъ Малороссійской думи, надрюкованної въ Б. для чтенія.

Зъ батькомъ твоімъ, друже мій, ми були колись великі приятелі и стрічалися зъ нимъ не въ одній Качанівці. Чи здраствуе вінъ теперъ? Цілуй ёго одъ мене. А матіръ твою тілько разъ бачивъ у Качанівці. Може й тебе тойді зъ нею бачивъ, але ти тойді ще було мале, то я теперъ и не згадаю: давно те діялось, молодий мій друже!

Въ другий разъ буду писать тобі більше, а теперъ мині щось не пишетця, — я неначе занедужавъ одъ твого письма. Якъ прийду трохи до нормального розуму, то напишу тобі цілу книгу, а теперъ цілую тебе, друже мій единий, и твоіхъ товаришівъ, а моіхъ земляківъ щирихъ, — цілую и дякую всімъ моімъ сердцемъ, — дякую за гроші, а ще більше за те, що не забуваете старого кобзаря. *Т. Шевченко*.

Добре, що зосталося шматокъ паперу: есть на чому написать. P. S. Я напишу его по-русски: такъ бачишъ треба; ти й самъ здоровъ догадаесся, якъ прочитаешъ, що такъ треба. Тілько, сердце мое, голубе мій сизий! зроби для мене все те, що я проситиму. Я тебе тричі поцілую, якъ побачимось. А поки-що (я забувъ тобі сказать) сходи ти въ Большую Морскую въ домъ графа Уварова, найди тамъ Михаила Матвіевича Лазаревського и поцілуй ёго за мене. Такъ треба, друже мій единий. »Записки о жизни Н. В. Гоголя« прислявъ ти мені два тома и обидва перві.

10) ДО П. А. КУЛІША.

I.

5 декабря 1857 г.

Спасибі тобі, богумилий друже мій великій, за твої дуже добрі подарунки и, особливе, спасибі тобі за »Чорну Раду«. Я вже її дві-

чі прочитавъ, прочитаю и третій разъ, и все таки не скажу більшъ нічого якъ спасибі. Добре, дуже добре ти зробивъ, що надрюкувавъ »Чорну Раду« по-нашому. Я ії прочитавъ и въ »Руській Беседі« и тамъ вона добра, але по нашому лучче. Розумний, дуже розумний и сердечний эпилогъ вийшовъ; тілько ти дуже вже, ажъ надто дуже, підпустивъ мені пахучого курева; такъ дуже, що я трохи не вчадівъ.

Не знавъ я, що въ тебе есть »Москалева Криниця« и »Чернець« одъ Щепкина, а тобъ я тобі послався що-небудь инше. У мене багато де-чого зібралось черезъ десять літъ, та не знаю що́ мені робúть зъ моімъ добромъ,—якъ его пустить въ люде.

Спасибі тобі за Наймичку«. Чи не найдешъ тамъ у панночки хуторяночки въ альбомі мого »*Ивана Гуса*«? Добре було бъ, якъ би найшовъ, а то шкода буде, якъ пропаде.

Що се за дивний, чудний чоловьяга Л. Жемчужниковъ! Поцілуй ёго за мене, якъ побачишъ. Ще ось що. Чи багато въ тебе преномерантівъ на »Записки о южной Руси«? Боже мій, якъ би мені хотілося, щобъ ти зробивъ свої Записки о южной Руси постояннимъ переодическимъ изданіемъ на шталтъ журнала. Намъ съ тобою треба бъ добре поговорить о сімъ святімъ дíлі. Зроби ти ось-що. Старий Щепкинъ на тімъ тижні хоче до мене приіхать въ гості; а що́, якъ би и ти, молодий, забігъ за нимъ въ Москву, та вкупочці и прилетіли бъ до мене. Дуже бъ, дуже бъ добре ви зробили, други мої искренніі! Тутъ би ми порадились зъ старимъ майстромъ и нащотъ твоіхъ Записокъ и на щотъ мого нікчемного добра. Прилітай, мій голубе сизий, хочъ на тиждень, хочъ на одинъ день. Може Варенцовъ не виіхавъ ще зъ Петербурга: то отъ би зъ нимъ разомъ и приіхавъ. Я жду тебе, а ти стань мені за рідного брата: поцілуй свою любу жіночку за мене и за себе, та й гайда на залізний шляхъ.

Поцілуй Маркевича за мене за ёго ноти; добре, дуже добре, а особливо »Морозенко«: вінъ мені живісінько нагадавъ нашу милую безталанную Украйну. Цілую Михайла, Ѳедора и Семена. Ѳедорові скажи, що я вчора бачився съ Кебéромъ, и вінъ ёго цілуе.

Остаюся ждучи тебе, мій друже единий! Остаюся твій искренній *Т. Шевченко*.

Чи не трапитця въ тебе Літопись Велúчка. Якъ поідешъ, то возьми зъ собою, а якъ не поідешъ, то передай Варенцову.

II.

4 января 1858 года.

Позавчора получивъ я твое третэ письмо та ще й зъ грішми 250 карбованцівъ. Спасибі тобі и тому щедрому землякові, що купивъ мою невольничу робóту. Спасибі вамъ, други мої сердечниі: зробили ви мене зъ великимъ святомъ. Нехай вамъ такъ Господь поможе во всіхъ вашихъ начинаніяхъ, якъ ви мені теперъ помогли. Препоганий Нижній-Новгородъ. Копійки нема де заробить; думавъ уже писать Лазаревському, ажъ гулькъ—неначе зъ неба впали гроші, та ще й на новий рікъ. Спасибі вамъ, друзі мої!

Оповідáння Вовчкá ще не получивъ. А *Граматка* твоя такъ мені на серце пала, що я не знаю якъ тобі и росказать. Роскажу колись якъ дасть Богъ побачимось, а теперъ тілько дякую, и ще разъ дякую, и більшъ нічого.

Копу грошей возьми у М. Лазаревського. Зъ »Чорної Ради« теперъ не нарисую тобі нічóго: нема моделі, нема нічого передъ очима нашого украінського, а брехать на старість не хочетця. Не хочетця рисовать такъ, аби-то.

Теперъ посилаю тобі зъ оцімъ добримъ чаловікомъ, зъ Овсянниковимъ, свої *Неофіти*. Ще недобре викончині. Перепиши іхъ гарненько и пошли зъ цімъ же Овсянниковимъ старому Щепкину.

Наробивъ вінъ мені оцей старий лиха: приізжавъ до мене на святкахъ колядувать. Я й досі ще хожу неначе съ тяжкого похмілля одъ его колядокъ. Учистивъ старий! ажъ пальці знать. И де въ ёго узялась такá живá, сердечно трепещуща, жива натура. Диво, та й годі!

Оставайся здоровъ, мій брате, мій друже единий. Нехай тобі Богъ помагае во всіхъ твоіхъ добрихъ начаткахъ. Не забувай мене, твого щирого рідного брата *Т. Шевченка*.

Шли мені швидче свого Вовчка. Та будь здоровъ зъ новимъ годомъ.

III.

26 января 1858 г.

Який тамъ тобі нечистий казавъ, що я приготовивъ свої *Неофіти* для друку? И гадки, и думки не було. Я послався іхъ тобі тільки прочитать, щобъ ти бачивъ, що я тутъ не склавши руки сижу. И старий Щепкинъ не такий, щобъ вінъ тамъ возився по Москві зъ ними якъ съ писаною торбою. И ти оддай гарненько переписать іхъ и пошли старому, бо вінъ уже знае, що *Неофіти* въ твоіхъ рукахъ. Овсянникова не дожидай; незабаромъ поіде изъ Питера въ Нижній пріятель мій Шрейдерсъ, то ти и передай ёму, а вінъ передасть моему старому друзяці. Отакъ зроби.

Для друку есть у мене наготовлено на добрихъ дві книги: тільки перепиши та и въ друка́рню; але я и съ цімъ добромъ не спішу, не тілько зъ *Неофітами*. »Янъ Гусъ« повиненъ буть у Василя Вас. Тарновського, що живъ колись въ Потокахъ Київської губерні. Перероблятъ ёго, або знову робить, у мене щось руки не підіймаютця.

Заграй мені дуднику
На дуду:
Нехай свое лишенько
Забуду.

Оце тілько не мое, а то вся пісня моя.

Про які тамъ ти мені пишешъ гроші? Не знаю, зъ якихъ грошей прислався мені М. Лазаревський въ Новопетровское укрѣпленіе, передъ виіздомъ, 75 карбованцівъ. Та 150 карбованцівъ Залеский прислався у Нижній за рисунки черезъ Лазаревського. Та ти, спасибі тобі, 250 карбованцівъ. Отъ и всі гроші. И я іхъ не циндрю, бо думаю одружитьця, обісіло вже молодикувать. Цуръ ёму: и якъ що есть тамъ у васъ які моі гроші, то шліть іхъ сюди. Я возьму на іхъ акціи Меркурьевского общества, то вони принесуть мені 10 процентівъ въ годъ. Бачишъ, який я господарь. А тобі якийсь дурень збрехавъ, що я ще й досі Запорожець. Брехня! не потурай.

»Вовчка« твого и въ очі не бачивъ. На кого ти ёго адресувавъ?

Пиши мій адресъ такъ: въ Нижній Новгородъ, имя рекъ, въ контору пароходства »Меркурій«.

Незабувай же своего щирого *Т. Шевченка.*

Навчи ти мене, будь ласкавъ, що́ мені робить зъ руськими повістями? У мене іхъ десятківъ коло двохъ наберетця. Затопить грубу, — шкода: багато праці пропаде. Та й грошей би хотілося, бо теперъ вони мені дуже потребні. Порадь, будь ласкавъ, що мені робить?

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Одиннадцатый отрывокъ.

11 января 1858 г.

Сегодня суббота. По субботамъ я и милѣйшая К. Б. П—ва обѣдаемъ у М. А. Дороховой. Но сегодня я долженъ отказаться отъ этой радости, и моя милая компаньонка отправилась самъ-другъ съ портретомъ М. С. Щепкина, имъ присланнымъ въ подарокъ Маріи Александровнѣ, а я поѣхалъ провожать до первой станціи, по Казанской дорогѣ, моего привлекательнаго, благороднаго капитана, В. В. Кишкина.

Грустно разставаться съ такими добрыми людьми, какъ этотъ симпатическій Кишкинъ. Я, возвратившись домой, чувствовалъ себя совершеннымъ сиротой. Но тягостное мое одиночество не долго длилось; я вскорѣ вспомнилъ, что я одинъ изъ счастливцевъ міра сего. М. С. Щепкинъ, уѣзжая изъ Нижняго, просилъ меня полюбить его милую П—ву, и я буквально исполнилъ его дружескую просьбу. А сегодня, прощаясь со мною, Кишкинъ со слезами на глазахъ просилъ меня полюбить его кроткую любимицу В—ку О—ву. И послѣ такихъ милыхъ обязанностей я скучаю! *Дýрень, дýрень, а въ шкóлі вчúвся.* О—ва выѣхала куда-то изъ города, и я, въ 6 часовъ вечера, отправился къ П—вой, засталъ ее дóма, продиктовалъ ей стихи Курочкина: »Какъ въ наши лучшіе годá«,—а она прочитала мнѣ нѣкоторыя вещи Кольцова, и потомъ чуть-чуть не всѣ басни Крылова. Я въ восторгѣ былъ отъ этого импровизированнаго литературнаго вечера, и пришелъ домой совершенно счастливъ. Она любитъ чтеніе: значитъ, она далеко пойдетъ въ своемъ искуствѣ. Дай Богъ, чтобы сбылось мое пророчество.

12 января.

Не ради воскресенья и свѣтскаго пошлаго визита, пошолъ я къ П. М. Г—ской (племянницѣ здѣшняго губернатора), а по просьбѣ моего искренняго Михаила Семеновича, пошелъ я передать ей его портретъ и пріятельскій поклонъ. Въ огромной гостиной, старушку Ш—скую и Г—скую окружали холодныя, офиціальныя, чопорныя фигуры, что́, послѣ привѣтствія и самаго коротенькаго присѣста, и на меня пахнуло холодомъ отъ этой честной компаніи. Вышелъ самъ губернаторъ, я поздравилъ его съ полученіемъ черезъ плечо Анны, раскланялся и вышелъ вмѣстѣ съ Э. А. Бабкинымъ. Заѣхалъ къ Бабкину на квартиру, взялъ у него Пушкина и Гоголя и повезъ къ П—вой. Прочиталъ ей *Сцены изъ рыцарскихъ временъ* и отогрѣлъ губернаторскимъ холодомъ обвѣянную душу. Она прочитала мнѣ *Каменнаго Гостя*, и потомъ мы поѣхали къ Брылкинымъ обѣдать; послѣ обѣда М. А. Грасъ повезла ее въ театръ, куда послѣдовалъ и я, совершенно довольный такимъ теплымъ, прекраснымъ окончаніемъ холодно-начавшагося дня.

13 января.

Бабкинъ подарилъ мнѣ прекрасную акватинту, изображающую смерть Людовика XVI, а я сегодня за это изобразилъ его собственную персону, и довольно удачно. Вечеръ провелъ у милѣйшаго юноши—виртуоза-віолончелиста, Веселовскаго, и возвратясь домой, нашелъ у себя на столѣ письмо Сергѣя Тимофеевича Аксакова. Самое любезное, самое сердечное письмо! Въ заключеніе любезностей, онъ пишетъ, что *Матрозъ* мой наконецъ пошелъ въ ходъ. Онъ передалъ его Каткову, редактору *Русскаго Вѣстника*. Въ ожиданіи будущихъ благъ, принимаюсь переписывать вторую часть *Матроза*.

14 января.

Сегодня случайно зашелъ я къ П—вой; рѣчь зашла о концѣ ея театральнаго года, о возобновленіи контракта; ей, бѣдняжкѣ, ужасно не хочется оставаться въ Нижнемъ, а не знаетъ, куда́

дѣвать себя. Въ Казань ей и хотѣлось бы, но она боится тамъ какой-то П—вой, — не соперницы, но ужасной интригантки. Въ такомъ ея горѣ, я предложилъ ей посильныя услуги. Я напишу письмо директору Харьковскаго театра и буду просить М. С. Щепкина о ея заступничествѣ. Какъ бы это хорошо было, если бы удалось ей переселиться въ Харьковъ.

15 января.

Не откладывая въ дальній мѣшокъ, сегодня же я написалъ и директору Харьковскаго театра и моему великому другу. Каковъ-то будетъ результатъ изъ моихъ нехитрыхъ затѣй.

16 января.

Только-что хотѣлъ заключить письмо моему великому другу, да вспомнилъ, что сегодня не почтовый день. Оставилъ посланіе и принялся за *Матроза*. Несносно-скучная работа! Литераторамъ должны платить не за писаніе, а за переписываніе собственныхъ произведеній.

Вечеромъ возвратился изъ театра и нашелъ у себя письмо моего геніальнаго друга. И хорошо, что я своего письма не кончилъ. Между прочимъ, онъ пишетъ мнѣ, что рисунки мои онъ уже пустилъ въ ходъ. Спасибо ему, неутомимому.

17 января.

Окончилъ неоконченное письмо, отправилъ на почту и принялся за *Матроза*. Несносная работа! когда я ее кончу?

18 января.

Къ немалому моему удивленію, сегодня встрѣтилъ я у Брылкина давнишняго и нелицемѣрнаго своего поклонника, В. Н. Погожева. Онъ здѣсь по дѣламъ службы и завтра ѣдетъ въ Москву.

19 января.

Сегодня повторилась моя любимица въ роли *Тетяны*. Очаровательно, какъ и въ первый разъ. Но Климовскій, въ роли *Чуп-*

руна, и по выговору, и по мимикѣ — вандалъ: лапти плёлъ, варваръ, и только мѣшалъ моей милой Тетясі.

20 января.

Проводилъ въ Петербургъ доктора Кутерема, Кебера, Шрейдерса, Фрейлиха и Н. А. Брылкина въ Казань, на компанейскій заводъ близъ Казани. Сегодня у меня день проводъ.

21 января.

Бенефисъ милочки П—вой; полонъ театръ зрителей и очаровательная бенефиціантка — прекрасная тема для газетной статейки. Не попробовать ли? Попробуемъ на-удалую.

22 января.

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Вятку на службу, посѣтилъ меня сегодня Яковъ Лазаревскій. Онъ недавно изъ Малороссіи; разсказалъ о многихъ свѣжихъ гадостяхъ въ моемъ родномъ краю, въ томъ числѣ и о грустномъ Екатеринославскомъ событіи 1856 г., и про своего сосѣда и родственника. Этотъ филантропъ-помѣщикъ такъ оголилъ крестьянъ, что они сложили про него пѣсню...

Наивное, невинное мщеніе!

Дочь второго полка — глупѣйшее произведеніе Доницети. Либрето тоже нелѣпо и неестественно. — —

Старуха Шмитгофъ, въ роли Маріи, безобразна, а мой любимецъ Владиміровъ, въ роли старика, дворецкаго маркиза, былъ тоже безобразенъ.

24 января.

Получилъ письмо отъ Кулиша и отъ М. Лазаревскаго.

25 января.

Получилъ письмо отъ К — рова съ выговоромъ за молчаніе. Я дѣйствительно виноватъ передъ нимъ на сей разъ. Но что пи-

сать? о чемъ писать? Что я здѣсь скучаю — и ничего не дѣлаю? И не могу наконецъ ничего дѣлать? Лучше молчать, нежели переливать изъ пустого въ порожнее.

26 января.

Встрѣтилъ масляницу катаньемъ за городъ. Я предложилъ это удовольствіе милѣйшей П — вой съ семействомъ. Она согласилась, и мы поѣхали въ село Боръ, напилися чаю въ какомъ-то кабакѣ, а на обратномъ пути она все пѣла извѣстную свадебную, или святошную, пѣсню:

Меня миленькой онъ журилъ-бранилъ,
Онъ журилъ-бранилъ, добромъ говорилъ,
Ай люли люли выговаривалъ!
Не ходи, дѣвка, молода замужъ,
Наберись, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума да сундукъ добра,
Да сундукъ добра, коробокъ холста.

Жидовское начало въ русскомъ человѣкѣ. — Онъ безъ приданаго не можетъ даже полюбить.

27 января.

Въ церкви Покрова отпѣли тѣло Д. А. Улыбышева — знаменитаго критика и біографа Бетговена и Моцарта.

28 января.

Николай Петровичъ Болтинъ, губернскій дворянскій предводитель, изъявилъ желаніе познакомиться со мною. Я удовлетворилъ его любезному желанію и не раскаиваюсь. Онъ человѣкъ здраво и благородно мыслящій, горячо ссчувствующій вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ, и усердно хлопочетъ о составѣ комитета, который долженъ порѣшить это дѣло въ Нижегородской губерніи.

29 января.

Оляповатый бенефисъ г-жи Васильевой и сплетни.

30 января.

(Иною рукою): Любимая и многоуважаемая К—а Б—вна! Я самъ принесъ вамъ книги и принесъ ихъ съ тѣмъ, чтобы вы ихъ прочитали. Но вы не прочитавши ихъ прислали мнѣ назадъ. Какъ объяснить мнѣ вашъ поступокъ? Онъ ставитъ меня рѣшительно втупикъ, особенно если принять въ соображеніе нашъ сегодняшній разговоръ. Ужъ не отвѣтъ ли это на мое предложеніе? Если это такъ, то я прошу васъ высказать мнѣ его яснѣе. Дѣло слишкомъ для меня важно. Я васъ люблю и говорю это вамъ прямо, безъ всякихъ возгласовъ и восторговъ. Вы слишкомъ умны для того, чтобы требовать отъ меня пылкихъ изъясненій въ любви; я слишкомъ люблю и уважаю васъ, чтобы употреблять въ дѣло пошлости, такъ принятыя въ свѣтѣ. Сдѣлаться вашимъ мужемъ — для меня величайшее счастіе, и отказаться отъ этой мысли будетъ трудно. Но если судьба рѣшила иначе, если я имѣлъ несчастіе не понравиться вамъ и если возвращенныя мнѣ вами книги выражаютъ отказъ, то нѣчего дѣлать: я долженъ покориться обстоятельствамъ. Но, во всякомъ случаѣ, ни чувства мои, ни уваженіе къ вамъ не измѣнятся, а если вы не можете, или не хотите, быть моей женою, то позвольте мнѣ оставить себѣ хоть одно утѣшеніе — остаться вашимъ другомъ, и постоянною преданностью и почтительностью заслужить ваше доброе расположеніе и уваженіе.

Въ ожиданіи отвѣта, который долженъ рѣшить мою участь, остаюсь преданный вамъ и глубоко любящій *Тарасъ Шевченко*.

31 января.

Я совершенно не гожусь для роли любовника. Она, вѣроятно, приняла меня за помѣшаннаго или, просто, за пьянаго и, вдобавокъ, за мерзавца... Какъ растолковать ей, что я ни то, ни другое, ни третье, и что я не пошлый театральный любовникъ, а искренній, глубокосердечный ея другъ? Самъ я ей этого не умѣю разсказать. Обращуся къ моему другу М. А. Д — вой. Если и она не вразумитъ ее, — тогда я самый смѣшной и несчастный женихъ...

1 февраля.

Получилъ письмо отъ М. С. Щепкина съ 200 рублей и самой сердечной готовностію переселить мою прекрасную П—ву въ Харьковъ. Онъ желаетъ знать ея условія, а она не желаетъ свиданія со мной. Но такъ-какъ это свиданіе — не любовное, а дѣловое, то оно и необходимо. Дѣлать нѣчего: принимаюсь опять за посланіе...

2 февраля.

Дѣло мое не такъ плохо, какъ я думалъ. Она приняла мое внезапное предложеніе за театральную сцену. Настоящая актриса! она во всемъ видитъ свое любимое искуство, — даже во мнѣ она открыла сценическаго артиста, тогда какъ я менѣе всего былъ похожъ на актера. Я дѣйствительно тогда былъ похожъ на помѣшаннаго или, скорѣе, на пьянаго, а она, бѣдняжка, приняла меня за лицедѣя. Но — перемелется — мука будетъ.

Все это объяснилъ мнѣ ея отецъ, который явился на мое приглашеніе по-поводу письма Михаила Семеновича. Старикъ не высказалъ прямо своего мнѣнія насчетъ моего сватовства, но согласился со мною, что ей необходимо чтеніе, и взялъ у меня *Губернскіе Очерки* и нѣсколько ливрезоновъ *Гогарта*. Добрый знакъ!

Въ заключеніе спектаклей, дана была драма *Парижскіе Нищіе*. Роль Антуанеты исполнила она, и исполнила лучше нежели въ первый разъ; но я не аплодировалъ; а почему — и самъ не знаю. Мнѣ казалась она выше всякихъ аплодисментовъ. Но я этого никому не сказалъ.

3 февраля.

Н—а П—а — именинница. Вчера я увѣдомилъ П—ву объ этомъ, съ намѣреніемъ увидѣться и поговорить съ нею, но политика мнѣ не далась. Возлюбленная моя явилась, поздравила именинницу и черезъ полчаса уѣхала, я успѣлъ, и то уже въ передней, пожать и поцаловать ей руку, и не проговорилъ ни

слова. Лукавое созданіе! Теперь я тебѣ не западню, а капканъ поставлю. Посмотримъ, кто́ кого перехитритъ?

Тутъ же, при ней, прочиталъ я вслухъ уже напечатанную статейку собственнаго издѣлія о ея бенефисѣ. Быть-можетъ, ей не понравилось мое нельстивое рукодѣлье, и она поторопилась уѣхать... Да не бросить ли мнѣ эту сердечную затѣю?.. Не плюй въ колодезь — прійдется воду пить.

4 февраля.

Лучше хоть что́-нибудь, нежели ничего. Другой день нѣтъ спектаклей, бѣдныхъ нижегородскихъ спектаклей! И будто чего-то необходимаго недостаетъ.

5 февраля.

Я видѣлъ ее во снѣ. Къ добру ли это? Будто бы она слѣпая, нищая, но такая молодая и хорошенькая! Стоитъ у какой-то ограды, или забора, и протягиваетъ руку Христа-ради. Я хотѣлъ подойти съ какою-то мелкою монетою, но она внезапно исчезла Это продолженіе роли Антуанеты, — ничего больше.

Вечеромъ былъ у Татаринова. Бѣловъ и Татариновъ играли въ четыре руки увертюру изъ *Вильгельма-Теля* и изъ *Фрейшица*, а потомъ нѣкоторые вещи духовнаго содержанія, Гайдена. Божественный Гайденъ! Божественная музыка!

Послѣ музыки зашла рѣчь о театрѣ и о талантѣ моей возлюбленной П—вой. Сначала слушалъ я съ удовольствіемъ расточаемыя ей похвалы, но потомъ та́къ мнѣ грустно стало, что я хотѣлъ уйти. Что́ бы это значило? Не ревность ли? Глупо, нелѣпо ревновать актрису къ зрителямъ. Ея истинный любовникъ должна быть публика, а мужъ — другъ.

Въ заключеніе вечера, хозяинъ прочиталъ намъ пѣсню Беранже, переведенную Ленскимъ подъ названіемъ *Старый Холостякъ*. Мнѣ она очень понравилась, потому можетъ-быть, что я, если не *одружуся* съ моей возлюбленной артисткой, долженъ буду вступить въ эту непочтенную категорію.

6 февраля.

М. А. Д—ва сегодня репетировала предстоящій актъ выпускнымъ своимъ юнымъ питомицамъ. Юныя питомицы, въ зеленыхъ платьицахъ и бѣлыхъ перелинкахъ, чинно сидѣли на скамейкахъ, въ родѣ театральныхъ зрителей, и благоговѣйно внимали, какъ ихъ досужія подруги исполняли на фортепьяно руколомныя пьесы. Между-прочимъ была исполнена, на двухъ инструментахъ, весьма недурно, увертюра изъ *Вильгельма-Теля*. Потомъ прочитаны стихи пофранцузски, понѣмецки и, въ заключеніе, дѣвица Бѣляева прочитала собственные стихи, на тему — благодарность за воспитаніе: для ея возраста — стихи хороши, за что́ я ей обѣщался подарить сочиненія И. Козлова, если найду въ Нижнемъ. Въ-заключеніе, пропѣтъ былъ хоромъ такъ-называемый народный гимнъ, и репетиція тѣмъ кончилась.

Все это обыкновенно-дурно, но вотъ-что́ бросаетъ въ глаза: въ залахъ института, кромѣ скамеекъ и грязнаго лубочнаго изображенія, ни одной картины, ни одной гравюры. Чисто, гладко, какъ въ любомъ манежѣ. Гдѣ же эстетическое воспитаніе женщины? а оно для нея, какъ освѣжающій дыханіе воздухъ, необходимо.

Послѣ этой театральной репетиціи, зашелъ къ М. А. и встрѣтилъ у нея стараго моего знакомаго, нѣкоего г. Шумахера; онъ недавно возвратился изъ-заграницы. Я въ первый разъ сегодня увидѣлъ *газету* и съ благоговѣніемъ облобызалъ.

7 февраля.

Сегодня получилъ письмо, да еще страховое, отъ директора Харьковскаго театра: онъ весьма любезно проситъ меня сообщить ему условія П—вой и её-самоё поторопить пріѣздомъ. Сердечно радъ, что мнѣ удалося это дѣло. Вечеромъ пошелъ я обрадовать ее этимъ любезнымъ письмомъ, и поговорить окончательно объ условіяхъ и о времени выѣзда въ Харьковъ. Ея самой не засталъ дома, а мамаша такъ меня приняла, что я едва когда-нибудь рѣшуся переступить порогъ моей милой *протеже*. Необходимо прибѣгнуть къ письменнымъ объясненіямъ.

8 февраля.

Она прислала за мной, чтобы объясниться по-поводу Харьковскаго предложенія. Я, разумѣется, охотно согласился на это дѣловое свиданіе, имѣя въ-виду и любовное. Но увы! мамаша и одного шагу не ступила изъ комнаты, и я долженъ былъ ретироваться съ одними порученіями. Она предпочитаетъ съ отцомъ ѣхать въ Харьковъ. Это стѣснитъ ея денежныя средства, потому что отецъ долженъ оставить контору, отъ которой онъ получаетъ 30 руб. въ мѣсяцъ.

9 февраля.

Послѣ безпутно-проведенной ночи я почувствовалъ стремленіе къ стихословію, попробовалъ—и безъ малѣйшаго усилія написалъ эту вещь. Не слѣдствіе ли это раздраженія нервъ?

I.

ДОЛЯ.

Ти не лукавила зо мною,
Ти другомъ, братомъ и сестрою
Сіромі стала. Ти взяла
Мене, маленького, за руку
И въ школу хлопця одвела
До пьяного дяка въ науку.
— Учися, серденько: колись
Зъ насъ будуть люде,—ти сказала.
А я й послухавъ, и учивсь,
И вивчився. А ти — збрехала...
Які зъ насъ люде?... Та дарма!
Ми не лукавили съ тобою,
Ми просто йшли: у насъ нема
Зерна неправди за собою.
Ходімо жъ, доленько моя,
Мій друже щирий, нелукавий!
Ходімо дальше: дальше слава, —
А слава — заповідь моя.

II.

МУЗА.

И ти, пречистая, святая,
Ти, сестро Феба молодая!
Мене ти въ пелену взяла
И геть у поле однесла,
И на могилі, середъ поля,
Якъ тую волю на роздоллі,
Туманомъ сивимъ сповила,—
И колихала, и співала,
И чари діяла.... И я....
О, чарівниченько моя!
Мені ти всюди помагала,
И всюди, зоренько моя,
Ти не марніла, ти сіяла....

Въ степу безлюднімъ, въ чужині,
Въ далекій неволі,
Ти въ кайданахъ пищалася
Якъ квіточка въ полі;
Изъ казарми смердячої
Чистою, святою
Вилітала, якъ пташечка,
И понадо мною
Полинула — заспівала,
Моя сизокрила,—
Мовъ живущою водою
Душу окропила...

И я живу — и надо мною
Своею Божою красою
Витаешъ ти, мій херувимъ,
Золотокрилий серафимъ,
Моя порадонько святая,
Моя ти доле молодая!
Не покидай мене въ-ночі,
И въ-день, и въ-вечері, и рано —
Витай зо мною.... и учи, —
Учи неложними устами —
Хвалити правду! — поможи
Молитву діяти до краю.
А якъ умру, моя святая,
Моя ти мати! — положи
Свого ти сина въ домовину,
И хоть единую слезину
Въ очахъ безсмертнихъ покажи.

III.

СЛАВА.

А ти задріпанко, шинкарко,
Перекупко пьяна!
Де ти въ-ката забарилась
Зъ своіми лучами?
У Версалі надъ злодіемъ
На́боръ роспустила?
Чи съ кимъ иншимъ мизкаесся
Зъ нудьги та зъ похмілля?
Горнись-лишень коло мене
Та ви́тнемо зъ лиха́!
Гарнесенько обіймемось,
Та любо та тихо
Пожартуемъ — чмокнемося,
Та й поберемося,
Моя крале малёвана ...
Бо я таки й досі
Коло тебе мизкаюся:
Ти хоча й пишалась — — —
Та мені про те байдуже...
Мені, моя доле,
Хочъ на се́бе надивитись
Дай, и пригорнутись
Підъ криломъ твоімъ — и любо
Зъ дороги заснути.

Т. Шевченко.

МОСКАЛЕВА ПРАВДА.

Не здивýйтесь, читáючи москалéві рéчі. »Москáль, скáжете, брéше: дé вже ёмý, пройдúсвіту, прáвду говорúти?« Нігде прáвди діти: умію й я чáсомъ підвезтú такóго москаля́, що й не второ́паешъ, відкíль берéтця премýдрость—розýмнихъ дурúти; та се, бáчете, світовé діло: безъ ёго, якъ безъ хлíба, дóвго не проживéшъ, та ще дé—въ москаля́хъ!...

Якъ узялú менé въ москалі, мавъ я гóлосъ гáрний; тільки, нá лихо, грудúна булá не міцнá: поспівáешъ трóхи—и заболúть. А тутъ пронюхали, що въ мéне е гóлосъ, и причепúлись: »въ півцí, кáжуть, до насъ иди«. Щó мáешъ робúти? Чи то дóвго імъ изнівичить людúну? Постій же, дýмаю, дай прикúнусь, що зовсімъ не мáю гóлоса. Та дóбре й зробúвъ:—якъ заспівáвъ передъ рóтнимъ, такъ той мáло що не побúвъ менé.—Змúлуйтесь, кажý: воні сúлою привелú менé, я, бáчете, безголóсий. — »Брéшешъ, хахóлъ! я слихáлъ, какъ ти співáлъ адúнъ собі.«—Ій Бóгу, вáше благорóдіе, не я, то дрýгий; веліть ёгó поклúкати, — та й указавъ ёмý на однóго кацáпа, що зрóду, мáбуть, не співáвъ: вінъ, кажý, такúй голосний. Притяглú ёгó:—якъ утя́въ вінъ імъ—дáлебі такъ гóлосно, трóхи благорóдія не оглушúвъ. Я стою́ ні живúй, ні мéртвий: щó, дýмаю, якъ поймýть мою́ штýку? Якось извезлó мині—хвалúти Бóга, одчипúлись; та воно́ по прáвді казáти, імъ и не трéба бъ лýччого півця́, якъ той. »Пашлú вонъ, сказáвъ рóтний; пóтімъ обернýвся, та й кáже: »схадú-ка, хахóлъ, пускáй тебя́ попрóбують въ музикáнти.« Отъ тобі й новé лúхо!—пішóвъ. Прийшовъ до глáвного, та й кажý: ротний, кажý, казáвъ, щобъ ви попрóбували менé. Взялú менé прóбовати, та ні-

чо́го не вдіяли. Було́, даду́ть мині трубу́, и заставля́ють ду́ти въ не́і; »та кріпче, гово́рять, нату́живайся!« Отъ було́ таки́ нату́жися; о́чі съ те́бе ро́гомъ лізуть, по́вну трубу́ наплюе́шъ відъ нату́ги, а все не дму́хнешъ якъ слідъ. Чого́ вже не роби́ли! — Одкара́скайтесь, прошу́ іхъ: ба́чете—не вмію». Бре́шешъ, соба́ко, у себя на улиці, ужъ вістимо, въ ду́дочку и́гривалъ«. То въ ду́дочку, кажу́, а се въ трубу́, які́ бо ви! Та й одчипи́лись. »Прокля́тий хахли́на, ка́жуть, тільки наплюва́въ въ ца́рскую трубу́«. А почімъ я знавъ, що вона́ ца́рська? Отта́къ було́ то збре́шешъ, то прики́несся та відъі́дешъ одъ москаля́ и себе́ нада́льше побереже́шъ.

Отдали́ мене́ денщико́мъ яко́мусь офице́ру. Вінъ до́брий бувъ, та куме́дний тро́хи: було́ де́ не стоімо́ — чи въ го́роді, чи въ селі, вінъ прото́пче собі доро́гу до дівча́токъ; па́ньскіхъ нема́, то й до попіве́нъ. Коли́бъ то тамъ собі зъ ни́ми жартува́въ, а то й на кватеру приіде (ма́буть изъ мужикі́въ), и хва́литця мині: »каби́ ти зналъ, ка́же, какъ меня дѣвушка полюбила!« — Звісно, ва́ше благоро́діе: ва́ше па́ньскее ді́ло, щобъ васъ люби́ли. — »Нѣтъ, Ѳедорушка, гово́рить: ти ужъ, пожалуста, развідай, какъ, молъ, она сильно меня любить?« Щобъ отчепи́тись — було́ и почне́шъ розві́дувати. Та й розві́давъ я, що попівна плюва́ти на ёго хо́че. Якъ ёму́ таке́ у ві́чі сказа́ти? Тре́ба було́ збреха́ти. Верну́вся я, та такъ и тёпнувъ:—Гнівайтесь, кажу́, не гнівайтесь, ва́ше благоро́діе. — »А што тамъ такое?« спита́въ мене́, наче́ тро́хи зляка́вшись. — Поміра́е, кажу́, за ва́ми. Се мині каза́ла найбли́жча до не́і дівчина: ба́ришня, ка́же, ка́жуть, що вони́ да́лебі умру́ть, якъ не поба́чять ва́шого па́на. — »Ну, ти вдружи́въ, Ѳедорушка; вѣкъ не забуду тебя. Випей-ка стаканъ водки.« А самъ мерщій за шинелю, и бувъ таки́й. »Пойду, гово́рить, немного освѣжиться«. — Де тобі, ду́маю, освіжи́тись! у ха́ті така́ холоди́на. Зра́зу дога́дався, що до попівни шморгну́въ. Схаменувся я, та пізно. Нега́рно зроби́въ, що збреха́въ. »Що́, кажу́ собі, якъ між ни́ми нела́дне що́ ви́йде? усю́ напа́сть на ме́не зве́рне«. Якъ ли́ха дожида́вся ёго́ на кватеру, коли́ се — такъ, не ду́же бари́вся — и верну́вся.

— Праклятий хахо́лъ, абманулъ меня!

— Що́ тамъ таке́, ва́ше благоро́діе?—А самъ пригаду́ю, я́къ би ви́крутитись.

— Самъ знаешъ! Какъ вѣдьма приняла меня!

— Се ще, кажу́, не бі́да: дівча́та съ почи́нку все такі.

— Врешъ, каналія! чай, проболтался ти передъ ней?

— Яке́ вамъ пробо́втався! Ось слу́хайте, будъ-ла́скові. Ви, мо́же, у се́бе на своій стороні прививкли зра́зу усе́ ді́ло кінча́ти, а въ насъ зовсімъ не такъ (се діялось вже въ Украіні). Вона́ ще, ба́чете, вигля́дуе, які ви въ нра́ві: то, мо́же, наро́шне тро́хи и подратува́ла.

— Какъ сміетъ она? Въ щастіе должна вмінити, что благородний человікъ....

— Постійте, ва́ше благоро́дие, даре́мне не се́рдітця на не́і: мо́же й неви́нна вона́. За не́ю, о́крімъ то́го, усі підгля́дують одъ ба́тька до послідне́го наймитчука́. А зна́ете, пано́тець таки́й благочести́вий; він не гара́здъ долю́блюе, якъ за ёго́ дочко́ю хо́дить чужи́й чоловікъ. Отъ якби́ ви такъ, приміромъ, изъ попо́вичівъ були́!

— Къ чертямъ всѣхъ поповичей! Што теперъ буду ділать?

— Послу́хайте мене́ ду́рня, та поте́рпіть тро́хи; переме́летця, мо́же що й пу́тнее ви́йде.

— Это ваша хахлацкая порода терпить все, а нашому брату не въ натурѣ вижидать.

— Якъ хо́чете, кажу́, ва́ше благоро́дие; а після́ — да́лебі зга́даете мене́.

Утихоми́рився офицеръ, и мині поле́гшало; а тутъ ще прийшло́ повеліние виступа́ти изъ того́ місьця. Ви́ступили ми; ба́чу я, що мій панъ невесе́лий, та й кажу́ ёму́:

— Звиня́йте міні, що ма́ю вамъ сказа́ти. Съ попівна́ми, кажу́, нічого и вяза́тись, а найбільше — у кото́роі пано́тець живи́й. Я дозна́вся, що пано́тець ду́же зло́бствувавъ на васъ — жа́луватись хотівъ, що ви собла́знъ для люде́й.

— Убірайся ти зъ нимъ, а мнѣ жалко дѣвушки, крѣпко жалко. Съ неё могла вийти настоящая дѣвушка.

— Що́жъ ма́ете робити, коли́ доста́лась тако́му отцю́!

— Правду говоришъ, Ѳедорушка, святую правду. Вотъ этакъ, если бъ ее намъ съ тобою въ руки (та й засміявся), ви́шла бъ дѣвушка, денегъ не пожалівъ би. Правда вѣдь, Ѳедорушка?...

— Чому́ й непра́вда, коли́ ви зво́лите говори́ти; а я васъ зда́вна зна́ю, що ви усе́ тільки до́бре діете лю́дямъ.

И якби́ ви зна́ли, якъ він полю́би́въ мене́ съ того́ ча́су, якъ

я розвівъ ёго́ съ попівною? »На тебя, ка́же, Ѳедорушка, можно положиться; хоть сплошаешъ часомъ, та пособишъ«.

На ви́зді я прочу́въ, що попівна таки́ гарне́нько спрова́дила ёго́—на си́лу второпавъ, де две́рі одчиня́ютця. Такъ ёму́ й слідъ: нехай не лізе туди́, де ёго́ не про́сять. Вінъ и до́брий бувъ, та що́жъ, коли́ уда́вся яки́йсь ненаси́тний: усе́ примівъ би — изъ дівча́тами гра́вся,—звісно не аби-якъ, — по ахвице́рськи, и не зъ аби́-якими, а съ па́ньскими,—въ вели́кій бідѣ — зъ попівськими »Па́ньскі, ба́чете, ка́же, лу́чче вміють обойти́тися.« На́шіхъ про́стихъ дівча́тъ — Богъ ми́лувавъ — не люби́въ чіпа́ти. »Необте́са, гово́рить: на́до-ть би сперва поучить ее, штобъ била́ прили́чная для насъ«.

Отаки́й я бреху́нъ! брехне́ю рятува́въ себе́, вели́кого зла не дія́въ, за те въ Петенбурсі бувъ, підъ Москвою стоя́въ и наза́дъ верну́вся. А брехне́ю,—ка́жуть лю́де, — уве́сь світъ пройде́шъ, та наза́дъ не ве́рнесся.... Ча́сомъ тре́ба збреха́ти.

Отъ, хоть би тепе́ръ — чого́ кра́ще? Изъ москалівъ верну́вся, між своі́ми, якъ у Бо́га за дверима́, живу́; а вже по́вну то́рбу імъ набреха́въ. Не вспівъ у село́ ввійти́, а мене́ вже обступи́ли и про́сять: »роскажіть намъ, моска́лику, що́ ви тамъ ба́чили у Московщи́ні.« — Якъ-то, кажу́, не росказа́ти; постійте—тільки пригадаю.—И почне́шъ імъ точи́ти такеє, чого́ зовсімъ не пово́дилось на світі. И слу́хають, імъ на здоро́вья, на́че бъ що́ до́бре роска́зувавъ; за животи́ беру́тця та регочуть, а ти сиди́шъ собі на почо́тному місьці, панъ на всю гу́бу. И самъ помолодіешъ, ди́влячись на іхъ—такі весе́лі, и радіешъ, що іхъ звеселивъ. Найбільше було́ дітвора́ охо́тлива слу́хати мене́, и дівча́та не спуска́ли імъ. Аби́бъ поба́чили, що ви́лізъ моска́ль изъ ха́ти, за́разъ до ёго: роскажіть, лишъ, дя́дечку-моска́лечку, які́ дива́ ви ба́чили. И коло́дку тобі прико́тять: тільки, мовъ, сідай та росказуй. Отъ и почне́шъ.

— Чува́ли ви коли́ про ра́ка морського́? Мо́же й чува́ли, да не іли, а я івъ — одна́ кле́шня съ півпу́да.

— Бага́цько жъ ви ёго́ оду́жали?

— Цілу кле́шню упоравъ.

— Якъ-то? Такъ півпу́да, дя́дьку, ззіли?

— Дурні ви, ба́чу я: — тамъ ги́рі не такі, якъ у насъ: зъ на́шого півпу́да бу́де де́сять моско́вськіхъ пу́дівъ, ко́ли не більше.

— Такий же то ракъ! тільки слава, що морський.

А тутъ инший хлопець:

— А були ви въ Соломахівці?

Такъ и бачишъ, що спитавъ тебе якийсь вишколений: значить, бувъ вінъ у дяка въ науці и трохи роскусивъ, якъ нашъ братъ, москаль, иноді збреше.

— Бувати, кажу, недоводилось, а проходивъ мимо Соломахівки.

— Батько мині казали, що то городъ більше відъ Киіва и церковъ більше.

— Церковъ-то, може, й більше, та онъ яке лихо-дзвонівъ не має.

— Отожъ справді? якъ же люде дзвонятъ тамъ?

— А у вершу бьють макогономъ — тимъ и скликають до церкви.

— То жъ малимъ хлопцямъ, а вамъ я правду казатиму, бо и въ москаля е правда. Лихо ёму зъ тією правдою!

Три брати насъ було у батька. Старшого я зовсімъ не знаю; малимъ ёго панъ узявъ до себе въ козачки. Козакувавъ бідолаха, тільки недовго: десь въ Московщині Богу душу оддавъ. Меншого я на рукахъ носивъ, тішився зъ нимъ, та недовелось співати на ёго весіллі, скоро мене въ москалі взяли. Съ того часу на віки ми зъ нимъ простились. Одружився вінъ безталанний, мавъ трохъ дітокъ—усе дочки, та неділявъ виростити ні однієї дочки. Одинъ я остався, прослуживъ вірою и правдою, та й вернувсь на Вкраіну. Хотівъ бувъ остатись де-небудь віку доживати при начальстві, та братова якось згадала про мене. »Приізжай до насъ — написала вона:—якъ-небудь будемъ жити, та все покійніше, ніжъ у тій Московщині.«

Недовго я думавъ: торбинку на плечи, ціпокъ у руки, та й поплентався до рідного села. Веселее село! Багацько на своімъ віку истоптавъ я землі, багацько сілъ и городівъ бачивъ:—що не кажіть—моє село краще: на те воно рідне, на те я тамъ родився. Стоіть воно біля самого Дніпра у затишку; весною хиба задумае

Дніпро́ пошаліти, розіллє геть дале́ко, підто́пить се́ла; за те, дя́кувати ёму́—одпу́стить, и пішла́ трава́ рости́, яка́ трава́! Здае́тця, усю́ ко́нницю моско́вьську нагодува́въ би́ — и то бъ не позна́чилось. По той бікъ Дніпра́ видніе Ка́невъ. Ви́йду я съ ха́ти; погля́ну на старо́го реву́чого, подивлю́сь на Ка́нівъ, а тамъ на Черне́чу го́ру.. . Оттутъ, до́брі лю́де, неда́вно похова́ли вели́кого чоловіка́, отту́тъ полігъ той, що ма́ло одпочива́въ на своімъ віку́. Згада́ешъ свое́ ли́хо... яке́ воно́ мале́ одъ то́го, що прете́рпівъ пра́ведний Кобза́рь?...

Зрадівъ я, якъ поба́чивъ рідне село́, а після́ тро́хи таки́ засмути́вся: — я́къ то ще мене́, москаля́, при́ймуть лю́де? Коли́ се постріча́лись мині, изъ на́шого села́, все хло́пці молодіі, безъ ме́не народи́лись; подиви́лись на ме́не, звичайне́нько уклони́лись: »здоро́ві були́, ка́жуть, служи́вий.« Зра́зу пізна́въ би своіхъ земляківъ, хоть би зустрівъ на чужи́ні. И вдовшъ и впо́перекъ пройшовъ я каца́пьску зе́млю, та не ба́чивъ тако́го привіту, якъ на Вкраіні. Одъ мало́го до вели́кого усі звича́йні.

— Куди́ се ви, хло́пці, пита́ю, йдете́?

— На па́нщину, одвіча́ють.

— Чи не зна́ете, скажіть, бу́дте ла́скові, де тутъ живе́ Тетя́на Тертициха.

— Чомъ не зна́ти? Идіть пря́мо; якъ дійдете до ши́нку, возьміть у пра́вий бікъ — послідня ха́та бу́де Тертицівнина.

— Ні, ви лу́чче — обізва́вся оди́нъ, — поверніть на горо́дъ: бли́жче бу́де.

— Спаси́бі вамъ, хло́пці: піду́ я вже пря́мо, щобъ и соба́къ дере́мне не дратува́ти.

Такъ, ма́буть, къ ра́німъ обідамъ прийшо́въ я до брато́воі. Підхо́жу до сіне́й, стоіть яки́йсь чоловікъ.

— Оце́, кажу́, Тертициха живе́?

— Оце́ са́ме; идіть.

— А тижъ, пита́ю, чого́ тутъ стоішъ?

— Я чергови́й, одъ вправи́теля при́сланий.

»На́ щобъ то вінъ тутъ зда́вся?« ду́маю, та непосмівъ запита́ти.

Вхо́жу у ха́ту... я́кось усе́ перемінилось. Де ла́вка стоя́ла, тамъ яки́йсь стіле́ць, гора́здъ па́нський; міжъ посу́дою, диви́сся, стрими́ть ча́йникъ, та ще не аби́який; по ха́ті бігае цуциня́ въ мо-

ту́зочці, спра́вді такéе, якъ ба́чивъ я въ Петенбу́рсі, що барині во́зятця зъ нимъ замість дити́ни. Ще, прокля́те, напа́ло на ме́не, гара́здъ и га́вкати невміе; хотівъ уже́ ёго́ по-моско́вськи вгости́ти, та що́, ду́маю, неха́й дурне́ кричи́ть. У ха́ті ні душі; одна́ яка́сь ба́ба стара́-престаре́на! Огле́дівъ я ii — одіта у па́ньске пла́тте. Що́ за ли́хо такéе? невже я попа́въ не туди́? Зно́ву пита́ю:

— Ту́тички Тетя́на живе́?

— Здіся; а тобі, служи́вий, на що́?

Зра́зу я почу́въ, що відъ не́і па́ньскимъ ду́хомъ понесло́...

— Мині, кажу́, тре́ба ii поба́чити.

— Такъ сади́ся, коли́ тобі кріпко ну́жно, — повремени́.

Сівъ я, та не сиділось. Чого́ вже я не переду́мавъ, щобъ второ́пати, чого́ се у брато́вої така́ переміна усю́де; а ба́би нехотілось пита́ти: ба́чу, чогось зла́, — ще вила́е.

Уже́ й пізні обіди начали́сь, вже півні переспіва́ли, а Тетя́ни не ма́е. У животі давно́ вже почало́ співа́ти; вра́жа ба́ба хоть би́ тобі натякну́ла: »чи не хо́чешъ, мовъ, слу́жба, шмато́къ хліба ззісти?« недога́длива су́ча. Зовсімъ мавъ съ пересе́рдя сказа́ти, що я ро́дичъ Тетя́нинъ: та що́ якъ не повірить? Аже́жъ місця тоді не на́йдешъ ніде́; и такъ бли́кае на ме́не очи́ма — цуръ ій! А тутъ, тобі на́ лихо, похожа́е ба́ба, та все пля́мкае потихе́ньку: щось ла́се, ви́дно, ість; ще гірше істи захотілось. Не втерпівъ таки́й.

— Чи нема́е, кажу, у васъ, бабу́сю, чого́-не́будь, щобъ ду́шу одвести́?

— Чого́ се ти забажа́въ! Хо́чешъ, щобъ я тобі горілки дала́?

— Та ні, — чи нема́ у васъ шматка́ хліба?

— Бага́цько васъ таки́хъ на́йдетця; якъ васъ годува́ти, то й не наста́чишъ; — и такъ поси́дишъ.

И обіди па́ньскіі мину́ли, вже ста́ло смерка́ти, а Тетя́ни не ма́е. Коли́ се щось застукотіло; погля́нувъ у вікóнце,—яка́сь бри́чка не то па́ньска, не то жидівська, пря́мо у двіръ су́не. Не вже тутъ сиди́ть брато́ва?

Спра́вді вона́. Увійшла́ въ ха́ту, вся снігомъ покри́та (се було́ такъ після Різдва́). Де взялась у ба́би и при́ткость: бо́язно погля́нула на ме́не, сюди́—туди́, обтруси́ла снігъ съ Тетя́ни...

Тутъ я приглядівся до Тетя́ни: на ій була́ шубе́йка зъ лиси́чимъ ко́лніромъ, стародавняя, ма́буть, одъ якóі паніі доста́лась. На го-

лові ва́тня па́почка, похо́жа на жидівьский капелю́хъ, — въ папівъ зове́тця капорце́мъ; намісто пла́хти й сподни́ці тежъ па́ньске пла́тте, примірóмъ, якъ у міщано́къ на мі́сті, таке́жъ заяло́зене.

»Справді, ду́маю, — чи не торгу́е вона́ оліею, або́ сіллю?«

Пита́е ба́ба: — А що́ ви, Тетя́нушка, доладу́ поярмаркува́ли?

— Де́ тобі! Тогобіцькихъ ма́ло було́. Яки́й вже тамъ безъ іхъ база́ръ...

Да́лі погля́нула на ме́не: — Це що́ въ насъ за моска́ль?

— Ма́ло въ насъ москалівъ переведе́тця!.. Спита́йте его́ самі.

— Чого́ тобі тре́ба? запита́ла мене́ Тетя́на.

— Я, кажу́, Θе́діръ, братъ Пе́трівъ, — прийшо́въ до васъ віку доживáти.

Вона́ мерщій зъ ха́ти; а ба́ба, якъ почу́ла се, ажъ позеленіла, та такъ прия́зно на ме́не погля́дуе, чи не обідився я, мовъ, відъ ії ла́ски.

»Га́шко, иди́ сюди́! Га́шко, дя́дюшка твій, моска́ль, прийшо́въ!« а сама́ такъ пи́льно мині въ вічі погля́дуе, та дивуетця. »Оце́, ій Бо́гу, зовсімъ мій покійничокъ Петро́; тільки той моло́дший бувъ«.. Підвели́жъ ви мене́ — и сидя́ть собі мо́вчки.« Вхо́дить и Га́шка (по на́шому бъ то Га́пка), га́рна изъ се́бе дівчина та не по-на́ськи оділа. Старовина́ на ій яка́сь була́, мо́же колись и доля́дьня, та, ба́чишъ, все те изнівечено и не пришло́сь на не́і. Підійшла́ вона́ до ме́не... нігде дітись, тре́ба поцілува́ти дя́дька; помо́рщилась, поцілува́ла. Після́ каза́ла мині, що ій не вели́ли цілува́ти москалівъ и въ Вели́кдень: хиба́ вже то рідний бувъ ба́тько. Ще влізло яке́сь мале́. »И се, ка́же Тетя́на, моя́ до́ненька; на Параски́ піде ёму́ пья́тий рікъ.« Га́рно ми зъ нимъ поцілува́лись, — тільки воно́, ма́буть, не злюби́ло москале́вихъ колю́чіхъ усівъ.

— Прощава́йте, (ка́же ба́ба,) Тетя́нушка: — пора́ вже мині до до́му. Ви й самі тепе́ръ упо́раетесь (ще разъ поглянула на ме́не).

— Що́ се у васъ за люди́на була́,—пита́ю я, якъ ви́йшла ба́ба.

— Це, щобъ ви зна́ли, одъ вправи́теля мині приспла́етця. Вона́ мині усе́ попо́рае, догле́дить худо́би, а на нічъ иде́ до до́му; вона́ тутъ недале́чко відъ насъ живе́, — мото́рная бабу́ся.

Посіда́ли вече́ряти; се да те, та й розбала́калисъ, — я́кось веселіше мині ста́ло. Да́лі брато́ва й ка́же:

— Ви, ба́чу я, ду́же розгляда́ете по ха́ті и на насъ пи́ль-

но подивлюетесь. Вамъ дивно, що ми не по-мужицьки живемо; звиняйте, що не оповістили васъ заранше, яка зробилась переміна. Стривайте, якъ повечеряемо, усе роскажу.

— Добре, кажу; а то я справді дивуюсь.

Повечеряли; уложила Тетяна спати маленьку дівчину; старша сіла недалечко коло матері, слухати ії, а може, и на дядька-москаля подивитись.

— Слухайте, Ѳедоре, каже, братова, та тільки не звіть мене Тетянушкою, нехай то при людяхъ, для звичаю, а теперъ ми свої рідні, — ніхто не осудить насъ. Кажіть прямо »Тетяно«: такъ мене и покійничокъ мій звавъ,—легко ему лежати въ землі. Якъ вийдемо коли до кого въ гості, тоді можна вже и по-благородному; ви самі знаете, якъ тамъ що лучче треба и зробити и вимовить, щобъ не засміяли. Я вже, бачете, въ приміръ теперъ собі взяла: коли зробилась панією, то й не треба спускатись. Люде не подивлятця, що я була колись панією якъ не буду берегти себе. »Була колись пані,« скажуть, »а теперъ така сірячка, якъ би й ми«. Отъ-що скажуть!

— Кажіть же скоріше, якъ ви зробились панією?

— Отже ви не такъ обізвались до мене, якъ би я хотіла. Обходьтесь зо мною такъ, ніби я справді була мужичка, приміромъ якъ ваша покійная мати, не въ гнівъ ій кажучи.

— Ні вже, кажу, Тетянушка Ивановна, коли держатись чого, то одного: коли паньського звичаю, то паньского, — нехай буде по паньскі!

— Богъ зъ вами — мині васъ не вчити; кажіть, якъ самі знаете (а сама й рада, що такъ назвавъ).

— Тільки ось що скажу вамъ, не во гнівъ буде. Коли такъ, зовіть мене Тетяною Ивановною, а не Тетянушкою Ивановною: Тетянушка якось не доладу, хочъ покійничокъ и любязно такъ звавъ мене, та то давне: приміра съ того не брати молодимъ.

— Добре. Такъ якъ же ви, Тетяна Ивановна, зробились панією?

— Дивно вийшло діло; що-ранку, що-вечеру молюсь Богу, що вінъ оглянувся на насъ сирітъ. Самъ знаешъ, Петра я поховала три годи тому назадъ — бідность насъ одоліла; оглянулась я кругомъ, — пустиремъ стоить хата, у хаті злидні живуть, — хоть би вільная, а то паньська. Тобі, мій брате, не довелось знати нашого пана: сибірний панъ, а не чоловікъ! Троє дітокъ осталось зо мною—

усе́ до́чки. Ста́рша вже зовсімъ була́ на ви́ростi—пи́шна та хоро́ша. Отъ я и ду́мала роспорядитись віддати ii куди-не́будь въ робітниці, а підста́ршеньку посила́ти на па́ньщину. Де́ тобі—панъ слу́хати не хо́че; не такъ панъ (бо вінъ невхо́дить въ таки́й дрібязокъ), якъ ті підпанки, прикащики́ та вправителі: »нехай, ка́жуть, оби́дві хо́дять на па́ньщину«. Мене́ заста́вили доїти коро́ви па́нськіі. Коли́бъ одна́, щебъ нічо́го; такъ лихо, дити́ну ще тре́ба було́ годува́ти. Рідній дити́ні не ра́да ста́ла, ба́чучи, якъ воно́, мале́е, ги́не. Дарма́ що корівъ доіла,—го́рщечка молока́ було́ невипросишъ; ще надъ то́бою, бачъ, підгле́жуютъ, щобъ не вкра́ла па́нського. А хочъ би́ й вкра́ла? Не вже́жъ рідне дитя́ втопи́ти?.. Ма́ла лю́дямъ его́ віддати, та й лю́де такіжъ сірома́хи, пригні́чені—нікому ввірить. Вільні козаки́, ті й пода́вне не взяли́бъ, вони́ горду́ють передъ на́шими; — и то сказа́ти, яке́е імъ ділo до чужо́го ли́ха, аби́ у се́бе було́ ти́хо? Ста́рші до́чки було́ що-ве́чора верта́ютця зъ па́нщини—іхъ треба нагодува́ти. Отта́къ я цілий рікъ би́лась изъ дітьми. — А вамъ, бра́те, до́бре було́ въ Московщи́ні?

— Хвали́ти Бо́га, Тетя́на Ива́новна, мині хліба не дово́дилось прохати; яки́й бувъ, та бувъ, а все голо́дний не сидівъ. Чомъ же ви до ме́не не присла́ли? мо́же чімъ-не́будь помігъ би вамъ?

— Я такъ и ду́мала; а якъ би у васъ нічимъ було́ помогти́? Вамъ ле́гше бъ стало, почу́вши моє ли́хо? Все гада́лось, мо́же лу́чче бу́де. Отже воно́ такъ и ви́йшло. Прийшло́сь мині виддава́ти ста́ршу дочку́, Уля́ну, за́міжъ; лу́чився га́рний па́рубокъ, тільки—ли́хо его́ — таки́й же го́лий, якъ би й ми, коли́ не кра́ще. Ми, ба́чте, въ бідності жили́, та въ за́тишку, ніхто́ не зачіпа́въ насъ, а его́ не люби́ла че́лядь па́ньская, — ма́буть за те, що вінъ тро́хи змагли́вий бувъ — нігде́ не було́ просвітку. Не йди, кажу́, Уля́но, за его: ли́ха наберете́сь на своімъ віку́. Що́ съ то́го, що ви покоха́лись, якъ нічимъ бу́де жи́ти? одна́ голова́, кажу́, на пле́чахъ не такъ важка́, якъ дві. »Воно́ й пра́вда, ма́мо,« отвітила до́ня: не суди́лось мині бу́ти за нимъ (що́ ма́ю роби́ти!) — нехай бу́де по ва́шому, матусю,« та й оста́лась дівувати .. Недо́вго дівува́ла! Якось одного́ дня звуть мене́ до вправи́теля; зляка́лась, та тре́ба було́ йти: ба́чите, не до то́го вправи́теля, що зъ на́шихъ бувъ и не таку́ си́лу мавъ при па́ньскімъ дворі, а до найглавнішого. Ви его́ зна́ли, Фе́доре?

— Знавъ, до́бре знавъ. Вінъ ще жалівъ, що мене́ оддава́ли

въ некру́ти: »ти бъ, сказа́въ вінъ, бувъ га́рний хло́пець у мої поко́і«.

— Ні, Θе́доре, не той; той давно́ вже вмеръ. Тепе́ръ у насъ нови́й вправи́тель, Німець, вели́кий чинъ ма́е; вінъ и вправля́е и па́ньскіхъ дітей у́чить. Отъ, прийшла́ я до ёго, вклони́лась до самі́хъ нігъ, та бою́сь и піднятись: що́ то, мовъ, мині ска́же? (а бувъ таки́й стро́гий на вдъ.) »Встава́й, гово́рить, же́нщино, ти хотіла відда́ти дочку́ свою́ за́міжъ?«—Хотіла, па́не; а сама́ такъ и трушу́сь; ще причепитця, зачімъ ёго́ не оповісти́ла.—»И до́бре, ка́же, сділала, що не віддала́, пуска́й она́ оста́нетця за мною, приведи́ ії ко мні.« Ні жива́я, ні ме́ртвая ви́йшла я зъ па́ньскіхъ поко́ївъ. Пропа́ла, ду́маю, дочка́! якъ то ще ій сказа́ти? Невспіла я зійти́ зъ га́нокъ, постріча́въ мене́ казначе́й, та взявъ мене́ за ру́ку, и повівъ до себе́. »Я зна́ю, чо́го ти ходи́ла до вправи́теля; не турбу́йся, уволи́ ёго́ во́лю, до́бре бу́де; вінъ не обідить твоеі дити́ни, бо спра́вді ії лю́бить.« Кого́ вже не пита́лась, все едне́ ка́жуть: одда́й дочку́, не бу́дешъ ка́ятись. Запита́ла я у дочки́—и слу́хати не хо́че: »пропаду́, ка́же, лу́чче, та не зледащію«. —Яка́, кажу́, ти чудна́я! я усіхъ пита́ла, ка́жуть—по любо́ві бу́дете жи́ти. — »И ви, ма́мо, проти ме́не? такъ зна́ете що́, мамо: я піду́ до па́ньского ста́ву, та тамъ и втоплю́ся Не бу́дете ба́чить сорому́«. Дурна́я, кажу, шо́ ще бу́де, а ти таки́ ре́чі вимовля́ешъ: послу́хай ма́тері, сходи́ за́втра до вправи́теля, а тамъ бу́дешъ робити, якъ сама зна́ешъ.—Вгамова́ла дочку́, пішла́ вона́ до ёго. Співдня́ не було́ ії, надъ вечори́ верну́лась. А що́, пита́ю я: яка па́ньска ла́ска?—»Обма́не врагъ, — ка́же: спра́вді бу́дешъ мое́ю жінкою, не допущу́, ка́же, и твоеі рідні до бід.« Тоді я почала́ ії благати, якъ умі́ла; вгоди́, прошу́ ії, вправи́телю: ба́чишъ, вінъ ще по зако́ну ро́бить; дру́гий би, на ёго мі́сьці, си́лою взявъ тебе́, якъ перші вправи́телі и робили часте́нько. Ува́жъ, кажу́, ра́ди ма́тері, не дай намъ усімъ пропасти; и тепе́ръ тільки що живемо́, а росе́рдишъ ёго́—гірше бу́де.« Таки́ вблага́ла дочку́: й до́сі зъ вправи́телемъ живе́.

— Якъ то, Тетя́на Ива́новна, не вінчана живе́?

— Се, ба́чете, ще тільки два годки́ не вінчані живу́ть. Усе́ жалку́ють, що не мо́жна добитись одъ архере́я позволе́ния, бо вправитель Німець. А панотецъ каза́въ, що вінъ и сёго́дні повінча́въ би якъби́ тільки ёму́ архере́й благословивъ.

— За панотцéмъ дíло, кажý, не стáне, абú за вінчання давъ, сами знáемо; та, мáбуть, самъ не хóче вінчáтись.

— Де вамъ, Θéдоре, не хóче? у іхъ и дитúнка е; якъ же бъ то, дитя́ мáвши, не повінчáтись! Воні́-таки́ й вінчані, тільки не по-нáшому, а по-німецькому, такъ що трéба ще по нáшому, тоді зовсімъ бýде по закóну.

— Брéше вінъ, якъ собáка, хочá ви ёго́ и вподóбали; такъ и скажіть ёмý: казáвъ, мовъ, мій рóдичъ москáль, що ви брéшете, колú мóжно на одній двічі підрядъ вінчáтись. Дóбре, Тетя́на Ивáновна?

— Такъ не мóжна казáти, а ось скóро Улянка самá прійде до мéне, — тоді и роспитáете.

— Кажіть, щó дальше булó?

— А щó дальше? вúзволивъ менé, спасúбі ёмý, изъ невóлі— тепéръ я пáні; я́къ не вúзволивъ тамъ, а все не стúдно въ лю́де показáтись.

— А лю́де чогó-небудь часомъ не гомоня́ть про Улянку?

— Щó імъ гомонити? може щó й сказáлибъ, та е кому ротú защипить, — не розбалáкаютця дýже.

— А я бъ, кажý, не захотівъ такóго пáнства ні за я́кі грóші.

— Дóбре вамъ тепéръ, а булú бъ ви на моімъ місьці, не тіéі заспівáлибъ. Подивітесь лишень сюдú, чогó тутъ не мáе?—И показáла мині братóва свою́ скрúню зъ усімъ багáствомъ; у самóі óчі такъ и розгорілись, — ажъ затрусúлась. »Усé е, усёго достáну, хибá птúчого молокá не добýду, бо и въ панівъ ёго́ не мáе. Що въ пáна е, те и въ мéне е; чогó я не достáну, того́ й пáнові не добýти. А булó колúсь, що я нічóго не мáла. Сорóчки для дитúни не мáла!.. Нехáй знáють ворогú, що я не дарéмне набрáла оцю́ худóбу (вже, мáбуть, деся́тий разъ перевéртуе ii, та розглядáе); подивітесь лишъ, які сéрги, намистá, а ось пéрстінь зъ вéликимъ кáмнемъ... щó я за éі лúхо вúтерпіла, гріхъ вчинúла, дочці óчі за... ій Бóгу, скáжуть, що я дочці óчі завязáла. Нехáй кáжуть. Ви, Θéдоре, не пойметé вірн, щобъ я, рідна мáти, дитúну знівчúла?« — Та й зарúдала.

— Госпідь зъ вáми, Тетяночко (мині жáлко ii стáло), ніхтó нічóго не скáже; я пéрвий пришúю язúкъ томý, хто вúмовить щó противъ васъ; нехáй уся́кий себé знáе. Не плáчте, гóді. А знáете, я скажу вамъ спасúбі, до землі спасúбі?

— А кажіть, за що?

— За те, що ви не дали́ руйнува́ти своє́ї хати. Стара́ ха́та та по-на́ському зро́блена. И пе́чи не роски́дали, и поле́жати е де. Аже́ жъ мо́жна мині бу́де засну́ти на пе́чі, рострю́хані кістки́ попа́рити? Кажіть, — мо́жна?

— Спочива́йте собі до схочу́, усю́ ніч ъ вамъ дару́ю. Коли́ захо́чете, злізете на пілъ; я такъ и зоста́вила ёго́, якъ при покійнику бувъ, тутъ вінъ и спочи́въ на віки. Ви не боязкі?

— Щобъ моска́ль чого́ боя́вся! ще не ви́дано!

Побала́кали ми ще тро́хи, та й поснули́. Тільки мині до́вго не спа́лось: усе́ ду́мавъ, я́къ брато́ва згуби́ла свою́ перва́чку. Поба́чить би мині Уля́нку; мо́же вона́ чого́ чи не роска́же.

Оста́вся я на хазя́йстві.

— Оце́, спаси́бі вамъ,—ка́же Тетя́на Ива́новна,—що ви прийшли́ до насъ: тепе́ръ я вільна на всі чоти́рі. Ви бу́дете всёго доглядати—а я... ли́хо моє́.... тре́ба и сюди́ й туди́ — и клю́шницю одві́дать, и съ конто́рщицею поба́читись, та все ніколи було́. За одни́мъ ра́зомъ ви вже погля́дуйте и за Га́шкою; вона́ въ ме́не хоро́шаму дівчина, та все я́кось бо́язно (и почала́ щось тихе́сенько Га́пці говори́ти) малу́ю бра́ти съ собо́ю.

— До́бре, кажу́, тільки якъ васъ не бу́де до́ма, не присила́йте отіе́ї ба́би, що пе́рше у васъ була́.

— Чомъ такъ?

— Не вподо́балась вона́ мині—істи цілий день не дала́, якъ я напе́рве прийшовъ до васъ.

— Ма́буть, стара́, сама́ забу́ла про іжу, та й вамъ не догада́лась да́ти. До́бре, я дру́гу знайду́ (але́ не було́ більше ні я́кої).

Таки часте́нько ки́дала мене́ брато́ва — коли́ не до кумы́, то до сва́хи,—на́йде куди! де й рідня́ набра́лась. Сидимо́ ми и́ноді зъ Га́пкою часъ, дру́гий и тре́тій, мо́вчки; вона́ нена́че обіга́е мене́, а я бою́сь ду́же розговори́тись, щобъ не вра́зити дівочихъ уше́й своє́ю москале́вою річчю.

— Ви, мо́же, запита́е, ку́шати хо́чете.

— Ку́шати, кажу, не ку́шати, а істи здо́рово хо́четця.

Почервоніе небóга, ніби відъ молодóго. — Зáразъ, скáже, готóве бýде.

— Не турбýйся, небóго; я й самъ достáну шматóкъ хліба, а тобі, бáчу, не находúтись на дядькívъ та на тітóкъ.—Знóву дівка почервоніе.

Абó—»роскажіть що-нéбудь (дядькомъ вонá не назúвала менé), якъ тамъ у Петербýрсі. Сестрá Улянка кáже, що ії чоловікъ, чи то, бакъ, вправúтель, бувáвъ въ Петербýрсі.

— Мóже, й бувъ, хто ёгó знáе; такихъ, якъ вінъ, багáцько тамъ.

— Тамъ, кáжуть, усé велúкі панú живýть.

— Чомъ не живýть? Живýть ще більші, ніжъ ми зъ тобóю.

Счервоніе дівка и замóвкне. Оттáкъ цілий день, якъ немáе Тетяни Иванóвни; тá прúйде, хочь кáзна, роскáзуе, та все немовчúть.

Надоíло мині такъ жúти зъ небóгою. Ставъ я запобігáти въ неі лáски: мóже, дýмаю, справді не вірить, що я ії дядько, абó мáти наговорúла де-що якъ трéба вестú себé по-пáньскі. Про те, ні щó не берé. Постій же, дýмаю, знáемо тепéръ, якъ підступúти до небóги: зачиплю́ лишень ії гарнéнько—щó бýде, то й бýде. Діждався я того чáсу, якъ зостáлись у двóхъ; отъ и кажу ій:—скажú мині, будь лáскова, Гáпко, якъ то Улянá довóдитця управúтелю: справді жінка, абó ні?—Дýже не хотілось мині питáти ії, алé однáково трéба дознáтись прáвди: мáти кáже, та не докáзуе, лю́де більше збрéшуть, повúна Гáпка лýчче знáти. Ще такú мавъ надію розворушúти ії, якá то вонá вúявитця изъ сéбе. Не стáмпилась дівчина, відкіль вúстрелило; стáла якъ укóпана, дúвлячись на мéне.

— Чомъ же тобі, кажý, й не сказáти?

— Ви самі й безъ мéне знáете: на щó вамъ казáти? мáти все росказáла.

— Слýхай, небóго; не сорóмся старóго москаля́, роскажú ёмý все, якъ чýла, якъ бáчила, вінъ не осýдить тебé. Я рідний вáшому бáтьку, не посмію знущáтись надъ ёгó дітьми.

Вонá знóву погляну́ла на мéне, ніби хотіла дознáтись, чи прáвду москáль кáже.

— Мóже тобі мáти наговорúла щó нелáднє на мéне. Чогó боя́тись? кажи въ вічі — послýхаемо.

— Воні́ нічо́го не каза́ли, — тільки веліли не обхо́дитись зъ ва́ми, якъ изъ ріднимъ дя́дькомъ. »Вінъ«—(сежъ то про васъ ка́жуть)—хоча́й дя́дько, та моско́вськимъ ду́хомъ відъ ёго па́хне.

— Пра́ву сказа́ла твоя́ ма́ти.—Неха́й я моска́ль, напа́хався моско́вського ду́ху, але́ ніхто́ мене́ ні въ чімъ не урікне́: пря́мо лю́дямъ въ вічи дивлю́ся. Хай спро́буе вона́: мо́же, й не поди́вится... Такъ що́жъ? я́къ Уля́на дово́дитця вправи́телеві? ти мині не сказа́ла...

— А ніякъ: такъ собі въ ёго живе́, а черезъ не́і и ми потро́ху. — Одвітила та й запла́кала.

— Не плачъ, небо́го, не плачъ; що́ зроби́лось, не ве́рнетця. Я затімъ тебе́ спита́въ, щобъ увіритись, — пра́ву ма́ти твоя́ сказа́ла. Збреха́ла—и передъ кимъ?... передъ своімъ! Що́ я ій заподіявъ? Якъ хо́чешъ, воли́ ій во́лю, одцура́йся свого́ дя́дька, я не вла́стенъ тебе́ прину́дити, щобъ слу́хала мене́. Мо́же, я вамъ й ли́ха бажа́ю, почімъ зна́ти? мо́же, ма́ти такъ и ду́мае. Нащо́жь було́ викли́ка́ти до се́бе: »прихо́дь, мовъ, у ме́не спокійно вікъ доживе́шъ.« Та ще й дітей своіхъ навча́е мене́ не зна́ти.

— Я васъ, дя́дечку, не цура́лась, та мату́ся навча́ли; а ви ще й самі я́кось нела́скове ди́вететесь на ме́не.

— Нічого тутъ говори́ти, обо́е ми ви́нні; я, бачъ, не прививкъ кла́нятись, та ще кому? небожя́тамъ; а ти да́лебі ди́вися яко́юсь городьско́ю.

— Отъ, ба́чте, ви за́разъ урікну́ли мене́. Яка́ я городська́я? що на мині намі́сто дорогее́? що плахти я не ношу́? кажіть, яка́ я городська́я?

— А тобъ ще й ні —Та й дивлю́сь, що́ зъ неі ви́йде.

— Плюва́ти я хотіла на все це. На ме́не и такъ усі ди́влятця, на́че я, Богъ зна, яка́я. У це́рковь ві́йдешъ, такъ и відступа́ють одъ те́бе, якъ одъ зачу́мленої: »доро́гу дава́йте,« ка́жуть: »не ба́чите, мужички́, що панівна иде́«. Хиба́ я того́ не чу́ю, якъ воні́ глузу́ють изъ ме́не? Хо́чете, дя́дьку, за́втра нічо́го сёго́ не бу́де на мені? Хо́чете? Не роди́лась па́ніею, и не бу́ду панува́ти. Мужи́чка я — такъ що́жъ таке́? А мужи́чка й нелюди́на? я́къ по ва́шому?

— Люди́на то люди́на, та не объ тімъ річъ; всі ви спе́ршу приткі́і, а дійде до діла, и прити́хнете; не ти пе́рва, не ти послідня. Хочъ би, приміромъ, сестра́ твоя́ Уля́на? Ма́ти ка́же—ду́же бадёри́лась, а якъ прийшло́сь, му́сила послу́хати вправи́теля. Такъ, чи ні?

— Брехня́, ій Бо́гу, брехня́. Уля́ну обмани́ли: сама́ мині, пла́чучи, недавно каза́ла: »погуби́ли, ка́же, се́стро, и вро́ду мою́ и щи́рость, та не ве́рнешъ«; ще хто обмани́въ? мату́ся сама; усе́ ій дба́ли, й ща́стя и весілля — и збили бідну. Безтала́нна та й дурна́ була́... наско́чили бъ на ме́не!

— А що́бъ ти, кажу́, вдіяла?—А мині га́рно було́ слу́хати тіі щи́рі ре́чі.

— Поба́чилибъ тоді — наплюва́ла бъ ёму́ въ бо́роду. Бачъ, стари́й борода́тий заду́мавъ згуби́ти таку́ дівчину—ви ще не ба́чили Уля́ни?

— Ні, не ба́чивъ.

— Поба́чете, то й ска́жете. Що́ зъ ёго? Гни́дявий яки́йсь, та ще на те ли́хо Німець — ка́знащо́! Каза́ла Уля́ні: не слу́хай ти ёго́ старо́го соба́ки, вінъ бре́ше. »Якъ то ка́же, (ще обідилась) — ти не ба́чила, яки́й вінъ щи́рий та ласка́вий, да́рма що не на́шої віри.« Отъ тепе́ръ и ди́витця на ёго́ бо́роду, та про́сить: ходімо, се́рце, обвінча́емось. Повремени́, гово́рить, ду́шенька, нача́лство не вели́ть. Самъ, злодія́ка, не хо́че, щобъ ёму́. . та цуръ ёму́! Хвали́лась зъ жа́лю Уля́нка, що намъ черезъ не́і лу́чче бу́де... таки́ лу́чче ста́ло, щобъ нікóли такъ не було́! Зна́ете, що́ мині ма́ти що-дня и що-но́чі въ го́лову товче́?

— А що́? Учить, я́къ по-па́ньскі ходи́ти?

— Эге, те са́ме, та ще більше. Не те, ка́же, наділа: одяга́йся якъ Уля́на; сімъ разъ на день заставля́е вмива́тись та натира́тись якімсь зіллямъ, щобъ то, ба́чете, покраща́ла; та все грузу́ть го́лову: »своеі годи́ни цура́есся, сяка́-така́; васъ міжъ лю́де ви́вела, а ви и у́хомъ не ведете́; мо́жебъ и тебе́ звела въ такій па́рі, якъ Уля́ну.

— А що́ жъ, бу́цімъ то и не хо́чешъ? знаемо васъ!

— Не діждете, дя́дьку, щобъ я зроби́ла такъ, якъ Уля́на... Отъ вамъ що́!

Тутъ вже я не ви́терпівъ, жа́лько ста́ло му́чити бідну дівчину.— И до́бре, кажу́, небо́го, ду́же до́бре, моя́ голу́бко. Не втерпівъ, обня́въ ії и самъ запла́кавъ, запла́кавъ відъ ра́дости, що ба́чу таку́ дівчину: оця́то, ду́маю, звесели́ть мого́ Петра́ на тімъ сві́ті.— Роби́, кажу́, Гапко, я́къ правди́ве се́рце тобі ска́же, та до́брі люде нараю́ть. Почита́й та не слу́хай ма́тері, коли́ вона́ ду́рить тебе́; вона́ ще не такъ оду́рить.

Кріпко мині захотілось привернути Гапку на свою сторону—сякъ-такъ, думаю, та не дамъ ій пропасти. Далі прийшло ще мині въ голову звірити ії, чи то справді вона така настійлива и кріпка на ділі, якъ въ речі. Та й, кажу:—знаешъ що, Гапко?

— А чого вамъ треба, дядьку?

— Зробишъ, чого я буду прохати.

— Кажіть — чомъ не зробити, коли можна?

— Ябъ хотівъ, щобъ ти добула собі плахту, вінокъ съ квітками на голову, сорочку наськую, знаешъ, мережанную, та оділась би якъ слідъ. А то що се на тобі наділе? Неповірився би, що моя небога, якъ би ми мати твоя не сказала; ні нащо похожа.

— Я сама объ тімъ давно думаю, та не моя воленька. Мала я колись плахту, хочъ убогую,—отъ же мині въ ій веселіше було, ніжъ у цімъ паньськимъ. Якъ було мині годківъ зъ дванадцять,—якъ небудь було вирвесся одъ матері и збігаешъ туди, де дівчатка збираютця. Колибъ ви знали, дядечку (вона думала, що я москаль, нічого того не знаю), якъ тамъ весело: міжъ усіма я рімна, ніхто не ганбуе надо мною;—а які тамъ пісні співали! Часомъ лучалось, и до матері збірались—хоча ми бідні були, та хата простірна — матінка усміхалась, дивлячись на насъ, що ми веселі—ще тато живі були, ще Улянка дівувала, не знаючи своеі лихоі долі... А теперъ? самі жъ боронять співати: »забувай, кажуть, мужицькіі співи« Уже я й забула де-которі, а паньськіхъ не навчилась, та й не учять мене нічому; дурная, та ще, бачете, у паніі тикають. Ні, боюсь замовить матері про те, що ви сказали. Спитають — на що?

— Постій же, небого; ще не великее лихо, хочъ и спитае. Я скажу твоій матері, що мині треба де-зачімъ въ городъ; у мене е трохи грошенятъ, отъ я и куплю тобі плахту, самъ виберу, куплю вінокъ та й принесу: тоді мусить вона позволить все надіти. А що? по-москóвські пригадавъ, га?

— Добре, дядечку,—та й кинулась мене цілувати:—рідний мій батечку, васъ зъ неба мині вернули. Ажежъ ви мене любите?... А я вамъ пісні заспіваю, що люде навчили, що ненька колись співала, та теперъ не співае. Заспіваю усіхъ, котрі згадаю: малою у мене бувъ голосъ, свівачки зъ мене сподівались, а теперъ, може, згубила. Лишенько, недоле моя!

— Не журися, небого, у двохъ заспіваемъ; нехай чують, якъ

дя́дько-моска́ль зъ небо́гою співа́е. Не жури́ся, Га́пко, та гляди́, ма́тері не въ усі дзвони́.

Отта́къ ми ззійшли́сь зъ небо́гою, а Тетя́на Ива́новна нічо́го не дога́дуетця (а мо́же й постерегла́, та не ка́же по́ки-що́).

Якось вече́ряемо ми, — вона́ й ка́же: ла́годтесь, Фе́доре, ити́ до вправи́теля; хо́че васъ ба́чити.

— А що́ мині, ка́жу, ла́годитись, надівъ муни́цию, та хочъ и за́разъ, противъ ночі, до ёго.

— Якъ-то мо́жно, одві́чае, до тако́го лица́ солда́томъ ити́, остраміте́ й мене́: онъ, ска́жуть, моска́ль шве́ндяе, дя́дько Уля́нинъ. Ні вже, якъ хо́чете, а я добуду вамъ капита́нинку, щобъ були́ похо́жі хоча́ на моськóвьского купця́.

— Лага́йте жъ, кажу́, Тетя́на Ива́новна, лу́чче одпочива́ти, а я такъ за́втра й махну́ до ёго́ въ оцій солда́тській хво́рмі; москаля́ не ви́жене,—ще меда́ль начиплю́; а купця́ спра́ві въ ши́ю ви́бьють зъ го́рниць.

— А у васъ и меда́ль е? я й не додиви́лась.

— Эге́, кажу́, ви ще не зна́ете, що я кавалеръ. И показа́въ ій усю́ свою́ кавале́рию.

— А все бъ вамъ, здаетця мині, не годилось йти у салдацькому.

— Я всю́ди свобо́дно хожу́, куди́ здумаю — що́ за не́видаль вашъ вправи́тель? я самъ такой же какъ онъ; никто не посмі́й загороживать дорогу,—заговори́въ я по-моско́вськи — Та къ обі́днёму часу и поплівся до вправи́теля.

— Стрива́йте,—кричи́ть Тетя́на Ива́новна: па́лицю возьміть, а то́ тамъ соба́ки злю́щі:

— А вотъ она на што?—и ви́йнявъ ша́блю:—пусть-ка тронетъ.

Замо́вкла́ брато́ва, ма́буть злака́лась, що я вимовля́въ кра́ще ніжъ ії вправи́тель-Німець. До́вго ще огляда́лась въ-слі́дъ мині— и въ го́лову не прибере́, що я такий смілий.

Прийшо́въ я до вправи́теля. Подиви́вся — вели́кий буди́нокъ стоіть, годи́вся бъ не аби-яко́му па́ну, не то Німцеві; пита́ю: а куди́жъ тутъ до ёго́ въ го́рницю добра́тись? »Бери́, ка́жуть, »моска́лю, все въ го́ру, на самісінький верхъ.« Обри́дло вже лізти вго́ру: оце́, куди́ забра́лась Уля́на, якъ то нігъ собі тутъ не позвертае. Таки́ пацапивъ го́рницю, увійшо́въ и питаю:

— Де тутъ вашъ вправи́тель живе́?

— На що́ вони́ тобі? іхъ дома нѣту. Коли́ ду́же надо, то обожди́.

— Такъ доложи́ Уля́нці: моска́ль, мовъ, хо́че ії ба́чити.

— Якій Уля́нці? у насъ такові не нахо́дитця.

— Ти, кажу́, найди́ мині, яка́ въ васъ тамъ найглавніша.

Привели́ мене́ до Уля́ни Петро́вни: »тобі, кажуть, оціе́і надоть?«

— Хоть и ціе́і.

Подиви́вся я на не́і, ви́йнявъ хусти́ну мерщій нісъ вте́рти, щобъ ча́сомъ не зляка́тись. »Гарна, думаю, па́ні, зовсімъ не похо́же, щобъ я бувъ ії дя́дько, а все-таки́ не кра́ща моеі Га́пки« та вже нала́годився такъ и бря́кнути ій: »поцілу́йте-лишъ, Уля́нко, свого́ дядька-москаля́,«—коли́бъ вона́ не поспіши́ла запита́ти:

— Чого́ тобі, служи́вий, ну́жно одъ меня?—мовъ сама́ черезъ ма́тіръ не кли́кала. Та се, бачте, при дворові́хъ такъ. Я такъ ій доля́дне моргну́въ:—догадайся, мовъ, Уля́но, прожени́ оціхъ цу́циківъ-лаке́івъ, — що спра́вді догада́лась: махну́ла, — такъ и похова́лись.

— Зайді́ть—ка́же я́кось ти́хо та любязно́,—въ мою́ го́рницю, побала́каемъ зъ ва́ми.

Увійшо́въ я, въ го́рниці при́брано, гарно; цуценя́тъ чима́ло; карти́ни ви́сять хоро́шіі (трохи сором'ні), звісно якъ у панівъ; здиви́ла мене́ найбільше табате́рка, що лежа́ла на столі: не вже то Уля́на, така́ хоро́ша, ню́хае зъ не́і? А вона́ була́ спра́вді хоро́шая: на що́ вже Німець, — а нігде не найшо́въ кра́щої!

Привіта́ла вона́ мене́ якъ тре́ба, нагодува́ла, тільки ка́зна-чімъ, яки́мсь неме́цькимъ. Посіда́ли ми и почали́ бала́кати.

Съ пе́рвого ра́зу я завва́живъ, що вона́ не́хоча пішла́ жи́ти зъ вправи́телемъ.

— Якъби́ ви, ка́же, зна́ли, якъ я не хотіла завяза́ти собі очи́; все ма́ти наробили́; одури́ли та тепе́ръ и ка́жуть: не жури́ся, черезъ те́бе, до́ню, и намъ поте́шліло.

— Чого́ тобі, Уля́но, жури́тись—звиня́й, що незвича́йно назва́въ тебе́:—аже́жъ ви віньчані по-неме́цькому?

— Вамъ ма́ти каза́ли, а ви імъ и повірили. Вже дити́ну ма́ю, хоть би́ ёго́ пожа́лівъ, та ні — неви́дно напе́реді нічо́го; загину́, я, дя́дьку, загину́! Се́рце моє́ чує́, що він ки́не мене́ зъ дитя́мъ.

— Плюнь, кажу́, ти на ёго́ бага́цтво, неха́й воно́ ёму́ на позві́ння, та верта́йся до насъ: якъ-не́будь бу́демо пробува́тись.

Уля́на ма́ла щось одказа́ти, засмути́лась, а тутъ на ви́ручку прийшо́въ и вправи́тель. И въ Москві я не ба́чивъ тако́го мизе́рного, пога́ного; зза́ду и спе́реду ми́ршавий, ги́дко скіпка́ми взя́ти; борода́ въ ёго́ якъ кло́ччя, и то місьця́ми ви́рвана. Такъ мині и пригада́лось, чи не бувъ вінъ ча́сомъ тоді зъ жида́ми, якъ іхъ зъ десятини хвата́е; щось похо́же на те.

— А що́, моска́лю—такъ уідливо заговори́въ до ме́не—ви й не пізна́ли моєі Уля́ни? на всімъ селі нема́ кра́щоі.

— Я, кажу́, зовсімъ іі не знавъ, бо ба́тько ще тільки оженився, якъ я пішо́въ у москалі.

— И пе́рше вона́ га́рна була́ дівка, та пропада́ла; зжа́лився я надъ не́і, ви́зволивъ іі зъ невоі́, а тепе́ръ и рідний ба́тько не пізна́въ би іі. А це хло́пчикъ іі — и взявъ ёго́ до се́бе на ру́ки—вда́вся въ ме́не;—по́тімъ подиви́вся въ вічі хло́пцеві и ка́же мені:—могу́ завірить васъ, дру́гий бу́де я!

«Боро́нь Бо́же, ду́маю, щобъ уда́вся таки́мъ пога́нцемъ!«

Ба́чить вправи́тель, що не запомігъ мині своє́ю річчю, отъ и звернувъ на друге́, а Уля́нці звелівъ, щобъ подали́ ви́пити, закуси́ти (а та́къ було́ вже геть по обіді).

— Скажіть, моска́лю, ви всюди бува́ли, що́ чува́ли га́рного на світі?—А самъ и зу́би потихе́нько ска́лить: збре́шешъ, мовъ, моска́лю, зна́ю я! — Ба́чу я, що німе́цька шту́ка,—и собі на стороне́ць звърта́ю.

— Нічо́го, кажу́, не чувъ; де́ вже намъ що́ чува́ти, москаля́мъ—отъ вамъ зовсімъ друге́ ділo, ви всі сто́рони переіздили, по́ки не зопини́лись въ насъ.

— Се я противъ то́го запита́въ васъ, що моя́ Уля́нка що-дня гризе́ мині го́лову, чи пра́вда то, якъ одберу́ть одъ насъ мужиківъ, то я му́шу зъ не́ю утіка́ти въ свою́ сто́рону? Я, ба́чете, завіря́ю іі, що хоча́ не бу́де панівъ, то хиба́ окрімъ насъ Німцівъ. Такъ я и спита́въ васъ, не чу́ли, мовъ, чого́ не́будь по сёму ділу?—А самъ, прокля́тий, вже третю налива́е мині яко́гось спотикачу́ и підмо́ргуе—ува́жъ, мовъ, моска́лю!

— Ні, кажу́, що́ чувъ, те чувъ, а сёго́ чува́ти нігде́ не дово́дилось. Я чувъ, що́, неда́вно десь, бі́ля Москви́ хотіли нашкодить? усімъ Німцімъ, цілабъ то іхъ коло́нія завела́сь тамъ, та й розгадю́чились су́чі.

— То, мóже, и́ншіхъ яки́хъ Німцівъ, а не таки́хъ, якъ би оце́ я.

— Все една́ково, одвіча́ю, яки́й ні е Німець, все вінъ Німець, така́жъ невіра, — тро́хи хиба́ ме́ньша одъ жи́да.

— Бре́шете ви, моска́лю (го́ді вже держа́тись німецького звича́ю!) ти ба́чила, Уля́но, якъ я молю́ся Бо́гу? Лу́чче, ніжъ ва́ші глу́пії го́лові!—Та й гру́кнувъ дверима.

Після́ Уля́на каза́ла мині, що вінъ кріпко на ме́не росе́рдився, мужико́мъ назва́въ; я счита́въ, ка́же, ёго́ хоро́шімъ чоловікомъ, такъ якъ вінъ твій дя́дько, та ще изъ москалівъ.«

— Плюнь, кажу́ тобі ще разъ, Уля́но, та верта́йся до насъ.

— Не мо́жна, дя́дечку, не мо́жна; и дити́ни не одда́сть; тод що робити? Неха́й самъ ки́дае.

Говори́ли ми зъ не́ю ще де-объ-чімъ; після́ Уля́на замоли́лась до ме́не:

— Не осудіть мене́, дя́дечку, бідноі, що рідъ свій осоро́мила, навідуйтесь до ме́не, вінъ пересе́рдитця и ра́дий бу́де вамъ.

— Суди́ти тебе́ ні защо, небо́го, а ходи́ти до те́бе не бу́ду, щобъ и въ ві́чі не ба́чити тако́го пога́ньця. Завертай, кажу́, коли́ лу́читця, до насъ: поба́чишъ, я́къ ми га́рно зъ Га́пкою живемо́. — Та й прости́вся зъ не́ю.

Не вспівъ я дойти́ до ха́ти, брато́ва и ви́бігла назу́стрічъ.

— Оце́ якъ ви до́вго тамъ бари́лись, — ма́буть призна́лись въ кавале́рстві. Що́ вправи́тель вамъ каза́въ?

— Бага́цько де́-чого наказа́въ, а найбільше жа́лувався на васъ.

— Ой! жа́лувався? я́къ же? — тільки на дочку́, чи й на ме́не?

— Эге́, та ще на одну́ васъ.

— Чімъ же я ёму́ не вгоди́ла?

— Тетя́на ва́ша, ка́же, — вінъ таки́ васъ Тетя́ною зве—не вміе держа́тись.

— Отъ ба́чете, ма́мо, обізва́лась Га́пка,—ви все на ме́не: и те не такъ, и дру́ге недоладу́, а самі, ви́дно, така́жъ мужи́чка, якъ би́ й дру́гі. Я хочъ въ паніі не лізу...

— Пострива́й, дурна́я!.. Кажіть, Ѳе́доре, чімъ я не вмію держа́тись...

— »Не вміе, ка́же, та й го́ді; що хочъ роби́! И пла́ттівъ наши́въ я ій, одінетця, ги́дко погля́нути, ступи́ть не уміе, шве́ндяе якъ

шале́ная. Тимъ бою́ся и вінчатись зъ Уля́ною—якъ-таки́ таку ма́тіръ призна́ти; черезъ не́і и мене́ осмію́ть«. Ще проси́въ мене́, »чи не мо́жете, мовъ, ви, моска́ль, приловчи́ти ії, зна́ете, такъ по-моско́вьськи — ви бага́то де́-чого ба́чили въ сві́ті«.—Чому́, кажу́, не мо́жна...

— Отъ тобі й ли́хо! А кажіть же, я́къ би ви пора́яли мині?

— Ки́ньте усі ці па́ньскі прицинда́ли, надіньте на себе мужи́цьку запа́ску, та зробітесь изъ Тетя́ни Ива́новни Тетя́ною; управи́тель, ви зна́ете, не ду́же васъ шану́е. Ёму́ ну́жна була́ Уля́нка, а ви на що́ здали́ся? Допаніли до то́го, що й ха́ти підмести́ не зуміете, — така зъ васъ па́ні!

Гапка тільки поглида́е на ме́не: бре́шу́ я, чи такъ спра́вді каза́въ управи́тель про ма́тіръ?

— До́бре жъ, Θе́доре, нара́яли ви мені. Не жда́ла відъ васъ. Постійте, спита́ю въ само́го управи́теля, чого́ вінъ хо́че? ій Бо́гу спита́ю, такъ у вічі й скажу́ — не побою́ся. Дочку́ зроби́въ па́ніею, а я на що́ бу́ду диви́тись? На́ що я роди́ла ту па́нію? Щобъ патинки ій підно́сить? и того́ не хо́чуть,—а щобъ зовсімъ зроби́лась мужи́чкою. Не діжде вінъ — хочъ би й захотівъ — щобъ я зовсімъ спусти́лась съ глу́зду. На те, бачь, дочку́ ёму́ оддала. Не проведу́ть мене́. . Постійте, я про все роспита́ю... Та й заспіва́ла (Тіеі, ба́чете: чімъ вона́ не па́ні, коли́ ходить въ сарахва́ні.) А ти, Га́пко, неду́же покаря́йся москале́ві; неха́й вінъ дя́дько, та моска́ль,—уміе и набреха́ти и нау́ськати. Ось, якъ роскажу́ управи́телю, то вінъ вамъ дасть,—бу́дете зна́ти, якъ знуща́тись надъ бідною вдово́ю.

— Вотъ вамъ што-съ, матушка! а евто на што?—И указа́въ на медаль.—Знать не хо́чу всѣхъ вашихъ управителей! пусть ко вздумаетъ поговорить зо мною! Зъ ва́ми тежъ нічого церемо́нитись, поня́въ я вашу фанабе́рію. А чому́ ви навча́ли Га́пку, щобъ дядька обіга́ла, га́? Що́ я таке́е для васъ?

— Базікайте тамъ собі! хра́брі ви усі такі москалі: крисъ тамъ въ гармизі би́ли, а сюди́ прийшли́ людьми́ ору́дувати.

— Та глу́пихъ бабъ на ро́зумъ наво́дити.

— Постійте, постійте, наведе́ вінъ васъ! — и ви́йшла зъ ха́ти.

Туди́ тобі, ду́маю, й доро́га, а не зъ хрещёними говори́ти.

— Ні, Гапко, не бу́де пуття́ съ твое́і ма́тері: бачъ, я́къ ду́же ви́соко сіла, не зса́дишъ.

— Коли́бъ хочъ мене́ не займа́ли!

— Не бійся: дя́дько хоча́ моска́ль, а бу́де тебе́ потро́ху рятува́ти.

И рятува́въ я ії якъ умівъ; перепада́ло и на мого́ го́лову. Гарча́ла на ме́не брато́ва, та не ду́же я вважа́въ на ії о́страхи. Тро́хи не здуріла, якъ поба́чила, що я привізъ изъ го́рода пла́хту и вінокъ.—»Це ще ти відкіль ви́копавъ?—не смій, Га́пко, на—дива́ти.«—Не бу́демо, кажу́, тебе́ й прохати—»Го́ренько жъ моє! и за ма́тіръ мене́ ско́ро не бу́дуть ма́ти. Стрива́й, я попрошу́ вправи́теля, щобъ вінъ ви́гнавъ тебе́ изъ моєі ха́ти; ла́даномъ накурю́, щобъ и не воня́въ злиде́ний твій духъ. Пе́рше змилувалась надъ нимъ: неха́й, ду́мала, не заги́не въ тій Московщи́ні, а вінъ по сво́ёму«.

— Одчепися ти одъ ме́не (ми вже зовсімъ помири́лись зъ не́ю, и я ставъ до не́і озива́тись по старо́му звича́ю), а вправи́тель твій нічо́го тутъ не вдіе; розноси́лась зъ нимъ, якъ изъ пи́саною то́рбою!—Чого́ вже вона́ не витівала, щобъ одкара́скатись одъ ме́не, або́ запобігти ла́ски—не вдава́лось: »відьма ти«, було́ тихе́нько ій ска́жешъ (ажъ на са́ме ушко́), та й го́ді!

Ве́село ми зажили́ зъ Га́пкою. Діжда́вся я, якъ брато́ва пішла́ до кумівъ своіхъ:—а ну́, кажу́, Га́пко, надіва́й лишъ пла́хту, поди́вимось, яка́ ти бу́дешъ у новому́ наря́ді?

Одягла́сь моя́ небо́га, уквіча́лась квіта́ми: поди́вися, кажу́, ще въ дзеркало. Погля́нула, усміхну́лась, а по́тімъ запла́кала.

— Аже́жъ мене́, дя́дечку, дури́ли й досі, що я хоро́ша була́ у па́ньскімъ пла́тті?...

— Та ще я́къ дури́ли! поверни́ся сюди́... Га́рно. Пройди́сь по ха́ті.—Пройшла́сь пи́шно та пова́жно.

И отаку́ дівчину оддати яко́му не́будь пога́нцеві?.. Уля́на хоро́ша, та що́ вона́ противъ Га́пки! И такімъ бровеня́тамъ злиня́ти, и тако́му ли́чкові помарніти—за віщо? що́ вона́ кому зроби́ла?.. Соба́ки вн, лю́де, коли погу́бите ії!.. Гляди́, кажу́, Га́пко, щобъ тебе́ ма́ти не захопи́ла. Та ти ще обіща́лась пісні заспіва́ти: співа́й мерщій. Заспіва́й оціе́і: »зійди́, зіронько, зійди́, я́сная«.

Підхопи́въ и я за не́ю, дарма́ що стари́й. Згада́въ и я свою́ лиху́ю годи́ну: тако́і й мині співа́ла моя́ дружи́на, по́ки въ москалі́ не взяли́. Чи тожъ и зъ небо́гою лу́читця що-не́будь недо́бree?

— Го́ді, кажу́, небо́го: здае́тця, ма́ти иде́.—Побігла вона́ швиде́нько у хижчи́ну, переділась, мовъ не вона́ увійшла́ въ ха́ту.

— Ти де була́? спита́ла ма́ти

— У хи́жці де-съ-чимъ пора́лась.—Ма́ти погля́нула на не́і я́кось недовіркувато—почу́ла, ма́буть, що тутъ есть яка́сь моськóвська шту́ка.

Погля́нувъ и я на небогу.

— И оце́ та Га́пка, що недавно співа́ла зо мно́ю? Повила́зило вамъ, пани́, коли́ ви ду́маете, що дівчина кра́щае по-ва́шому наря́жена!

Почáвъ я зовсімъ клони́ти Га́пку на свою́ сто́рону. Чімъ умівъ і вгожда́въ ій. Ча́сомъ ури́вкомъ, а иноді и на всю нічъ, назбира́ешъ дівча́тъ до небо́ги.— Неха́й, кажу, ма́ти собі съ кума́ми та сва́хами гуля́е, а ми по ста́рому обича́ю, та старіі на́ші звича́і згада́емо. Повнісенька ха́та назбира́етця, заспіва́ють, потанцю́ють. Звеселіе мо́я Га́пка: »отта́къ, дядечку, мині ве́село було́, якъ ще Уля́нки не одня́въ відъ насъ вправи́тель.« Ще жъ то, ба́чете, вона́ въ бідності тоді жила́; тішивъ я іі, молоду́ю, по́ки й ли́хо не скла́лось.

Ба́чу—моя́ брато́ва мота́етця на всі сто́рони: сёгодні на той бікъ и за́втра туди́, изъ я́рмалку та на ярмалокъ,—забу́ла й про кумівъ—чого́сь ду́же приспи́чило.

— Спита́й,—прошу́ я Га́пки,—зачімъ твоя́ ма́ти така́ клопотли́ва?

— Я пита́лась, та не признаю́тця: зась тобі, ка́жуть, те́е зна́ти.

— Поте́рпимо, кажу́, небо́го, поба́чимо. Ажъ ось, черезъ скільки́сь днівъ, везе́ брато́ва яко́гось купця́. Здогада́вся я тро́хи—зачімъ вона́ привезла́ ёго́, та не кажу́ Га́пці.

Вхо́дить купе́ць; нічо́го изъ се́бе чоловікъ, таки́й ти́хий, привітливий—ви́дно неда́вно ще ставъ купцюва́тн. Тільки й чу́ти відъ ёго: »якъ вамъ завго́дно-съ, Тетя́на-съ Ивановна, чего́ся изво́лите, ми ма́ло здѣся розуміемо.«—Бре́шешъ ду́маю, все ти розумі́ешъ, та прики́дуесся; зна́емо ва́шого бра́та.

Гости́въ вінъ у насъ співдня́, таки́ зачепи́въ и мене́.

— Ви, ка́же, изво́лили бува́ти въ Московщи́ні; тамъ купці кра́ще на́шихъ, обниково́но тімъ більше ува́ги одъ нача́лства и умѣю-

чий народецъ, не то, што ми. Вота эфтакъ еслиби поближче къ нимъ.

— Нічого, кажу́, и сова́тись: тамъ и бли́зько такіхъ не під-пуска́ють.

— Ушъ какъ-не́будь помале́нечку проѣхали би-съ.

— Попро́буйте, кажу́, коли́ не йме́те віри.

Ставъ проща́тись,—зъ на́ми ни слове́чка, а все съ Тетя́ною Ива́новною потихе́сеньку; да́лі вже такъ и я почу́въ зъ Га́пкою.— »Остава́йтесь здоро́ві, Тетя́на Ива́новна, не оставля́йте насъ си́ротъ своими вели́кими ми́лостями По живо́тъ свой не забу́ду васъ«.

— Не турбу́йте, господи́нъ купе́цъ: привертайте до насъ объ Різдві. Мо́же Богъ и помо́же. (А се було́ такъ въ Пили́півку. Принесла́ жъ его́ лиха́ годи́на!)

— Понима́емо-съ, Тетя́на Ива́новна,—та й ви́йшовъ зъ ха́ти.

По́тімъ зно́ву верну́вся, несе́ щось въ корзи́нці:—Оце́, ка́же, гости́нець Гафіі Петро́вні; звиня́йте, по бідности чимъ моги́мъ, благоволи́те прия́ти, здѣся все здоро́вое, мо́жна съ-прили́чіемъ куша́ти.

Га́пка ди́вится ёму́ въ вічі: якъ то мо́жна бра́ти одъ чужо́го чоловіка?

— Не обіжа́йтесь, озьми́те, ощасли́вте мене́; въ дру́гий разъ больше эфтаго привезу.

— Возьми́ жъ, дурна́, коли́ даю́ть, ажъ извідкіля́, вони везли́, не для ко́го,—для те́бе.

Я підморгну́въ: —бери́ мовъ, Га́пко, пригоди́тця.

Взяла́ Га́пка. Поіхавъ купе́ць.

— Чого́ се вінъ, ма́мо, приізжа́въ до насъ? запита́ла Га́пка.

— А тобі на́ що?.. за все повина дітямъ одвіча́ти? Хиба́ я не вільна принима́ти у се́бе благоро́днихъ люде́й? Мо́же й сва́тати тебе́ приізжа́въ,—а вона́ и не зрозуміла такої че́сти, гости́нця не захотіла бра́ти одъ тако́го чоловіка; сама́, прости́ Го́споди, смі́тя не сто́іть, а туди́жъ ще чва́нитця. Спра́вді тобі, Га́пко, и зоставатись мужи́чкою; дурна́, що й хлопочу́ за васъ! У дя́дька пройди́світа все переняла́...

— Не чіпа́й ти мене́, коли́ ніхто́ не займа́.

— Чи ба, яки́й панъ! що? тобі кла́нятись бу́ду?

— Одчепи́сь, ще разъ кажу́; чого́ се тобі корти́ть?

— Я, Га́пко, — кажу́ ій такъ, щобъ брато́ва нечу́ла,— зра́зу дога́дався, зачімъ купе́ць прпізжавъ.

— Объ чімъ тп перегово́рюешъ зъ нимъ, га?

— То я ій каза́въ, що ти зъ купце́мъ ни́шкомъ говори́ла (а самъ да́лебі нічого не чувъ.)

— Пронюхавъ сякий-таки́й! чутки́й, дарма́ що на голові зовсімъ ско́ро не буде воло́сся. Ще ка́же: »я кавале́ръ.« Сімъ разъ наплюва́ла на твое кавале́рство! Зляка́лась тебе́!

— Поговори́, поговори́ ще до́вше!

— А я́къ тобі, Га́пко, вподо́бався господи́нъ купе́ць?

— Такъ собі ні се, ні те́; ка́юсь, що и взяла́ відъ ёго фиги

— Дай-лишѐнь іхъ сюди, попро́буемъ.—Згризъ я одну фи́гу, така́ присо́хлая,—а нічого, кажу́, небого, мо́жна і́сти съ прили́чіемъ, чи я́къ вінъ та́мъ каза́въ?

Усміхну́лась Га́пка.

— Поба́чили бъ ви, дя́дечку, я́къ вінъ пи́льно на ме́не диви́вся, даючи́ фи́ги. Ще що́ каза́въ? Яки́й я вамъ, ка́же, показа́вся на видъ.

— Що́жъ ти ёму одвітила?

— Мині сти́дно ста́ло самій каза́ти: спита́йте, кажу́, у ма́тері.

— Недоладу́, зовсімъ недоладу́, небо́го. Було́ такъ и різну́ти: плюга́ві та ги́дкіі, па́не купе́ць,—ще й усміхну́тись тро́хи. Неха́й би іхавъ та роскушувавъ, проти чо́го ска́зано. Коли́ дурни́й би— поду́мавъ, що се ёго́ такъ хва́лять: бачъ, купці въ проти́вную сто́рону усе́ беру́ть: звірився на собі. Ви́лаявъ я одно́го, тако́гожъ купця́, а вінъ мині—що́бъ ти ду́мала? а вінъ мині: люблю́, ка́же, васъ, що ви по простоті се́рця зо мно́ю,—и подружи́лись. А тепе́ръ, Га́пко, тре́ба діжда́ти Різдва́,—що́ воно́ пока́же?

Ждемо́ ми, не діждемося Різдва́, — вже й фи́ги поіли, на здоро́вье купцеві:—на си́лу діжда́лись. Приіхала й Уля́на, спаси́би ій, навісти́ти насъ,—въ таки́хъ га́рнихъ са́няхъ зъ ку́черомъ кацапомъ, зовсімъ на па́ньский маніръ. Навезла́ бага́цько всякого празнико́вого добра́. Бала́каю зъ не́ю де́ объ чімъ; братова́ вийшла зъ хати; я и прошу́ Уляни.

— Зробіте, бу́дте ла́скові, объ чімъ бу́ду прохати.

— Кажіть, дя́дьку.

— Оце́, кажу́ и́хо на Га́пчину го́лову склада́етця, ма́ти за купця́ сва́тае ії, та Га́пка зовсімъ не вподо́бала ёго́ (спита́й саму́ю);

приміла щобъ зробила, аби не йти заміжъ за такого, а мати буде силувати. Чи не можна бъ, Уляночко, єго якъ-небудь?

— Добре коли не хоче, ніхто не посміе ії приневолити, —я скажу матері; не турбуйтесь, дядечку.

— Не бійся тепер, Гапко, Уляна за тебе, не дасть въ обиду.

А Уляна була, звісно, добрая людина, саму ії одурили — чімъ вона вина, що казали, повіньчають ії. Випроводили У ляну, а купця нема; забарився сучий, гостинці, мабуть, накуплює. На шостий чи на сёмий день Різьдва поіхала братова на той бікъ; не втерпіжъ ій стало дожидати купця, мусила сама навідатись до іхъ.

Остались ми у-двохъ зъ Гапкою. Я полізъ на пічъ, и тільки-що хотівъ помиркувати зъ Гапкою, якъ зустрічати купця, коли щось стукае у двері.—Піди, кажу; подивися, хто тамъ такий може вражий купець справді розминувся зъ матірью — (а самому дуже не хотілось злізати зъ печи). — Не злізу жъ, думаю, хоть би тутъ десять купцівъ, а не тільки одинъ. Чую, хтось увійшовъ у хату й пита: — А маги твоя де, Гапко? — Поіхали на той бікъ. — Скоро вернетця?

— Мабуть тамъ и заночують: бачте, яка хуртовина. А ви дядино, самі хиба приіхали?

— Ні, не сама: зо мною, що бъ ти знала, Гапко, и моі племінники: привезла, щобъ на тебе подивились, чудівную таку; я ще матері твоій обіцялась привезти іхъ. Идіть-лишень сюди, хлопьята!

Чую, увійшли.

Эге!—це вже инша якась кумедія буде. Якажъ се, думаю, дядина, коли такимъ старечимъ вимовляе? Подивився изъ-за печі стоять хлопьята; одинъ зъ іхъ де тобі хлопець: такий блейвасъ, що й женити єго пройшла година: другий справді молодий, премолодий. Дивлюсь, очей не спускаю, що то буде дальше?

Попросила іхъ Гапка прямо сідати за стілъ, щобъ попоіли та одогрілись. Дядина сіла у образівъ на покуті; більший хлопець коло неі, а менший въ кінці стола, такъ щобъ зручніше и встати и походити, коли треба. Надало мині лихо закашляти.

— А хто тамъ такий у васъ кашляе? спитала несподівана дядина.

— Се мій дядько изъ москалівъ, каже Гапка.

— Оце жъ бо, яка ти! и не сказала, що твій дядько тутъ. Дай лишъ, хочъ подивлюся на єго.

— Воні́ не здýжають трóхи, сказáла Гáпка, та й взялá ії за рýки.—Сидíть, сидíть, дядино чогó вамъ такúй турбувáтись.

— Ні, сёгó вже не бýде, щобъ я булá у тéбе и не бáчила твого дя́дька, якúй вінъ тамъ. Вилізла изъ-за стóла, и прямо до пéчі:—обізвітесь, дé ви тутъ?

Бáчу, що прийшлá до мéне біда,—нігде дітись: »ось де, кажý, на самій черині! »Та й піднявся, а вонá до мене лізе. Поцілýемось зъ вáми,—якъ васъ звати? ми-такúй, слáва Богу, рідня́, не чужíі.

— Θéдоромъ звíть.

— А панотця́ вáшого звáли якъ?

Рідня́, дýмаю, а панотця́ не знáе, якъ звáти? та й зрáзу догадáвся, що вонá недáвно порідни́лась съ братóвою, якъ та вíйшлá въ лáску вправúтеля.

— Панотця́, одвíтую, Михáйломъ звáли.

— Отже поцілýемось, Θéдоръ Михáйловичъ. А я шабельни́цька паламáрка; порідни́лась зъ Тетя́ною Ивáновною, та й приíхала навíдатись до нéі, а ії дóня ні слóва про дя́дька.—Посвари́лась на Гáпку:—ти вже въ мéне! Тепéръ пізнáла васъ: ви пáрубкомъ такі гáрні та мотóрні були́. Ви не здýжаете?

— Завáдило, кажý, въ животі.

— Эгé, прáвду ви кáжете, такъ якъ би́ се и въ мéне: діждáлась мяси́ва, ли́шку ззíла, и завáдило. Почивáйте собі, не разворýшуйте себé.

Злізла зъ пéчі и знóву сíла у образівъ; приглéдівся я до нéі: старá-престарéная, зовсíмъ не похóдить на дя́дину, якъ ії звеличáла моя Гáпка.

Одвернýлась я́кось Гáпка до мéне,—я й питáю:

— Якá вонá намъ рідня́?

— Кумувáли десь зъ мáтірью.

Велúка, дýмаю, рідня́!

— А племíники ії відкіля́?

— Вонá кáже, що зъ Перея́слова.

— Гай-гай! зъ Перея́слова? Иди́ лишъ, Гáпко, бíля іхъ порáйся.—а въ самóго животи́ відъ рéготу надриваютця.

Дивлю́сь на племíнікивъ паламáрчинихъ: вони не абú які були́. Усíлись за столóмъ, дóбре вправля́ютця, тíльки подавáй, Гáпко! Настáвила імъ Гáпка усёго, печéного, варéного, трéба булó попóштувати; хоча́ й незвичáйно дівчині, та щó мáешъ робúти, якъ

ма́тері до́ма не ма́е? Ви́пила дя́дина, ви́пивъ бі́льший; прийшло́сь до ме́ньшого: ту́тчки й ста́лось. »Я, ка́же, ви́пью, тільки ви пе́рше ви́пейте.« Дівчина одка́зувалась, що вона́ зовсім не вжива́е. »Хочъ покошту́йте, хочъ до устъ піднесі́ть.« Му́сила Га́пка підно́сить ча́рку до губівъ; пани́чъ ви́пивъ, дру́гу, тре́тю, хоча́ не повні (куди́ ёму́ ще пи́ти?), и Га́пка все підно́сила ча́рку до губівъ.

Ба́чу я, що хлопья́ звесели́лось тро́хи, та ще таки́ переме́рзши було́; жду, що бу́де да́льше, а воно́ пи́льно погля́дуе на Га́пку. Прилігъ я на черині,—ще гірше оче́й не спуска́ю.

Вже підобідали; Га́пка піднесла імъ горіхівъ: полуза́йте, проси́ть; паничі взяли́сь за горіхи. Дя́дина, звісно, не ість іхъ, бо зубівъ нема́е; бі́льший пани́чъ, си́дя коло не́і, бере горіхи изъ тарілки, а ме́ншее ухитри́лось,—одмінокъ. Поба́чило, що Га́пка тутъ же бли́зько сиди́ть и луза́е собі горіхи, набра́вши въ жме́ню зъ тарілки, отъ воно́ візьме горішокъ, дру́гий, злуза́е, а по́тімъ, дебъ зъ тарілки бра́ти, приве́рне, ніби ненаро́комъ, до Га́пчиної жме́ні, візьме відті́ль оди́нъ горішокъ, прида́вить злеге́сенька за па́льчикъ, швиде́нько злуза́е горіхъ, та й зно́ву до жме́ні и за па́льчикъ прида́вить.

Уміюче, ду́маю, хлопья́. Ще ди́вно мині ста́ло, що й Га́пка ніби сама́ те здозволя́е: якъ тільки вінъ до жме́ні, вона́ и да́е ёму́ горішокъ.

Довге́нько такъ луза́ли, а дя́дина, поівши и попи́вши гарне́нько,—звича́йно стара́, и засну́ла за столо́мъ. Бі́льший пани́чъ вставъ и ка́же ме́ншому: У насъ табаку́ недостача́е; піду я лишень у дру́ге село́, куплю́ у ру́ського; ти поси́дь зъ дя́диною, я ско́ро верну́ся«; запрігъ коня́чку и поіхавъ. Оста́лось одно́ чудо́вне хлопья́ зъ Га́пкою; про дя́дину нічого й каза́ти — якъ уби́та спить. Жду я, яку́ ще чудасію ви́кине.

Хлопья́ сиді́ло одъ Га́пки, такъ що руко́ю бъ ії досягти́, якъ би́ захоті́ло; та де́ тобі—бачъ, посоро́милось, почало́ потро́шку підла́зити. А Га́пка хочъ и піде куди́, зно́ву сіда́е на то́му са́мому місьці. Підсу́нетця хлопья́ на мако́ве зерня́, та й зупи́нитця, про́бі отдиха́е одъ яко́го вели́кого діла, зно́ву підсу́нетця, такъ, мабуть, годинъ зо дві вовту́зилось; почервоні́ло, зади́халось, та все бли́жче: ще на зерня́—и вмісті зъ Га́пкою.

Ой, школярі ви, школярі! дарма́ що у́читесь, а дурні есте́! Чи такъ же ми, про́сті та те́мні коха́ли дівча́тъ, якъ були́ молоди́ми?

Була́ въ ме́не чорнобри́ва,—поба́чивъ я ії—вподо́балась, зійшли́ся обо́е, поговори́ли що́ було́ на душі, безъ сорому́ призна́лись, що полюби́лись, та въ пра́вді щи́рості кохали́сь, по́ки мині, безтала́нному, ло́бу не забри́ли. А вже не підсо́вувався до не́і якъ сее хлопья́. Пісьме́ні та розу́мніі, а люби́ти не вміете: чи то у васъ на думці другее́, чи то ви підби́ті и переля́кані, люби́ти боітесь!?

Підсу́нулось хлопья́, затруси́лось, задрі́жало: »що́ се, ду́мае, я наробивъ!« Га́пка ні зъ місьця.—Эге́, ду́маю: та се вже и́нша пісня.—Обняли́ся, пи́льно ди́вляться другъ на дру́жка въ вічі; по́тімъ опусти́ли очі, зно́ву подиви́лись та й ні слова.

Заворуши́лось, бачу́, и въ те́бе, хло́пче, се́рце; не зна́ю яке́ воно́ тамъ, а заворуши́лось. А якби́ це поба́чивъ тебе́ у тако́му ви́ді твій нача́льникъ, яко́і бъ вінъ заспіва́въ тобі—не зна́ешъ? Забу́въ еси́ про школя́рьску му́штру; огля́нься, ажéжъ ти на мужи́чку придиви́вся — хиба́ не гріхъ? Усе забу́въ-еси́!!

Забу́ло хлопья́, що й дя́дько Га́пчинъ на печі, и, мо́же, все те ба́чить. Обняли́сь, підійшли́ до стола́, схили́лися на ёго вку́пці и ди́вляться на образи́. Свяги́й зна́е, що́ въ іхъ на ду́мці. А дя́дина спіть підъ образа́ми, нічо́го того́ не чу́е, не ба́чить—сама́ якъ о́бразъ. Проки́нулась, погля́нула на іхъ, ніби зраділа: »оце́, ка́же, Га́пко, вибіра́й изъ двохъ, кого́ хо́чешъ: оби́два мої племіники—котро́го вподо́баешъ? Якъ дасть за тобо́ю вправитель 12 ти́сячъ, то й будешъ попаде́ю.«

Бачъ, куди́ стрига́е дя́дина: — розу́мна! Яка́сь недо́бра душа́ наговори́ла ій, що за Га́пкою 12 ти́сячъ.

Засну́ла дя́дина зно́ву почались лю́бощі, — не ниди́вляться. Вже бачу́, хлопья́ пе́рстінь стяга́е зъ Га́пчинихъ рукъ. Зняла́ Га́пка пе́рстінь, одда́е ёму́, а воно́-зраділо: »повікъ, ка́же, васъ не забуду, тільки не забува́йте мене́.—Ні, нікóли не забу́ду, —тихе́сенько одказала Га́пка. Эге́, ду́маю, се вже ділo спра́жне дiетця, и безъ дя́дька не обійдетця. Вже я почáвъ прикла́дувати, я́къ то про случа́й ділo повести́, — коли́ се лиха́ годи́на несе́ купця́.

Не зузріла ёго́ Га́пка, такъ и заста́въ іхъ у-ку́пці. Почу́хався купе́ць, ба́чучи, що не про ёго тутъ спра́ва.

— А Тетя́ни Ива́новни нéту дома? пита́е.

— Зъ само́го ра́нку,—одвітила Га́пка, почервонівши,—поіхали до васъ; ви, ма́буть, розмину́лись зъ ни́ми!

Купе́ць подиви́вся на не́і, усміхнувся я́кось недоля́дне:—вамъ, ка́же моій небозі,—тутъ га́рно и безъме́не,—оки́нувъ очи́ма хлопця́, примівъ би ззівъ ёго́,—звиня́йте, що́ я помішавъ вамъ,—позво́льте жъ хоть цига́рочку ви́курити въ ва́шій ха́ті?—й ще разъ усміхну́вся. Ви́йнявъ капшу́къ, доста́въ цига́рку, закури́въ и ставъ кріпко ходи́ти по ха́ти; разъ де́сять глядівъ на свої па́льці —а на іхъ усе́ дорогії перстні; разъ де́сять виїма́въ часи́, якъ не ска́же: подиви́ся, мовъ, дівчино, яко́го чоловіка цура́есся, панича́ вподо́бала, тільки й сла́ви що пани́чъ, а го́лий якъ бу́бенъ—на що́жъ то я?—Докури́въ ц гарки та й за ша́пку: »Прощава́йте! мині ту́та не місце«.

Га́пка, для звича́ю, впро́шувала ёго́ поси́діти, та не змогла́. Зовсімъ бувъ ви́йшовъ, зно́ву верну́вся, несе́ фи́ги.

— Оце́ я візъ вамъ возміте: та зга́дуйте и́нколи до́брого чоловіка, купця́.

Га́пка ста́ла ря́ятись зъ панича́мъ—чи взя́ти іхъ, чи ні; вінъ, звісно, учёний: чомъ не взя́ти? всякее, ка́же, дая́ние бла́го... Взяла́ Га́пка и поста́вила на столі.

Погля́нувъ купе́ць, здогада́вся, що ёго́ фи́ги бу́де пани́чъ істи—бли́снувъ на ёго очи́ма:—прощава́йте, ка́же; якъ Тетя́на Ива́новна не зострінетця зо мно́ю, скажіть, що я більше не приіду«. Сівъ у сані, та більше вже купця́ й не ба́чили.

Вели́ка дя́ка паничеві, що черезъ ёго одна́дився купе́ць; а сама́ Га́пка не посміла бъ відказа́ти. Оста́лась Га́пка зно́ву одна́ зъ нимъ. Потішились тро́хи,—коли́ нове́е ли́хо: ба́чить Га́пка, пано-те́ць иде́ зъ кропи́ломъ. Де тутъ дітись паничёві, а вінъ учи́въ ёго́ дити́ну въ го́роді.

— Ли́хо мині, ка́же: мині бъ слідовало пе́рше побува́ти у панотця́, съ пра́зникомъ поздра́вити,— а тепе́ръ що́ вінъ поду́мае?

— Дава́йте-лише́нь сюди́, ка́же Га́пці, хлібъ, ковба́си и са́ло; я бу́ду одбува́ти панотця́,—може дя́диною одговорю́сь якъ-не́будь.

Га́пка й ра́да: де ій, дівчині, одбува́ти панотця́! дала́ ковбасъ, са́ла, грошенятъ тро́хи. »По́райтесь, ка́же, пани́чу, якъ вміете.«

Коли́ и пано́тець въ ха́ту. Погля́нувъ на панича́, здивува́вся, я́къ вінъ тутъ опини́вся; загака́кавъ дякъ, покропи́ли свяче́ною водо́ю.

— А до ме́не жъ, пита́е пано́тець, чомъ не заверну́ли? ба́чте, які ви...

Пани́чъ погля́нувъ на дя́дину, тро́хи не ви́мовить:

— Самі бáчете, отéць Петръ, якъ ії такýю покúнути?

— Знáю, знáю, кáже панотéць, та на ýхо ёмý (Гáпка пíсля вúпитала у панича́), глядíть, прихóдьте ночувáти до мéне, вамъ неприлúчно оставáтись тутъ.

Одбулú панотця; вернýвся стáршій панúчъ, навізъ табакý, та гаразд-такú весéлий.

— Дýренъ, кáже мéншому, що остáвся тутъ: мéне дóбре угостúли у Ивáна; дочкý ёго бáчивъ.

А вінъ, бáчете, зовсімъ кінчáвъ науку, въ почóті бувъ въ панотцівъ, въ котóрихъ дóчки булú, а малóму ще два годкú зъ хвóстикомъ оставáлось до попівства.

— Нічóго, брáте, и тутъ не скучáвъ.

Прокúнулась дя́дина, почалú вечéряти, злізъ и я съ пéчі; погуля́ли ще трóхи паничі, пóки не прислáвъ за нúми панотéць— а кого́, ви дýмаете, вінъ прислáвъ? Дочкý (такá не хорóшая) и сúна свого́ прислáвъ, щобъ уговорúли іхъ, мовъ, до панотця́ итú ночувáти. Більшúй зрáзу здáвся на прóзьбу, а мéншúй дýже, дýже змагáвся, не хотівъ итú. »Цілу нічъ, кáже, бýду сидíти; мíні спáти зовсімъ не хóчетця«. Такúй вгомонúли ёго́, —пішóвъ сердéга, пúльно подивúвся на Гáпку: »завтра, кáже, я знóву прийдý.«

Остáлась паламáрка, а братóва не вертáлась. На другúй день, чімъ світъ, прибігъ мéншúй панúчъ, та не застáвъ вже дя́дини.

— Де дя́дина?

— Поіхала до-дóму, — я вже одвітивъ, бо Гáпка пóралась по хазя́йству.

— А щó, питáю ёго́: васъ панотéць такúй дóбре вúшколивъ, мáбуть?

— Булó усёго, кáже, та я не дýже вважáвъ, до васъ знóву забігъ.

— И дóбре, кажý: чомъ вамъ и не посúдіть тамъ, де вподóбалось.

Остáлося хлопья́ до самóго вéчора, пообідало зъ нáми (я все боя́вся, щобъ братóва не захопúла ёго́), все тільки зъ Гáпкою тішилось: стáне проти неі, дúвитця ій у вічі, дóвго дúвитця, засмутúтця, а нічóго не скáже. А тутъ приіхавъ за нимъ стáрший братъ: порá, кáже, до-дóму (воні́ въ дя́дини празникувáли). Бáчить воно́, що не тепéръ, то въ четвéръ прúйдетця кúдати хáту, де впéрше спізнáло лю́бощі, взялóсь за картýзикъ та й прощáетця.

Одверну́лось я́кось до Га́пки, отдало́ взя́тий у не́і пе́рстінь: »возьміть, ка́же, наза́дъ, та не забува́йте мене́: мо́же мині нікóли ен доведе́тця ба́чити васъ, а я васъ на віки, на віки.. заги́ну не забу́ду». Запла́кало серде́шне, ма́буть чу́ло ёго́ се́рце, що ёму́ не вида́ти більше Га́пки, та й попле́нталось за бра́томъ. Ви́йшла Га́пка прово́дити ёго́, до́вго дивилась въ слідъ ёму́; піднялóсь воно́ на са́няхъ, поглядíло въ-оста́ннє, а потімъ и не ви́дно ста́ло.

Разівъ зо́ три присила́въ вінъ поклінъ Га́пці и дя́дьку-москалéві. По́тімъ и чу́тка пропа́ла про ёго, та й Га́пки не було́ вже въ селі; зъ не́ю йнше ско́ілось. Де то вінъ ве́штаетця тепе́ръ? Коли́ розу́мне та слухня́не, мо́же, попу́е де-не́будь, оженивши на товстій попівні... чи тожъ згада́е Га́пку-сироту́ безтала́нную? Легéнько ёму́ ди́хать, вподоба́лось мині!

Оста́лись ми у двóхъ—я и пита́ю Га́пки:

— А що́, якъ тобі вподóбалась ся ви́шкварка?

— Яка́ ви́шкварка?—сама́ ніби не дога́дуетця,—и зачервоніла.

— Ме́нший, ка́жу, попóвичъ.

— Онъ поду́майте, що́ буде, якъ матю́ся прийдуть? Ска́жуть ще, що я купця́ ви́гнала зъ ха́ти.

Ба́чу, що на друге́ звернýла моя́ Га́пка, — нічого, ду́маю, и роспи́тувати, — неха́й тро́хи одли́гне на се́рці.

— Неха́й,—кажу́,—ка́же, що ти ви́гнала купця́, а все купець більше не прийде; бу́демо якъ-не́будь одбріхуватись.

— Якъ то мóжна бреха́ти?

— Ну такъ скажи́ пря́мо, що вінъ опроти́вівъ тобі.

Ста́ли дожида́тись брато́вої.

Опівночі вернýлась злю́ща — презлю́ща, але́ гаразд натоми́лась, тимъ, ма́буть, и не чіпа́ла насъ; свíтомъ за те доста́лось, ви́дно було́, що вона́ прийхала пря́мо одъ купця́.

— Отта́къ, ка́же Га́пці: я тобі добро́ робúла, а ти оддя́чила мині, до́бре оддя́чила!

Кленéтця Га́пка, що вона́ невúнна, — ма́ти не йме́ віри.

— Бре́шешъ сяка́-така́! ще въ те́бе бувъ яки́йсь пани́чъ, призна́вайся—бувъ?

— Хиба́ жъ я проси́ла ёго́? Шабелницька паламáрка, ва́ша кума́, привезла́ іхъ; мині жъ ії не проганя́ти.

— Зна́ю, що не прогана́ти; тімъ то ти зъ одни́мъ була́ така́ любязна́.

— Вамъ непра́вду наказа́ли.

— Эге́, тобі повірю, а не лю́дямъ. Се все твій дя́дько підстро́ює такъ.

— »Ворчи́, дума́ю, вра́жа ба́бо, — коли́сь переста́нешъ.«

— Постій же, Га́пко, ти мене́ разъ остраміла передъ людьми́, а я тебе́ де́сять разъ. Поба́чимо, я́къ бу́де рятува́ти дя́дько.

Поскака́ла до вправи́теля и до Уля́ни пора́ди прохати, — але́—спаси́бі ій—Уля́на стоя́ла за Га́пку; ще гірше брато́ва розізли́лась.

Напа́ла на ме́не: »ти, ка́же, зба́вивъ Га́пку, и Уля́ну підво́дишъ щобъ йшла́ противъ ме́не! Поба́чимо, хто изъ насъ запану́е.«

И дні и но́чі гри́злись ми зъ не́ю, якъ соба́ки,—переста́ну не було́. А чого́ вже не ви́терпіла та бідна Га́пка,—на ій все ли́хо окоши́лось! Отта́къ ми жили́ ажъ до літа. Пронесла́сь чу́тка, що па́нівъ синъ прибде изъ Москви́ въ село́ жи́ти. Ди́вне щось ста́лось зъ мое́ю братово́ю. Го́ді вже ля́тись зо мно́ю, похму́ра хо́дить, ча́сомъ погляне на дочку́, усміхне́тця якъ змія́, на ме́не поди́витця, заскрего́че зуба́ми, якъ не скаже: —вчи́, моска́лю, мою́ дочку́, — поба́чишъ, що́ зъ не́і бу́де!

А ми не вника́емъ зъ Га́пкою, тішу ії, молоду́ю, якъ умію; збира́ю, коли́ лу́читця, дівча́тъ, співа́ють небо́ги, и моій небо́зі ве́село.—Оце тобі, кажу́, Га́пко, щобъ пригадала коли́ не́будь свого́ дя́дька: яки́й, мовъ, бувъ, то бувъ, а все люби́въ свою́ небо́гу.— Тільки якъ зоста́немося у дво́хъ—скажу́ було́ ій:

— Аже́жъ твоя́ ма́ти щось недо́брее затіва́е.

Засмути́тця Га́пка й промо́вить:

— Вони́ да́вно вже щось ду́же смутніі.

— Кріпко, кажу́, держи́сь, небо́го; мо́же ли́хо якъ-не́будь пере́йде, а се́рце мое́ чу́е лиху́ю годи́ну.

Одно́го дня ходи́ла брато́ва до вправи́теля; верну́лась весе́ла, усміха́етця до дочки́ и ка́же ій:« і велівъ молоди́й панъ, щобъ ти за́втра надъ-вечо́ри прийшла́ до ёго.

Тепе́ръ я зовсімъ догада́вся, чого́ вона́ така́ смутна́ була́.

— Не йди, кажу́, Га́пко: пропаде́шъ, ні за віщо пропаде́шъ, хоть заховайся куди́ не́будь, а не йди до па́на.—А самъ намірився йти́ до Уля́ни, вблага́ти ії, чи не мо́жна ли́ха одвести́.

Оста́вся я оди́нъ съ брато́вою — Га́пка куди́сь ви́йшла зъ ха́ти — та й почáвъ ii дотпна́ти.

— Чи тобі, кажу́, не гріхъ? одну́ дочку́ згуби́ла и до дру́гоі підбіраесся. Схамени́ся, прошу́ ii, по́ки мо́жна, бо да́льше пізно бу́де; бу́дешъ ка́ятись, та не ве́рнетця. Ти ду́маешъ, я не зна́ю, на що́ панъ зве Га́пку?

— А на́що? Тобі яке́ ділo, на щóбъ вінъ не зва́въ; на те вінъ панъ, щобъ во́лю ёго́ вволи́ти.

— Побійся Бо́га, Тетя́но, пожа́лій дити́ну, згада́й мого́ покійного бра́та:—на те вінъ вчивъ дочку́ берегти́? зми́луйся надъ не́ю.

— А вона́ — ми́лувала мене́? Слу́хала, якъ я учи́ла ii жи́ти, не гнуша́тись благоро́дними людьми́? Усе́ на па́кість мині роби́ла, а неда́вно зовсімъ острами́ла. Коли́ не захотіла ща́стя, неха́й пропада́е.

— И за се ій пропадати? Огля́нься круго́мъ, розми́сли, що́ ска́жуть про те́бе лю́де, що на тімъ світі одвітишъ за рідну дочку́?

— Аже́жъ вона́ ду́мала (яки́й врагъ ій наказа́въ) ви́йти за мужика́, опозо́рити мене́,—такъ неха́й же пропада́; ій ме́ншій со́ромъ бу́де, ніжъ оста́тись мужи́чкою. Ти ду́маешъ, що я нічо́го не зна́ла про те, чому́ ти ii вчивъ, якіхъ пісе́нь співа́ла? Хай пропада́! Хочъ очи́ма не поба́чу того́ сорому́... Та й засмія́лась на всю ха́ту, якъ шале́ная засмія́лась.

— Пропа́щая душа́! Відьма ти, думаю, відьма. Грома́дою бу́ду́ прохáти панотця́,—якъ пропаде́шъ,—щобъ оси́ковимъ кілко́мъ тебе́ простроми́ти, а то ще зъ гробови́ща бу́дешъ вила́зити, та вчи́ти дочку́ панува́ти.

Побігъ я мерщій до Уля́ни. Таки впроха́въ ii, мою́ голу́бку, вступи́тись за Га́пку. Впроси́, кажу́, черезъ вправи́теля, неха́й той панъ не нівечить дівчини; а по́ки-що́, переховáй серде́шну, мо́же вінъ ути́шитця. Якъ ви́зволишъ ii, моя́ голу́бко, все Богъ прости́ть тобі, чімъ и́нколи согріши́ла: спаси́ ii.—Таки́ спасла́.

Такъ, днівъ черезъ скількись, кли́че мене́ Уля́на до се́бе.

— Не турбу́йтесь, ка́же, дя́дечку: Га́пку мо́жна ви́зволить, тільки неха́й послу́хае ме́не.

— Що́ жъ тамъ таке́?—пита́ю.

— Ба́чте, ii давно́ вже вподо́бавъ нашъ лікаръ; вінъ на ій же́нитця, коли́ захо́че Га́пка, и повезе́ съ собо́ю у Ки́ївъ: тамъ у ёго своя́ домівка.

Не ду́же, ду́маю, га́рне, а все скоріше тре́ба кінча́ти ділo, бо ненаси́тний панъ звелівъ, якъ би не було́, знайти́ Га́пку.

Звела́ мене́ Уля́на зъ Га́пкою; вона́ ії на и́ншімъ селі переховала.

— А що́, кажи́, небо́го, на що-не́будь рішайся: ми знайшли́ тобі чоловіка,—ви́рве изъ па́ньськихъ рукъ.

И слу́хати дя́дька не хо́че, и нога́ми и рука́ми одверта́ється.

— Ви, ка́же, знамірились мене́ погуби́ти;—та въ слёзи...

— Розсуди́, небо́го—яка́ до́ля тебе́ жде—Узя́въ и розсказа́въ ій усе; Уля́на підтверди́ла.—Послу́хай, кажу́, ще разъ дя́дька, не будешъ каятьця.—И запла́кали усі.

Поду́мала Га́пка, погля́нула на сестру́.

— Спаси́бі тобі, ка́же, Уля́но, за рідну ла́ску: я йду́, за ко́го ви ска́жете.

Поедна́ли ми ії за лікаря.

Иду́чи до шлю́бу, призна́лась мині моя́ небо́га: — Я вже, каже, покоха́ла. — Кого́, моя́ голу́бко? — Того́ ме́ншого панича́, що въ насъ бувъ.

Вгада́въ я, що дала́сь ій та ви́шкварка!

— Та що́, кажу́, съ того́, що ти покоха́ла? шука́й тепе́ръ его́! Мо́же вінъ рімноі собі шука́е; а коли́ не забу́въ тебе́, ёму́ не позво́лять съ тобо́ю одружи́тись, та й коли́ ще се бу́де? Мо́же ви схо́дились міжъ собою, та не зійдетесь на-віки.

— Ні, одмовля́е: нико́ли не забу́ду, хочъ вінъ и забу́де мене́!

Отта́къ я одружи́въ свою́ небо́гу и не ка́юсь, бо не те су́ка—ма́ти дба́ла ій. Кази́лася, якъ почу́ла, що дочка́ повінчана. И па́ні бъ теперъ Га́пка, та не ра́діе ма́ти—чогось и́ншого хотіла. Одвезли́ Га́пку въ Ки́ївъ Лікарь—дякува́ти ёму́—шану́е ії, якъ рідну дити́ну; вінъ изъ мужи́цства ви́йшовъ въ лю́де, якъ мо́влять лю́де; годи́ть жінці якъ уміе. Музи́ки троістої захо́че послу́хати? музи́ка гра́е. Весе́ліхъ дівочіхъ пісе́нь? коли́ не лу́чатця співа́чки, чоловікъ заспіва́е, бо самъ колись парубкува́въ. — Та все не такъ бажа́лось....

Коли́ ни навіщу Га́пку, усе́ вона́ сумна́, старе́ зга́дуе, я́къ тамъ ма́ти живе́ безъ неі, якъ той живе́, що обіща́вся ії не забува́ти. »Не такъ, ка́же, бажа́лось.«

Дежъ того́ щастя шука́ти, скажіте, лю́де? Усе́ поки́ну, піду́ его́ шука́ти для моеі небо́ги! У пісня́хъ га́рно співа́ють, якъ па-

рубокъ зъ дівчиною щи́ро покоха́вся й одружи́вся, дітокъ ма́е, вну́ківъ дожида́е. Дежъ ті щасли́вії?.. не ба́чу! Здае́тця, зовсімъ іхъ нема́е між на́шимъ те́мнимъ наро́домъ.

Покоха́въ и я дівчину—а де́ вона? Верні́теся, старії молодії го́ди!... Не ве́рнутця: вже послідня волоси́на си́віе на безтала́ній голові.

Зненави́дівъ я брато́ву; до сусіда впроха́вся віку дожи́ти. А ще, щобъ ви зна́ли, у брато́вої підроста́е тре́тя дочка́, Пара́ся; у́чить ії брато́ва по-сво́ёму. Забіга́ю я до Пара́сі, якъ братова піде куди́, назира́ю дівчину по-тро́ху (ій ще се́мий рікъ—коли́ й то повнихъ). Неда́вно ба́чивъ ії: сидить мале́ на полу́, щось корписа́е, одіте въ яке́сь мана́тте; обня́въ я ії, приголу́бивъ.

— Погля́нь, кажу́, Пара́сю, на ме́не. — Дивлю́ся, брови шнуро́чкомъ зава́зуютця, о́чі Га́пчині, пи́шнее та цвітю́че.

— На що́ тобі, ду́маю, ця вро́да, якъ вона́ тебе́ погу́бить! Крива́ або́ сліпе́ уроди́лось би, та не пропа́ло бъ даре́мне.

Обня́въ ії, пла́чу та цілу́ю, а воно́ нічо́го того́ не зна́е.

— На що́ ви, пита́е, дя́дечку, такъ ду́же міцно цілу́ете й пла́чете?

— На́ що?? О, колибъ ти виросла́ло щасли́вее! виросла́ло, ли́ха дівочого не зна́ло!

Не здиву́йтесь же, що моска́ль пла́кавъ — було́ чого́. Та ще, ба́чете, ви́дно ма́ло въ москаля́хъ би́ли мене́ паліччями, що пла́кати вмію!...

Михайло Чайка.

МОЯ ВЕСНЯНКА.

И зновъ прийшла весна красна́,
И зновъ зазеленіло поле
И розвилась верба рясна́...
Чомъ ти не розцвітаешъ, доле?

Чого така-жъ якъ и торікъ —
Идешъ похила, невесела,
Мовъ подорожній чоловікъ
Черезъ чужі долини й села?

Отъ, скоро вже и журавлі
Поприлітають въ степъ широкий;
Забованіе у брилі
Вівчарь въ степу середъ толóки;

Отъ, незабáромъ и садки́
Зеленні роспустять віти
И розцвітуть квітки́ — маки́,
Співатимуть веснянку діти...

Коли-жъ зъ тобою, доле, ми
Повеселішаемъ, якъ діти?
А, бачця, й можна бъ: — між людьми
Чому-бъ и намъ не порадіти?

Погляньмо: всюди красота;
Холодну землю сонце гріе;

Цвіте миръ Божий — процвіта;
У полі жито половіе...

Ні, не співать намъ, доле, ні!
Намъ тільке слухать, якъ радіе
Усяка пташка на-весні —
И ждать — коли-то хлібъ поспіе...

Л. Глібовъ.

Березіль 1862 року.
Черніговъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ЗЕМЛИ ВОЙСКА ДОНСКАГО *.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страна, занимаемая донскими козаками; происхожденіе донскихъ козаковъ и первыя о нихъ извѣстія.

Страна, занимаемая теперь Донскими Козаками, была извѣстна у греческихъ писателей подъ именемъ Гипербореи, т. е. страны за сѣверомъ, а иногда Скиѳіи (1); самыя же извѣстія о народахъ, здѣсь обитавшихъ, такъ сбивчивы и неполны, что могутъ быть только хорошимъ пособіемъ при изученіи археологіи донскаго края (2). Заимствуя

(*) Главнымъ матеріаломъ этому очерку служило историческое описаніе Земли Войска Донскаго—рукопись, составленная въ 20 годахъ настоящаго столѣтія, по распоряженію комитета о пересмотрѣ положеній Войска Донскаго. Къ рукописи приложены копіи съ актовъ московскаго архива, на которыхъ мы и основывались, прибѣгая къ историческому описанію только въ случаѣ недостаточности актовъ, или новѣйшихъ сочиненій, въ которыхъ обработанъ тотъ или другой эпизодъ донской исторіи.

1) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во время владычества Скиѳовъ существовали греческія поселенія и по сѣверозападнымъ берегамъ Азовскаго моря. Монеты, вещи и наконецъ развалины древнихъ строеній, находимыя въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстахъ Азовскаго моря, свидѣтельствуютъ о глубокой древности этихъ поселеній (напр. хуторъ Недвиговка).

2) Босфоръ Киммерійскій съ его древностями и достопамятностями, Григорія Спасскаго. 1846.

Археолого-нумизматическій сборникъ, относительно Босфора Киммерійскаго съ картою, его же. 1850.

Исторія о Донскомъ Войскѣ, Алексѣя Попова и матеріалы къ ней. Харьковъ, 1814 г.

изъ этихъ извѣстій возможно—краткую перечень событій, можно видѣть, что Скиѳы были вытѣснены въ послѣднихъ годахъ до Р. Х. Сарматами, которые, въ лѣтописяхъ римскихъ писателей, замѣнили самое имя Скиѳовъ.

Въ первое время по Р. Х., здѣсь жили Алане, порабощенные, въ концѣ IV вѣка, Гуннами. Около времени основанія русскаго государства, т. е. въ IX вѣкѣ, на мѣстахъ, орошаемыхъ рѣкою Дономъ, жили попеременно Хазары, Печенѣги и Половцы.

Изъ этихъ народовъ одни Хазары оставили по себѣ нѣкоторые памятники (1), состоящіе въ развалинахъ ихъ поселеній.

Въ XI столѣтіи начинаются частыя столкновенія Печенѣговъ и Половцевъ съ Русскими, которые мало по малу подчинили ихъ своему вліянію.

Въ 1224 году, впервые прошли донскую землю Монголы и, разбивъ русскія войска на берегахъ р. Калки, удалились; но явились вновь въ 1237 году, и, подчинивъ Русь своей власти, основали свои кочевья и въ донской землѣ, что̀ свидѣтельствуютъ оставшіеся послѣ нихъ памятники, состоящіе изъ развалинъ кирпичныхъ зданій, различныхъ сосудовъ и употребляемаго ими оружія (2).

Монголы впослѣдствіи раздѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ ордъ, изъ которыхъ вначалѣ была сильна Букеевская, или Золотая, орда; но потомъ, ослабленная и уничтоженная великими князьями русскими Іоанномъ III и Іоанномъ Грознымъ, она уступила свое первенство ордѣ Крымской, занявшей Таврическій полуостровъ и вступившей въ родственныя отношенія къ Турціи. Вмѣстѣ съ раздѣленіемъ на орды, имя Монголовъ исчезаетъ и замѣняется различными наименованіями татаръ: сибирскихъ, астраханскихъ, казанскихъ, крымскихъ, ногайскихъ и другихъ.

Крымскіе татары, отдѣленные отъ государства русскаго огромными степными пространствами, до второй половины XVIII столѣтія сохраняютъ независимость; одни, или съ помощью турецкихъ войскъ ведутъ постоянную, ожесточенную фанатизмомъ, войну съ Русскими, по-

---

1) Саркеллы—крѣпость Хазаровъ, развалины которой въ юрту Качалинской станицы.

2) Остатки татарскаго владычества разбросаны всюду по Донской землѣ, но въ особенности примѣчательны развалины кирпичныхъ мечетей близъ Глазуновской станицы Усть-медвѣдицкаго округа и въ юрту Каменской станицы Донецкаго округа.

ка энергическія мѣры, принятыя императрицею Екатериною II, не сокрушили ихъ самостоятельность.

Во время этихъ безпрестанныхъ войнъ съ татарами, является на историческое поприще народъ, который, занявъ самъ-собою тѣ пустынныя степи, извѣстныя въ лѣтописяхъ подъ именемъ Поля, которыя отдѣляли Россію отъ татаръ, положилъ себѣ цѣлью—вѣчную войну съ мусульманами, и тѣмъ много способствовалъ къ ослабленію и уничтоженію татарскаго владычества. Этотъ народъ извѣстенъ въ русской исторіи подъ именемъ Козаковъ Запорожскихъ и Донскихъ, отъ главныхъ ихъ притоновъ (за порогами) на р. Днѣпрѣ, и на р. Донѣ.

Участіе Козаковъ въ русской исторіи носитъ на себѣ печать самобытности и особеннаго интереса; это побуждало многихъ написать ихъ отдѣльную исторію, которая должна подраздѣляться на исторію запорожскихъ козаковъ, тѣсно связанную съ исторіею Малороссіи, и исторію донскихъ козаковъ, какъ поясненіе исторіи московскаго государства.

На долю Запорожцевъ выпали болѣе любопытныя событія, что произошло отъ столкновенія этого народа съ западно-католическою и аристократическою Польшею; но и въ судьбѣ донскихъ козаковъ есть много событій своеобразныхъ, характеризующихъ жизнь и указывающихъ на родство ихъ съ козаками запорожскими.

Происхожденіе донскихъ козаковъ опредѣлить трудно; однакожъ, основываясь на большинствѣ писателей, можно заключать, что первоначальные донскіе козаки суть выходцы изъ Русской земли, оставившіе свою родину по разнымъ причинамъ и въ различное время: иные бѣжали отъ власти помѣщиковъ, бояръ и чиновнаго міра; другіе оставляли отечество изъ опасенія за жизнь въ грозное правленіе Іоанна IV; наконецъ были и такіе, которые презирали мірную жизнь хлѣбопашца, скромныя занятія гражданина: эти бѣжали изъ родныхъ городовъ ревень, чтобы дышать свободною жизнью въ степи, гдѣ удали и молодечеству представлялся безграничный просторъ. Впослѣдствіи, къ нимъ присоединилось много малороссіянъ, преимущественно запорожцевъ.

До развитія въ самостоятельное общество, эти бѣглецы составляли немногочисленныя шайки, подъ предводительствомъ выбранныхъ ими атамановъ [1]).

---

[1]) Атаманъ, по-норманскі — ватманъ, сравни — ватага. Замѣчаніе П. М. Строева; въ его собраніи монастырскихъ актовъ.

Гнушаясь хлѣбопашествомъ и не имѣя другихъ средствъ для существованія, шайки козаковъ жили въ первое время грабежемъ и разбоемъ, а потому первыя извѣстія о козакахъ, полученныя московскимъ дворомъ, наполнены жалобами на воровъ—козаковъ, затруднявшихъ торговыя сношенія русскихъ промышленниковъ.

Но общество развивалось, а съ тѣмъ вмѣстѣ выяснялась и цѣль его. Имя разбойника и вора неслишкомъ пріятно звучало для членовъ новаго общества, а цѣль была на лицо — защита христіанства отъ магометанъ, вѣчная вражда противъ невѣрныхъ.

Когда эта цѣль соединила нѣсколько шаекъ, то образовавшееся общество потребовало лучшаго порядка; и вотъ, на берегахъ Дона, при впаденіи Донца, на острову между обѣими рѣками, выбирается сильный стратегическій пунктъ—Раздоры, куда стеклись и соединились въ единое братство всѣ молодцы, наскучившіе бродяжническою жизнью въ Полѣ.

Хотя, съ основаніемъ общества въ Раздорахъ, разбои и грабежи козаковъ не прекратились и повторялись еще долго, но послѣ буйнаго разгула, они являются усердными слугами Россіи, и своими громкими и полезными дѣлами, заставляютъ забывать о недавно—совершенныхъ преступленіяхъ.

Донскіе козаки, устроившись въ Раздорахъ, проявили себя не ранѣе половины XVI столѣтія. До этого времени трудно было рѣшить, кто производитъ набѣги на Поле: — русскіе ли бѣглецы, или татарскіе наѣздники, которые еще долго носятъ названіе козаковъ: (это ясно видно изъ грамоты великаго князя Василія Іоанновича къ турецкому султану (1).

Разбои съ года на годъ увеличивались въ размѣрахъ и около 1528 года дошли до того, что не было возможности безопасно проѣзжать даже посламъ, отправляемымъ изъ Москвы въ Крымъ и обратно; но уже эти разбои производились не съ одной стороны крымской, т. е.

Разборъ исторіи Войска Донскаго, составленной Броневскимъ: критическая статья Сухорукова — рукопись. Примѣчанія къ ней.

1) Дѣла турецкія, книга № 1, листъ 233, наказъ дворянину Морозову, посылаемому въ Константинополь къ турецкому султану съ грамотою, гдѣ между прочимъ писано: «и твои казаки азовскіе нашихъ людей имаютъ на Поле, да водятъ въ Азовъ, да ихъ продаютъ, а емлютъ съ нихъ окупы великіе и лиха нашимъ людямъ отъ твоихъ казаковъ азовскихъ много чинится».

южной, но и съ восточной, гдѣ между пойманными находились ногайскіе татары и Русскіе (1).

Изъ наказа царя Василія Іоанновича третьяку Гудину, посланному въ 1521 году къ турецкому султану, видно, что оба государя въ это время рѣшились учредить въ донской землѣ станы для переговоровъ и препровожденія пословъ, причемъ русскіе станы думали учредить на Хопрѣ и, въ крайнемъ случаѣ, на Медвѣдицѣ; о донскихъ козакахъ въ этомъ наказѣ не сказано ни слова (2).

Въ первый разъ о донскихъ козакахъ упоминается въ 1549 году; но и здѣсь этимъ именемъ названы тѣ козаки, которые служили въ городахъ по верховьямъ Дона и по рѣкамъ въ него впадающимъ, поселенные самимъ правительствомъ (3).

Но жалоба татаръ, въ этомъ же году, на какихъ-то Севрюковъ, живущихъ на Дону, даетъ поводъ думать, что уже на донской землѣ образовалось общество самобытное и довольно сильное, о которомъ пишетъ ногайскій князь Юсуфъ (4) царю Іоанну Васильевичу Грозному и въ отвѣтъ получаетъ, что: «тѣ разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома и отъ насъ бѣгаютъ (5)». Вслѣдъ за этимъ, въ другой грамотѣ Юсуфа упоминается, что эти бѣглецы основали на Дону въ четырехъ мѣстахъ городки и стерегутъ ногайскихъ татаръ, и что атаманомъ ихъ былъ нѣкто Сарыазманъ; но московскій дворъ тотчасъ отрекся отъ нихъ, отписавъ, «что эти холопы въ нашей землѣ многое лихо учинили» и, какъ видно изъ той же грамоты, послѣ сдѣланныхъ ими преступленій эти люди бѣжали на Поле (6).

---

1) Дѣла ногайскія, книга № 2, листъ 230.

2) Дѣла турецкія, книга № 1, листъ 15 —161.

3) Великій князь Іоаннъ Васильевичъ, желая склонить въ то время ногайскихъ князей къ войнѣ противъ крымцевъ, велѣлъ своему послу сказать ногайскому князю Юсуфу: «Дошелъ до насъ слухъ, что крымскій царь недоброжелательствуетъ вамъ... астраханскому царю прислалъ пушки и людей на помощь. Я же, по дружбѣ вашей ко мнѣ, повелѣлъ моимъ путивльскимъ и *донскимъ* казакамъ воевать крымскіе улусы». Дѣла ногайскіе, книга № 3, листъ 85—87.

4) Дѣла ногайскіе, книга № 3, листъ 113. «О сей же годъ наши люди ходили къ Москвѣ съ торгомъ. Да осенье, какъ шли назадъ, тѣ ваши казаки-севрюки, которые на Дону стоятъ, пришли на тѣхъ нашихъ людей, да иныхъ побили и куны ихъ взяли, а иныхъ де и къ тебѣ повели?

5) Тамъ же, листъ 118—119.

6) Тамъ же, листъ 171.

Образованіе донскаго козачества слѣдуетъ отнести не ранѣе, какъ къ половинѣ XVI столѣтія, когда новое общество уже окрѣпло и было связано одною цѣлью; когда разбросанныя шайки собрались и проникнулись единою мыслью. Мы не слишкомъ ошибемся, если примемъ 1550 годъ—годомъ основанія самобытнаго донскаго козачества, потому-что уже въ слѣдующемъ 1551 году это общество было настолько сильно, что обратило на себя вниманіе турецкаго султана, просившаго ногайскаго князя унять донскихъ козаковъ отъ нападенія на городъ Азовъ (1).

Окончательно утвердившись на Дону, козаки, вѣроятно, вскорѣ по водвореніи, предложили себя на службу царю Іоанну Грозному, который, по необходимости, долженъ былъ принять ихъ подъ свое покровительство. Одни изъ нихъ участвуютъ при покореніи астраханскаго царства, между тѣмъ, какъ другая ихъ часть бдительно слѣдитъ за движеніями и намѣреніями крымцевъ, союзниковъ царя астраханскаго, и хотя козаки не всегда могли бороться съ огромными силами хана, но покрайней мѣрѣ о вторженіи его полчищъ своевременно извѣщали московское государство.

Отличившись удальствомъ и храбростью во время войнъ Іоанна IV съ Астраханью и Крымомъ (1555—1559), донскіе козаки въ 1569 году выказываютъ странное малодушіе. Турецкій султанъ Селимъ, рѣшивъ воевать Русское царство, послалъ сухопутное войско чрезъ задонскія степи къ Астрахани, а морскія силы отправилъ на ладьяхъ по Дону. При первомъ приближеніи непріятеля, козаки разбѣжались и собрались только послѣ отступленія турецкаго войска, встрѣтившаго неожиданныя трудности въ безводныхъ задонскихъ степяхъ (2). Какъ скоро опасность миновала, донскіе козаки возвратились на прежнія мѣста и опять начали разъѣзды къ сторонѣ Крыма и ногайскихъ татаръ, поощряемые московскимъ дворомъ (3). Въ это время

---

1) Что русскаго царя Ивана лѣта пришли, рука его надъ бусурманы высока; ужъ де и мнѣ отъ него обида великая; Поле де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ у меня отнялъ; да и Азовъ городъ упустѣ у меня доспѣлъ; поотымалъ всю волю въ Азовѣ; казаки его съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пить недадутъ». Дѣла ногайскія; книга № 4; листъ 39—41.

2) Дѣла крымскія, № 13; листъ 287—300.

3) Царь Іоаннъ Васильевичъ въ это время особенно благоволилъ къ козакамъ и, собираясь отомстить крымскому хану за сожженіе Москвы, прислалъ

постоянныя жалобы на козаковъ какъ турецкаго султана и крымскаго хана, такъ и ногайскихъ князей, оставались безъ всякихъ послѣдствій, потому-что московскій дворъ уже сознавалъ, какую помощь могутъ принести козаки, будучи передовою стражею, аванпостною цѣпью, противъ нападеній мусульманъ.

Въ 1576 году, козаки участвуютъ съ русскими войсками въ войнѣ Ливонской и, дѣйствуя въ первомъ походѣ съ большимъ усердіемъ, во второй походъ, 1579 года, самовольно уходятъ отъ царскихъ воеводъ во-свояси или, по словамъ лѣтописцевъ, «пошли на Донъ безъ отпуску (1)».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разбои козаковъ на Волгѣ. Завоеваніе Сибири Ермакомъ. Образованіе волжскихъ, яицкихъ и терскихъ козаковъ. Отношеніе донскихъ козаковъ къ царямъ русскимъ: Іоанну Грозному, Ѳеодору Іоанновичу и Борису Годунову.

Удальство донскихъ козаковъ, свободная и разгульная жизнь на новомъ поселеніи привлекала постоянно на Донъ новыхъ пришельцевъ; а впродолженіи войны Іоанна Грознаго съ Новгородомъ, во время кровавыхъ происшествій этого царствованія, Русскіе уже бѣгали на Донъ толпами. Число ихъ быстро умножилось, и они уже не ограничивались поселеніями на Дону, а искали новыхъ мѣстъ на Волгѣ, Яикѣ и на Кавказѣ. Эти новыя шайки наводили страхъ на улусы Ногаевъ, громили ихъ, а всего чаще грабили промышленниковъ и купцовъ. Какъ прежде торговый путь черезъ Поле, такъ теперь торговая дорога изъ Москвы въ Астрахань сдѣлалась опасною отъ постоянныхъ грабежей и разбоевъ козаковъ, или другихъ людей, занимавшихся разбойничьимъ промысломъ.

въ 1571 году къ донцамъ казачьяго атамана Никиту Машина съ какимъ-то тайнымъ порученіемъ и съ грамотою къ «донскимъ атаманамъ и казакамъ», въ которой писано, что когда Машинъ пріѣдетъ и учнетъ говорити и вы бъ съ нимъ о нашихъ дѣлехъ промышляли за одинъ, и какъ намъ послужите и мы васъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ». Вѣрющая грамота государя царя Іоанна Васильевича 1571 года. Ист. Карамз. т. IX; примѣчаніе 348.

(1) Тамъ же, т. IX, стр. 298; прим. 525.

Имя козака и вора–грабителя большихъ дорогъ сдѣлались синонимами. Шайки новыхъ козаковъ шли на грабежъ, не спрашивая разрѣшенія войсковаго круга (1). Здѣсь не было разбора: персидскіе ли купцы, или русскіе промышленники везли товары. Ихъ грабили одинаково, а при малѣйшемъ сопротивленіи умерщвляли. Имя козака произносилось съ ужасомъ и проклятіями. Ногайскіе князья, персидскіе посланники и русскіе купцы неоднократно приносили жалобы Іоанну; козаковъ стали ловить, а пойманныхъ представляли въ Москву, гдѣ ихъ ожидала казнь и висѣлица.

Но ни казни, ни сильные отряды, посылаемые противъ козаковъ, не унимали ихъ безпокойнаго духа. Переставая грабить купцовъ, они тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ нападали на ногайскихъ татаръ, жгли ихъ селенія, уводили женъ и дѣтей, отбивали стада; а въ 1570 году напали на столицу ногаевъ Сарайчикъ и «не только людей и живыхъ сѣкли, и мертвыхъ изъ земли вырывали и гробы ихъ розоряли (2)».

Причина этихъ постоянныхъ разбоевъ была двоякая: во-первыхъ, невозможность осѣдлости посреди кичливыхъ татаръ, которые не исполняли мирныхъ договоровъ. Козаки не могли заняться ни земледѣліемъ, ни промышленностью, постоянно ожидая нападенія татаръ, и по необходимости жили грабежемъ и разбоемъ. Во-вторыхъ, политика русскаго двора, который запрещалъ имъ воевать съ татарами, когда того требовали его виды; въ это–то время козаки всего чаще являются грабителями большихъ дорогъ. Притомъ, одно нападеніе на ногайцевъ доставляло козакамъ царское жалованье, другое—лютую казнь, и пріучало козаковъ къ перемѣнной политикѣ русскаго двора.

Около 1570 года, разбои козаковъ усиливались все болѣе и болѣе; они окружили сѣтью своихъ шаекъ все пространство отъ Яика черезъ Волгу и Донъ до Днѣпра. Надо полагать, что въ числѣ козаковъ въ это время было много опальныхъ Іоанна Грознаго, которые подговаривали козаковъ на болѣе дерзкіе поступки. Въ томъ же 1570 году атаманы нѣсколькихъ шаекъ волжскихъ козаковъ: Иванъ Кольцо, Богданъ Борбоша, Никита Панъ и другіе, ограбили ногайскихъ пословъ и русскаго боярина Василія Пелепелицына на Волгѣ, близь Сосноваго

---

1) Такъ называлось собраніе, на которомъ козаки, по большинству голосовъ, рѣшали свои дѣла.

2) Дѣла крымскія, книга № 10; листъ 140.

острова (1). Разгнѣванный государь послалъ грамоты въ Казань и Астрахань объ изловленіи грабителей, съ повелѣніемъ пойманныхъ казнить смертію. Но судьба готовила этихъ буйныхъ людей на дѣла славныя въ обширномъ царствѣ Сибирскомъ.

Цари сибирскіе, потомки Чингисхана, около этого времени обязались платить царю Іоанну Грозному дань, но не всегда исполняли договоръ, напротивъ, часто нападали на восточные предѣлы Русскаго царства. Это побудило Іоанна Грознаго повѣрить защиту границъ своего государства купцамъ Строгоновымъ, съ большими для нихъ преимуществами и съ обязанностью имѣть собственное войско и заводить крѣпости. Для найма войскъ Строгоновы приглашали вольныхъ людей и многія шайки донскихъ и волжскихъ козаковъ, славныхъ по «буйству и храбрости». Въ апрѣлѣ 1579 года, послы Строгоновыхъ явились къ козачьимъ атаманамъ: Ермаку Тимофѣевичу, Ивану Кольцо, Якову Михайлову, Никитѣ Пану и Матвѣю Мещеряку; вручили имъ подарки Строгоновыхъ; увлекли ихъ воображеніе обширнымъ полемъ дѣятельности въ странѣ, славной по богатству и обилію даровъ природы. Атаманы обрадовались, видя, по словамъ лѣтописи (2), *пришествіе пословъ съ толикою честью отъ мужей славныхъ*. На крутомъ берегу, при устьѣ Самары собрался кругъ (всѣ атаманы съ предоблею дружиною) *думать думу важную съ цѣла ума*. Атаманъ Ермакъ, храбрѣйшій и просвѣщенѣйшій изъ козаковъ, говорилъ въ кругу сильно и много о безславіи и опасности ихъ: «слывя ворами, мы скоро не найдемъ убѣжища въ землѣ нашей, и, отринутые Богомъ, не узримъ царства небеснаго; смоемъ пятно наше службою честною или смертью славною; послѣдуемъ призванью честныхъ мужей Строгоновыхъ». Весь кругъ прогремѣлъ: «пойдемъ»—и атаманы, поднявъ знамя, 28 іюня явились въ Чусовыхъ городкахъ, въ числѣ 540 человѣкъ.

Первые два года эти козаки защищали крѣпостцы, построенныя Строгоновыми; но въ 1581 г., вслѣдствіе внезапнаго набѣга сибирскихъ татаръ на русскіе городки, рѣшились отомстить и вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда положить предѣлъ этимъ опустошительнымъ набѣгамъ.

Въ томъ же году, хорошо снаряженные и усиленные новыми охот-

---

1) Дѣла погайскія; книга № 10; листъ 258—261.

2) Рукопись, имѣющая названіе «о взятіи сибирской земли» и дѣла сибирскія, столпъ 2 и 3. Отрывки помѣщены въ историческомъ описаніи В. Донскаго.

никами, козаки, подъ начальствомъ Ермака Тимофѣевича, въ числѣ 840 человѣкъ, сѣли на ладьи и пошли искать Сибирское царство.

Постоянно враждуя между собою, сибирскіе князья не соединились, чтобы взаимно противоборствовать малочисленной, но храброй, дружинѣ Ермака. Разсказы о храбрости козаковъ и ихъ огнестрѣльномъ оружіи заранѣе приводили татаръ въ ужасъ. Перетаскивая суда изъ одной рѣки въ другую, козаки по дорогѣ завоевывали небольшія сибирскія ханства. Такимъ образомъ дружина вступила въ Иртышь, гдѣ началось царство сильнѣйшаго изъ сибирскихъ владѣтелей, Кучума. Онъ навстрѣчу Ермаку послалъ племянника своего Маметкуля. Маметкуль былъ разбитъ и оставалось поразить самого Кучума, ожидавшаго нападенія въ укрѣпленномъ мѣстѣ. Не смотря, что дружина въ долгомъ плаваніи и постоянныхъ битвахъ была ослаблена, козаки ободренные словами: «не посрамимъ себя, помремъ всѣ, но врагамъ неуступимъ; если же побѣдимъ, память наша въ странахъ сихъ и слава въ мірѣ будутъ вѣчны»,—бросились на войско Кучума, которое, послѣ упорной битвы, обратилось въ бѣгство. Кучумъ, забравъ въ своей столицѣ Искерѣ самыя дорогія сокровища, бѣжалъ дальше, а Ермакъ тотчасъ ее занялъ.

Вскорѣ за покореніемъ Искера, все царство Кучума подпало подъ власть Ермака, который, то оружіемъ, то разумнымъ управленіемъ, привлекалъ къ себѣ сосѣднихъ князей и дѣйствовалъ такъ успѣшно, что многіе изъ нихъ явились къ нему съ дарами и выразили желаніе быть «подъ рукою русскаго царя».

Если завоеваніе Сибирскаго царства дѣлаетъ честь храбрости и отважному духу Ермака, то гораздо выше слѣдуетъ цѣнить его высокія политическія дарованія, которыя укрѣпили сдѣланныя ими, завоеванія навсегда за Русскими.

Ермакъ, удостовѣренный въ прочности своихъ побѣдъ, послалъ нѣсколько человѣкъ своей дружины къ Строгоновымъ, которые отослали ихъ въ Москву съ вѣстями о завоеванномъ царствѣ. Одаривъ Строгоновыхъ и донскихъ атамановъ, Іоаннъ Грозный послалъ къ Ермаку богатые подарки и чрезъ нѣсколько времени отправилъ на помощь русскія войска; но атаманъ-герой не дожилъ до этого. Вскорѣ послѣ полученія милостей царскихъ, Ермакъ погибъ въ одной изъ схватокъ съ сибирскимъ княземъ изъ рода Кучума. Въ этой схваткѣ, окруженный внезапно непріятелемъ, Ермакъ, желая избѣжать плѣна, хотѣлъ прыгнуть въ лодку, стоявшую недалеко отъ берега, но не расчиталъ

прыжка и въ тяжелой бронѣ упалъ въ Иртышь «*въ волнахъ котораго сокрылся на вѣки*». Ни современники, ни потомки не отнимали у Ермака славы его завоеванія, которое возвысило козаковъ во мнѣніи русскаго народа.

Громкая слава сподвижниковъ Ермака разнеслась по всему Русскому царству и многіе изъ волжскихъ козаковъ оставили свое разбойничье ремесло, поселились недалеко отъ устьевъ Яика (Урала), гдѣ, въ мѣстахъ привольныхъ для рыбной ловли, основали городъ въ 1584 году и положили начало Уральскому войску.

Россія еще въ концѣ XV вѣка имѣла на Терекѣ свои городки, населяя ихъ городовыми козаками. Въ 1581 году, по просьбѣ грузинскаго царя Александра, туда же отправлена дружина стрѣльцовъ; но этой дружины было недостаточно, а потому частью по собственной волѣ, а частью по приглашенію правительства, переходили туда и донскіе козаки. Переселенцы на новомъ мѣстѣ остались вѣрны своей цѣли—воевать съ невѣрными, что видно изъ просьбъ крымскаго хана русскому посланнику о сведеніи козаковъ съ Терека.—Раздѣлившись на четыре главныя группы: донскихъ, волжскихъ, уральскихъ и терскихъ, козаки тѣмъ удобнѣе могли тревожить различныя орды татаръ, скитавшіяся подъ управленіемъ отдѣльныхъ князей по огромному пространству юговосточной Россіи. Безпрестанныя, почти ежемѣсячныя жалобы ногайскихъ татаръ русскому двору не вели ни къ чему. Московское правительство уже видѣло пользу, которую приносятъ ему козаки, относительно магометанъ. Никогда служба козаковъ не была такъ ощутительна, какъ во время нашествій татаръ на самое Московское царство, что случалось нѣсколько разъ въ правленіе Іоанна Грознаго и сына его Ѳеодора Іоанновича. Но неуспѣвали собраться полчища крымскаго хана, какъ вѣсть о ихъ походѣ была извѣстна всему русскому государству чрезъ козаковъ, которые стерегли каждый шагъ татаръ, догадывались о каждомъ ихъ намѣреніи.

Каждый ханъ считалъ своею обязанностью побывать на Окѣ и воевать Московское царство. Такъ въ 1591 году, пользуясь отсутствіемъ русскихъ войскъ въ Швецію, крымскій ханъ Казы – Гирей собралъ огромную рать и двинулся съ нею на Москву. Козаки извѣстили русское правительство, вслѣдствіе чего были взяты предосторожности и непріятеля заставили возвратиться назадъ.

По замиреніи съ Крымомъ и ногайскими татарами, правительство старалось и козаковъ склонить къ прекращенію набѣговъ, для чего при-

сылала имъ неоднократно жалованье, состоящее изъ суконъ, хлѣба и денегъ, а также изъ пороха и свинцу. Козаки прекращали набѣги до тѣхъ поръ, пока наши посланники вели переговоры, а потомъ вновь начинали нападеніе на татаръ, находя всегда предлогъ къ войнѣ. Къ тому же и татары пользовались каждымъ случаемъ, чтобы нанести козакамъ вредъ. Царское жалованье ставало имъ на весьма короткое время; притомъ, они получали всегда свинецъ и порохъ, назначеніе которыхъ было весьма понятно.

Такова была политика царей Іоанна и Ѳеодора. Со вступленіемъ на престолъ Бориса Годунова милостивыя отношенія русскаго двора къ козакамъ кончились. Борисъ Годуновъ не благоволилъ къ козакамъ, прекратилъ выдачу имъ жалованья, запретилъ козакамъ безпошлинно торговать въ московскомъ государствѣ и навѣщать своихъ близкихъ, что было разрѣшено грамотою царя Ѳеодора Іоанновича. Не довольствуясь этимъ, Борисъ Годуновъ построилъ въ 1598 году на Донцѣ городъ Царевъ–Борисовъ, писалъ крымскому хану о свѣдѣніи козаковъ съ Дону и показалъ такимъ–образомъ явное намѣреніе уничтожить донское козачество. Эту перемѣну въ обращеніи съ козаками можно приписать только подозрительности Бориса, который могъ считать козаковъ сообщниками его враговъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ Россіи разнеслась молва, что царевичъ Димитрій живъ и что Годуновъ есть похититель престола и достоянія Іоанна. Лжедимитрій зналъ о нерасположеніи козаковъ къ Годунову и, разумѣется, этимъ воспользовался. Признанный царемъ сперва въ Польшѣ, самозванецъ спѣшилъ найти себѣ союзниковъ и въ донскихъ козакахъ. Въ грамотѣ (1) своей къ козакамъ, Лжедимитрій писалъ, что онъ истинный сынъ перваго царя Бѣлаго, что у него измѣною и злодѣйствомъ Годунова похищенъ престолъ, звалъ ихъ свергнуть сего недостойнаго раба съ отеческаго престола. Козаки повѣрили не разомъ; они рѣшились на мѣстѣ развѣдать обо всемъ и съ этою цѣлью нарядили къ мнимому царевичу посломъ войсковаго атамана Корелу и старшину Мѣжакова, которые, въ 1603 г., отправились въ Польшу, гдѣ увидѣвъ, что съ Лжедимитріемъ обращаются какъ съ истиннымъ царевичемъ, признали его сыномъ русскаго царя; потомъ, обласканные Лжедимитріемъ, не желая искать

---

1) Исторія Россійскаго государства Карамзина и примѣчанія, томъ XI. Лѣтопись Никона о мятежахъ.

другихъ удостовѣреній, они, именемъ всѣхъ своихъ собратовъ, били самозванцу челомъ въ вѣрности и преданности козаковъ.

Напрасно Годуновъ присылалъ на Донъ чиновника Хрущова для удостовѣренія козаковъ въ коварномъ обманѣ Лжедимитрія. Вѣря словамъ своихъ атамановъ и признательные къ милостямъ мнимаго царевича, козаки заключили Хрущова въ цѣпи и отослали къ самозванцу. Хрущовъ изъ трусости палъ ницъ передъ Отрепьевымъ и призналъ его истиннымъ сыномъ Грознаго, что́ еще болѣе увѣрило козаковъ. Они соединились съ самозванцемъ сначала въ числѣ 6000 подъ начальствомъ Корелы, а послѣ пораженія войскъ самозванца Басмановымъ прислали ему еще 5000.

Духъ измѣны, сообщившійся русскому народу и козакамъ признаніемъ перваго самозванца, переманилъ ихъ послѣ смерти Отрепьева къ другому, потомъ къ третьему самозванцу. Козаки легко переходили отъ одного къ другому и обагряли въ это время русскую землю неповинною кровью; козаки болѣе всѣхъ способствовали смутамъ того времени. Страсть къ хищничеству и грабежамъ, какъ отрицательное ихъ качество, проявилась во всей наготѣ. Лѣтописцы и историки русскіе вспоминаютъ о нихъ съ ужасомъ и справедливо находятъ, что въ это время козаки нанесли Россіи болѣе вреда, чѣмъ сами непріятели.

Но лишь только успокоилась Россія, козаки первые готовы поддерживать порядокъ и, получивъ грамоту отъ духовнаго собора (1), немедленно признали Михаила Ѳеодоровича за своего законнаго царя и государя. Изъ этой грамоты между прочимъ видно, что козаки, бывшіе въ Москвѣ, много способствовали къ водворенію тишины и спокойствія во время избранія Михаила Ѳеодоровича.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношенія козаковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу; убіеніе посла Карамышева.

Со времени воцаренія Михаила Ѳеодоровича, дѣйствія козаковъ получаютъ болѣе правильный характеръ. Получивъ грамоту отъ московскаго духовнаго собора, а потомъ отъ самого государя съ титуломъ: «великому Войску Донскому,» козаки обѣщали служить вѣ-

1) Грамота на Донъ отъ духовнаго московскаго собора 1613.

рою и правдою, не приставать къ шайкамъ самозванцевъ, а напротивъ, унимать отъ буйства другихъ козаковъ. Насчетъ же повелѣнія не трогать азовцевъ, турокъ и татаръ и воевать Польшу, козаки отвѣтствовали, что имъ безъ войны жить нечѣмъ и просили государя присылать жалованье (1). Хотя изъ грамотъ невидно, чтобы козакамъ было опредѣлено постоянное жалованье; но они получали его часто, особенно во время препровожденія пословъ.

Со времени воцаренія дома Романовыхъ начинаются постоянныя письменныя сношенія козаковъ съ московскимъ дворомъ, съ посылкою легкихъ станицъ (2)

Въ первое время Донцы дѣйствительно усердствовали московскому двору. Азовцы, въ соединеніи съ крымскими и ногайскими татарами, неоднократно нападали на ихъ юрты, отнимали у нихъ табуны лошадей и скотъ; но козаки не мстили, боясь этимъ потревожить русскаго посланника въ Константинополѣ.

Взамѣнъ этого, пользуясь расположеніемъ двора, казаки захотѣли пріобрѣсти право на безпошлинную торговлю во всѣхъ украинныхъ городахъ, на что государь далъ имъ особую грамоту (3).

Въ это же время, правительство озаботилось прочнымъ устройствомъ сношеній съ Дономъ. При прежнихъ государяхъ, переписка съ донскими козаками производилась большею частью по разряду. Въ сентябрѣ 1614 года, было указано завѣдывать этими дѣлами посольскому приказу, который управлялъ сношеніями со всѣми иностранными народами.

---

1) «Православный царь государь», писали они: «пожалуй насъ, холопей своихъ, своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ денежнымъ, и сукны и селитры и свинцомъ и запасомъ; чѣмы мы нужны, чтобы мы, холопи твои, служа съ травы, да съ воды, наги и босы и голодны не были». Дѣла турецкія столп. 1614 г. Отписка донскихъ атамановъ и казаковъ 1613 года.

2) Т. е. нѣсколькихъ козаковъ и выбраннаго атамана.

3) «За многія къ намъ службы пожаловали, велѣли вамъ въ наши украинные городы со всякими вашими товары и безъ товаровъ, къ родимцамъ вашимъ ѣздить и съ нами видѣться повольно и торговати всякимъ товаромъ и по городамъ по воеводамъ нашимъ и всякимъ приказнымъ людямъ о томъ отъ насъ писано, чтобы они вамъ и товарищамъ вашимъ съ товары и безъ товары ѣздить велѣли повольно и насильства бы никому не чинили... и у тѣхъ товаровъ пошлинъ имать за вшау службу не велѣли. Дѣла турецкія, въ столицахъ, 1615 года № 2; грамота на Донъ $\frac{7124}{1615}$ года, сентября.

Между-тѣмъ, азовцы попрежнему нападаютъ на козачьи юрты и отбиваютъ у донцовъ скотъ, а плѣнныхъ отводятъ въ неволю. Козаки, дождавшись выѣзда посланника, не могли больше терпѣть и начали съ своей стороны нападенія. Въ это время (1616 г.) Россія готовилась къ войнѣ съ Польшею. Желая преклонить на свою сторону турецкаго султана, московскій дворъ всѣми силами старался удержать козаковъ отъ ихъ нападеній. Козаки мирились съ азовцами; но кичливые татары не исполняли договоровъ. Оба народа были слишкомъ озлоблены другъ противъ друга; а потому донцы дѣлали поиски или къ Азову, или въ соединеніи съ запорожцами, производили морскія экспедиціи въ Крымъ, малую Азію и Европейскую Турцію. Не разъ отъ ихъ смѣлыхъ высадокъ трепетали Керчь, Трапезонтъ, Синопъ и даже самыя столицы—Бахчисарай и Константинополь.

Порта, желая какимъ-нибудь-образомъ воспрепятствовать козакамъ проходить въ море, рѣшилась отнять у нихъ тѣ два рукава Дона, которые, будучи судоходнѣе другихъ, служили козакамъ для свободнаго выхода въ Азовское море, и, пользуясь тѣмъ, что московскіе послы находились въ Азовѣ, отчасти исполнила свои намѣренія, построивъ на рукавахъ Дона:—Мертвомъ Донцѣ и Каланчѣ—башни и засыпавъ рукава еще каменьями. Это болѣе озлобило козаковъ.

Московскій дворъ смотрѣлъ на ссоры козаковъ съ азовцами не съ большою пріязнью, поэтому вначалѣ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, потомъ патріархъ Филаретъ, писали къ козакамъ грамоты и угрожали:—первый — опалою, а второй — отлученіемъ отъ церкви (1); но это не дѣйствовало на донцовъ, привыкшихъ уже къ перемѣнной политикѣ. На приказаніе соединиться съ турецкими войсками для взаимнаго дѣйствія противъ Польши, козаки наотрѣзъ отказали, а на опалу царя отвѣчали, что они сойдутъ съ Дона и займутъ новыя жилища.

Удачныя экспедиціи козаковъ въ Крымъ и Анатолію были причиною, что неразъ русскіе посланники при дворахъ турецкаго султана и крымскаго хана подвергались заключенію. Поэтому царь рѣшился принять крутыя мѣры и посадилъ въ крѣпость одну изъ легкихъ станицъ, прибывшую въ Москву съ отпискою, а для усмиренія козаковъ послалъ знатнаго сановника, Карамышева, съ грозною грамотою, въ ко-

---

1) Дѣла турецкія, въ столицѣ 1617 г. Грамоты на Донъ.

торой, налагая на нихъ опалу, обѣщалъ отлучить отъ церкви. Карамышевъ преувеличилъ инструкцію, стращая козаковъ бить кнутьями и казнить, а имущества и жилища ихъ пожечь. Услышавъ столь грозныя слова, козаки потребовали отъ Карамышева грамоты, на основаніи которой онъ имѣетъ столь неограниченную власть, обѣщаясь быть покорными царской волѣ. Когда же Карамышевъ въ этомъ отказалъ, и какъ между козаками носился слухъ, будто Карамышевъ сносится съ ногайскими и крымскими татарами объ истребленіи козаковъ, то они и рѣшили, въ войсковомъ кругу, посадить Карамышева въ мѣшокъ и бросить въ воду, что́ и было немедленно исполнено; затѣмъ написали государю отписку, въ которой объяснили причины, мѣшающія имъ воевать съ Польшею въ союзѣ съ Турціею и между-прочимъ упомянули объ убіеніи Карамышева [1]).

---

[1]) Дѣла турецкія, 1630 года, № 5. Повинная отписка донскихъ козаковъ 6 октября 1630 года, объ убійствѣ Карамышева. Эта длинная отписка, лучше другихъ, характеризуетъ отношенія донскихъ козаковъ къ московскому двору; а потому приводимъ изъ нея нѣкоторыя мѣста:

«По твоей государевѣ граммотѣ велѣно идти на твоего государя недруга, на польскаго короля землю, съ турскими послами, съ мурзою, да съ Абазою вмѣстѣ; а нынѣ де тѣ послы съ турскими людьми стоятъ на Узѣ. И мы, Государь, отъ Божіей милости не отступники, а тожъ государю, твоему царскому величеству, не измѣнники и не лакомцы; служимъ тебѣ съ травы, да съ воды и къ твоему государскому величеству языки и всякими вѣстьми обсылаемся и твоихъ государевыхъ пословъ встрѣчаемъ и провожаемъ въ турскую землю и тебѣ, государь, назадъ къ Москвѣ, и турскаго посла, твоего государева дѣла, встрѣчаемъ и провожаемъ и во всемъ себя въ твою царскую милость отдаваемъ; истинную православную, христіанскую вѣру, по преданію святыхъ апостолъ, въ которой, предкове наши, православные христіане и мы, холопи твои, породились и возрасли, помнимъ и крѣпко держимъ и впредъ хотимъ за нее противъ твоего государева всякаго недруга стояти крѣпко и неподвижно до конца живота своего; за тебя, Государь, умираемъ, вся любимая свѣта сего оставя и телѣса свои презрѣвъ» и т. д. Потомъ продолжаютъ такъ: «и мимо твоего россійскаго московскаго государства въ бусурманскую землю турскимъ пашамъ на помощь идти не хотимъ, потому что наша истинная провославная христіанская вѣра Турчанамъ непріятна». При этомъ козаки замѣчаютъ, что хотя они и учинили бы съ «турскими людьми надъ Литвою поисканье, а слава будетъ турскаго Муратъ-Салтана и турскихъ людей, а не твоя, государева, и не насъ, холопей твоихъ, служба православная» и что «въ прежнія, государь, лѣта, блаженныя памяти, ни при которыхъ бывшихъ царехъ, мы, донскіе атаманы и казаки, турскимъ Муратъ-Салтанамъ не служивали». Дальше же между прочимъ продолжаютъ: «да въ прошломъ же, Государь, 137 году (1629) августа въ 27 день, съ твоими государевыми послы, по твоему государеву указу, въ провожатыхъ присланъ Иванъ Карамышевъ къ намъ на Донъ въ войско, и, пріѣхавъ,

Два года донцы несли на себѣ гнѣвъ царскій и опалу патріарха. Наконецъ, въ исходѣ 1632 года, Михаилъ Ѳеодоровичъ простилъ ихъ, велѣлъ выпустить заточенныхъ изъ крѣпости и отправилъ подъ Смоленскъ, вмѣстѣ съ русскими воеводами, а войску послалъ милостивую грамоту и жалованье.

Въ слѣдующемъ году, какъ видно изъ грамотъ на Донъ отъ 15 апрѣля 1633, велѣно козакамъ учинить поискъ надъ крымскими татарами. «И мы, великій государь, и отецъ нашъ великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Россіи, васъ атамановъ за вашу службу, что вы намъ служите надъ татары, войною промышляете и поискъ чините, похваляемъ, и за то васъ учнемъ жаловати нашимъ государскимъ жалованьемъ».

Въ другихъ грамотахъ, напротивъ, требовалось, чтобы козаки не дѣлали поисковъ, ни подъ Азовъ, ни въ Крымъ, потому—что великій князь находился въ миру съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. Однакожъ, ни грамоты царя, ни увѣщанія патріарха не дѣйствовали на козаковъ, которые имѣли множество личныхъ предлоговъ къ войнѣ съ азовцами. Султанъ, находясь въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ московскимъ дворомъ, не могъ, однакожъ, не замѣтить двусмысленной политики русскихъ посланниковъ, которые, трактуя объ уничтоженіи козаковъ, въ то же время привозили имъ свинецъ и порохъ, и рѣшился послать къ Азову войско и инженеровъ, для приведенія его въ лучшее положеніе, а потомъ послалъ повелѣніе кафин-

---

тотъ Иванъ Карамышевъ, насъ холопей твоихъ хотѣлъ казнить смертью, вѣшать и въ воду сажать и кнутьями достальныхъ бить и мы, холопи, твоего государева указу и грамоты у Ивана Карамышева неоднажды спрашивали и почему ему насъ вѣшать и кнутьями бить и въ воду сажать и тотъ, Иванъ Карамышевъ ту рѣчь намъ сказалъ, что нѣту де у меня государевой грамоты, ни наказу; никакого твоего государскаго указу намъ не сказалъ, а насъ холопей твоихъ, своимъ злохитрствомъ и умышленіемъ безъ винной вины хотѣлъ казнить, вѣшать и въ воду сажать и которыхъ бить и ножами рѣзать, а сверхъ того Иванъ Карамышевъ учелъ съ крымскими и ногайскими людьми ссылатися, чтобы насъ, холопей твоихъ, всѣхъ побить и до конца погубить, и разорить, и искоренить, и городки наши пожечь и дальше, и мы холопи твои, видя его Иваново надъ собою злоухищренье, отъ горести думъ своихъ за его великую неправду, того Ивана Карамышева обезглавили». Если же, продолжаютъ козаки, Карамышевъ показалъ бы указъ, то они «государю не супротивники, Донъ-рѣку, отъ низу и до верху и рѣки запольныя всѣ тебѣ, Государю, до самыхъ украинныхъ городовъ крымскихъ и ногайскихъ людямъ распространимъ, все очистимъ, съ Дону съ рѣки и со всѣхъ запольныхъ рѣкъ всѣ, холопи твои, пойдемъ по твоему государеву указу.»

скому пашѣ съ его ратными людьми поспѣшить къ Азову и совокупно съ ногайцами безпокоить козаковъ. У козаковъ тоже пронесся слухъ, будто султанъ послалъ значительное войско для уничтоженія козаковъ [1]).

Чтобы предупредить этотъ замыселъ и не допустить турецкіе корабли къ Азову, козаки послали на 34 стругахъ (лодкахъ) охотниковъ. Вышедъ въ Азовское Море, они встрѣтили Черкасъ (малороссійскихъ козаковъ) на 20 стругахъ, и общимъ совѣтомъ положили сперва ударить на Керчь, а потомъ, на возвратномъ пути, осадить Азовъ. Хотя нападеніе на Керчъ не увѣнчалось успѣхомъ, но козаки рѣшились во что-бы то ни стало вырвать Азовъ изъ власти мусульманъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Важность для козаковъ крѣпости Азова. Взятіе Азова козаками; убійство турецкаго посла Ѳомы Кантакузина. Неудачная осада Азова турками. Оставленіе Азова козаками по предложенію царя Михаила Ѳеодоровича.

Оружіе козаковъ дѣлалось со дня на день невыносимѣе для мусульманъ и особенно для жителей азовской крѣпости и ея окрестностей. Османскіе владѣтели съ негодованіемъ смотрѣли на ихъ близкое сосѣдство, неоднократно требовали отъ московскаго двора сведенія козаковъ съ Дону и, не успѣвая въ этомъ, старались укрѣпленіемъ города Азова, положить преграду ихъ предпріимчивости.

Азовъ находился при южныхъ протокахъ Дона, въ 15 верстахъ отъ впаденія его въ море; онъ нѣкогда составлялъ, подъ именемъ Танаиса, многолюдное поселеніе, извѣстное своею торговлею еще до Р. Х. Во время владычества генуэзцевъ на Черномъ и Азовскомъ морѣ, Танаисъ, подъ именемъ Таны, считался одною изъ значительнѣйшихъ колоній богатой республики [2]); но по изгнаніи генуэзцевъ изъ крымскаго полуострова Тана, занятый турками въ 1475 году и переименованный въ Азовъ [3]), потерялъ прежнее значеніе въ торговомъ мірѣ и былъ

---

[1]) Дѣла ногайскія, 1635 г. № 2. Отписка донскихъ козаковъ въ Москву.

[2]) Fragment de la carte marine de Fredice d'Ancone, tirée de la bibliotheque de Wolfenbutel. Археолого-нумизматическій сборникъ Спасскаго.

[3]) Нынѣ посадъ Екатеринославской губерніи, съ едва замѣтными слѣдами укрѣпленій.

обращенъ въ крѣпость, для преграждения пути донскимъ козакамъ въ море [1]).

Въ 1636 году, въ Азовѣ были обновлены стѣны, проведены новые валы, устроены передовыя крѣпосцы на берегахъ Дона и въ крѣпость посаженъ четырехъ-тысячный гарнизонъ [2]).

Въ послѣднее время, обнадеженные такими твердынями, Азовцы усилили свои набѣги на русскія украйны и стали дѣйствовать смѣлѣе противъ козаковъ.

Съ другой стороны, и козакамъ надоѣло постоянное сосѣдство кичливыхъ татаръ: не проходило году, чтобы они оставались спокойными. На Азовъ козаки смотрѣли даже съ нѣкоторымъ опасеніемъ, справедливо боясь, что подобная крѣпость можетъ современемъ парализировать ихъ морскія экспедиціи. Притомъ, въ Азовѣ, находился христіанскій храмъ; сотни русскихъ плѣнныхъ и козаковъ ждали выкупа въ смрадныхъ темницахъ азовскихъ башень... и вотъ козаки рѣшаются на дѣло смѣлое, о которомъ доносятъ московскому двору въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «пошли мы, холопи твои, переговоря межъ собою, подъ Азовъ, потому, Государь, что они азовскіе люди на насъ холопей твоихъ умышляли,—крымскому царю писали для рати, чтобы насъ, холопей твоихъ, съ Дону перевесть, а Донъ рѣку очистить; и мы, Государь, не дожидая на себя ихъ бусурманскаго приходу, а видя къ себѣ твою государскую милость, пошли подъ Азовъ, апрѣля въ 21 день» [3]).

Въ началѣ весны 1636 года, собрались почти всѣ донскіе козаки на Монастырскомъ яру [4]), для рѣшенія общаго *войсковаго дѣла*. Старѣйшины предложили войсковому кругу подвигъ доблести и славы, требовали общаго мнѣнія и услышали единодушно приговоръ: «идти, посѣчь бусурманъ, взять городъ и уничтожить мусульманскую вѣру.» У козаковъ не было стѣнобитныхъ орудій, а всю ихъ артиллерію составляли четыре фалконета; пороху было также немного, равно какъ

---

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова. Томъ второй, стр. 221.

[2]) Сказаніе о взятіи донскими козаками города Азова (рукопись безъ означенія автора и времени, когда она написана). Историческое описаніе Войска Донскаго—рукопись.

[3]) Дѣла донскія. Отписка донскихъ козаковъ, привезенная въ Москву іюля 30 1637 г.

[4]) Ниже Старочеркасской станицы въ 6 верстахъ по Дону.

свинцу и провіанта; но они поджидали изъ Москвы царское жалованье.

Съ Донцами соединились и Запорожцы, часто приходившіе погулять на Донъ; надо полагать, что въ это же время прибыло много Малороссіянъ, бѣжавшихъ своей родины отъ угнетенія Польши.

Ополченіемъ козаковъ командовалъ войсковой атаманъ Татариновъ.

Въ апрѣлѣ, началась осада. Дружины козаковъ были раздѣлены на четыре части, которыя со всѣхъ сторонъ облегли городъ. При устьѣ Дона стояла судовая стража, всѣ сообщенія были пресѣчены и ниоткуда не могла прокрасться въ Азовъ помощь.

Не имѣя средствъ разрушить укрѣпленія, козаки должны были рѣшиться на средство отчаянное — взять городъ приступомъ. Немедленно приступили къ пріуготовительнымъ работамъ: надѣлали плетенные туры; насыпали ихъ землею и, защищаясь рвами, подкатили ихъ такъ близко, что могли уже метать каменья въ непріятелей.

Все это казалось смѣшнымъ для гордыхъ мусульманъ, которые считали себя слишкомъ безопасными въ стѣнахъ города; они стрѣляли изъ пушекъ и разнаго оружія, однакожъ мало вредили козакамъ во рвахъ и за турами. Болѣе трехъ недѣль продолжался подступъ; все это время не прерывалась перестрѣлка, но едва-ли приносила большую пользу.

Въ станѣ донскихъ козаковъ, между-тѣмъ, находился посолъ турецкаго султана, Оома Кантакузинъ, назначенный для переговоровъ съ московскимъ дворомъ. Онъ дожидался русскаго чиновника, и видя, что козаки съ твердою рѣшимостью предприняли осаду, тайно послалъ гонцевъ къ крымскому хану и султану, прося ихъ выслать войско на помощь Азову. Шедшій съ отпиской Кантакузина, Грекъ, былъ пойманъ и выдалъ посланника, за что́ козаки готовили ему лютую смерть, а между тѣмъ распорядились принятіемъ мѣръ осторожности со стороны Крымской и Кубанской, отъ Темрюка и Тамани; учредили ближніе и дальніе наблюдательные посты, дабы не пропускать непріятельскихъ войскъ [1]).

Козаки ждали только царскаго жалованья, состоявшаго по обыкновенію, кромѣ денегъ, изъ пороху и свинцу, предположивъ устроить под-

---

[1]) Дѣла донскія. Отписка донскихъ козаковъ, привезенная въ Москву 30 іюля 1637 г. Изъ актовъ видно, что въ іюлѣ 1636 года была послана краткая отписка.

копъ подъ стѣны крѣпости для сдѣланія бреши и потомъ начать приступъ.

Въ это время пришло извѣстіе, что со стороны Кагальника идетъ къ Азову вспомогательное войско: то была рать, собранная въ Керчи, Темрюкѣ и Тамани и состоявшая изъ Турокъ и темрюцкихъ Черкесъ, по извѣстіямъ, полученнымъ отъ Ѳомы Кантакузина. Съ величайшею скрытностью вышли отборные козаки изъ лагеря, встрѣтили непріятеля на рѣкѣ Кагальникѣ, вступили въ жестокій бой и, одолѣвъ враговъ, многихъ побили, другихъ разогнали такъ, что ни одинъ не достигъ Азова. Подобная побѣда, разумѣется, не обошлась безъ убыли въ войскѣ, за которую Ѳома Кантакузинъ, посолъ турецкой имперіи, былъ приговоренъ къ казни со всею свитою, и приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Послѣ этого событія дѣятельнѣе приступили къ осадѣ. Бывшій въ козачьемъ станѣ, Нѣмецъ, устроилъ подкопъ, и 18 іюня, козаки, послѣ поста и молитвы, рѣшились идти на приступъ.

Глубокая тишина царствовала въ станѣ козаковъ. Прощаясь взаимно, они говорили со слезами другъ другу: »поддержимъ, братія, честь нашего оружія; постоимъ за православную вѣру и святой храмъ; умремъ, если такъ нужно, но не посрамимъ себя«. Азовцы, видя тишину, потомъ движеніе въ козачьемъ станѣ, предсказывали бѣгство козаковъ и радовались. Но въ 4 часа пополуночи, грянулъ громъ подкоповъ, затряслись азовскія твердыни; взорвало часть стѣны. Люди, каменья, обломки строеній, глыбы земли, все полетѣло вверхъ и разсыпалось по окружнымъ полямъ. Осаждающіе воспользовались минутою смятенія; атаманъ Михайло Татариновъ, первый, съ отборными козаками, устремился въ проломъ; прочіе со всѣхъ сторонъ взбирались на стѣны по лѣстницамъ, несли другъ друга на плечахъ, подъ тучею пуль и каменьевъ непріятельскихъ; городскія стѣны и улицы сдѣлались полемъ сраженія.

И гарнизонъ и жители защищались съ мужествомъ и яростью; но храбрость козаковъ одолѣла: часть гарнизона заперлась въ замкѣ, остальные обратились въ бѣгство и не многіе спаслись при быстромъ преслѣдованіи козаковъ. Заключившіеся въ замкѣ, рѣшились умереть, но не сдаваться и три дня упорно защищались, пока не были перебиты въ отдѣльныхъ схваткахъ съ козаками.

Такимъ образомъ, козаки сдѣлались обладателями султанской области на краю Азовскаго моря, и немедленно очистивъ городъ, утвер-

дились въ немъ *цѣлымъ войскомъ* и донесли объ этомъ государю Михаилу Ѳеодоровичу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »да іюня, государь, въ 18 день, милостью Божіею и Пречистыя Богородицы помощью, и твоимъ государевымъ счастіемъ, твоя государская высокая рука возвысилась, Азовъ городъ мы, холопи твои, взяли; ни единаго человѣка азовскаго на степь и на море не упустили, всѣхъ безъ остатка порубили« [1]).

Какъ ни мало тогда знали въ Европѣ о происшествіяхъ на предѣлахъ Азіи, но рѣдкая доблесть козаковъ разнеслась въ дальнихъ краяхъ запада [2]).

Извѣстіе о покореніи Азова козаками поразило турецкій диванъ. Занятые другими дѣлами, Турки оставили первое время Донцовъ въ покоѣ; послѣдніе, пользуясь своимъ положеніемъ, укрѣпили городъ и замокъ болѣе прежняго и стали безпрепятственно плавать по морямъ Азовскому и Черному и дотого устрашили Крымцевъ и ногайскихъ татаръ, что впродолженіи пяти лѣтъ они не дѣлали набѣговъ на Россію.

Потеря Азова казалась Туркамъ слишкомъ оскорбительною, почему диванъ, приведя свои дѣла съ иностранными державами въ возможное соглашеніе, рѣшился исторгнуть у козаковъ завоеванную крѣпость, а потому въ 1641 году собиралъ многочисленную рать. Всѣ подвластные и союзные Турціи народы должны были принять участіе въ этомъ дѣлѣ и самъ верховный визирь изъявилъ желаніе предводительствовать арміей, назначенной для покоренія Азова. Однакожъ главное начальство было поручено силистрійскому пашѣ Гусейнъ-Делью—воину славолюбивому и опытному, но гордому, презиравшему силу козаковъ. У него подъ командою находился крымскій ханъ, начальствовавшій крымскими и ногайскими татарами и горскими черкесами. Флотомъ командовалъ Піали-Ага, капитанъ-паша (адмиралъ)—человѣкъ одаренный, по словамъ историковъ, лучшими качествами

---

[1]) Дѣла донскія. Отписка донскихъ козаковъ, привезенная въ Москву 30 іюля 1637 г.

[2]) Theatrum Europaeum fol III. Исторія царствованія Петра Великаго. Томъ второй, ст. 222, въ примѣчаніяхъ.

Подробности этого дѣла въ Крюйсовомъ описаніи рѣки Дона и Азовскаго моря, изд. въ Амстердамѣ около 1705 года на голландскомъ языкѣ, съ любопытною картою теченія всего Дона; также въ Румянцовскомъ собраніи государственныхъ грамотъ, III, 375 примѣчанія къ исторіи Н. Устрялова.

военачальника: прозорливостью и храбростью. Флотъ его состоялъ изъ 80 каторгъ и 90 мелкихъ морскихъ судовъ. 20 кораблей были нагружены огнестрѣльными снарядами и провіантомъ; все же ополченіе простиралось до 150,000 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ. Казалось, Порта собиралась воевать цѣлыя государства; по-крайней-мѣрѣ она была увѣрена во взятіи Азова и въ томъ, что искоренитъ козаковъ съ лица земли.

Но козаки не унывали: запаслись весьма достаточно военными и жизненными припасами и старались умножить число свое всякаго состоянія вольницею, звали и нанимали удальцевъ, и видя себя довольно сильными, поклялись умереть или увѣнчаться новою славою [1]).

Въ началѣ іюня, сухопутныя и морскія силы мусульманъ соединились подъ Азовомъ и окружили городъ [2]). Взоръ не могъ обнять становищъ ихъ, гремѣвшихъ радостными кликами. У донскихъ козаковъ, въ это время, атаманомъ былъ достойный Осипъ Петровъ, герой, отличавшійся уже прежде въ смѣлыхъ морскихъ поискахъ.

Не зная инженернаго искуства, имѣя на глазахъ непріятеля въ двадцать разъ сильнѣйшаго, козаки расчитывали только на свою отвагу и твердость духа,—обстоятельства сами указали имъ путь къ достиженію побѣды.

До тонкости постигая условія »малой войны«, козаки старались частыми нападеніями держать непріятельскую армію въ постоянномъ безпокойствѣ. Вѣра, которую чтили козаки, вселяла въ нихъ храбрость неодолимую: »вотъ храмъ Божій: защитимъ его, или умремъ близъ алтаря Господня; смертью за вѣру покупаютъ небо«. Этого было довольно, чтобы возбудить въ каждомъ воинѣ совершенное презрѣніе къ смерти. Также они положили заповѣдью: »попавшись въ плѣнъ, ни слова не говорить о состояніи города«, въ чемъ поклялись другъ другу,—и томительная осада Азова показала, что они сдержали слово.

7 іюня 1641 года началась дѣйствительная осада. Опытные козаки прежде всего хотѣли узнать о состояніи и расположеніи непріятельскихъ силъ и отрядили для этого легкія партіи, которыя, подбѣ-

---

[1]) Архивный сборникъ грамотъ. Грамота отъ царя на Донъ, 1641 г. 2 декабря.

[2]) Сказаніе объ Азовскомъ сидѣньи—выписка изъ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго подъ №358. Рукоп. исторія войска донскаго въ примѣчаніи.

гая съ различныхъ сторонъ къ непріятельскому стану, брали языковъ и отъ нихъ узнавали все, что дѣлается у непріятеля.

Когда же мусульмане рѣшились штурмовать городъ, козаки входили на стѣны и, отстрѣливаясь, старались всѣми возможными средствами не допустить непріятеля до стѣнъ; между тѣмъ, другая половина козаковъ производила безпрестанныя вылазки, которыя, при оплошности турецкихъ войскъ, имѣли большой успѣхъ. Къ тому же приступы, дѣлаемые Гусейнъ-пашею, кончались къ погибели его войскъ, отъ удачныхъ подкоповъ, производимыхъ козаками.

Большія потери, продолжительность осады, развившіяся въ мусульманскихъ войскахъ болѣзни, недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, неизбѣжный при многочисленности непріятеля и плохой администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ бдительность и отвага козаковъ изнурили непріятелей дотого, что армія ихъ таяла со дня на день.

Не довольствуясь приведеннымъ войскомъ, Гусейнъ-паша требовалъ подкрѣпленій, упорствуя во взятіи Азова, оставлять который считалъ безчестьемъ для Турецкой имперіи и своей славы.

Получивъ требуемыя подкрѣпленія, турецкій главнокомандующій дѣятельнѣе занялся работами, въ нѣсколько дней построилъ вокругъ города циркумвалаціонную линію въ нѣсколько саженей высоты и, поставивъ на ней артиллерію, началъ громить городъ. Козаки сопротивлялись мужественно; подвели подъ валы нѣсколько подкоповъ, истребили много непріятеля; но ихъ слабыя средства уже истощались, потому-что Турки, производя безпрерывную пальбу изъ осадныхъ орудій, сбили до основанія три городскія стѣны, разрушили башни и церковь, и заставили козаковъ врыться въ землю, но это не мѣшало Донцамъ производить безпрестанныя вылазки и пользоваться малѣйшею оплошностью непріятеля.

Не видя конца осадѣ, непріятельское войско начало роптать и оказывать явные признаки бунта. Гуссейнъ-Дели думалъ еще предпринять новыя мѣры, бросая на стѣны грамотки, въ которыхъ просилъ козаковъ уступить ему произвольно Азовъ, обѣщая за это знатную сумму. Козаки отвѣчали на это новыми пораженіями, и очистясь постомъ и молитвою, вновь поклялись умереть всѣ до послѣдняго человѣка, а врагамъ не уступать ни одной пяди земли, и 26 сентября готовились на рѣшительную вылазку... но разсвѣтъ показалъ имъ одни слѣды бѣгущихъ враговъ. Козаки, отпѣвъ молебенъ, преслѣдовали враговъ и довершили ихъ пораженіе.

Такимъ-образомъ, соединенныя войска султана, посрамивъ свои знамена, еще болѣе возвысили славу донскихъ козаковъ.

Взятіе Азова и защита этой крѣпости отъ Турокъ, составляетъ блистательнѣйшій эпизодъ исторіи донскихъ козаковъ. Будучи народомъ чисто–военнымъ, козаки всегда дорожили и теперь дорожатъ этою славою; память объ осадѣ Азова, извѣстная подъ названіемъ: »сидѣнья козаковъ въ Азовѣ«, сохранилась и въ пѣсняхъ и преданіяхъ этого народа. Одинъ этотъ эпизодъ достаточно указываетъ на что способенъ народъ, когда онъ ясно сознаетъ свое назначеніе и неуклонно стремится его выполнить!

Принеся благодареніе Богу за одолѣніе враговъ, козаки отправили 9 октября въ столицу съ подробнымъ описаніемъ о ходѣ осады и успѣхахъ своего оружія, и съ предложеніемъ взять городъ въ царскія руки.

Козакамъ прислана была самая милостивая грамата; о принятіи же Азова царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ январѣ 1642 года, собралъ земскій соборъ изъ всѣхъ сословій государства, гдѣ, по разсмотрѣніи дѣла, оказалось, что Россіи нельзя удержать за собою Азова; поэтому и граматою на Донъ 30 апрѣля 1642 года, государь убѣждалъ козаковъ оставить городъ такъ, какъ »нынѣ намъ, великому государю, вѣдомо учинилось подлинно, что у Ибрагимъ–салтана изготовлены подъ Азовъ ратные люди, больше прежняго, и идутъ подъ Азовъ моремъ и сухимъ путемъ вскорѣ, а осадя Азовъ, хотятъ идти воевать наши украинные городы. И нынѣ намъ города Азова принять и воеводъ и ратныхъ людей послать не къ дѣлу и быть имъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ не можно«.

Выслушавъ царскую грамоту, козаки безпрекословно ей послѣдовали и въ присутствіи царскаго дворянина вывезли изъ Азова церковную утварь, всю артиллерію, а сами перешли на Махинъ островъ [1]).

---

[1]) Главное войско, сколько извѣстно, заняло: 1) Раздоры, городокъ на островѣ, образуемомъ Дономъ и рукавомъ Донца, у нынѣшней Раздорской станицы.

2) Монастырскій городокъ съ 1622 г., ниже Черкаска, на Дону, въ 6–ти верстахъ.

3) Азовъ съ 1636—1643.

4) Махинъ–островъ (старый Махинъ) на лѣвомъ берегу Дона, ниже Старочеркаска и въ 5 верстахъ отъ нынѣшней Ольгинской станицы, до 1645.

5) Черкасскій городокъ, Черкаскъ или Старочеркаскъ (нынѣ Старочеркаская станица) до 1805, откуда

6) Новочеркаскъ, (на урочищѣ Бирючій кутъ).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сношенія козаковъ съ московскимъ дворомъ и съ Богданомъ Хмельницкимъ. Укрѣпленіе Азова Турками. Присоединеніе Калмыковъ къ Россіи. Дѣйствія козаковъ въ-связи съ русскими войсками.

Перебравшись, въ 1645 году, съ Махина острова въ Черкаскъ, козаки первое время должны были постоянно бороться съ азовскими и ногайскими татарами, которые пользовались малою числительностью Донскихъ козаковъ [1]).

Но когда въ 1646 году крымскій ханъ собрался уничтожить козачіе городки, русскій царь, мстя татарамъ за разореніе Украины, послалъ Донцамъ вспоможеніе, какъ деньгами, такъ провіантомъ и порохомъ, а также отправилъ двухъ воеводъ, которые, собравъ вольницы изъ Украины, Астрахани и Кавказа, усилили козаковъ болѣе чѣмъ на 4000 человѣкъ. Съ этою помощью, государь приказалъ имъ воевать Крымъ; но они рѣшили, въ войсковомъ кругу, сдѣлать нападеніе на Азовъ [2]). Вслѣдъ за этимъ, Донцы отбили отрядъ крымскаго царевича Нуръ-Еддина, отъ своихъ городковъ [3]); причемъ дѣйствовали весьма искусно и выручили изъ трудныхъ обстоятельствъ воеводу русскаго Мупана Черкаскаго, а потомъ захватили почти весь татарскій лагерь. Въ ознаменованіе этого подвига, царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ козакамъ царскаго величества знамя [4]).

---

[1]) Это видно изъ отписки донскихъ козаковъ, посланной въ Москву въ 1646 году: «а нынѣшнюю, Государь, всю зиму, мы, безпомощные холопи твои, сидѣля въ низовомъ Черкаскомъ городкѣ, отъ ногайскихъ улусныхъ и отъ черкесъ темрюцкихъ и отъ крымскихъ воинскихъ людей въ осадѣ; выходу намъ вонъ изъ городка за рыбою и за дровами, никуда отъ нихъ не было; голоду и холоду мы, холопи твои, отъ нихъ натерпѣлись.» Дѣла Донскія. Отписка войска Донскаго, полученная въ Москвѣ 10 мая 1646 г.

[2]) «И іюня жъ, Государь, въ 25 день донской атаманъ Осипъ Петровъ съ донскими казаками и съ вольными людьми плавною изъ похода пришли и съ собою привезли два корабля, а также пушекъ медяныхъ и желѣзныхъ большихъ и мелкокорабленныхъ 36 пушекъ». Дѣла донскія іюля 31 1646 года.

[3]) Тамъ-же. Отписка войска донскаго, привезенная въ Москву 1646 г. іюля 31.

[4]) Дѣла донскія. Докладъ Государю, царю Алексѣю Михайловичу, въ мартѣ 1648.

Любопытны распросныя рѣчи дьяковъ: Чистаго и Алмазъ Иванова, которые, приводя рѣчи козаковъ, пріѣхавшихъ въ Москву, въ томъ же докладѣ писали: «людей къ нимъ посылать не можно, потому что они государскаго повелѣнья

Въ эту зиму козаки сдѣлали неудачный поискъ въ Тавриду. Обрадованные этимъ случаемъ, татары вновь пришли подъ татарскій городокъ. Постоянныя стычки, при маломъ числѣ воиновъ, заставили козаковъ вновь просить о помощи и писали государю такъ: »и пороховыя казны и снаряду держать мочи ихъ нѣтъ и жить стало не въ силу и будетъ государю рѣка годна и впередъ прочна, и великій бы государь велѣлъ имъ свой государскій указъ учинить, гдѣ имъ можно жить, а зимою де чаютъ они отъ бусурманъ большаго собранья и къ себѣ приходу«.

Московскій дворъ ясно видѣлъ, что, по малолюдству козаковъ, непріятели могутъ ихъ совершенно одолѣть и открыть себѣ безпрепятственный путь къ русскимъ украйнамъ; почему рѣшилъ послать имъ, подъ начальствомъ дворянина Лазарева, 1000 человѣкъ, приказавъ Донцамъ не дѣлать нападеній на турецкія села и города [1]).

Турецкій же дворъ не отчаявался, что государь рѣшится свести козаковъ съ Дону и просилъ, чтобы это порученіе позволено было привести въ исполненіе крымскому хану Исламъ-Гирею, на что́ московскій дворъ изъявилъ согласіе; [2]) но своихъ войскъ не послалъ.

Въ 1650 году Богданъ Хмельницкій, гетманъ малороссійскихъ козаковъ, заключилъ союзъ съ Портою, — вслѣдствіе чего обязался, вмѣстѣ съ запорожскими козаками, заставить Донцовъ прекратить ихъ экспедиціи на турецкія владѣнія и Крымъ. Имѣя въ виду освобожденіе отъ Польши, Хмельницкій отправилъ своихъ посланцевъ на Донъ уговаривать ихъ, угрожая, въ случаѣ отказа, напасть на донскіе городки [3]).

не слушаютъ; посланы къ нимъ многіе вольные люди и они тѣхъ вольныхъ людей голодомъ поморили: запасовъ имъ не давали, а иныхъ побивали и тѣ-де вольные многіе люди съ Дону разошлись отъ ихъ тѣсноты, и дорогою многіе померли.

[1]) Дѣла донскія. Грамота на Донъ 15 мая 1648. Наказъ дворянину Андрею Лазареву.

[2]) И ему тѣхъ воровъ можно съ Дону свести и безъ царскаго величества ратныхъ людей; великій государь, его царское величество о томъ на Исламъ Гирея царя досадовати не учнетъ». Дѣла крымскія 1647 г.

[3]) «чтобы есте не ходили помѣшки чинити, что́ есть надобно церкви Божіей и нашимъ вольностямъ, и не чинили бы есте ни единыя обиды государству крымскому и турскому; на море не ходили, а будетъ пойдете и мы будемъ промышлять; за нелюбовь вашу, взявъ Бога на помощь, нелюбовью отдавать». Отписка Богдана Хмельницкаго, гетмана запорожскихъ козаковъ къ донскимъ казакамъ 1650 г. марта 30.

Донцы отвѣчали: »неприлично христіанину возстать на единовѣрцевъ своихъ въ защиту бусурманъ; не мѣшай намъ истреблять старинныхъ враговъ нашихъ. Мы всегда были съ вами въ братствѣ, но знай, что также умѣемъ обходиться съ непріятелями нашими, какъ съ друзьями« [1]).

Отправивъ пословъ, козаки приготовлялись къ отпору: половина войска оставалась при городкахъ, а другая половина должна была идти къ Черкаску, который обнесли земляным валомъ и поставили деревяныя башни и другія пристройки. Кромѣ того заключили съ Калмыками оборонительный союзъ и, оградивъ себя со всѣхъ сторонъ, спокойно выжидали непріятеля.

Дѣйствительно, вскорѣ прибылъ Тимофей, сынъ Хмельницкаго, съ 5000 Запорожцевъ и дожидался прибытія крымскихъ татаръ для совокупнаго дѣйствія противу Донцовъ; но не дождавшись татаръ, долженъ былъ воротиться.

Въ 1652 и 1653 году, Донцы, пользуясь войною Турокъ съ Венеціанцми, сдѣлали нѣсколько удачныхъ нападеній на Таврическій полуостровъ и турецкія владѣнія, а въ 1654 году великій князь Алексѣй Михайловичъ, собираясь воевать съ Турціею, приказалъ донскимъ козакамъ воевать Тавриду, что́ они и исполнили съ большимъ успѣхомъ. По замиреніи съ Крымомъ, Донцы, вмѣстѣ съ Запорожцами, подъ начальствомъ атамана Васильева, думали покорить Азовъ и срыть его до основанія; но, отраженные съ потерею болѣе 1500 человѣкъ, должны были отказаться отъ своего предпріятія.

Наскучивъ частыми нападеніями донскихъ козаковъ, Турки и крымскіе Татары приняли рѣшительныя мѣры, чтобы преградить имъ всѣ пути въ море; вооруживъ большое число войскъ, крымскій ханъ, въ 1660 г., принялъ надъ ними непосредственно командованіе. На помощь султанъ прислалъ ему 300 янычаръ и 35 кораблей съ лѣсомъ и каменьями, для построенія на Дону трехъ крѣпостей [2]).

По просьбѣ козаковъ, московскій дворъ прислалъ двухъ воеводъ Ивана и Семена Хитрово, которые, прибывъ въ черкаскій городокъ, расположились станомъ; но татары были дѣятельнѣе обыкновеннаго.

---

[1]) Дѣла донскія 1650, апрѣля и мая мѣсяцевъ.

[2]) Дѣла донскія. Распросныя рѣчи станичнаго атамана Фрола Минаева. 1660 г. 23 мая.

Крымскій ханъ, лично распоряжаясь работами, и имѣя на-лицо до 40,000 татаръ и 10,000 венгровъ и другихъ наемныхъ людей, въ полтора мѣсяца вооружилъ три башни, изъ которыхъ двѣ были поставлены при устьѣ протока Каланчи, по обѣимъ сторонамъ Дона, а третья, гораздо обширнѣйшая, на Мертвомъ Донцѣ.

Построивъ эти крѣпости, мусульмане надѣялись, что заградятъ козакамъ путь въ Азовское море, но весьма ошиблись, потому что Донцы, прокопавъ такъ называемый козачій ерикъ, отправились на море на 20 стругахъ и разбили нѣсколько деревень въ Крыму; для возвращенія же назадъ, имъ пришлось перетаскивать суда въ Донъ сухимъ путемъ, потому что они нашли козачій ерикъ засыпаннымъ.

Въ 1660 году козаки заключили съ калмыцкимъ владѣльцемъ Тайшею мирный договоръ, въ силу котораго Калмыки приняли подданство Россіи и съ козаками должны находиться въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ. Со стороны донскихъ козаковъ договоръ заключили Ѳедоръ Будинъ и Степанъ Разинъ [1]).

Съ этого времени Калмыки стали приближаться своими кочевьями къ Дону и производить съ козаками торговлю; но, впослѣдствіи, неоднократно переходили на сторону ногайскихъ и крымскихъ татаръ и окончательно успокоились только во второй половинѣ XVII столѣтія.

Между тѣмъ какъ донскіе козаки находились въ стѣсненномъ положеніи, Россія должна была воевать съ Польшею, которой помогалъ крымскій ханъ и обѣщалъ разорить Малороссію и россійскую Украйну; вслѣдствіе чего донскимъ козакамъ было приказано воевать Крымъ. 17 апрѣля 1662 года они вышли на море, на Крымъ и на крымскіе улусы, вмѣстѣ съ царскимъ воеводою Хитрово; часть козаковъ пошла ихъ провожать: «и увидавъ, государь, крымскіе и азовскіе люди, что войско идетъ на твоего великаго государя службу, на морѣ шанцы они сдѣлали, противъ козачья ерька, на Калачинскомъ островѣ, на устьѣ [2])». Здѣсь завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что козаки вытѣснили Турокъ изъ окоповъ и засѣли въ нихъ сами. Прорвавшись такимъ образомъ въ Черное море, козаки, какъ и прежде, пошли грабить на Черномъ морѣ турецкіе ко-

---

[1]) Грамота на Донъ 1661 г. іюля мѣсяца.

[2]) Дѣла турецкія. Отписка донскихъ козаковъ, привезенная въ Москву 12 мая 1622.

Дѣла крымскія № 21. Отвѣтная грамота крымскому хану, 1661 года мая мѣсяца.

рабли и опустошать Крымскій полуостровъ. Итакъ, построеніе на Дону и Мертвомъ Донцѣ крѣпостей не принесло Татарамъ тѣхъ выгодъ, которыхъ они могли ожидать. Козаки попрежнему врывались въ Азовское море посредствомъ рѣки Міуса и козачьяго ерика.

Переговоры, веденные въ это время московскимъ дворомъ съ крымскимъ ханомъ, замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ московскій дворъ впервые вступается за козаковъ и не называетъ ихъ ворами и разбойниками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разбои козаковъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ.—Бунтъ Стеньки Разина.—Присяга козаковъ царю Ѳедору Алексѣевичу.—Начало раскольничьихъ сектъ на Дону.

Разбои козаковъ на Волгѣ начались одновременно съ образованіемъ общества на Дону; они усилились со времени присоединенія Астраханскаго и Казанскаго царствъ къ Россіи, когда часть донскихъ козаковъ отдѣлилась, образовавъ отдѣльное войско, подъ именемъ волжскихъ и донскихъ козаковъ. Но и донскіе козаки неоднократно соединялись со своими товарищами по оружію, чтобы грабить персидскихъ и даже русскихъ купцовъ. Это принудило московскій дворъ учредить шесть заставъ между Царицынымъ и Астраханью, отдавъ ихъ въ охраненіе стрѣльцамъ.

Войсковой кругъ, подчинивъ себя верховной власти русскаго правительства, требовалъ отъ донскихъ козаковъ, чтобы никто не смѣлъ отлучаться съ Дону [1]).

Однако это запрещеніе не дѣйствовало, потому что, въ слѣдующемъ году, астраханскій воевода отписываетъ, что «донскіе козаки, которые воровали на Волгѣ нынѣшняго лѣта на Дону у Чира, сдѣлали особый городокъ, а по смѣтѣ-де тѣхъ воровъ-козаковъ въ томъ городкѣ съ 600 человѣкъ, а съ донскими козаками съ нижними они

---

[1]) Это видно изъ донесенія астраханскаго воеводы Юрія Буйносова Ростовскаго, который въ 1627 году писалъ въ посольскій приказъ, что Донцы «учинили заказъ крѣпкой, чтобы никто съ Дону на Волгу для воровства не ходилъ, а только-де, Государь, кто съ Дону на Волгу пойдетъ, а послѣ объявится на Дону, и тому быть казнену смертію.» Дѣла ногайскія 1627 г. № 1.

не съѣзжаются и ни въ чемъ донскихъ козаковъ не слушаютъ [1])». Отсюда, однакожъ, видно, что въ разбояхъ участвовали одни верховые козаки; главное же войско составляли всегда низовые.

Съ 1650 года разбои козаковъ на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ снова усилились: козаки основали въ скрытомъ мѣстѣ, между Паншинскою и Иловлинскою станицами, городокъ, куда скрывались отъ преслѣдованія, и хотя войсковой кругъ разорялъ эти притоны, но разбои не прекращались; напротивъ, съ появленіемъ на поприще Стеньки Разина, они принимаютъ огромные размѣры, охватываютъ Россію на большомъ пространствѣ и продолжаются весьма значительное время.

Стенька Разинъ былъ извѣстенъ въ Войскѣ по своей храбрости и опытности въ гражданскихъ дѣлахъ того времени, что̀ видно изъ назначенія его для переговоровъ съ Калмыками. Возмущеніе Разина слѣдуетъ приписать отчасти тому броженію умовъ, которое существовало тогда въ Россіи [2]), отчасти бездѣйствію козаковъ на другихъ театрахъ войны, а поводомъ могло послужить то, что Разинъ, находясь при регулярныхъ войскахъ, поссорился съ воеводою Юріемъ Долгорукимъ, ушелъ самовольно съ козаками на Донъ, за что̀ былъ приговоренъ къ казни [3]).

Россія, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, начала оправляться отъ прежнихъ смутъ; но постоянныя войны съ Польшею за Малороссію, нескончаемая борьба съ Крымомъ, не позволяли утвердить прочный порядокъ внутри государства. Области, наиболѣе отдаленныя отъ Москвы, были въ совершенной зависимости отъ намѣстниковъ, которые, отвлекаясь отъ главнаго надзора за правосудіемъ своей страны, другими дѣлами, позволили развиться между чиновниками взяточничеству и насиліямъ разнаго рода. Особенно терпѣли крѣпостные отъ помѣщиковъ. Положеніе это, съ году на годъ, дѣлалось тягостнѣе, и неудивительно, что Разинъ, возмутившій небольшое число козаковъ, искалъ сообщниковъ въ этомъ взволнованномъ народонаселеніи, населявшемъ восточныя земли Московскаго государства, гдѣ администрація была еще въ младенческомъ состояніи.

---

[1]) Ногайскія дѣла 1638 № 1.

Верховые и низовые донскіе козаки, И. Краснова. Военный Сборникъ 1858 г. іюль. Войсковыя вѣдомости 1859 и 1860 г.

[2]) Стенька Разинъ, Н. Костомарова. Отечеств. Записки 1858 г. октябрь.

[3]) Путешествіе Голландца Янъ Янсена Стрейса. Исторія в. донскаго—рукопись, въ примѣч.

Весною 1667 года, распространился бунтъ по войску. Вначалѣ участіе въ немъ приняли 1500 козаковъ; потомъ эта шайка стала умножаться отъ прихода другихъ вольныхъ людей. Начались обыкновенные грабежи на большихъ дорогахъ и убійства, которыя на этотъ разъ были преимущественно обращены противу властей и помѣщиковъ. Узнавъ о бунтѣ, московское правительство предписывало донскому атаману Корнелію Яковлеву уничтожить скопище бунтовщиковъ; но Разинъ былъ слишкомъ силенъ, и, сколько извѣстно, войско вначалѣ не принимало противъ него враждебныхъ дѣйствій. Разграбивъ суда на Волгѣ, Разинъ уничтожилъ отрядъ, высланный отъ астраханскаго воеводы, близъ Яицкаго городка, и самый городъ взялъ приступомъ. Въ этихъ дѣйствіяхъ ему много помогали стрѣльцы, которые переходили на его сторону, умерщвляя своихъ начальниковъ [1]).

Несмотря на энергическія мѣры, предпринимаемыя русскимъ правительствомъ, скопище бунтовщиковъ росло съ каждымъ днемъ, находя себѣ поддержку въ донскихъ козакахъ, такъ, что въ одной грамотѣ войску донскому вновь подтверждалось поступать съ бунтовщиками *«великою войсковою грозою по ихъ праву»*; до-сихъ-поръ, писалъ государь «вы служили мнѣ и всему россійскому государству вѣрно и радѣтельно; многочисленные непріятели, окружавшіе васъ, страшились силы вашія; нынѣ, къ великому удивленію всей Россіи, небреженіе ваше къ спокойствію государства оказывается во всемъ» и т. д. Дальше пишется въ той же грамотѣ: «вы забыли и не страшитесь суда Божія, ни опалы моея; вы вручены мнѣ Богомъ».

Сдѣлавъ экспедицію въ Персію, гдѣ разграбилъ много селъ и городовъ, ослабленный въ своихъ силахъ, Разинъ, по возвращеніи къ Астрахани, послалъ семь козаковъ въ Москву съ повинною; но то была одна военная хитрость, чтобы, запасшись провіантомъ, начать новыя злодѣйства. Въ началѣ 1669 года, Разинъ отправился на Донъ, опустошая селенія и грабя промышленниковъ и купцовъ. Проведя потомъ въ бездѣйствіи всю зиму, Разинъ, въ апрѣлѣ 1670 года, съ сильною партіею своихъ приверженцевъ прибылъ въ Черкаскъ, гдѣ посадилъ въ воду присланнаго къ войску съ грамотою жильца Евдокимова.

---

[1]) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани, и списокъ съ приговора, читаннаго при казни Разина въ Москвѣ.

Когда войсковой атаманъ Корнелій Яковлевъ началъ его останавливать, Разинъ, чуть не умертвивъ его, сказалъ: «ты управляй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ [1])».

Одиннадцатидневное пребываніе Разина въ Черкаскѣ сопровождалось грабительствами, и богохульствомъ. Онъ умерщвлялъ старшинъ, священниковъ и воеводъ, присылаемыхъ изъ Москвы.

Возвратившись съ Дону, Разинъ взялъ приступомъ Царицынъ, Астрахань, Саратовъ, откуда направился въ великороссійскія губерніи, распространяя всюду молву, что онъ идетъ къ Москвѣ, для истребленія бояръ, чиновниковъ, стрѣльцовъ и купцовъ за ихъ измѣну и обворожилъ толпу, позволяя ей грабить сколько угодно. Крѣпостнымъ онъ объявлялъ свободу и уговаривалъ ихъ истреблять своихъ помѣщиковъ [2]).

Возмущеніе разливалось повсюду и большая часть городовъ Восточной Россіи подпала его власти. Уже Москва была въ страхѣ, когда три отряда русскихъ войскъ, подъ начальствомъ князей Долгорукова, Барятинскаго и Щербатова, разбили скопище бунтовщиковъ и обратили ихъ въ бѣгство.

Разинъ бѣжалъ на Донъ, гдѣ заперся въ построенномъ имъ Кагальницкомъ городкѣ, обнесенномъ валомъ и укрѣпленномъ пушками. Атаманъ Корнелій Яковлевъ обольстилъ и усыпилъ его своею ласкою; между тѣмъ, подговоривъ Войско идти на бунтовщика, атаковалъ его внезапно. Разинъ попался въ плѣнъ и повезенъ въ Москву, гдѣ былъ преданъ жестокой казни: распятъ на кольяхъ и четвертованъ. Сообщники его, пойманные въ Кагальницкомъ городкѣ, были казнены по суду войсковаго круга; другіе же, оставшіеся въ Астрахани, Саратовѣ и другихъ городахъ, схвачены одинъ за другимъ русскими воеводами и получили достойную казнь.

Вскорѣ за этимъ, государь послалъ на Донъ, съ жалованьемъ стольника Касагова и дьяка Богданова, въ присутствіи которыхъ козаки присягнули русскому царю на вѣчное подданство. Имена присягнувшихъ занесены въ посольскую книгу; другая же книга оставлена

---

[1]) Дѣла донскія. Грамота на Донъ въ 1667 г.

Дѣла донскія: распросныя рѣчи валуйскаго станичнаго головы Карпа Бугуслова, провожавшаго жильца Герасима Евдокимова.

[2]) Путешествіе Стрейса.

въ войскѣ донскомъ, для записи всѣхъ приходящихъ вновь, а также дѣтей козацкихъ [1]).

Послѣ казни Стеньки Разина, мы видимъ козаковъ на прежнемъ своемъ поприщѣ: въ войнѣ съ Турками и Татарами. Политика московскаго двора перемѣнилась. Заключивъ съ Польшею на 13 лѣтъ договоръ, московскій дворъ уже самъ выказываетъ стремленіе къ уничтоженію турецкаго владычества на Азовскомъ морѣ. Робкая политика царя Михаила Ѳедоровича перемѣнила теперь свое направленіе.

Вмѣсто угрозъ козакамъ, за ихъ нападенія на азовцевъ, московскій дворъ рѣшается открыто подкрѣпить ихъ русскимъ войскомъ.

Такъ, въ началѣ 1673 года, присланъ на Донъ думный дворянинъ Хитрово съ отрядомъ около 5000 русскихъ войскъ, къ которымъ присоединилось 5000 козаковъ, подъ начальствомъ атамана Корнелія Яковлева, для завоеванія каланчинскихъ башенъ [2]); но попытка овладѣть каланчинскими башнями не удалась, что̀ заставило построить на рѣкѣ Міусѣ крѣпость и посадить туда 150 человѣкъ; однакожъ на другой годъ, по затопленіи башни, козаки ее оставили.

Неудачное предпріятіе на Міусѣ думали поправить построеніемъ крѣпостей близъ самого Азова; но какъ для гарнизона этихъ крѣпостей требовалось много козаковъ, которые на это не соглашались, говоря, что «мы де въ городахъ сидѣть не хотимъ; ради де мы за великаго государя такъ помереть, безъ городковъ», то это дѣло и было оставлено, за что̀ царь Алексѣй Михайловичъ, въ послѣдніе годы своего царствованія, былъ недоволенъ козаками [3]); но вскорѣ за этимъ козаки съ ратными людьми сдѣлали удачное нападеніе на Азовъ, и примирились съ московскимъ дворомъ.

Въ 1676 году воцарился Ѳедоръ Алексѣевичъ, который, первый изъ русскихъ государей, по вступленіи своемъ на престолъ, потре-

---

[1]) Дѣла донскія. Запись, по которой козаки и атаманы приведены къ присягѣ въ Москвѣ и на Дону.

[2]) Турецкія дѣла. Наказъ, данный думному дворянину Хитрово, въ январѣ 1673 г. »а когда тѣ каланчинскія башни будутъ взяты и имъ, думному дворянину и воеводамъ, на тѣхъ каланчинскихъ башняхъ сдѣлать городъ, какъ пристойно и укрѣпить накрѣпко, войсковыми людьми осадить, чтобы во время непріятельскаго приходу сидѣть въ нихъ безстрашно.«

[3]) Дѣла донскія; грамота на Донъ 23 сентября 1673 г.

бовалъ у козаковъ присяги. Сперва присягнула зимовая станица, находившаяся въ Москвѣ, а за нею и всѣ козаки [1]).

Первые годы, скучая бездѣйствіемъ, донскіе козаки, въ особенности верховые, начали вновь грабительства на Волгѣ; но на этотъ разъ разбойники не находили себѣ одобренія въ войскѣ, которое уже не потакало воровству и грабежамъ и во всѣ городки отписало: «будетъ кто воровствомъ похваляться и промышляти и такихъ де велѣно имать и присылать въ Черкаскій городокъ».

Въ 1678 году козаки по повелѣнію царя Алексѣя Ѳеодоровича участвовали въ чигиринскихъ походахъ Ромодановскаго, въ числѣ 2000 человѣкъ, а въ слѣдующемъ году отражали нападенія Крымцевъ на русскую Украину и вели войну съ Калмыками, которые, подъ предводительствомъ Аюка Тайши, замышляли отдаться въ подданство крымскому хану; однакожъ послѣ долгихъ безпокойствъ Калмыки были приведены въ покорность [2]).

Въ 1679 году донскіе козаки были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ запорожцами, которые уговаривали донцовъ вступить на службу польскаго короля и воевать Турокъ и Татаръ. Хотя козаки не рѣшались вступить на службу польскаго короля, но на азовцевъ ходили безъ дозволенія войсковаго атамана, который, отписывая объ этомъ московскому двору, выражался между прочимъ, «что много голотьбы и наброду и присланное къ нимъ жалованье многимъ не достается, а для того унять ихъ невозможно».

Въ 1686 году былъ заключенъ миръ съ Польшею и въ грамотѣ къ войску [3]) козакамъ позволялось воевать турецкаго султана и крымскаго хана, «сколько вамъ всемогущій Господь Богъ помощи подастъ», чѣмъ они тотчасъ же и воспользовались.

Въ 1687 году козаки потерпѣли страшное несчастіе отъ пожара. Весь почти Черкаскій городокъ сгорѣлъ и, донося объ этомъ, козаки писали: «погорѣли мы всѣмъ войскомъ безъ остатка и всѣмъ до конца раззорились [4])». Государь имъ тотчасъ послалъ жалованье и предоставилъ другія средства къ исправленію города.

---

[1]) Тамъ же. Грамота на Донъ 1678 г. февраля 3.

[2]) Дѣла донскія. Распросныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Розмагѣева, 1684 г.

[3]) Дѣла донскія. Грамота на Донъ 1686 г. 29 іюля.

[4]) Дѣла донскія. Челобитная Войска Донскаго отъ 1687 г.

Съ 1690 года, начинаются раскольничьи секты на Дону. Раскольники нашли себѣ пріязнь у азовцевъ и горскихъ народовъ, съ которыми вошли въ дружественныя сношенія и хотѣли, вмѣстѣ съ татарами, согнать съ Дону козаковъ и уничтожить черкаскій городокъ; но дѣйствія ихъ не имѣли успѣха [1]).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Походы Петра Великаго съ донцами противъ крѣпости Азова. — Неудовольствія Петра на козаковъ. — Булавинскій бунтъ; походъ козаковъ въ Персію.

Со вступленіемъ на престолъ императора Петра I начинается новая эпоха для Россіи. Юный царь зорко всмотрѣлся во всѣ нужды своего государства; онъ не оставилъ безъ вниманія козаковъ, которыхъ политическое устройство ему не понравилось. Награждая ихъ за службу и храбрость, Петръ не терпѣлъ ихъ своевольный духъ и безпорядки въ управленіи, и когда явился предлогъ, онъ подчинилъ козаковъ своей неограниченной власти. Съ царствованія Петра Великаго, началось для донскихъ козаковъ переходное состояніе отъ прежняго ихъ устройства къ настоящему положенію.

Въ первые годы своего царствованія, Петръ I стремился придвинуть Россію къ Азовскому и Черному морямъ. Входъ въ Азовское море открывался взятіемъ Азова, — той самой крѣпости, которую донцы завоевали въ 1636 г.; но не поддержанные московскимъ дворомъ, должны были ее оставить.

Въ 1694 году, Петръ посылаетъ противъ Азова значительную армію, подъ начальствомъ Гордона; вслѣдъ за нею является самъ; однакожъ осадныя работы велись неискусно и экспедиція кончилась построеніемъ, около Азова, Сергіевскаго укрѣпленія, въ которое былъ посаженъ 3000 гарнизонъ, а также взятіемъ двухъ башенъ, гдѣ козаки, въ присутствіи государя, блистательно выказали свою храбрость [2]).

---

[1]) Тамъ же, Распросныя рѣчи атамана Василія Горбунова, 1694 г.

[2]) Овладѣть каланчинскими башнями считалось необходимымъ. Царь вызвалъ охотниковъ изъ донскихъ козаковъ. За часъ до разсвѣта, козаки, подкравшись къ каланчѣ, прицѣпили къ желѣзнымъ воротамъ петарду; но какъ взрывъ ея не произвелъ желаемаго дѣйствія и ворота остались невредимы, то

Въ началѣ 1696 года, Петръ съ арміею въ 55,000, подъ начальствомъ боярина Шеина и съ новопостроеннымъ флотомъ, опять выступилъ къ Азову, имѣя при себѣ болѣе 5000 донскихъ козаковъ [1]).

Стѣснивъ Азовъ съ сухаго пути и моря, Петръ I началъ предварительныя работы, которыя шли медленно.

Скучая продолжительною осадою, еще болѣе тяжкимъ трудомъ при возведеніи насыпи и уже чувствуя недостатокъ въ продовольствіи, Запорожцы условились съ Донцами ударить на Азовъ, въ надеждѣ увлечь и прочія войска. Доблестные вожди ихъ: наказный атаманъ Лизогубъ и войсковой атаманъ Флоръ Минаевъ сами повели до 2000 удальцовъ на штурмъ. Быстро взобрались козаки на земляной валъ, сбили стоявшихъ тамъ Турокъ, спустились внутрь крѣпости и, живо преслѣдуя изумленнаго неожиданнымъ нападеніемъ непріятеля, едва не ворвались за нимъ въ каменный замокъ. Еслибы въ эту минуту двинули войска, Азовъ былъ бы взятъ.

Но солдаты и стрѣльцы не трогались изъ лагеря и козаки, не видя возможности удержаться въ крѣпости, возвратились на валъ, гдѣ утвердились въ угловомъ бастіонѣ.

Пользуясь удачными дѣйствіями донцовъ, Петръ рѣшился, не оканчивая осадныхъ работъ, взять городъ приступомъ, и хотя первый приступъ былъ отбитъ, но Азовцы сдали крѣпость и городъ на капитуляцію.

За всѣ службы козаковъ, Петръ прислалъ имъ милостивую грамоту, гдѣ, похваляя ихъ подвиги, пожаловалъ войсковыми клейнодами,

---

они ломами разломали одну бойницу въ видѣ пролома и ворвались въ крѣпость и такимъ образомъ взяли первую каланчу.

Вслѣдъ за этимъ, козаки новою доблестью не замедлили ободрить государя, огорченнаго неудачною осадою. Изъ орудій, найденныхъ въ завоеванной башнѣ, казаки открыли такой жестокій огонь по другой крѣпости на противоположномъ берегу, что начальствовавшій въ ней ага, видя разрушеніе стѣнъ и, опасаясь приступа, покинулъ ее ночью и ушелъ со всѣмъ гарнизономъ. Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова. Осада Азова. Томъ II, стр. 235 и 237.

[1]) Государь, оставивъ за собой боярина Шеина, съ сухопутными войсками прибылъ 9 мая въ Черкаскъ, гдѣ былъ обрадованъ удачнымъ поискомъ походнаго атамана Поздѣева, который взялъ съ боя два турецкихъ корабля и девять мелкихъ судовъ. Тамъ же, стр. 268. Сказаніе о взятіи Азова въ древней Россійской библіотекѣ, XVI, 271 прим. Н. Устрялова.

состоящими изъ серебрянаго пернача, бунчука, войсковаго знамени и шести станичныхъ знаменъ [1]).

Устраивая политическія дѣла, Петръ не забывалъ и внутреннихъ; но если побѣды на Азовскомъ и Балтійскомъ моряхъ достались ему не дешево, то гораздо дороже обошлись побѣды надъ собственнымъ народомъ. Петръ желалъ измѣнить въ Россіи весь внутренній порядокъ въ государствѣ и самую домашнюю жизнь и при этомъ не щадилъ ни предразсудковъ, ни вѣковыхъ обрядовъ.

Крутыя мѣры государя встрѣтили неудовольствіе въ народѣ, выразившееся въ бунтахъ стрѣльцовъ. Въ нихъ козаки не участвовали; но и они не устояли, когда Петръ затронулъ ихъ личные интересы, началъ стѣснять ихъ вольности и уничтожать нѣкоторыя права и привиллегіи, дарованныя донскимъ козакамъ, или увѣковѣченныя временемъ.

Никогда народъ не разстается равнодушно съ своими убѣжденіями; онъ рѣдко постигаетъ необходимость крутыхъ мѣръ для будущаго блага государства; онъ видитъ одно настоящее, и когда коснутся того, что онъ считалъ неприкосновеннымъ и святымъ, то онъ возстаетъ, не жалѣя тогда ни своей крови, ни своего имущества. Въ подобномъ настроеніи общества, стоитъ бросить одну искру, чтобы пламя охватило его...

Но обратимся къ самымъ событіямъ, приготовившимъ Булавинскій бунтъ.

Въ 1682 году послѣдовало первое запрещеніе принимать въ Войско Донское бѣглецовъ изъ другихъ губерній. Въ слѣдующемъ 1683 году учреждена застава на границахъ Воронежской губерніи и Войска Донскаго, для обыска козаковъ, возвращавшихся изъ Россіи.

Въ 1703 году посланы на Донъ чиновники, для приведенія въ гласность козачьихъ городковъ и для высылки изъ оныхъ на прежнія мѣста тѣхъ людей, которые зашли туда послѣ 1695 года, съ наказаніемъ каждаго изъ нихъ [2]). Атамановъ и козаковъ велѣно обязать подпискою, чтобы они не принимали впредь бѣглыхъ людей, подъ смертною казнью.

Не бывъ довольны запрещеніемъ принимать бѣглыхъ людей въ свои городки и высылкою оныхъ на прежнія мѣста, козаки еще болѣе

---

[1]) Грамота на Донъ 21 февраля 1706.

[2]) Грамота на Донъ 1703 г. іюля 11.

огорчились насильственными поступками чиновниковъ, которые, превышая власть, наказывали и высылали невинныхъ.

Вслѣдъ за этимъ, козакамъ запрещалось занимать пустопорожнія земли [1]).

Около этого времени возникли ссоры донскихъ козаковъ съ городовыми козаками Изюмскаго полка [2]). Главнѣйшая причина этихъ ссоръ, имѣвшая не малое вліяніе на возмущеніе козаковъ, было присвоеніе изюмскимъ полковникомъ соляныхъ источниковъ, находившихся во владѣніи донскихъ козаковъ, весьма для нихъ выгодныхъ. Въ это время бахмутскимъ [3]) станичнымъ атаманомъ былъ Кондратій Булавинъ, который отстаивалъ, какъ пользы своей станицы, такъ и всего Войска Донскаго, что произвело несогласія донцевъ съ изюмцами, доведенныя до верховнаго правительства.

Между тѣмъ изъ посольскаго приказа пришло предписаніе о забраніи, какъ у донскихъ, такъ и у изюмскихъ козаковъ соли въ казну и о продажѣ оной на мѣстѣ высшими цѣнами. Булавинъ, защищая интересы войска, собралъ въ 1705 году значительную партію козаковъ, напалъ на жителей, занимавшихся вываркою соли, близъ рѣчки Бахмутки, разорилъ всѣ строенія и заводы, забралъ всю готовую соль, казенную и частную, а также деньги и прочее имущество. Уничтоживъ потомъ всѣ бывшія въ тѣхъ мѣстахъ соленоваренные заводы и причинивъ большіе убытки изюмцамъ, Булавинъ началъ самъ вываривать соль, не допуская иногородныхъ участвовать въ этомъ промыслѣ. Изъ адмиралтейства были присланы чиновники для разъясненія этого дѣла; но Булавинъ отвѣчалъ, что такъ-какъ изюмцы вываривали соль на землѣ имъ принадлежащей, то и не должно отъ него требовать удовлетворенія [4]).

Въ 1707 году присланъ былъ въ Войско Донское полковникъ князь Долгорукій съ отрядомъ русскихъ войскъ, для уничтоженія нѣкоторыхъ козачьихъ городковъ и вмѣстѣ съ этимъ начали вводиться различныя мѣры къ обузданію своевольства на Дону, что раздражало козаковъ.

---

[1]) Грамота на Донъ 1706 г. февраля 28.

[2]) Городовые козаки поселены самимъ правительствомъ на границахъ Россіи съ Полемъ, для воспрепятствованія набѣгамъ Татаръ. Они во многомъ имѣли сходство съ военными границами Австріи.

[3]) Бахмутскій городокъ принадлежалъ войску донскому.

[4]) Отписка войска донскаго въ посольскій приказъ 1706 года.

Пользуясь ропотомъ и неудовольствіемъ, распространившимся между донцами, Булавинъ рѣшился поднять знамя бунта. Склонивъ на свою сторону донецкій и по запольнымъ рѣчкамъ поселенные полки, Булавинъ отправился на р. Хоперъ, гдѣ, по завѣщанію, было рѣшено убить князя Долгорукова и истребить бывшій съ нимъ отрядъ въ 1000 человѣкъ, что и было исполнено на р. Айдарѣ. Вслѣдъ за этимъ, Булавинъ разослалъ возмутительныя письма по козачьимъ городкамъ, убѣждая козаковъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Письма Булавина разнесли пламя бунта по всей верхней части Дона и по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Донцу.

Хотя изъ слѣдствія, произведеннаго о бунтѣ Булавина, видно, что войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ принималъ участіе въ возмущеніи [1]; но вслѣдъ за этимъ атаманъ разослалъ увѣщательныя письма не слушать клеветъ Булавина и не пристават къ возмутителямъ; однакожъ легковѣрная толпа не внимала убѣжденіямъ. Булавинъ, начальствуя 20,000 войскъ, состоящихъ наиболѣе изъ бѣглецовъ или вольницы, былъ намѣренъ идти къ Москвѣ; но атаманъ Лукьянъ Максимовъ, съ вѣрными престолу козаками, выступилъ противъ бунтовщиковъ и, разбивъ ихъ 6 октября 1707, заставилъ обратиться въ бѣгство.

Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, гдѣ, на глазахъ гетмана Мазепы, собралъ до 3000 человѣкъ, къ которымъ присоединились городовые козаки [2]). Съ этими силами бунтовщикъ вновь явился на Дону.

Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ, собравъ козаковъ, оставшихся вѣрными государю и присоединивъ отрядъ русскихъ войскъ въ 5000, откомандированный отъ азовскаго губернатора графа Толстаго, выступилъ противъ Булавина, но въ битвѣ 9 апрѣля 1708 года при рѣкѣ Голубой [3]), (близъ Голубинской станицы), былъ разбитъ. Затѣмъ Булавинъ взялъ хитростью укрѣпленный Черкаскъ, гдѣ былъ провозглашенъ войсковымъ атаманомъ.

Новый атаманъ писалъ государю, что собрались козаки по Дону, Донцу, Хопру и Медвѣдицѣ для перемѣны и выбора новыхъ стар-

---

[1]) Разсказы изъ Русской исторіи, С. Соловьева. Русскій Вѣстникъ 1860 г. августъ. книжка вторая.

[2]) Отписка войска запорожскаго къ Петру I, 6 августа 1708 г.

[3]) Грамота на Донъ 3 мая 1708.

шинъ за то, что прежніе не отдали козакамъ царское жалованье (1). Но государь, узнавъ объ успѣхахъ Булавина, немедленно отправилъ изъ пограничныхъ войскъ и резервовъ до 20,000 войскъ, которые поручилъ гвардіи маіору князю Долгорукову, близкому родственнику убитаго козаками.

Тогда война съ Швеціею была въ полномъ разгарѣ, а потому слѣдовало дѣйствовать энергически, тѣмъ болѣе, что Булавинъ ссылался съ Запорожцами о совокупныхъ дѣйствіяхъ (2). Въ наказѣ, данномъ Долгорукову (3), было сказано «взять Черкаскъ, послѣ чего слѣдуетъ ему, лежащіе по Дону казачіе городки до Донецкаго оставить, какъ существуютъ, а лежащіе по Дону, Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и Иловлѣ сжечь и разорить до основанія; людей рубить, а заводчиковъ сажать на колъ и колесовать, ибо «писалъ государь,» сія сарынь ничѣмъ кромѣ, жестокости, не можетъ быть унята; однако кто принесетъ повинную, съ тѣмъ поступать ласково.»

Булавинъ, оставаясь въ Черкаскѣ, въ ожиданіи подкрѣпленія отъ Запорожцевъ, которые стараніями князя Долгорукова и графа Толстаго не были допущены къ бунтовщикамъ, послалъ партію подъ начальствомъ Некрасова на Волгу. Эта партія пресѣкла судоплаваніе къ Астрахани; другая же партія, подъ начальствомъ Хохлача, выступила къ Азову навстрѣчу русскимъ войскамъ; но была разбита и обращена въ бѣгство.

Пораженіе Хохлача, имѣвшаго 3000 вольницы, ослабило довѣренность и къ силамъ Булавина. По внушеніямъ графа Толстаго, жители Черкаска провозгласили, 7 іюня, атаманомъ Илью Зерщикова и,

1) Козаки также писали грамоту, въ которой увѣряли, что «князя Юрія Долгорукова убилъ не одинъ Кондратій Булавинъ; убили его съ общаго вѣдома, потому что у розыска поступалъ не по государеву указу; отъ тебя великаго государя мы никуда не откладывались, твоихъ украинныхъ городовъ не разоряли и отнюдь разорять не будемъ, желая тебѣ служить по прежнему всѣмъ войскомъ донскимъ и всѣми рѣками всеусердно. И чтобы твои полководцы къ городамъ нашимъ не ходили, а буде они насильно поступять и въ какое разоренье учинятъ, въ томъ воля твоя: мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на иную рѣку пойдемъ.» Разсказы изъ русской исторіи, С. Соловьева.

2) Отписка Булавина и войска Донскаго къ войску запорожскому. 17 Мая 1708.

3) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго и грамота на Донъ 8 Апрѣля 1708. Рукописная исторія В. Донскаго, въ примѣчаніяхъ.

предводимые имъ, окружили курень, гдѣ находился Булавинъ. Послѣ неудачной попытки ворваться въ жилище и взять бунтовщика живьемъ, подвезли къ куреню пушки; но Булавинъ застрѣлилъ себя изъ пистолета. Трупъ его присланъ въ Азовъ и съ отсѣченною головою повѣшенъ за ноги у р. Каланчи; совѣтники же, обложенные оковами, отправлены въ Москву, гдѣ подверглись лютой казни (1).

Извѣстіе о смерти Булавина не укротило еще духа мятежа. Нѣкоторые изъ сообщниковъ бунтовщика, и особенно Некрасовъ, съ большими партіями нападали на регулярныя войска и на транспорты съ провіантомъ и другими припасами, но корпусъ Долгорукова съ вѣрными козаками дѣйствовалъ неусыпно на сухомъ пути, а вмѣстѣ съ этимъ изъ Азова, вверхъ по Дону, посланы были два корабля и двѣ галеры съ войсками. Большая часть мятежниковъ были схвачены; остался одинъ Некрасовъ, который, видя неизбѣжную гибель, бѣжалъ съ Дону на рѣку Кубань, принялъ подданство крымскаго хана и водворился на Таманскомъ острову, гдѣ, вмѣстѣ съ своими сообщниками, утвердился въ трехъ селеніяхъ, коихъ обитатели были донцы, бѣжавшіе съ своей родины, частью по расколу, частью отъ преслѣдованій русскихъ воеводъ (2).

Въ Булавинскій бунтъ казнено и убито до 7000 человѣкъ, уничтожены козачьи городки по рѣкамъ Донцу, Лугани, Айдару, Деркулу, Калитвамъ и по другимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Донецъ; также по рѣчкѣ Иловлѣ по Иловлинскій городокъ. Отторженныя отъ козаковъ земли по Донцу отчислены во вновь-образованную Бахмутскую провинцію. Земли по Айдару присоединены къ Острогожскому козачьему полку, а верховья Хопра съ станицами Пристанскою, Бѣляевскою, Григорьевскою и прочими, причислены къ Воронежской губерніи.

Эти мѣры обуздали вольность козаковъ. Они стали безпрекословно исполнять царскіе указы и вмѣстѣ съ этимъ рачительнѣе заниматься хозяйствомъ.

Возмущеніе Булавина не мѣшало донскимъ козакамъ участвовать въ войнѣ Россіи съ шведскимъ королемъ Карломъ XII. Донцы удачно дѣйствовали подъ Лѣснымъ, но къ полтавскому сраженію не поспѣли (3).

---

(1) Дѣянія Петра Великаго. Томъ 2.

(2) Историческія свѣдѣнія о Некрасовцахъ.

(3) Исторія Войска Донскаго, Броневскаго.

Въ печати находятся три исторіи Войска Донскаго: Ригельмана, писанная

Въ 1711 году донскіе козаки участвовали въ бѣдственномъ о-нъ ходѣ Петра Великаго въ Турцію и находились подъ главнымъ начальствомъ графа Апраксина.

Вслѣдствіе извѣстной катастрофы при Прутѣ, гдѣ Петръ I съ 38,000 войска былъ окруженъ 200.000 непріятельскою арміею, Россія должна была возвратить туркамъ крѣпость Азовъ.

Взятая изъ этой крѣпости артиллерія послужила къ вооруженію ретраншамента при Монастырскомъ урочищѣ, что не дозволяло козакамъ самовольно отправляться въ море для поисковъ; въ Черкаскѣ былъ расположенъ отрядъ русскихъ войскъ.

Въ царствованіе Петра Великаго было предположено, по мысли самого государя, прорыть каналъ, съ устройствомъ шлюзовъ, между Иловлею и Камышенкою, для соединенія Волги съ Дономъ (1).

Вмѣстѣ съ этимъ, Петръ I обратилъ вниманіе на разведеніе по Дону виноградныхъ садовъ, на развитіе хлѣбопашества и, кажется, первый указалъ въ Войскѣ Донскомъ на каменный уголь, составляющій теперь неисчерпаемое богатство донскихъ козаковъ.

Послѣ шведской войны, козаки участвовали всѣмъ войскомъ въ Персидскомъ походѣ и, наравнѣ съ другими русскими войсками, много потеряли умершими отъ непривычнаго климата. Должно полагать, что въ этотъ походъ донскіе козаки потеряли большую часть возмужалаго

въ концѣ XVIII столѣтія, исторія Алексѣя Попова—въ 1814 г. и упомянутая исторія Броневскаго. Въ настоящее время всѣ онѣ не удовлетворяютъ требованіямъ науки, какъ основанныя или одна на другой, или на преданіяхъ и небольшомъ числѣ матеріаловъ, находившихся въ частныхъ рукахъ.

Рукописная исторія, къ которой мы часто обращаемся и къ которой приложены акты, безспорно есть лучшій матеріалъ; но въ ней событія общей русской исторіей перемѣщаны съ событіями касающимися донскихъ козаковъ. Пожаръ въ г. Новочеркаскѣ въ 1838 году уничтожилъ почти всѣ дѣла, и до этого времени никто не имѣлъ порученія собрать акты и повѣрить ими акты московскаго архива. Вышеупомянутая рукописная исторія находится неболѣе какъ въ двухъ экземплярахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Мы имѣли ее только временно, акты же, приложенные къ ней, передали въ редакцію донскихъ вѣдомостей для напечатанія.

*) Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова, Томъ II.

народонаселенія, что́ помогло въ слѣдующія царствованія совершенно унять ихъ вольный духъ [1]).

---

[1]) Для очерка исторіи Войска Донскаго послѣ Петра Великаго нѣтъ достовѣрныхъ матеріаловъ. Мы разбирали архивы окружныхъ начальствъ Усть-медвѣдицкаго и Хоперскаго, также со вниманіемъ останавливались на статьяхъ г. Сенютки на (93); но все это можетъ пригодиться только послѣ тщательной разработки архива иррегулярныхъ войскъ, требующей много времени.

Военныя дѣйствія донцовъ противъ Пугачева, противъ Ногайцевъ и Черкесъ. Донскія вѣдомости 1855. Военный Сборникъ 1860 г.

Николай Красновъ.

20 апрѣля 1861 г.
Г. Новочеркаскъ.

(НОВЫЕ)
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

«Память о нашемъ народномъ поэтѣ должна быть для насъ святыней. Чтить эту память—священный долгъ каждаго, кто дорожитъ своею національною честію, своимъ достоинствомъ, своимъ добрымъ именемъ». **Д'Израэли.**

Безпечность и равнодушіе предшествовавшихъ намъ поколѣній къ памяти замѣчательныхъ людей своего времени были причиною того грустнаго явленія, что многіе изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей минувшихъ столѣтій, оставивъ по себѣ громкое имя передовыхъ личностей, остаются для насъ—потомковъ весьма мало извѣстными въ—отношеніи ихъ частной жизни, воспитанія, привычекъ, наклонностей, словомъ всего того, изъ чего можно бы было составить ясное понятіе о характерѣ лица, о его нравственной физіономіи. Не касаясь немногихъ дѣятелей политическихъ, о которыхъ болѣе или менѣе подробно говоритъ исторія,—многое ли мы знаемъ о жизни нашихъ писателей, не говорю предшествовавшихъ вѣковъ, а хоть бы самаго близкаго къ намъ времени? Давно ли начали появляться въ печати краткія монографіи, имѣющія цѣлію уяснить характеръ литературныхъ дѣятелей? По небрежности и равнодушію современниковъ, по неразвитости нашего общества, поэты, ученые, художники и, вообще, люди, трудившіеся втихомолку и двигавшіе впередъ общество, остались почти незамѣченными. «Но пора перестать смотрѣть на этотъ классъ людей, какъ на безполезныхъ членовъ нашего дѣловаго поколѣнія: въ мірѣ существуетъ не одна матеріальная дѣятельность, и чѣмъ рѣже встрѣчается дѣятельность умственная, тѣмъ она должна быть для насъ дороже». (*)

(*) Исторія литературнаго генія, д' Израэли.

Такими побужденіями руководствовался я, приступая къ изданію въ свѣтъ немногихъ матеріаловъ для біографіи покойнаго нашего поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Онъ безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ дѣятелей послѣдняго времени.

Пока свѣжо еще воспоминаніе о дорогомъ намъ Кобзарѣ въ памяти людей, которые сталкивались съ нимъ въ разные періоды его жизни, нужно спѣшить сохранить малѣйшія черты изъ жизни самобытнаго народнаго поэта.

Жизнь такого человѣка, какъ Шевченко, имѣетъ великое значеніе для будущихъ поколѣній. Явленіе Шевченка не случайность: съ нимъ соединяется судьба цѣлыхъ милліоновъ народа; въ немъ какъ въ фокусѣ соединились духовныя силы всего крѣпостнаго люда; онъ выросъ изъ родной почвы, облитой потомъ и кровію нашего кормильца—крестьянина... Въ лицѣ поэта народъ наконецъ созналъ свое безотрадное положеніе и выслалъ его на арену просвѣщеннаго міра, въ среду цивилизованнаго сословія—повѣдать свѣту задушевныя свои думы, тяготившія его втеченіе долгихъ лѣтъ. «Муза Шевченка, по словамъ Костомарова, «разодрала завѣсу народной жизни.» Жизнію своею, столько же сколько и поэзіею, онъ заявилъ передъ судомъ образованнаго сословія вопіющую неправду крѣпостнаго права, разъяснилъ темныя преданія старины, осмыслилъ для насъ народную поэзію, народный бытъ, создалъ типы народнаго характера.

«Моя собственная судьба,» говоритъ самъ поэтъ, представленная въ истинномъ свѣтѣ, могла бы навести не только простолюдина, но и тѣхъ, у кого простолюдинъ находится въ полной зависимости, на размышленія глубокія и полезныя для обѣихъ сторонъ... Исторія моей жизни составляетъ часть исторіи моей родины.» (Изъ письма къ редактору «Народнаго чтенія».)

Поспѣшимъ же оказать свое посильное содѣйствіе будущему біографу Шевченка и поможемъ, по собраннымъ нами матеріаламъ, воссоздать во всей полнотѣ замѣчательную жизнь нашего народнаго поэта, котораго смерть знаменательно совпала съ великимъ событіемъ освобожденія его братьевъ–крестьянъ.

Въ настоящее время въ рукахъ моихъ находится переписка покойнаго поэта съ названнымъ братомъ его, В. Г. Шевченкомъ и

нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ изъ жизни поэта, сообщенныхъ мнѣ щиримъ его пріятелемъ, И. М. Сошенкомъ. Думаю, что и мои краткія, отрывочныя замѣтки будутъ имѣть значеніе для біографіи Шевченка. Начнемъ съ этихъ замѣтокъ.

I.

Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ редактору «Народнаго Чтенія» поэтъ нашъ, въ первый разъ въ жизни, рѣшился «обнаружить передъ свѣтомъ *нѣсколько* печальныхъ фактовъ своего существованія»: онъ «не имѣлъ духу входить во всѣ подробности своей жизни»; при воспоминаніи его о своемъ прошедшемъ, у него «коснѣла рука и сжималось сердце». Эта задушевная исповѣдь, въ которой прочувствовано каждое слово, производитъ на душу всякаго, кто не истлѣлъ внутренно, глубокое, потрясающее дѣйствіе. «Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же въ самомъ-дѣлѣ поэтъ купилъ у судьбы своими усиліями—непогибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго.» Оно ужасно.

Краткая автобіографія Т. Гр. имѣетъ для насъ болѣе внутреннее, психологическое значеніе; что же касается внѣшней, фактической стороны ея, то въ ней пропущено много весьма интересныхъ подробностей, необходимыхъ для полнаго уразумѣнія симпатической личности поэта. Пробѣлы эти мы, поклонники его великаго таланта, обязаны пополнить, руководствуясь правдивыми разсказами о немъ близкихъ ему людей.

На этотъ разъ я ограничусь по преимуществу свѣдѣніями, сообщенными мнѣ Сошенкомъ, съ которымъ поэтъ, по его собственнымъ словамъ, находился до смерти «въ самыхъ искреннихъ, братскихъ отношеніяхъ». (Сошенко зналъ Тараса въ лучшую пору его поэтической дѣятельности; поэтъ живо еще помнилъ тогда свое дѣтство: въ памяти его были еще слишкомъ свѣжи впечатлѣнія недавняго прошедшаго. Но къ сожалѣнію, Шевченковъ пріятель, у котораго и своего горя было довольно, многое перезабылъ изъ слышаннаго).

Съ самаго ранняго дѣтства жизнь встрѣтила бѣднаго ребенка непривѣтливо, сурово. Матери онъ почти не помнилъ. На седьмомъ году лишился отца и остался на рукахъ мачихи, вмѣстѣ съ двумя сестрами: Яриной и другой—слѣпою. Здѣсь впервые онъ испыталъ много горя. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ лишенный любви и мате-

ринскихъ ласкъ, мальчикъ привыкъ сосредоточиваться въ себѣ самомъ, дичился людей и встрѣчалъ недовѣрчиво всякое привѣтливое обхожденіе съ нимъ родныхъ и сосѣдей. Мачиха, не взлюбившая Тараса за его скрытный и упрямый нравъ, чтобъ онъ не былъ на глазахъ, поручала ему лѣтомъ пасти телятъ и свиней въ окрестностяхъ Кириловки и Тарасовки. Поля, окружающія эти села, представляютъ несовсѣмъ ровную мѣстность: степная даль заслоняется высокими могилами, которыхъ вообще довольно много въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

Високіи ті могúли
Стоять та сумýють...

Съ ломтемъ сухаго хлѣба мальчикъ проводилъ цѣлые дни въ полѣ. Любимымъ его мѣстомъ для отдыха въ сильную жару была одна изъ такихъ могилъ. Онъ часто сидѣлъ подъ нею и безсознательно смотрѣлъ вдаль. Извѣстно, какъ эти первыя впечатлѣнія дѣтства отозвались у поэта въ періодъ его зрѣлости, въ его лучшихъ произведеніяхъ:

Кругóмъ его степъ, якъ мóре
Широ́ке, синіе;
За могúлою могúла,
А тамъ—тілько мріе...

Къ Тарасовкѣ прилегаетъ живописный прудъ, поросшій осокою и окаймленный стройными тополями. Проѣзжая съ Сошенкомъ еще въ 1849 году мимо этого пруда, мы невольно вспомнили превосходную балладу про тополю—лиху до́лю:

По дібро́ві вітеръ віе,
Гуля́е по по́лю;
Край доро́ги гне топо́лю
До самого до́лу...

и другую балладу «Утоплена», въ которой такъ поразительно хорошо переданъ таинственный разговоръ вѣтра съ осокою:

Проки́нетця, — тихе́сенько
Въ осоки́ пита́е:
»Хто се, хто се по сімъ бо́ці
Че́ше ко́су? хто се?
Хто се, хто се по тімъ бо́ці
Рве на собі ко́си?

и т. д.

Очевидно, краски для этихъ стихотвореній заимствованы поэтомъ изъ родной мѣстности.

Сестра Ярина передала намъ одинъ характерный фактъ изъ того же темнаго періода жизни Тарасовой. У квартиранта–солдата украдено два съ полтиною ассигнаціями. Тотъ, разумѣется, надѣлалъ страшнаго шуму, чуть не разогналъ всѣхъ изъ хаты. На кого тутъ взвалить вину? Конечно, на сироту–горемыку. Избѣгая наказанія, по одному лишь подозрѣнію мачихи, мальчикъ ушелъ со двора, и скрылся въ далекомъ огородѣ, въ кустахъ калины. Тамъ онъ просидѣлъ четверо сутокъ. Сестра Ярина, боясь за участь брата, тщательно скрывала отъ домашнихъ его убѣжище и украдкой носила ему ѣсть, причемъ развлекала его разными игрушками. Тарасъ устроилъ себѣ въ кустахъ калины шалашъ, продѣлалъ около него дорожки и усыпалъ ихъ пескомъ; нарисовавъ на деревѣ родъ мишени, онъ упражнялся стрѣльбою въ цѣль изъ бузинóвой пýколки. На пятый день убѣжище Тараса было открыто. Его взяли на допросъ. Главнымъ слѣдователемъ по этому дѣлу былъ родной дядя Тарасовъ, Павлó, по словамъ Ярины, «велúкій катóга». Истязаніе продолжалось около трехъ дней. Не выдержавъ пытки, мальчикъ, и то по просьбѣ сестры, подъ розгами, сознался наконецъ въ преступленіи, не имъ совершенномъ: деньги, какъ открылось послѣ, укралъ сынъ мачихи, спрятавъ ихъ въ дуплѣ старой вербы. Участіе, принимаемое сестрою въ жалкой участи невинно–терпѣвшаго мальчика, ея горячая къ нему привязанность и ея собственная горькая доля, объясняютъ намъ ту страстную любовь, которую питалъ къ ней покойникъ до послѣдней минуты своей жизни. Умирая онъ просилъ друзей своихъ не забывать сестры Ярины.

Къ тому же времени, или быть можетъ немного позднѣйшему, относится путешествіе Тараса съ сестрой на богомолье въ Лебединскій монастырь. Объ этомъ самъ поэтъ разсказывалъ Сошенку, который однажды поинтересовался узнать, съ какого именно времени онъ сталъ думать объ украинской старинѣ? Разсказъ этотъ въ точности подтвердила и сама сестра. Лебединскій мужской монастырь обращенъ теперь въ приходскую церковь; въ двадцатыхъ же годахъ, хотя и считался третьестепеннымъ, но пользовался у народа особеннымъ уваженіемъ, такъ–какъ съ этимъ святымъ мѣстомъ соединялось въ памяти народной преданіе о Коліївщинѣ (1768). Живы были еще въ то время старики, разсказывавшіе объ этомъ событіи, какъ очевидцы. Въ Лебединѣ освятили свои ножи гайдамаки. Былъ и между монахами ста-

рецъ, весьма словоохотливый, разсказывавшій богомольцамъ кровавую повѣсть о томъ, какъ гайдамаки покарали своихъ притѣснителей. Въ толпѣ богомольцевъ, окружавшихъ разкащика, никто не замѣтилъ тогда босоногаго хлопчика, съ жадностію пожиравшаго слова монаха. По сознанію самого поэта, съ этого именно времени зародилась въ его душу идея будущихъ «Гайдамакъ.»

Давно́ те мину́ло, якъ мала́ дити́на,
Сирота́ въ рядни́ні, я колись блука́въ,
Безъ сви́ти, безъ хліба, по тій Украіні,
Де Залізнякъ, Го́нта зъ свяченимъ гулявъ.

Вѣроятно, нелюбовь къ Тарасу злой мачихи, постоянно его гнавшей, ускорила поступленіе его въ школу къ приходскому дьячку, въ «попи́хачи.» Сироту старались сбыть съ рукъ во что́ бы то ни стало. О пребываніи своемъ у этого пьяницы поэтъ довольно обстоятельно разсказалъ въ своей автобіографіи. Къ этому разсказу можно только прибавить то, что дьячекъ часто морилъ его голодомъ. Слѣпая сестра Тараса припрячетъ-бывало за обѣдомъ кусочекъ хлѣба и положитъ на условленномъ мѣстѣ въ саду. Улучивъ свободную минуту, мальчикъ по-за плетнями прокрадывался въ садъ и, схвативъ хлѣбъ, убѣгалъ въ школу, боясь попасться на глаза лютой мачихѣ.

Говоря о переходѣ своемъ отъ одного учителя къ другому, Тарасъ не упомянулъ еще объ одномъ малярѣ въ с. Стеблевѣ (Каневскаго уѣзда), куда онъ ходилъ, кажется, изъ Лисянки:

Ходи́въ я та плакавъ, та людей шука́въ,
Щобъ добру́ навчи́ли.....

А потомъ уже пришелъ въ Тарасовку. Послѣ строгаго приговора дьячка–хиромантика, который нашелъ его ни къ чему негоднымъ, ни даже «*къ шѣвству*, ни *бондарству*,» скрѣпя сердце, мальчикъ возвратился въ родное село, къ брату своему Микитѣ и сталъ помогать ему въ хозяйствѣ, едва не сдѣлавшись пастухомъ ex professo, въ чемъ онъ находилъ какую–то прелесть. Но судьба готовила ему другое поприще.

«Помѣщику, только–что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку комнатнаго козачка». По разсказамъ Сошенка, Тарасъ отъ брата не прямо попалъ въ козачки. Дѣло было не та́къ. Новому барину потребовались разнаго рода дворовые, которыхъ онъ,

рецъ, весьма словоохотливый, разсказывавшій богомольцамъ кровавую повѣсть о томъ, какъ гайдамаки покарали своихъ притѣснителей. Въ толпѣ богомольцевъ, окружавшихъ разкащика, никто не замѣтилъ тогда босоногаго хлопчика, съ жадностію пожиравшаго слова монаха. По сознанію самого поэта, съ этого именно времени заронилась въ его душу идея будущихъ «Гайдамакъ.»

Давно́ те мину́ло, якъ мала́ дити́на,
Сирота́ въ рядни́ні, я коли́сь блука́въ,
Безъ сви́ти, безъ хліба, по тій Украіні,
Де Залізнякъ, Го́нта зъ свяченимъ гулявъ.

Вѣроятно, нелюбовь къ Тарасу злой мачихи, постоянно его гнавшей, ускорила поступленіе его въ школу къ приходскому дьячку, въ «попйхачи.» Сироту старались сбыть съ рукъ во что́ бы то ни стало. О пребываніи своемъ у этого пьяницы поэтъ довольно обстоятельно разсказалъ въ своей автобіографіи. Къ этому разсказу можно только прибавить то, что дьячекъ часто морилъ его голодомъ. Слѣпая сестра Тараса припрячетъ-бывало за обѣдомъ кусочекъ хлѣба и положитъ на условленномъ мѣстѣ въ саду. Улучивъ свободную минуту, мальчикъ по-за плетнями прокрадывался въ садъ и, схвативъ хлѣбъ, убѣгалъ въ школу, боясь попасться на глаза лютой мачихѣ.

Говоря о переходѣ своемъ отъ одного учителя къ другому, Тарасъ не упомянулъ еще объ одномъ малярѣ въ с. Стеблевѣ (Каневскаго уѣзда), куда онъ ходилъ, кажется, изъ Лисянки:

Ходи́въ я та плакавъ, та людей шука́въ,
Щобъ добру́ навчи́ли.....

А потомъ уже пришелъ въ Тарасовку. Послѣ строгаго приговора дьячка–хиромантика, который нашелъ его ни къ чему негоднымъ, ни даже «*къ шѣвству*, ни *бондарству*,» скрѣпя сердце, мальчикъ возвратился въ родное село, къ брату своему Микитѣ и сталъ помогать ему въ хозяйствѣ, едва не сдѣлавшись пастухомъ ex professo, въ чемъ онъ находилъ какую–то прелесть. Но судьба готовила ему другое поприще.

«Помѣщику, только–что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку комнатнаго козачка». По разсказамъ Сошенка, Тарасъ отъ брата не прямо попалъ въ козачки. Дѣло было не такъ. Новому барину потребовались разнаго рода дворовые, которыхъ онъ,

какъ истый аристократъ, желалъ имѣть спеціально приготовленными къ разнымъ надворнымъ должностямъ: кучера, форейтора, повара, лакея, конторщика, комнатнаго живописца (*) и т. п. Главному управляющему К....му было предписано набрать изъ крестьянскихъ дѣтей около дюжины мальчиковъ, годныхъ къ упомянутымъ должностямъ и представить ихъ въ Варшаву (по разсказамъ другихъ въ Вильно). И вотъ, по одному почерку пера, были взяты у родителей дѣти (не всѣ же они были сироты, подобно Тарасу) и приведены въ центральное имѣніе помѣщика, въ мѣстечко Ольшану. Въ видѣ опыта, до отправленія къ барину, ихъ распредѣлили при господскомъ дворѣ по разнымъ должностямъ. Нашъ Тарасъ попалъ въ поваренки, подъ команду главнаго повара-артиста: сталъ чистить кострюли, носить на кухню дрова, выливалъ помои, и проч. Въ такихъ непоэтическихъ занятіяхъ, конечно, онъ не могъ найти ничего сроднаго съ своими природными влеченіями; а между тѣмъ страсть къ картинкамъ и книжкамъ не покидала мальчика ни на минуту. При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ пріобрѣталъ за первый попавшійся грошъ какое-нибудь произведеніе суздальской школы у бродячаго коробейника, а если было не-за-что́ купить, то, изъ любви къ искусству, иногда покушался на воровство. Пріобрѣвъ довольно значительную коллекцію подобныхъ рѣдкостей, онъ прятался съ нею, отъ многочисленной дворни, въ саду. Въ густой чащѣ деревъ, подальше отъ дома, онъ устроилъ себѣ родъ галлереи, наклеивъ на деревьяхъ свои картинки. Туда Тарасъ уходилъ пѣть пѣсни, разсматривать и копироватъ какого-нибудь Соловья-разбойника, или Кутузова. За такія упущенія по службѣ, онъ неоднократно былъ поколачиваемъ поваромъ.

Однажды Тарасу посчастливилось получить цѣлый двугривенный отъ одного заѣзжаго господина за вычищенные сапоги. Когда навѣстилъ его братъ Микита, онъ ему отдалъ весь этотъ благопріобрѣтенный капиталъ на дорогу. На проводахъ его тѣла въ Кіевѣ, Микита со слезами на глазахъ вспоминалъ объ этомъ: »Що то за до́бра душа́ була! Я таки ёго бивъ коли́сь маленькимъ, та й здо́рово бивъ, а вінъ, покійникъ, одда́въ менi послiдне.»

Когда кончилось испытаніе будущихъ дворовыхъ, составленъ былъ списокъ, съ обозначеніемъ качествъ и свойствъ каждаго мальчика: Тарасъ въ этомъ спискѣ былъ записанъ годнымъ «на комнатнаго жи-

(*) Въ то время у русскихъ баръ было въ модѣ расписывать покои al fresco.

вописца». Эта перечневая вѣдомость, въ видѣ накладной, какая обыкновенно дается извощикамъ, представляющимъ товары въ разныя мѣста Россійской имперіи, былъ отправленъ къ барину, вмѣстѣ съ его движимою собственностію.

Но, какъ намъ извѣстно, аттестація управляющаго не спасла Тараса отъ тиковой куртки: по какимъ–то особеннымъ соображеніямъ, помѣщикъ повернулъ его въ комнатные козачки. Къ–счастію, и эта новая должность была лишь временнымъ испытаніемъ; и на этомъ новомъ для него поприщѣ, какъ и на кухнѣ въ Ольшаной, страсть къ живописи его не покидала, причинивъ ему не мало горя. Кочующая жизнь барина по ярмаркамъ разныхъ западныхъ городовъ и мѣстечекъ, чуть ли не въ качествѣ ремонтера, окончилась, вѣроятно, съ производствомъ въ высшій чинъ, и Тарасъ былъ отданъ въ науку къ комнатному живописцу въ Варшавѣ. Хозяинъ, замѣтивъ въ своемъ ученикѣ необыкновенныя способности къ живописи и не будучи въ состояніи научить его ничему хорошему, кромѣ раскрашиванья потолковъ и стѣнъ, а иногда и заборовъ, былъ настолько добросовѣстенъ, что, по истеченіи года, пришедши къ барину за условленною платой, прямо высказалъ ему, какъ онъ понимаетъ крѣпостнаго юношу. По совѣту этого добраго маляра, Тарасъ былъ отданъ къ извѣстному въ то время въ городѣ портретисту, потомку знаменитаго дамскаго живописца екатерининскихъ временъ—Лампи. Наблюдая свои интересы, помѣщикъ разсчиталъ, что изъ способностей крѣпостнаго можно современемъ извлечь еще болѣе выгоды, если онъ будетъ порядочнымъ живописцемъ, и потому вошелъ въ условія съ Лампи, который не принялъ ученика къ себѣ въ домъ, а согласился на то, чтобы онъ былъ приходящимъ. Тараса пріодѣли получше и велѣли ему ходить на уроки.

Въ это время онъ познакомился съ одною хорошенькою швеей, и впервые созналъ и глубоко почувствовалъ свое человѣческое достоинство. Любовь къ этой полькѣ, принадлежавшей къ другой средѣ —съ независимымъ образомъ мыслей, имѣла сильное вліяніе на его забитую, загнанную, но глубоко впечатлительную природу. Эта первая привязанность, по сознанію самого поэта, облагородила его душу, возвысивъ его въ собственныхъ глазахъ. «Я въ первый разъ пришелъ тогда къ мысли,» разсказывалъ онъ Сошенку, «отчего и намъ, несчастнымъ крепакамъ, не быть такими же людьми, какъ и прочія свободныя сословія?» Любовь не обошлась безъ жертвы. Кохапка Тарасова

потребовала отъ него отреченія отъ роднаго языка въ пользу польской національности: въ разговорѣ съ нимъ она другаго языка не допускала. Уроки, видно, шли очень успѣшно, судя по тому, какъ говорилъ покойникъ по-польски (*). Она не мало заботилась объ немъ: сама ему шила рубашки, гладила манишки и галстухи.

Для бѣднаго сироты открылся новый міръ. Но это мимолетное счастіе, мелькнувшее волшебнымъ призракомъ среди нищеты и горя, не заставило его ни на минуту забыть свое безвыходное положеніе. Съ одной стороны, его горькое прошедшее, его неволя и жестокое обращеніе съ крестьянами управляющихъ и экономовъ, о чемъ онъ постоянно слышалъ отъ своихъ земляковъ, пріѣзжавшихъ изъ имѣнія, а съ другой стороны, вольная воля пановъ-счастливцевъ и независимость отъ произвола панскаго другихъ сословій, къ которымъ онъ не принадлежалъ, но къ которымъ онъ *могъ бы* принадлежать по своимъ способностямъ,—мысль эта страшно мучила его и повергала въ мрачное состояніе духа, близкое къ самоубійству.

Но Тарасъ нашъ не погибъ.

Помѣщикъ его вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ другими дворовыми людьми, Тарасъ отправленъ въ столицу по этапу, вслѣдъ за бариномъ (**). Такой способъ переселенія людей, несдѣлавшихъ никакого преступленія, внушенъ помѣщику излишнею предосторожностію, чтобъ они дорогою не разбѣжались.

«Въ 1832 году мнѣ исполнилось 18 лѣтъ и такъ-какъ надежды на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ (помѣщикъ) внявъ неотступной моей просьбѣ, законтрактовалъ меня, на четыре года, разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру нѣкоему Ширяеву. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка спартанца, дьякона-маляра и другаго дьяка-хиромантика; но несмотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я, въ свѣтлыя весеннія ночи,

---

(*) Въ 1859 году, въ Кіевѣ, Тарасъ Григорьевичъ познакомился съ одною панною у пріятеля своего Сошенка и охотно говорилъ съ нею по-польски. По мнѣнію этой польки, «pan Szwerzenko bardzo dobrze mówi po-polsku, ale zawsze w jego mowie jest coś chłopskiego.» Объ этомъ, смѣясь, разсказывалъ мнѣ самъ Тарасъ.

(**) За вѣрность этого факта можетъ поручиться г. З—ла, близкій пріятель Шевченка.

бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ И. М. Сошенкомъ» (*).

Первое знакомство съ Сошенкомъ началось не такъ. Сошенко разсказываетъ объ этомъ иначе:

«Когда я былъ «въ гипсовыхъ головахъ» или нѣтъ, кажется, уже «въ фигурахъ» (1835—1836 г.), вмѣстѣ со мною рисовалъ братъ жены Ширяева. Отъ него я узналъ, что у его зятя въ мальчикахъ служитъ мой землякъ Шевченко, о которомъ я еще слыхалъ кое-что въ Ольшаной, находясь у своего перваго учителя С. С. Превлоцкаго. Я убѣдительно просилъ родственника Ширяева, чтобы онъ прислалъ его ко мнѣ на квартиру. Узнавши о моемъ желаніи познакомиться съ землякомъ, Тарасъ на другой же день, въ воскресенье, отыскалъ мою квартиру въ 4-й линіи и явился ко мнѣ въ такомъ видѣ: на немъ былъ засаленый тиковый халатъ, рубаха и штаны толстаго холста запачканы были въ краску, босой расхристаный и безъ шапки. Онъ былъ угрюмъ и застѣнчивъ. Съ перваго же дня нашего съ нимъ знакомства я въ немъ замѣтилъ сильное желаніе учиться живописи. Онъ началъ бывать у меня по праздникамъ, потому что въ обыкновенные дни и мнѣ было некогда и его хозяинъ не пускалъ. Во время такихъ посѣщеній, Тарасъ урывками разсказывалъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ своего прошлаго и почти всегда завершалъ свои разсказы ропотомъ на судьбу.

«Меня до глубины души тронула жалкая участь молодаго человѣка, но помочь ему я былъ не въ состояніи. Да и чѣмъ могъ пособить его горю я, бѣдный труженикъ-маляръ, работавшій безпрерывно изъза куска насущнаго хлѣба, безъ связей, безъ протекціи, безъ денегъ? А спасти даровитаго юношу было нужно во что бы то ни стало.

«Въ это время я былъ хорошо знакомъ съ извѣстнымъ малороссійскимъ писателемъ Е. Гребенкою. Съ нимъ-то я прежде всего посовѣтовался, какимъ образомъ помочь нашему земляку. Гребенка принялъ близко къ сердцу мое предложеніе, сталъ часто приглашать Тараса къ себѣ, давалъ ему для чтенія книги, сообщалъ разныя свѣдѣнія и проч. Потомъ уже я представилъ Тараса конференцъ-секретарю академіи художествъ, В. П. Григоровичу, съ убѣдительной просьбой— освободить его отъ жалкой участи.

Съ Гребенкой Тарасъ сталъ иногда бывать у придворнаго живо-

(*) Письмо къ редактору Народнаго Чтенія.

писца Венеціанова, который вмѣстѣ съ Григоровичемъ представили его В. А. Жуковскому».

Знакомство съ такими людьми не могло остаться безъ вліянія на развитіе молодаго человѣка. Бесѣды, слышанныя имъ у нихъ въ домѣ, книги получаемыя отъ Гребенки быстро подвинули впередъ его образованіе. Пробывъ цѣлый день на работѣ, взятой хозяиномъ съ подряда и состоявшей въ покраскѣ оконъ, потолковъ, а иногда и заборовъ, ночью, забравшись на чердакъ, онъ постоянно читалъ все, что ему попадалось въ руки. А память у него была изумительная. Поэтъ нашъ, по своему положенію, примыкаетъ къ разряду тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые названы у д'Израэли поздно-воспитанными геніями— sero sapientes.

«Что геній воспитываетъ самъ себя, въ этомъ мы ссылаемся на собственное свидѣтельство всѣхъ членовъ этой великой семьи; но это самовоспитаніе идетъ не всегда удачно и многія геніальныя личности оканчиваютъ дни свои посреди обломковъ собственнаго таланта и съ убитой душой. Многіе изъ великихъ людей половину жизни своей истратили на то, чтобы вознаградить потерянное время или искоренить въ себѣ слѣды дурнаго воспитанія (*).»

Замѣчаніе это, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно приложить и къ даровитой личности Шевченка. Лишенный въ дѣтствѣ элементарнаго образованія, облегчающаго трудный путь къ серьезному ученію, поэтъ–самоучка съ величайшимъ усиліемъ усвоивалъ научныя свѣдѣнія, безъ системы и порядка; но онъ преодолѣвалъ эти затрудненія, поставленныя ему на пути къ развитію прежнимъ ученіемъ на мѣдный грошъ у дьячка–спартанца,—и масса пріобрѣтаемыхъ свѣдѣній не задавила его способностей: свѣтлый природный умъ поэта систематизировалъ эти свѣдѣнія, отличая между ними важное отъ неважнаго, не обременяя памяти безполезнымъ хламомъ.

Тарасъ изумлялъ Сошенка своими успѣхами. Желая ближе познакомиться съ направленіемъ его таланта, Жуковскій, далъ ему однажды тему: «описать жизнь художника». Неизвѣстно, насколько Тарасъ удовлетворилъ пытливость нашего знаменитаго романтика; извѣстно только то, что съ этого именно времени Жуковскій сильно началъ хлопотать о выкупѣ крѣпостнаго автора.

(*) Исторія литературнаго генія, д'Израэли.

«Около этого времени, продолжаетъ свой разсказъ Сошенко, въ одни изъ каникулъ, я былъ приглашенъ управляющимъ домомъ Шевченкова барина Прехтелемъ, съ которымъ я познакомился еще въ Ольшаной, перебраться къ нему на Моховую улицу. Господа переѣхали на дачу. Тарасъ навѣщалъ меня и здѣсь. Посѣщенія эти весьма не понравились Прехтелю. Онъ возненавидѣлъ Тараса за его вольныя рѣчи и либеральныя бесѣды съ дворовыми людьми, которые и сами начали вольничать, уклоняться отъ работы и заявлять предъ дворецкимъ о своихъ человѣческихъ правахъ. Взбѣшенный Прехтель рѣшился проучить либерала-крепака. И вотъ, съ субботы на воскресенье, кучеру приказано было приготовить на конюшнѣ все, что нужно. На другой день, едва только пріятель мой показался на господскомъ дворѣ, его арестовали. Я вижу, что ляхъ шутить не любитъ, принялъ на себя роль защитника. Но какъ я ни просилъ этого варвара, ни что не помогло. Къ счастію, въ это время я писалъ портретъ жены его. (Прехтель недавно женился). Я къ ней. Едва-едва она могла упросить своего разгнѣваннаго супруга, который до-того расходился, что съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ. Не насытивъ своей мести, онъ даже слегъ въ постель. Этотъ казусъ стоилъ мнѣ не мало. Я падалъ до ногъ, сциркалъ рацицы и прочія шляхетскія штуки выкидывалъ. Но какъ бы тамъ ни было, а Тарасъ былъ спасенъ. Ему запрещено было видѣться съ дворовыми, подъ страхомъ жесточайшаго наказанія.

«Настала осень. Я переселился изъ палатъ панскихъ въ свою убогую квартирку, къ нѣмкѣ Марьѣ Ивановнѣ. Тарасъ продолжалъ бывать у меня все чаще и чаще. Я замѣчалъ, что ему день ото дня становится все тяжеле и тяжеле. Въ это время изъ-за границы воротился Брюловъ. Малюя по цѣлымъ днямъ заборы, штахеты и крыши, Тарасъ по ночамъ уходилъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй и предаваться любимымъ мечтамъ о свободѣ, а по праздникамъ не переставалъ заглядываться на великія произведенія живописи въ залахъ эрмитажа. Душа его рвалась въ академію. Въ это время онъ уже довольно удачно писалъ портреты акварелью. Баринъ и не прочь былъ исполнить желаніе Тараса, но, къ-несчастію, крѣпостнымъ людямъ заказанъ былъ входъ въ святилище свободнаго искуства. Причиною тому была несчастная судьба многихъ крѣпостныхъ живописцевъ, которые, получивъ образованіе въ академіи и возвратясь къ помѣщикамъ, не переносили ихъ обращенія, оканчивая жизнь свою самоубійствомъ — рѣза-

лись, вѣшались, топились (*)». Выпускать же на волю способнаго человѣка не входило въ принципъ помѣщичьей власти: дѣйствія нашихъ помѣщиковъ клонились къ тому, чтобы какъ можно болѣе эксплуатировать трудъ и способности своего крестьянина. Находя для себя очень выгоднымъ имѣть въ домѣ хорошія картины, за которыя нужно бы заплатить хорошія деньги, они старались имѣть ихъ задаромъ, отдавая въ академію своихъ крѣпостныхъ.

«Мы привыкли къ этимъ обыденнымъ явленіямъ русской жизни. Къ чему не привыкаетъ человѣкъ? Но вѣдь это ужасно!.. Просвѣтивъ умъ, облагородивъ душу высокими помыслами свободнаго искуства, оставить человѣка въ неволѣ и подчинить его, наравнѣ съ дворовыми, всѣмъ прихотямъ барства?! Возмутительно. Мы увѣрены, что еслибы въ университетъ могли поступать тогда крѣпостные, то нѣкоторые изъ нашихъ помѣщиковъ не задумались бы посылать туда способнѣйшихъ крестьянъ, чтобы имѣть своихъ домашнихъ учителей, лекарей, механиковъ, агрономовъ и т. п.

«Состояніе души Тараса было въ это время ужасно. Узнавъ о томъ, что дѣло его освобожденія, задуманное такими вліятельными людьми, какъ Венеціановъ, Гр. Віельгорскій, Жуковскій, несмотря на все ихъ вліяніе, все-таки впередъ не подвигается, онъ однажды пришелъ ко мнѣ въ страшномъ волненіи. Проклиная свою горькую долю, онъ не щадилъ и эгоиста-помѣщика, не выпускавшаго его на волю. Наконецъ, погрозивъ ему ужасною местію, онъ ушелъ отъ меня. Не знаю, что́ бы онъ сдѣлалъ, если бы дѣло о его выкупѣ не кончилось благополучно. По крайней мѣрѣ я сильно перетрусилъ за Тараса и ждалъ какой-нибудь бѣды.

«Сторговавшись предварительно съ помѣщикомъ (разсказываетъ самъ Шевченко въ своемъ письмѣ), Жуковскій просилъ Брюлова написать портретъ, съ цѣлью разыграть его въ лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Цѣною этого портрета (2,500 руб. ассиг.) куплена была моя свобода, въ 1838 г. апрѣля 22.»

О томъ, какъ принялъ Тарасъ первую вѣсть о свободѣ, Сошенко передаетъ слѣдующее:

«Получивъ работу отъ Пѣшехонова — четырехъ евангелистовъ, я сидѣлъ въ квартирѣ и работалъ прилежно. Это было въ послѣднихъ

(*) См. біографію Тропинина. Русскій Вѣстникъ за 1861 годъ.

числахъ апрѣля. Я жилъ все на той же квартирѣ, почти въ подвалъ огромнаго четырехъэтажнаго дома, у той же нѣмки Марьи Ивановны. Въ нашемъ морозномъ Петербургѣ запахло весною. Я открылъ окно, которое было вровень съ тротуаромъ. Вдругъ въ комнату мою черезъ окно вскакиваетъ Тарасъ, опрокидываетъ моего Евангелиста, чуть и меня не сшибъ съ ногъ, бросается ко мнѣ на шею и кричитъ: «свобода! свобода!» — Чи не здурівъ ти, Тарасе? — А онъ все прыгаетъ да кричитъ: «свобода! свобода!» Понявши, въ чемъ дѣло, я уже съ своей стороны сталъ душить его въ объятіяхъ и цѣловать. Сцена эта кончилась тѣмъ, что мы оба расплакались какъ дѣти.

«Съ того же дня, пишетъ Шевченко, я началъ посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова.»

«Похоронивъ своего товарища Безлюднаго, (продолжаетъ Сошенко), скончавшагося на моихъ рукахъ отъ чахотки, я страшно скучалъ. Работа не спорилась. Тоска меня измучила. Приближалась дождливая и сырая осень. Я предложилъ Тарасу перейти ко мнѣ на квартиру и жить вмѣстѣ. Онъ согласился. Въ это время онъ совершенно измѣнился. Познакомившись съ лучшими петербургскими домами посредствомъ Брюлова, онъ часто разъѣзжалъ по вечерамъ, хорошо одѣвался, даже съ претензіею на comme il faut'ность. Словомъ, въ него на нѣкоторое время вселился свѣтскій бѣсъ. Досадно мнѣ было и больно смотрѣть на его безалаберную жизнь, несвойственную нашему брату художнику, живущему лишь для одного искуства. Такъ-то, думалъ я себѣ, понялъ онъ свободу, стоившую ему такой борьбы, такихъ страшныхъ усилій? Не разъ я принимался уговорить его, чтобъ онъ бросилъ разсѣянную жизнь пустыхъ людей и серьезно принялся бы за живопись. «Эй, Тарасе, схаменись! Чомъ ти діла не робишъ? Чого тебе нечистая носить по тімъ гостямъ? Маешь таку протекцію, такого учителя.» Куда тобі! Шуба енотова, ціпочки не ціпочки, шалі да часы, да извощики лихачи... Закуривъ же мій Тарасъ; не буде зъ его нічого доброго!...

«Правда, по-временамъ онъ сидѣлъ и дома; но все-таки дѣломъ не занимался: то співае, то пише собі щось, та все до мене пристае: «а послухай, Соха, чи воно такъ добре буде?» Та й почне читать свою Катерину (онъ въ это время писалъ ее). Та одчепись ти, кажу, съ своіми виршами! Чомъ ти діла не робишъ?»

Нападая на Тараса за уклоненія отъ прямаго своего назначенія—

быть живописцемъ, Сошенко дѣйствовалъ тогда по убѣжденію, и съ своей точки зрѣнія былъ правъ. Ему казалось, что искуство требуетъ всего человѣка безраздѣльно, что если избралъ живопись, такъ и занимайся ею одною, а если поэзія тянетъ, такъ брось живопись. Одно что нибудь.

«Не грѣшно ли было вамъ, Иванъ Максимовичъ, преслѣдовать Тараса за поэзію? Вамъ слѣдовало поощрять его занятія, а не бранить,» упрекали Сошенка его знакомые. «А хто жъ ёго знавъ, що зъ ёго буде такий вели́кий поэтъ? А все-таки я стою на своему: що якъби вінъ поки́нувъ свої ви́рши, то бувъ би ще більшимъ живописцемъ.» Какъ видно, Сошенко дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ интересѣ *своего* искуства, а природа была сильнѣе его—она взяла *свое*.

«Странное, однакожъ, это всемогущее призваніе, «пишетъ Шевченко въ дневникѣ своемъ. Я хорошо зналъ, что живопись моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ. И вмѣсто того, чтобъ изучить ея глубокія таинства, и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто гроша на заплатилъ, и которые наконецъ лишили меня свободы, и которые, несмотря на всемогущее человѣческое запрещеніе, я все-таки вътихомолку кропаю... Призваніе—и ничего больше.»

Тарасъ жилъ съ Сошенкомъ только четыре мѣсяца (съ осени 1838 года по январь 1839 г.). Несходство въ образѣ жизни и привычкахъ поселило между ними разладъ и несогласіе, а замѣшавшаяся въ это дѣло племянница хозяйки ускорила окончательный разрывъ между земляками.

«У Марьи Ивановны жила племянница ея, сирота, дочь выборгскаго бургомистра, Марья Яковлевна, прехорошенькая нѣмочка. Нашему брату—художнику влюбиться нетрудно, и я полюбилъ ее отъ души, и даже, грѣшный человѣкъ, подумывалъ было на ней жениться. Но Тарасъ разстроилъ всѣ мои планы. Онъ быстро повелъ атаку противъ Маши и отбилъ ее у меня. Долго я скрывалъ свое неудовольствіе на ихъ близкія отношенія, наконецъ не выдержалъ. Разбранивъ Тараса, я выгналъ его изъ квартиры. Но тѣмъ не помогъ своему горю: Маша стала уходить къ нему на квартиру. Уже по выѣздѣ изъ Петербурга въ Малороссію, я узналъ стороной, что въ Академію подана жалоба на Шевченка отъ какой-то нѣмки. Жаль мнѣ бѣдной Маши! Что́-то съ нею теперь?...

«Скоро послѣ этого, отъ усиленной работы, я заболѣлъ глазами

и грудью. Доктора стали отсылать меня въ мой родной климатъ, и я, не дошедши до цѣли, долженъ былъ бросить Петербургъ, чтобы не послѣдовать за Безлюднымъ, и переселиться въ болотный Нѣжинъ учителемъ уѣзднаго училища на 4 рубля сребромъ мѣсячнаго жалованья. Узнавъ о моемъ отъѣздѣ, Тарасъ пришелъ ко мнѣ прощаться. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ передо мною, принялъ братское участіе въ моемъ бѣдственномъ положеніи, и мы простились съ нимъ какъ добрые пріятели и земляки, какъ будто между нами ничего и не было.

«Въ 1846 году я видѣлся съ нимъ въ Нѣжинѣ и журилъ его уже не за то, что онъ занимается поэзіею на счетъ живописи, а за то, что печатаетъ такіе плохіе стихи, какъ «Тризна» (на в.-русскомъ языкѣ.)» (*).

Изъ всего того, что передалъ мнѣ Сошенко о первыхъ годахъ жизни Шевченка послѣ выпуска его на волю, можно вывести одно заключеніе, что у поэта нашего закружилась голова отъ неимовѣрно быстраго перехода съ чердака грубаго мужика-маляра въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца нашего вѣка. «Самому теперь не вѣрится (пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ), а дѣйствительно такъ было. Я—изъ грязнаго чердака, я—ничтожный замарашка—на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы академіи художествъ!»

Свѣтскія удовольствія и артистическіе кутежи, отъ которыхъ удерживалъ Сошенко Тараса, но отъ которыхъ не могъ воздержаться и самъ великій учитель его, идолъ академической молодежи, Брюловъ, оставили слѣды на всю жизнь поэта и легли темнымъ пятномъ на дорогую намъ его память. «Кутнулъ и я на свой пай когда-то,» говоритъ самъ поэтъ въ дневникѣ своемъ (Основа, іюль 1861 г.).

«Зачѣмъ пьютъ, зачѣмъ кутятъ наши даровитые люди?» Человѣкъ съ умомъ и съ душою такого наглаго вопроса не предложитъ. Кабы не было тяжело, такъ не стали бы пить... Есть люди, которые не умѣютъ дѣлать уступокъ: имъ подавай или все, или ничего; при первой разбитой надеждѣ, они бросаютъ все, и съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ разбиваютъ объ дорогу и свой идеалъ, и свои стремленія, и молодость, и силы, и жизнь.» (**).

Но не такъ думаетъ завистливая бездарность и пошлое высокомѣ-

---

(*) О пребываніи Шевченка въ Кіевѣ, въ 1859 году, будетъ сообщено въ другое время.

(**) Статья г. Писарева, помѣщенная въ «Русскомъ Словѣ» за ноябрь 1861 г.

ріе людей, не признающихъ надъ собой ни чьего нравственнаго превосходства и бросающихъ изъ-за угла каменьями въ пророковъ земли своей. Не понимая глубокаго смысла ихъ вдохновенныхъ рѣчей, провозглашающихъ народу — «любви и правды чистыя ученья,» люди карьеры и денегъ, эти бездушные фарисеи, эти продажные блюстители народныхъ нравовъ, забываютъ ту простую истину, что у всякаго человѣка есть недостатки: почему же не быть имъ и у нашего Шевченка? Они не знаютъ того, что у такихъ исключительныхъ личностей, у такихъ огненныхъ натуръ, все громадно, необыкновенно; что ихъ нельзя мѣрять на свой аршинъ. Замѣчая лишь одни недостатки и не будучи въ-состояніи возвыситься до пониманія высокихъ совершенствъ необыкновеннаго человѣка, они стараются уравнять его личность съ собою, очернить его память, забросать грязью его могилу... Но это имъ плохо удается: справедливо-заслуженная слава Шевченка вырывается чистою и свѣтлою изъ ихъ грязныхъ рукъ и проникаетъ во всѣ слои общества, даже въ *простой* народъ, который такъ былъ любимъ поэтомъ, какъ не полюбить имъ ничего въ мірѣ... Бо́льшей славы Шевченко не желалъ... да и можетъ ли быть бо́льшая слава?..

Сава Ч.

Апрѣль 1862 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ГАЛИЦКИХЪ РУСИНОВЪ КЪ СОСѢДЯМЪ.

(Изъ Галичины).

Въ статьѣ *Политическая безтактность* (*Современникъ*, сентябрь 1861 г.) указываютъ Русинамъ на то́, что они пишутъ языкомъ великорусскимъ, и т. обр., отстраняясь отъ южнорусскаго племени, не могутъ расчитывать на сочувствіе со стороны послѣдняго; что они во вредъ себѣ враждуютъ, а не сближаются, съ Поляками, безполезно прибѣгаютъ подъ покровительство австрійскаго министерства и тѣмъ сами-себя ставятъ въ совершенно-изолированное положеніе; наконецъ, петербургскій публицистъ совѣтуетъ Русинамъ—оставить неосновательныя, дѣтскія жалобы на Поляковъ за прежнее порабощеніе и за настоящія мнимыя оскорбленія, (т. е. забыть свою исторію), не писать великорускимъ языкомъ и всецѣло соединиться съ Поляками, которые, какъ полагаетъ авторъ, готовы, будто бы, сдѣлать всевозможныя уступки галиційскимъ Малоруссамъ. Можетъ-быть авторъ не думалъ прійти къ такимъ крайнимъ рѣшеніямъ, но онъ, къ-сожалѣнію, пришелъ къ нимъ — и горько ошибся. Въ томъ, въ чемъ онъ увѣряетъ,—увы!—нельзя уже убѣдить ни украинскихъ, ни заднѣпровскихъ, ни галиційскихъ Малороссовъ.

Галиційскіе Малороссы, или Рутены (Ruthènes), какъ называютъ ихъ Нѣмцы и Поляки, хотятъ *быть* и *называться* Русскими и рѣшительно не желаютъ подчиниться руководительству *интеллигентной либеральной польской націи*. Почему?—Это понятно: сто́итъ только поближе узнать, ка́къ понимаютъ русинскую народность эти руководители,—какія лжи распространяютъ о ней на Западѣ и у себя до́ма.

Галиційскіе Русины не пишутъ, да и не могутъ писать по-великорусски по той естественной причинѣ, что не знаютъ великорусскаго языка и не имѣютъ возможности изучить его. Русины пишутъ такимъ языкомъ, какой они успѣли выработать, принявъ въ основу свой народный языкъ и языкъ книжный-русскій, признавая этотъ послѣдній языкомъ не московскимъ, а общерусскимъ. Русины того мнѣнія, что

русскій книжный языкъ возникъ въ Южной-Руси и только усовершенствованъ Великоруссами, и современный литературный червонорусскій языкъ, по своимъ формамъ, безъ-сомнѣнія, ближе, къ малорусскому, чѣмъ къ великорусскому. Въ доказательство того, что Русины пишутъ языкомъ не великорусскимъ, мы приводимъ отрывокъ изъ перваго попавшагося намъ номера Львовской газеты *Слово* (№ 55): «*Отъ Коломіи:* — «Ничого намъ не желати, якъ щобы вольно намъ было заглянути до актовъ намѣстничества и прочитати донесенія повѣтовыхъ начальниковъ. Истинно, въ каждомъ бецирку вопрошаютъ войтовъ, въ якомъ языкѣ хотятъ громады, щобы съ ними переписоватися. И если бецирксъ—форштегеръ есть полякъ, то громады желаютъ, щобы урядову переписку вести по-польски, а есть онъ Русинъ, то домогаются по-русски.» Разница этого языка съ великорусскимъ еще болѣе усиливается тѣмъ, что слова́ произносятся не такъ какъ они написаны, а по-южнорусски.

Если Русины не успѣли еще обработать своего языка,—за это нельзя винить ихъ. До 1846 г., языкъ Русиновъ не преподавался ни въ университетѣ, ни въ гимназіяхъ, ни въ нормальныхъ школахъ; Русины въ школѣ и въ семействѣ говорили по-польски, не знали ни своего языка, ни своей исторіи; ихъ преслѣдовали за русскую азбуку (гражданку) и заставляли писать кириллицею. Мы лично знакомы съ людьми, которымъ запрещено было печатать свои сочиненія гражданкою, знаемъ и такихъ, которыхъ преслѣдовали за употребленіе въ своихъ сочиненіяхъ вмѣсто *що—что́*. Сочиненія, въ которыхъ находились какія-нибудь великорусскія слова, или выраженія, были запрещены; прекрасныя историческія изслѣдованія г. Петрашевича, изданныя «Русскою Матицею,» не позволено было печатать, потому что авторъ писалъ гражданкою. Мы видѣли ученую статью г. Петрашевича, написанную прекраснымъ русскимъ языкомъ, но она была изуродована редакціею оффиціальнаго русинскаго *Вѣстника* въ Вѣнѣ: редакторъ этого журнала, изъ излишняго усердія къ правительству, дѣлалъ прекурьёзныя поправки... Этимъ преслѣдованіямъ подвергался русскій языкъ въ Галиціи, по проискамъ Поляковъ. Поляки употребляли всѣ усилія, чтобы заставить Русиновъ бросить родной языкъ и писать по-польски. Бывшій губернаторъ Галиціи, графъ Голуховскій, употреблялъ самыя рѣшительныя мѣры, чтобы замѣнить русскую азбуку латинской; для этой цѣли вызванъ былъ на-помощь Чехъ Иречекъ. Но Русины вынесли тяжкую борьбу за родное слово и, несмотря на всѣ преслѣдованія, писали на своемъ языкѣ.

Авторъ *Національной Безтактности* видитъ, по его мнѣнію, гибельную для народа безтактность издателей *Слова* въ томъ, что Русины предоставляютъ обсужденіе политическихъ вопросовъ духовенству; онъ говоритъ, что духовенство не должно имѣть никакого участія въ мірскихъ дѣлахъ, что подобныя дѣла́ слѣдуетъ предоставлять свѣтскимъ людямъ. Эта избитая польскими публицистами мысль слишкомъ хорошо извѣстна Русинамъ. Русины, какъ извѣстно, не имѣютъ ни администраторовъ, ни дипломатовъ, ни юристовъ; весь образованный классъ народа составляетъ духовенство; всѣ ученые, за исключеніемъ немногихъ лицъ, принадлежатъ къ этому классу; большинство университетской молодежи, желающей остаться въ средѣ своего народа, должно посвящать себя богословскимъ наукамъ. Спрашиваемъ, если устранить духовенство отъ мірскихъ дѣлъ, кто́ же станетъ впереди народа? Авторъ, разумѣется, скажетъ, что духовенство не имѣетъ ничего общаго съ народомъ, что оно будетъ всегда дѣйствовать въ своемъ сословномъ интересѣ... Духовенство въ Галиціи не составляетъ замкнутаго сословія; оно выходитъ изъ народа и живетъ среди его; оно не скрывается въ монастыряхъ, а ведетъ жизнь мірскую. Не нужно забывать и того, что галиційское духовенство—не католики, а уніяты; оно стои́тъ за греческій обрядъ, къ которому крѣпко привязанъ народъ, и вмѣстѣ съ нимъ стои́тъ за народность, которая тѣсно связана съ греческимъ обрядомъ. Еслибы Полякамъ удалось уничтожить греческій обрядъ и славянскій богослужебный языкъ, (чего они добивались), то русинская національность уже, быть-можетъ, исчезла бы въ Галиціи. Борьба за обрядъ тѣсно связана съ борьбою за языкъ; Русины, можетъ быть, забыли бы свой языкъ, еслибы богослужебный языкъ былъ латинскій, что́ дѣйствительно и сдучилось съ тѣми Русинами, которые приняли католицизмъ; богослужебный славянскій языкъ и греческій обрядъ спасли русскую національность; за эту—то—уже не только церковную, но и народную— святыню всегда крѣпко стояло и теперь стои́тъ галиційское духовенство. Поэтому, какъ видите, интересы духовенства тѣсно связаны съ интересами народа. Можетъ быть, авторъ не придаетъ особеннаго значенія церковному обряду и полагаетъ, что съ этой стороны ничтожно участіе духовенства въ интересахъ народа. Русины понимаютъ это дѣло иначе: по словамъ лучшихъ галиційскихъ священниковъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, они готовы до конца пострадать за греческій обрядъ. Они не видятъ возможности совмѣстить многосложную чисто—формальную обрядность

католическую съ духомъ греческаго богослуженія: къ чему, напримѣръ, католическіе звонки, паданіе на колѣна и т. п. Народъ хорошо понимаетъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ,—и потому нѣтъ надобности напоминать ему посредствомъ звонковъ, что̀ онъ долженъ дѣлать, при извѣстномъ священнодѣйствіи. Я присматривался къ уніятскому богослуженію, и признаюсь, меня очень огорчала эта смѣсь католицизма съ православіемъ: уніятское духовенство вынуждено было принять всю обстановку католическаго богослуженія: та же жестикуляція, та же театральность, звонки, мши, шептанныя обѣдни, и т. п. Лучшіе священники сильно возстаютъ противъ этихъ незаконныхъ обрядовъ; они даже хотятъ носить бороды и греческую священническую одежду.

Есть еще другая, болѣе важная, причина, отчего галиційское духовенство такъ крѣпко стоитъ за обрядъ, за догматы и за церковныя учрежденія православной церкви. Польское дворянство (въ Галиціи, дворянство все польское и католическое) до-сихъ-поръ удержало право церковнаго патроната. Бывшіе намѣстники считаются ктиторами церквей, хотя, въ настоящее время, не принимаютъ никакого участія ни въ постройкѣ, ни въ починкѣ церквей: обязанность эта исключительно лежитъ на сельскихъ *громадахъ*. А между тѣмъ, безъ согласія дѣдича, бывшаго помѣщика, священникъ не можетъ получить прихода. Обыкновенно митрополитъ, или епископъ, предлагаетъ помѣщику нѣсколькихъ кандидатовъ на приходъ; помѣщикъ имѣетъ право выбрать того или другаго. Случается, что священникъ, если онъ не пользуется довѣріемъ дворянства, остается нѣсколько лѣтъ безъ прихода.

Насъ, пожалуй, спросятъ: отчего Русины преимущественно идутъ въ духовное званіе, а не посвящаютъ себя другимъ занятіямъ, болѣе необходимымъ народу при настоящихъ обстоятельствахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать исторія народа. До настоящаго времени, Русины совершенно были подавлены Поляками; всѣ административныя и судебныя мѣста были заняты преимущественно Поляками. Бывшій губернаторъ Голуховскій вездѣ сажалъ Поляковъ и рѣшительно устранялъ Русиновъ. Русинъ съ великимъ трудомъ могъ получить какое–нибудь мѣсто и легко терялъ его по какимъ–нибудь ничтожнымъ причинамъ. Эти-то затрудненія и ненадежность службы препятствовали Русинамъ искать другихъ занятій; имъ оставалось одно: идти въ духовное званіе. Австрійское правительство дало Русинамъ возможность образованія, въ семинаріяхъ и въ университетѣ, на богословскомъ факультетѣ. Императоръ Іосифъ II, желая противупоставить Русиновъ Полякамъ, покровительствовалъ пер-

вымъ; онъ образовалъ изъ имуществъ упраздненныхъ монастырей фондъ, изъ процентовъ котораго и теперь воспитывается до 300 Русиновъ въ семинаріи и въ университетѣ. Я спрашивалъ молодыхъ Русиновъ—студентовъ львовскаго университета: почему они не избираютъ другихъ занятій, а идутъ въ священники? Они отвѣчали, что не имѣютъ средствъ воспитываться въ университетѣ на свой счетъ, а по окончаніи университета не имѣютъ надежды получить обезпеченныя мѣста на службѣ, и потому имъ остается одно: служить народу въ званіи священника, которое одно можетъ дать имъ болѣе вѣрныя средства къ жизни.

Всѣ образованные Русины того мнѣнія, что имъ нѣтъ мѣста среди двухъ національностей: одной они должны служить пассивно, не принося никакой пользы народу; другая на каждомъ шагу стѣсняетъ ихъ дѣятельность, старается всѣми возможными средствами вредить ихъ частнымъ и національнымъ интересамъ. Въ бытность мою въ Галиціи, случилось такого рода дѣло: учитель Бѣлоусъ, извѣстный своими учеными трудами и своею самоотверженною любовью къ народу, былъ предложенъ въ директоры Коломійской гимназіи, основанной на счетъ городскихъ доходовъ. Общество коломійское, состоящее большею частью изъ Поляковъ и Жидовъ, отвергло назначеніе г. Бѣлоуса, потому только, что онъ Русинъ. Бѣлоусъ получилъ мѣсто директора при содѣйствіи Нѣмцевъ, по назначенію министерства. При этомъ, Поляки, разумѣется, предлагали въ директоры Поляка, хотя между лицами, предложенными съ ихъ стороны, и не было достойнаго и способнаго человѣка. Зачѣмъ же Поляки толкуютъ о равноправности обѣихъ національностей? Зачѣмъ стараются увѣрить Русиновъ, что они желаютъ имъ добра и хотятъ общими силами бороться противъ Нѣмцевъ за мѣстное самоуправленіе? Хороша автономія! Тогда ни одинъ Русинъ, навѣрное, не получилъ бы мѣста въ службѣ.

Національная безтактность Русиновъ, по мнѣнію автора, состоитъ и въ томъ, что Русины не довѣряютъ Полякамъ, не хотятъ подчиниться просвѣщенному руководительству людей, которые искренно желаютъ имъ добра, готовы сдѣлать всевозможныя уступки русскому галиційскому народу.

Странно, что авторъ не понялъ отношеній Русиновъ къ Полякамъ: онъ, вѣроятно, не знаетъ, что народъ ведетъ здѣсь нескончаемую тяжбу съ бывшими своими помѣщиками. Въ Галиціи, при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, помѣщики удержали исключительное право на лѣса и пастбища, съ обязанностью вознаградить крестьянъ за право

пользованія дровянымъ лѣсомъ и строительными лѣсными матеріалами. Разбирательство этого рода дѣлъ между помѣщиками и крестьянами поручено было такъ-называемымъ *Сервитутовымъ Коммисіямъ*; коммисіи эти состояли изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ; коммисіямъ именно вмѣнено было въ обязанность заботиться преимущественно объ интересахъ сельскихъ громадъ и руководить послѣдними. Но лица, которымъ правительство повѣрило крестьянскія дѣла, дѣйствовали рѣшительно во вредъ народа: частію оттого, что не понимали языка и интересовъ народа, частію и по другимъ причинамъ. Дѣйствуя къ выгодѣ помѣщиковъ, пользуясь невѣжествомъ уполномоченныхъ отъ громады, коммисіи успѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, предоставить крестьянамъ денежное вознагражденіе за право пользованія дровянымъ лѣсомъ и лѣснымъ строительнымъ матеріаломъ. Вознагражденіе это составляетъ всего не болѣе 53 крейцеровъ—28 к. сребр. въ годъ на семейство, или хозяйство, за строительный матеріалъ, и $22^1/_2$ крейц.—12 к. за право пользованія дровянымъ лѣсомъ—валежникомъ. За эти деньги, по свидѣтельству свѣдущихъ людей, нельзя купить и одного добраго строеваго дерева. Извѣстно, что въ Галиціи помѣщики получили вознагражденіе за потерянное право на обязательный трудъ крестьянъ; выкупъ барщины палъ на всѣ сословія, не исключая и крестьянъ; у послѣднихъ были повышены подати, такъ-что крестьяне и не знали, что платили за свою свободу. Помѣщики, съ своей стороны, уступили крестьянамъ усадьбы и грунты, повидимому, безъ всякаго вознагражденія. Какъ видите, освобожденіе крестьянъ въ Галиціи совершалось очень мудро: крестьяне получили свободу и грунты, а помѣщики получили вознагражденіе за барщину,— и, кромѣ того, удержали исключительное право на лѣса и пастбища, удержали и другія права, тѣсно связанныя съ владѣніемъ землею, напр. право помола хлѣба (право имѣть водяныя мельницы исключительно принадлежитъ помѣщикамъ), право рыболовства въ рѣкахъ, орошающихъ грунты крестьянскіе и, наконецъ, право продажи вина: выходитъ, что помѣщики сохранили всѣ прежнія привиллегіи, а крестьяне остались безъ пастбищъ, безъ лѣса и даже не получили права полной собственности на уступленныя имъ земли. Земельные участки, уступленные крестьянамъ, очень ограничены, maximum—не болѣе 15 морговъ (*) на семейство. При этомъ нужно замѣтить, что земля въ Галиціи не вездѣ одинаково плодородна. По берегамъ рѣкъ, грунтъ земли извест-

(*) *Моргъ*=почти $^1/_4$ десятины (0,23370).

ковый, покрытый булыжникомъ и, большею частью, возвышенный, что́, какъ извѣстно, затрудняетъ обработку. Богатство Галиціи составляютъ лѣса и пастбища; страна покрыта прекраснымъ лѣсомъ: букомъ, елью и смерекою (особый родъ сосны). Далѣе: такъ-какъ надѣлъ землею былъ не личный, а посемейный (за семействами были оставлены тѣ участки, которыми они владѣли до освобожденія), то значительное число безсемейныхъ людей осталось вѣчными бобылями, батраками, безъ земли, безъ пріюта. Такимъ образомъ, въ Галиціи, уже образовался классъ сельскихъ пролетаріевъ, живущихъ поденною работою. Положеніе галицкихъ батраковъ ужасно: обыкновенно живутъ поденною работою у Жидовъ въ качествѣ дворниковъ, фурмановъ, цѣловальниковъ и т. п. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ крестьянина, Жидъ платитъ ничтожныя деньги за трудъ урочный, усиленный; батракъ работаетъ безъ отдыха, оставаясь вѣчно безъ семьи, безъ пріюта и часто безъ одежды. Случается, что безпріютный, загнанный батракъ получаетъ отъ Жида $1^1/_2$ цванцигера (около 38 к. ср.) въ недѣлю; за эти деньги онъ одѣвается, кормится и нанимаетъ квартиру. Можете вообразить нравственное положеніе этихъ несчастныхъ людей. Батракъ съ трудомъ можетъ найти работу у земледѣльца; рукъ и безъ-того много для обработки ничтожныхъ участковъ земли; ремесла—вещь неизвѣстная Русину. Въ городахъ и мѣстечкахъ вся мелкая промышленность находится въ рукахъ Жидовъ и Поляковъ. Галиція наполнена Жидами. Всѣ болѣе доходныя статьи: корчмы, мельницы, шоссейныя заставы, продажа хлѣба и разныхъ предметовъ первой необходимости находятся въ рукахъ Жидовъ. Въ Галиціи, Жиды успѣли пріобрѣсть земельную собственность, вѣроятно пріобрѣтутъ и другія гражданскія и политическія права, и теперь Жиды ужь говорятъ, что будутъ, купно съ Поляками, возстановлять древнюю Польшу. Дѣятельность и предпріимчивость Жидовъ въ Галиціи изумительны: они пробрались въ Карпаты, гдѣ безъ милосердія грабятъ простодушныхъ горцевъ. Бѣдный горецъ закладываетъ Жиду свое пастбище и пасетъ жидовскій скотъ на своемъ пастбищѣ за процентъ. Австрійское правительство явно покровительствуетъ Жидамъ: множество русскихъ Евреевъ спасаются въ Галицію отъ рекрутской повинности и отъ преслѣдованій закона: австрійское правительство охотно принимаетъ ихъ. Перебѣжавшій за границу Жидъ для безопасности обыкновенно придѣлываетъ искуственные *пейсы*.

Обратимся къ крестьянамъ. При надѣлѣ крестьянъ землею не было предварительно произведено ни кадастра, ни размежеванія;

крестьянскіе участки остались въ прежнемъ размѣрѣ и въ прежнемъ положеніи. Грунты крестьянскіе разбросаны и разбиты до-крайности; есть примѣры, что грунтъ, состоящій изъ 15 морговъ, разбитъ на 38 кусковъ, заключающихъ по 1/8, 1/4, 1/2 и цѣлому моргу; участки эти разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; случается, что крестьянинъ имѣетъ въ полѣ 76 сосѣдей! Можете представить, какія неудобства терпятъ крестьяне при такой допотопной системѣ хозяйства,—да еще, при этихъ неудобствахъ, они не имѣютъ ни пастбищъ, ни лѣса!

Вотъ – какъ изображаетъ одинъ изъ корреспондентовъ газеты «*Слово*» бѣдственное положеніе Галиційскихъ крестьянъ: «Грунтъ расковалкованный (разбитый на куски) есть причиною неустаннаго (безпрестаннаго) затрудненія (хлопотъ) дѣтей и челяди сельской, такъ, же (что) не могутъ ихъ родичи и господари посылати до школы и до церкви. Господарство безъ худобы обойтися не може; худобу, лѣтною порою, дѣти мусятъ водити на мотузкахъ, пасти по загонахъ, а конечне, худобина жива що-день поісти хоче, то и що-день тая робота есть для дѣтей, поки ажъ снѣгъ загоновъ не прикрые. Дѣти меньши —съ телятами, старши—съ коровами, господарь—съ волами,—если суть кони, то наймитъ съ кôньми водятъ день-на-день по суголовкахъ (пригоркахъ), дорогахъ, загонахъ, подпасаютъ чуже, и то наискладнѣйше въ недѣлю, або въ свято, когда міръ на набоженствѣ (въ церкви), чинять покість, що многи въ тіи дни для допильнованія (сбереженья) своего засѣву, отъ церквы и отъ набоженства отрываe:—про тое мало кому стае часу ити до церкви, ити до школы. Тому всему зарадити можно легко чрезъ скомассованье грунтовъ рустикальныхъ» Крестьяне, получивъ свободу, оставлены на произволъ судьбы. Ни правительство, ни дворянство, не принимаетъ никакого участія въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Не имѣя возможности собственными силами управиться съ безтолковою системою хозяйства, крестьяне стали совершенно равнодушны къ земельной собственности,—продаютъ свои участки Жидамъ и нѣмецкимъ колонистамъ. Между тѣмъ, крестьне несутъ тяжкія повинности: кромѣ поземельной и другихъ податей, кромѣ всякихъ земскихъ повинностей, постройка и содержаніе церквей и сельскихъ школъ составляетъ исключительную повинность сельскихъ громадъ. Таково современное хозяйственное положеніе сельскихъ громадъ въ Галиціи!—Спрашиваемъ, можетъ ли существовать любовь и согласіе между польскимъ дворянствомъ и русскимъ народомъ? Пусть скажутъ защитники польскихъ интересовъ въ Галиціи,

что сдѣлала для блага народа великодушная Польская нація? и какъ послѣ этого можно увѣрить Русиновъ, что Поляки готовы сдѣлать имъ всевозможныя уступки!?

Скажемъ нѣсколько словъ о политическихъ отношеніяхъ Русской и Польской національностей въ Галиціи.

Въ 1846 году, во время революціоннаго движенія Поляковъ противъ Австріи, Русины дѣйствовали за-одно съ Поляками: вся довѣрчивая, увлеченная университетская молодежь, всѣ просвѣщенные люди между Русинами, исключая немногихъ опытныхъ людей, стали въ ряды Поляковъ. Народъ не зналъ о революціонныхъ замыслахъ дворянства; но когда движеніе сдѣлалось явнымъ, крестьяне начали рѣзать революціонеровъ-помѣщиковъ. Австрійское правительство воспользовалось ненавистью народа къ дворянству, не сочло нужнымъ остановить народный терроризмъ, и такимъ-образомъ успѣло безъ труда подавить это польско-русское движенье. Надо замѣтить, что собственно рѣзня—знаменитая Галиційская рѣзня, которую Поляки приписываютъ Русинамъ, происходила не въ русскихъ, а въ *мазурскихъ* округахъ, а именно: Тарновскомъ, Решельскомъ, Ясельскомъ, Бохельскомъ, Вадовицкомъ и другихъ. Только въ одной русинской деревнѣ (не помню точно названія)—произошло столкновеніе между русинскими крестьянами и польскими революціонерами. Крестьяне хотѣли взять революціонеровъ, а тѣ начали стрѣлять въ народъ и убили нѣсколькихъ человѣкъ: тогда крестьяне перевязали ихъ и представили правительству. Русинскіе крестьяне, какъ только началось революціонное дриженіе, тотчасъ обнаружили недовѣріе не только къ Полякамъ, но и къ Русинамъ, которые держали сторону Поляковъ. Лицо, отъ котораго я слышалъ всѣ подробности этого дѣла, было самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ революціонныхъ замыслахъ Поляковъ и современемъ разскажетъ эту темную исторію событій 1846 года.

Говорятъ, что Австрійское правительство вооружило крестьянъ—собственно Русскихъ—противъ помѣщиковъ, употребило чернь орудіемъ для подавленія революціонныхъ замысловъ польскаго дворянства. Безъ всякаго сомнѣнія, правительство воспользовалось ненавистью и недовѣріемъ народа къ дворянству, но не оно вызвало эту ненависть.

Вотъ—какую пѣсню сложили Галиційскіе крестьяне въ память освобожденія отъ барщины:

Ой дай, Боже, здоровьечко нашему цареві
Та що зробивъ полегшинне нашему краеві;

Ой дай, Боже, здоровьечко та нашій царівні,
О щожъ теперь та й мужаки изъ панами рівні.
Пише цесарь той патенти межи свои люди:
Ой молітця пану Богу—панщини не буде!
Ой летіла зазуленька зъ зеленого гаю,
Утікала панщинонька изъ нашого краю;
Ой якъ она собі сіла та й трошки спочнула:
Дивилася якъ свобода панщину тиснула;
Ой якъ она утікала, пани ю ловили:
»Ой вернися, панщиночко, ми тебе любили.«
—Не вернуся, дурню пане, нічимъ вамъ невинна;
Було жъ мене шановати—я вамъ була вірна;
Було жъ мене шановати, міръ не збитковати:
Вы не знали, якъ то гірько на хлібъ бідовати;
Ви не вміли бо й косити, ваши жинки жати:
Будеть ваша пшениченька въ полі зимовати!
Минулися тіі роки да тіі гайдуки,
Що носили *гарапники* та й ліскови буки!
Минулося, шо ті пани, шо ті окомани,
Заливали въ печі огонь жинкамъ коновками.
Йде человікъ на панщину зъ ціпомъ молотити,
Ой-а они забігаютъ, хотя его вбити (бить).
Въ понеділокъ на панщину, въ вівторокъ панщина!
Вже ся теперь, пане брате, панщина скінчила!

Пѣсня эта превосходно рисуетъ положеніе крестьянъ не въ одной Галиціи: въ такомъ же положеніи находились крестьяне и въ юго-западныхъ губерніяхъ.

Съ 1846 года, Русины прервали всякія связи съ Поляками: политическая безтактность Поляковъ, ихъ двоедушіе, неисполненіе обѣщаній, данныхъ, въ крайности, Русинамъ, рѣшительное недовѣріе народа къ польскому дворянству,—все это открыло глаза образованнымъ Русинамъ; они поняли, что не слѣдуетъ легкомысленно жертвовать роднымъ словомъ и русскою народностью узкимъ польско-національнымъ цѣлямъ.

Лицемѣрная австрійская политика не такъ тяжела и не такъ ненавистна Русинамъ, какъ главныя стремленія братьевъ-Поляковъ—подавить русинскую національность, заподозрить Русиновъ въ глазахъ правительства, обвинивъ ихъ въ коммунизмѣ, въ наклонности къ схизмѣ и къ соединенію съ Россіею. Przegląd писалъ, что передовые люди Русиновъ, за московскіе кресты и рубли, ведутъ народъ подъ кнутъ,

въ Сибирь, подъ власть Московскаго царя! Мы передаемъ эти слова буквально.

Не имѣя возможности обвинить Русиновъ въ измѣнѣ правительству, польскіе публицисты попытались иначе повести дѣло: попробовали, при помощи нѣкоторыхъ лицъ и нѣкоторыхъ статей, напугать Русиновъ, распространяя ту мысль, будто Малоруссы не сочувствуютъ Русинамъ; потому что они пишутъ великорусскимъ языкомъ и тянутъ къ Москвѣ. Но надо принять во вниманіе положеніе Русиновъ, положеніе дѣйствительно невыносимое: они ведутъ отрицательную борьбу, почти ничего не пріобрѣтая въ будущемъ для своей національности. Такое безвыходное положеніе можетъ убить энергію и благородныя стремленія въ самомъ энергическомъ человѣкѣ. Необходимость обезпечить и желаніе выдвинуть свою личность, можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, самаго горячаго поборника народныхъ интересовъ сдѣлать орудіемъ какое-бы то нибыло правительство. Если и попадаются подобныя лица между Русинами, то, во всякомъ случаѣ, это— исключеніе. Народъ всегда сознавалъ свою національность и противопоставлялъ ее національностямъ польской и нѣмецкой и, хоть смутно, сознавалъ и сознаетъ свое сродство съ другимъ народомъ, близкимъ ему по вѣрѣ, языку и историческимъ преданіямъ. Я убѣдился въ этомъ, путешествуя по Галиціи. Я спросилъ 100-лѣтняго Горца (Гуцула), помнитъ ли онъ козаковъ; Гуцулъ отвѣчалъ: »козаки тіі люде, що боронили нашу віру відъ Татаръ«. Я сказалъ ему, что, можетъ-быть, Поляки защищали васъ отъ Татаръ. »Ні, возразилъ Гуцулъ: Поляківъ самихъ рабовали и жарили Татаре«. Я спросилъ: знаетъ ли онъ москалівъ; Гуцулъ отвѣчалъ: »козакъ, руснакъ и москаль: то одна віра; Полякъ, Німець, Жидъ, Вирмянинъ—то́ друга віра; москалі, якъ приходили сюди, казали намъ: Ви *наша браття.*« Я встрѣтилъ этого Гуцула въ самой дикой и отдаленной горной деревнѣ (близь Черной горы). Старикъ знаетъ Екатерину, которая, по его словамъ, посадила на царство Польскаго круля Понятовскаго Августа; помнитъ, когда Галиція была еще польскою провинціею; помнитъ пришествіе Нѣмцевъ въ ихъ дикія горы. Гуцулъ характеристично разсказывалъ о Нѣмцахъ: »Німці якъ пришли, то и тютюнъ привезли и лумера дали *го́здамъ* (хозяевамъ): кожний *го́зда* мусивъ носить лумерь (своего дома) на шиі.«

Сообщаю вамъ одно обстоятельство, показывающее, въ какую страшную ошибку впадаютъ люди доброжелательные, но незнающіе поло-

женія дѣлъ, когда берутся защищать польское дѣло въ Галиціи. Редакторъ польской газеты «*Слово*», въ іюлѣ прошлаго года, получилъ грозное анонимное письмо, на великорусскомъ языкѣ, такого содержанія:

«Вы полагаете, что пишете языкомъ Галицко-русскаго простонародья; но вы ошибаетесь. Вы пишете почти чистымъ языкомъ великорусскимъ. Это замѣтила вамъ «Основа,» которая старается писать дѣйствительнымъ языкомъ южнорусскимъ, хотя ее за то и преслѣдуетъ *Русскій Вѣстникъ* и иныя московскія и петербургскія (?) газеты. А жаль: языкъ Русиновъ очень поэтическій и звучный, надо только понимать его и сочувствовать. *Вы распространяете* межъ народомъ идеи коммунизма и *анархіи*, полагая, что есть путь спасенія для Русиновъ; но вы гибельно ошибаетесь. Изъ всеобщей исторіи мы знаемъ, что человѣчество періодически многократно было потрясаемо жесточайшею борьбою между двумя элементами: съ одной стороны стояли и всегда торжествовали: порядокъ, собственность, прогрессъ и вообще цивилизація, съ другой стороны дрались на-смерть и всегда гибли: *анархія*, *коммунизмъ*, слѣпыя страсти *темныхъ массъ народныхъ*. Эти-то страсти вы опять возбуждаете. Побойтесь Бога, пощадите народъ, которымъ хотите руководить».

Редакторъ «Слова» былъ пораженъ грубымъ тономъ и нелѣпостью содержанія письма, неизвѣстнаго великорусса. Дѣло, впрочемъ, объяснилось скоро: авторъ письма напечаталъ въ газетѣ Przegląd: «Protest Słowianina». Авторъ протеста обвиняетъ Русиновъ отъ имени Славянъ въ порчѣ прекраснаго червоно-русскаго языка. Русины хорошо поняли, что̀ это за Славяне, такъ-горячо отстаивающіе ихъ языкъ: оказалось, что авторъ анонимнаго письма и протеста—одно лицо. Русины знаютъ его имя и его отношенія къ Полякамъ, да и не трудно было открыть этотъ секретъ: авторъ и самъ подписалъ подъ своимъ претестомъ —

Słowianin narodu polskiego,
Plemienia białorusińskiego.

Мы полагаемъ, что крайне нечестно и неблагоразумно клеветать такъ голословно на честныхъ людей. Русины глубоко были оскорблены подобными нелѣпыми протестами и еще больше рѣзкою статьею петербургскаго публициста, которая явилась вслѣдъ за протестомъ и анонимнымъ письмомъ. Редакторъ «*Слова*» полагалъ, что авторъ анонимнаго письма и авторъ статьи «Національная Безтактность» если не одно лицо, то безъ-сомнѣнія тотъ и другой одинаковыхъ

убѣжденій; но, безъ-сомнѣнія, между тѣмъ и другимъ—большая разница.

Русины ведутъ борьбу собственными силами, мало находя поддержки и сочувствія въ другихъ соплеменникахъ, западные австрійскіе Славяне не довольны на нихъ за то, что Русины, поддерживая министерство, будто бы повредили всѣмъ остальнымъ національностямъ, которыя добивались полной автономіи, стояли за федерацію. Но развѣ Русины могутъ одни поддержать Австрію и повредить дѣлу Славянъ? Во всякомъ случаѣ, имъ нѣтъ возможности составить съ Поляками одну народность и они вынуждены крайностью самозащищенія держаться австрійскаго правительства. Русины требуютъ раздѣленія Галиціи на двѣ половины: Русскую и Польскую, видя въ этомъ единственный справедливый способъ примиренія; а Поляки на это кричатъ, будто передовые люди—Русины подкуплены Россіею. Но мы хорошо знаемъ, въ какомъ положеніи находятся передовые люди въ Галиціи. Историкъ Зубрицкій, хорошо извѣстный своими трудами русскому обществу и русскому правительству, въ глубокой старости дошелъ до нищеты. Вотъ-что онъ говорилъ о своемъ положеніи: «Я имѣлъ небольшія средства и разсчитывалъ, что проживу спокойно до смерти, но разсчиталъ худо: я живу долѣе чѣмъ слѣдовало и теперь не знаю, какъ проживу послѣдніе дни жизни.»

ЕЩЕ ЗАМѢТКА ОБЪ ІУДЕЯХЪ.

Недавно «Русскій Вѣстникъ» принявъ сторону іудейскаго журнала «Сіонъ» выступилъ съ грозною филиппикой противъ «Основы» и въ особенности противъ г. Кулиша. Побужденіе было благородное, но Русскій Вѣстникъ былъ неправъ: ни Основа вообще, ни г. Кулишъ, не думали оскорблять и унижать еврейское племя, еще менѣе проповѣдывать противъ него ненависть: дѣло шло только о томъ, что́ *бывало и бываетъ*. Но всѣ образованные малоросіяне и великоруссы не одобрятъ вотъ-такой выходки противъ іудеевъ. Явилась на петербургской сценѣ піэса г. Погосскаго «Легкая Надбавка.» Въ ней выведенъ петербургскій домовладѣлецъ—безжалостный эгоистъ, выталкивающій на улицу бѣдную вдову писателя. Въ афишѣ напечатано о немъ: *изъ нѣмецкихъ жидковъ*.

Кчему это безполезное и неумѣстное оскорбленіе племени, столь часто напрасно-оскорбляемаго и поругаемаго? Нужно ли было это для хода піэсы? Нимало. Домохозяинъ могъ быть нѣмецъ, французъ, великоруссъ, малоруссъ, татаринъ, также какъ и жидъ. Его жидовство почти только тѣмъ и ограничивается, что возвѣщаетъ о немъ афиша, напоминая подпись: *Се левъ, а не собака*, которую едѣлалъ, подъ своей картиной, живописецъ, хотѣвшій изобразить льва: онъ никакъ не могъ нарисовать такъ, чтобы левъ не былъ похожъ на собаку... По всѣмъ своимъ пріемамъ, домохозяинъ—въ піэсѣ г. Погосскаго—совершенный нѣмецъ и, какъ нѣмецъ, изображенъ удачно. Неужели же авторъ свернулъ на *жидовъ* изъ раболѣпнаго уваженія къ нѣмцамъ (*), между которыми есть сильные міра сего? Естественно, что безграмотный дворникъ, соблазняясь безсердечностію своего хозяина, называетъ его жидомъ; но умѣстно ли это для писателя, особенно еще народнаго? Нельзя не поблагодарить г. Зуброва, кото-

(*) Мы имѣемъ основанія думать, что г. Погосскій не руководствовался этимъ побужденіемъ. *Ред.*

рый, несмотря на то, что, сообразно напечатанному въ афишѣ, долженъ былъ играть *жидка*, не побоялся, однако, представить настоящаго нѣмца. Домохозяинъ—нѣмецъ — явленіе обыкновенное въ Петербургѣ, и ни одинъ умный нѣмецъ не оскорбится явленіемъ какого-нибудь Плюмфа, какъ не оскорбляется на своего Шиллера за его Вурма; ибо знаетъ, что если есть нѣмцы—негодяи, то есть и честные и благородные люди, поддерживающіе доброе имя своего племени. Кчему же такой страхъ у славянина предъ именемъ нѣмца? кчему такое безстрашное попираніе іудея, неудостоиваемаго даже полнымъ именемъ жида, а осужденнаго довольствоваться кличкою жидка?

Н. Костомаровъ.

ВІВЦІ И ЧАБАНИ ВЪ ЧОРНОМОРІИ.

Після Турéцького рóзмиру, ще за цариці Катери́ни, прийшли́ Чорномóрці одъ Дністрá на Кубáнську зéмлю. Замóжніші зъ нихъ понагáняли всякóі худóби: кóней, скоти́ни й овéць. Вівці все були́ волóські, *кульмачувáти*, и якъ мíжъ козакáми булó волóхівъ нетрóхи, знáючихъ дóбре чабáнське дíло, то вони́ на отáрахъ и порядкувáли. Тепéръ Волóхи попереводились, а порáдки іхъ живýть до сéго чáсу.

Въ жóдній кочéвній отáрі мýсить бути: лічманъ 1, чабанівъ 2 и гарбáчий 1. Однá отáра дéржить въ собí 10, а небíльшъ якъ 15 сотъ овець. Такúй, бачъ, лікъ чабáнський. Мíжъ вівцями, для привóду, бувá небагáто кізъ и цапи́-передняки́. Якъ що бýде въ одного́ хазя́іна такúхъ отáръ чотúрі-пьять, то ставúтця надъ лічманáми отáманъ. При жодній отáрі: гарбá зъ одéжою, пóсудомъ и харчáми, и собáкъ 10 абó 15. Отáри кочýють по степáхъ, и де прúйдетця, тамъ и ночýють. Спéршу, въ Чорномóріи, зімъ не булó, то отáри й кочувáли всю зіму; сіна косúть и не дýмали. Підъ хýду, зхищáлись підъ комишáми, якúхъ тоді булó довóлі, а тамъ и въ плáвняхъ по грáдахъ. А якъ набрелó до насъ багáцько москаля́, то де та й зіма взялáсь: мовъ ій зъ собóю принеслú. Отъ тоді вже стáли хазяíни́ косúть сіно, и якъ у степý підъ хýду не стáло прихúлища, то й почали́ для зáхисту робúть коші зъ хурдникáми и куріні для чабанівъ. Місто для тóго оберáетця висóке, щобъ вітеръ здувáвъ снігъ зъ того місця. Коші рóблятця крýглі и четвероуглóві зъ комишý. Першъ копáють рівéць глúбомъ у коліно, а въ шúръ въ дві лопáтки. Въ рівéць станóвитця комúшъ окорíньками, въ повні, збúваетця тíсно. Якъ вúведетця стíнка, то оббúваетця зъ бóку неі земля́ дрючкáми сторчъ; пóтимъ заввúшки по грýди чоловíчі, окрепля́етця дíдами прикрýченними въ прóшивъ дерезóю, абó пáренимъ тонкúмъ терéномъ. Такý огорóжу не повáлить ніякúй

вітеръ. — Кру́глі коші луччі, и стоя́ть кріпше. При коші, або́ въ коші, ро́битця хурдникъ для хво́рихъ овець, тожъ изъ комишу́. Таки́мъ коше́мъ ота́ра стано́витця посере́дъ сте́пу, щобъ ви́хідъ бувъ на всі сто́рони, одъ річки версто́въ у дві, або́ и въ пьять. Ота́ра пье зімо́ю чере́зъ два, або́ чере́зъ три дні, то й мо́жна до води́ ій підхо́дить; а якъ дале́ко річка, то щобъ бувъ коло́дязь або́ ко́панъ при коші. Зъ нихъ напува́етця щоде́нно хурда́, бо въ ху́рді храмо́та,—ходи́ть далеко не змо́же. Въ сніжну зі́му, якъ нема́ кури́, ота́ра вихо́дить въ степъ. Вівці нога́ми розгріба́ють снігъ и пасу́тця; на нічъ прихо́дять до коша́, и коли́ ти́хо, то ночу́ють при ёму під стіно́ю, а якъ ху́га, то загоня́ютця въ кошъ. Въ такімъ случа́і сіно даётця ота́рі въ су́тки разъ, або́ чере́зъ де́нь. Верхові, або́ горішні, вітри́ у насъ буваю́ть са́ме зліші: дмуть неділь по дві, або́ й по три́. Якъ таки́й вітеръ дме по снігу́, або́ зъ снігомъ, — ото́ ху́га, — то вже ота́ри й не випуска́ють зъ коша́. Во́зють саньми́ ій сіно и тамъ въ коші розкида́ють. Такъ якъ вели́ка ху́га перено́сить снігъ и чере́зъ комише́ву въ коші стіну, то вітеръ, запиня́ючись, въ затишку, надъ коше́мъ, крутить, а снігъ осіда́е на ота́ру, и за зімню до́вгу нічъ мо́же ій закри́ть снігомъ на пропа́ле; тоді чабани якъ у день такъ и вночі пильну́ють ду́же. Вони́ жо́денъ часъ *зкру́чують* (гонять кружкомъ) ота́ру въ коші; одъ сёго вівці, отрушу́ючись одъ снігу, притопту́ють ёго́ під собо́ю. Поду́майте собі, пано́ве, що такъ чабани́ зъ ота́рою бігають и ти́ждень и два й більшъ, у де́нь и вночі, поки́ ху́га не вгаму́етця; а одъ тако́го ча́стого зкру́чування ота́ра въ коші притопту́е під собо́ю снігъ, ко́трий одъ то́го все ро́битця ви́ще и ви́ще. Го́ре, якъ на коші бува́е коми́шъ низькоро́слий! Снігу зро́битця въ кошарі по́вно, и якъ хоть одна́ вівця пересадить го́лову чере́зъ комише́ву стінку и ско́чить за вітромъ, то й вся ота́ра одно́ по о́дному піде скака́ть: тоді ій ніяка си́ла не зде́ржить. Зпе́ршу вівці ска́чуть въ замітъ, яки́й під коше́мъ бува́е, а якъ загатять сами́ собо́ю врівні зъ стіно́ю га́тку, то піде вся ота́ра по́топтомъ,—то́не въ снігу, а тутъ ій и замі́та́е. Ото́ ка́жуть: *ви́крутило ота́ру зъ коша́*.—Ота́къ пропада́е худо́ба! Якъже́ бува́ ота́ра бу́де ходи́ть въ ти́ху по́ру дале́ко въ степу́, а схо́питця ху́га, то и пожене́ ота́ру за вітромъ. До́бре, якъ прибье́ ій до яко́го ху́тора під-за́тишокъ, або́ де підъ комишо́ві за́хисти, а якъ набреде́ впопере́къ тако́і ба́лки, де наста́вить снігови́хъ заме́тівъ то́всто, то вся ота́ра тамъ и застря́не, й занесе́ ій снігомъ. Въ такімъ случа́і и чабани́ пропада́ють. Одъ до́брого призо́ру чаба́нського и одъ розу́мної постано́вки коша́ на місці, мо́жна зберегти́ ота́ру безъ уби́тку. Зімою на чабана́хъ лежить трудъ вели́кий, а найпа́че въ ху́гу. Хоть ху́га яка́, а вони́ му́сять

у день двічі привезти́ сіна вола́ми и нагодува́ть ове́ць. Зімо́ю жъ, таки́, хочъ хо́лодно, та су́хо. А отъ на про́весні, або́ въ осени́, ота́ра кочу́е и де прийдетця, ночу́е; підъ нога́ми мо́кро, зве́рху дощъ, нічъ до́вга, лягти́ мо́кро: то ви́стоіть чабанъ серде́га всю нічъ обпе́ршись на ґирли́ґу. Скільки разъ воно́ ёму́ світа́е! У сі то те́мні ночі найпа́че кля́тий звіръ докуча́е.

Ота́ра на нічъ *тирлу́ецця;* а кругъ неі *по дуле́яхъ* разміща́ютця соба́ки: до́бре, якъ на́йдетця зъ чо́го поробити *дулéї*, а нічъ те́мна хочъ о́ко ви́коли, то отутъ га́спидський звіръ обма́нює, и чабана́ и соба́къ: оце́ зъ одно́го бо́ку ота́ри наткне́тця оди́нъ вовкъ, зама́нить со́бакъ за собо́ю, а тутъ де візметця дру́гий, або́ й скілько вовківъ ра́зомъ ки́нутця раптомъ міжъ овець, одібьютъ кущанку, — чаба́нъ не зу́здрить и коли́, бо тілько вівці зполохну́тця, то ото́ вже кущанка и пропа́ща: одірва́ли кля́ті вовки́ и всю до ще́нту побью́ть; ажь у день схамене́тця чаба́нъ, то почне́ скрізь по степу́ збера́ть *парта́ли*.

Пропада́ли кочові ота́ри й такъ, що якъ пожене́ ії вітеръ зімо́ю въ ху́ґу проти́въ-ночі, та набреде́ надъ морськи́й обри́въ височе́нний, плиг-не́ пере́дне, то вся ота́ра й пропа́ла, — пішла плига́ти въ про́пасть!...

Бува́ въ осени́, або́ рано́ весно́ю, недо́брі лю́де запа́лять степъ. Пужа́ръ зъ вели́кимъ вітромъ розійдетця ши́роко, гори́ть стра́шно, вхиби́тьця нікуди, то до́брі чабани́ одпа́люютця такъ: зоста́вивши ота́ру підъ вітромъ, ни́зче неі пуска́ють свій пужа́ръ, ко́трий за вітромъ и поко́тить да́льше. А якъ наза́дъ одъ ёго́ про́тивъ вітру пужа́ръ иде на ота́ру ти́хо, то чабани́ й забива́ють огонь сви́тами. Одби́вши широ́ке місто противъ ота́ри, перего́нять ії на пожа́рище и обхо́дять по ёму́ за вітромъ геть да́льше. Настигше перший пужа́ръ зза вітру и погорівше до пужа́рища — га́сне, а ота́ра спасла́ся. Якъ-же́ ледачі чабани́ прода́влятця, або́ не зъуміють сёго́ зроби́ти, то ота́ра згори́ть. Якъ ота́ру обхва́тить ди́момъ, то вже не пожене́шъ ії зъ того місця. У насъ по степа́хъ бува́ють тра́ви по по́ясъ чоловікові, то поду́майте: яки́й, при си́льному вітрі, стра́шни́й пужа́ръ ма́е бу́ти?

Благослови́тця на́ весну, со́нечко пригріва́е, щи́кавиця такъ и лізе изъ землі, а першъ усёго́ просере́нъ; затимъ проявля́етця гори́цвітъ. Заквіча́вся степъ, мовъ дівчинка хороша. Далі пішла́ вся расти́на — расте́, якъ изъ води́ йде: уда́ривъ чаба́нъ зімнімъ ли́хомъ о́бъ землю. Овеча́та пасу́тця, тілько чуть якъ хру́мають; чаба́нъ, на со́няшному пригріві, примости́вши го́лову на кротовину, спить ажъ не тя́метця. Му́хи ёму не докуча́ють, бо тоді ще ніяка́ ну́жа не буває. Діждавшись вели́кодня, всю

нічъ про́тивъ ёго́ готу́е гарбачій: чуре́ки, буре́ки, катла́му, коржі зъ ло́емъ, круту́ ка́шу, мьясо́ пече́не по-волоські зъ щербо́ю. Якъ усе́ гото́во, хочъ опівночі, почну́ть розгівля́тьця, бо паску хазяінъ присила́е до то́го за день, або й за два. Ідять та люльки́ ку́рять, ажъ по́ки со́нечко геть підніметця и ота́ра сама́ ста́не рушать зъ ти́рла. Ру́шила ота́ра на па́шу, пішли й чабани́ за нею, набра́вши на ввесь день: коржівъ, катлами́, чуре́ківъ та буре́ківъ. Оце́ время са́ме лу́чче для чабана́. Да́лі настига́е обкітъ.

На обкітъ вибира́етця місце недале́ко одъ води́. Зпе́ршу копаютця рівці (якъ на кошъ) ступнівъ на 30-ть, протя́гомъ одъ півночі на по́лудень. Въ рівці стано́витця коми́шъ, притяга́етця діда́ми—отъ и стінка для за́тишку одъ горішнёго вітра, для малихъ ягня́токъ, якъ бу́дуть. Таки́хъ стіно́къ дві, або́ й більшъ тре́ба. Инші ро́блять кутко́мъ, або́ виво́дять кружко́мъ якъ мане́нький ко́шикъ; ска́зано—якъ кому́ подо́баетця. Потімъ бьють *сайгаки*, изъ *четéнъ*, ро́блять *аге́лъ* зъ *роско́ломъ;* на ёму́ розбира́ють ота́ру: бара́нівъ и валахівъ окро́ме въ я́лову, оста́нетця *дросъ*.

Ове́чий спускъ розщи́туетця такъ, щобъ обкітъ бувъ зъ полови́ни квітня; а якъ вели́кдень перехо́дить въ цей місяць, то ска́зана розбо́рка ове́ць трапля́етця въ кінці березозо́ля, щобъ нева́жко було́ на кітнихъ ове́ць. Розбо́рка, пока́занна після вели́кодня, бува́ тільки въ такі го́ди, якъ вели́кдень припада́ въ березозо́лі.

Gросъ тирлу́етця на нічъ недале́ко одъ аге́ла и стінокъ. Що *нако́титця* за нічъ, ра́нкомъ ягня́тка зно́сятся чабана́ми до яко́і не́будь стінки, зъ ни́ми іхъ матки́ (вівці). Зібрані вівці зъ ягня́тками, скільки іхъ око́титця за су́тки підъ одниéю стінкою, оставля́ютця и пригляда́ютця чабано́мъ. Коли́ е́ такі вівці, що не даю́тця ягня́ті *пляка́тьця*, то забивши два сайга́ки вмісті, заклада́ють вівцю́ ши́ею підъ іхъ, а сайга́ки зве́рху звя́зують. Ориштована вівця стоіть по-нево́лі, и ягня́тко пляка́етця. Такъ де́ржять іі до́ти, по́ки вона́ ёго́ при́йме. Ове́ць вимья́тихъ відлуча́ють въ *я́лову*, а ягня́тко іі пляка́етця чабано́мъ підъ друго́ю вівце́ю моло́шною. Таке́ ягня́тко и́ноді вья́жетця вовня́нимъ повідцемъ за ніжку до то́го ягня́ти, підъ яко́ю ма́тірью вони́ обое́ пляка́ютця. Близня́тъ, коли́ одна́ вівця не попляка́ обо́хъ, одно́ одбера́ецця и припуска́ецця до моло́шнішоі вівці, и сихъ ягня́тъ беру́ть на повіде́ць такъ якъ пе́ршихъ.

На дру́гі су́тки, кітнихъ ягня́тъ зно́сять підъ дру́гу стінку, и ро́блять тежъ.

На треті—тежъ саме. На четве́рти, осте́рбавші ягня́тка пе́ршихъ су́токъ, отго́нятця зъ вівця́ми на па́шу: оце́ зове́тця *киси́рь*, а підъ поро́жню стінку набера́етця зновъ о́бкітъ. На пья́ти су́тки виго́нятця вівці зъ

ягня́тками въ кисúрь зпідъ другóї стінки, а до нéї набера́ютця другі накітчата. И такъ воно йде поря́дкомъ цілий ти́ждень. Въ кисирі набере́тця шмато́чокъ поря́дочний. На дру́гий ти́ждень, кисúрь зове́тця *сад-ма́ломъ* и одхо́дить да́льше одъ обкóту; изъ новúхъ накітчатъ тимъ же поря́дкомъ набера́етця дру́гий *кисúрь* цілий ти́ждень. По́тімъ зно́ву го́нять въ *сагма́лъ*, а кисúрь впьять набера́етця. Отакъ веде́тця ажъ до кінця́ обкóту. Тоді чабани́ захо́джуютця валаша́ть ягня́чі бара́нчики, и кóтрі зъ іхъ кра́щі, оставля́ють на бара́ни. Наближа́етця весняни́й Микола́й. Одбера́ють на роскóли ове́ць, першъ я́лову: бараны́ и ва́лахи, шматками, и стрежу́ть. Вúстригши, випуска́ють; набера́ють другúй шмато́къ и той вúстрижуть; тоді стрижу́ть ма́тку тожъ шматка́ми, и такúмъ спóсобомъ днівъ чрезъ кільки вся ота́ра вúстрижетця. Стрúгти прихо́дять стрижаі зъ слобідъ. Стрижу́ть по півторú копійки одъ руна́, на срібло.

Обкоти́ли ота́ру, постри́гли; теперъ щита́ють: стари́хъ осóбе, а ягнята осóбе. Коли́ кітноі вівці́ було́ бага́то, приміромъ сотъ дванáдцять, або́ пьятнáдцять, то при обкóті не спуска́ють всіхъ въ одúнъ сadмáлъ, а зъ пізьні́шоі полови́ни ро́блять другúй шмато́къ, бо зъ ягня́тами при до́брому обкóті ота́ра бíльшае вдво́е, и такій великій *коло́дї* ходúть бу́де ва́жко, и на ягня́токъ незго́дно: ягня́та вúйдуть худи, мирша́ві. Для сёго, кажу́, и ділятця на два шматкú, прибавля́ютця чабани́ й гарба́. Кінчивши щотъ, чабани́ набера́ютця харчéй и йдуть кочува́ть. Такъ якъ найдутця въ шма́ткахъ вівці такі ще, що кóтятця після щóту (іхъ бува́ ма́ло), то ягня́та ті зову́ть *накітчата*, або́ *цурь-пéки*.

Отъ сі шматкú по обкóті хо́дять въ ро́зпашъ, якъ мóжна ти́хше, щобъ по траві не розгу́бить ягня́токъ. Тирлу́ютця на нічъ зара́ння. На дру́гий день не руша́ють зъ ти́рла, по́ки до́бре не вгріе́ со́нце и не опаде́ роса́, бо одъ роси́ буває бага́то храмóти. Чабана́мъ на́ літо дае́тця вдóволь: до́брий дёготь и си́ній камінь. Якъ проя́витця храмóта, або́ наста́не ну́жа, то вкида́етця черва́. Чабани́ мусять за сімъ пильнувáти: черву́ витяга́ють джермала́ми, засипа́ють ра́нку синімъ ка́менемъ, и мажуть дёгтемъ, щобъ му́ха не сіда́ла.

Наста́ло літо, зроби́лось въ день жарко. Ота́ра цілий день на ти́рлі недале́ко води́; ягня́тка́ вже ге́ть-то підбілшали. Со́нце на західъ; ота́ра нарива́етця на па́шу. Чабани́ вече́ряють, да́лі справились якъ слідъ. Пішла́ ота́ра; чабани́ спе́реду на кри́лахъ, лічманъ тожъ посере́дъ коло́ди, спиня́ють спереду: бо сильні́ші вівці, вúстоявшись въ день, иду́ть шви́дко, зрива́ють тільки вершкú зъ трави́ такъ, що зза́ду, котрі вівці сла́біші, а па́че ягня́тка, не мóжуть па́стися, бо поу́рмле-

ноі трави́ вівця́ не істиме. Спиня́ючи спе́реду коло́ду, да́ють ій розійти́сь вширъ, и якъ розійдетця, такъ що одна́ одній не мішае́ па́стись, то вівці и запасу́тця на місці; тоді лічманъ и чабани́, що крича́ли та свиста́ли спе́реду спиня́ючи ове́ць, зайдуть зза́ду, щобъ підго́нить тілько тихъ овечо́къ та ягня́токъ, які ду́же одъ шматка́ зостаю́тця. Отутъ, на ти́хімъ уже́ ходу́, оди́нъ чаба́нъ курни́че собі псню; дру́гий ви́тягъ зза по́яса сопілку, висви́стуе яко́і зна; тре́тій наду́вши козу (що гра́ють), переки́нувши *гукъ* черезъ плече́, а рогівню взявши въ ру́ки, затина́е *шти́рі ви́рі сімъ сотъ и чоти́рі;* я́къ чаба́нъ одіспа́въ вівці, то проки́нувшися, голо́сить за ни́ми й пішо́въ шука́ти; ось и заба́чивъ — дале́ко замая́чили овеча́та, радіе чаба́нъ, переверта́ на весе́лу пісню; роздивля́етця, ажъ то старі копи́ці сіна; упья́ть затужи́въ, виграючи́ жалібно; ажъ ось и зновъ заба́чивъ вдалі ове́ць, грае впьять ве́село, ще й на́дто; прийшо́въ бли́зько, ажъ то пожа́та въ снопа́хъ гре́чка; залива́ецця впьять грець, на козі виграва́е свое́ лихе́ го́ре; не сподіва́етця ове́ць знайти́; поба́чивъ зновъ, щось дале́ко рябіе; иде́, ту́жить, голову повісивъ и не вірить, щобъ мо́жна було́ знайти́ вівці; коли́ се ти́ць! підня́въ го́лову, ажъ пере́дъ нимъ ёго́ овеча́та! отоді ерити́чий синъ зрадівъ! гра́е до та́нця и самъ зъ козо́ю танцюе́, ажъ воло́ки на нога́хъ розплу́тались, мотля́ютця. Ота́къ чабани́ по́ти втіша́ютця, поки́ ота́ра наістця до́бре такъ, що й зъ місьця не ру́шить. Прихо́дить гарба́, ота́ра отирлува́лась, зорю́е, и чабани́ посну́ли. Підби́лось вго́ру со́нечко, опа́ла роса́, чимчику́е ота́ра до води́. Ота́ру тре́ба поіть або́ ра́нкомъ, або́ ве́черомъ, а не въ день, якъ ду́же жа́рко, бо се на худо́бу недо́бре: вки́нетця хворо́ба. — Бува́ло, проя́витця на ота́ру хвороба, родъ гаря́чки, и ги́не ду́же, то до́брі лічмани́ по́ють ота́ру ніччю, а дне́мъ стоять на ти́рлі. Напоівши въ ночі, иду́ть на *пурня́ло.*

Після́ Спа́са, або́ пе́ршоі Причи́стоі, одбера́ютця зъ я́ловоі ота́ри барани́, щобъ до спу́ску попра́вились. А де не одна́ ота́ра въ хазя́і на, тамъ бара́ни одбера́ютця зра́зу після́ Різдва, въ мьясни́ці, або́ въ пістъ, та й ма́ють свій окрімний шмато́къ до спу́ску. Пере́дъ спу́скомъ ота́ра щита́етця; ягня́та вибера́ютця осо́бне на́ зиму и году́ютця лу́ччимъ сіномъ. Бара́ни спуска́ютця зъ вівця́ми, чабана́мъ видае́тця на́ зиму оде́жа: сорочки́, штани́ хрящо́ві, штани́ и́ршани, яргаки́, сви́ти, кожу́хи й чо́боти.

Вдру́ге дае́тця оде́жа весно́ю, по обко́ті, на що́ті: сорочки́ й штани́ хрящові, а одбера́ютця у чабанівъ вели́кі кожухи и зно́шені чо́боти, щобъ до халя́въ (коли́ до́брі) приста́вить при́шви на зиму, а годя́щі кожу́хи вилатать. Яргаки́ й сви́ти зоставля́ютця чабана́мъ на все літо.

Втре́те даецца: соро́чка й штани́ хрящо́ві, передъ Спа́сомъ, або Причи́стою. Сири́ця на постоли́ даётця на всю ве́сну, лі́то й осінь, а на зіму чо́боти,

Бара́ни спуска́ютця після Пили́па, щобъ ягня́та коти́лись, якъ трава́ зеле́на и те́пло бу́де, въ полови́ні квітня. Після спу́ску баранівъ, обера́ютця мі́сця на коші; ко́сять коми́шъ; копа́ють рівці, по́ки земля́ неме́рзла и стро́ять іхъ такъ, яка́ зава́въ попе́реду.

Опрічъ воло́ських овець, у насъ повели́сь и шлёнські. Зъ ни́ми обходимось одна́ково якъ и зъ воло́ськими, окро́ме що на бара́нячому спу́ску розбера́ютця и бара́ни и ві́вці. Поро́дистіші бара́ни спуска́ютця съ поро́дистішими ві́вця́ми, а ни́зчий розбо́ръ — зъ ни́зчимъ. Пере́вертні (ви́родки) продаю́тця, або вирізуютця на лий. При обко́ті за шлёнкою клопітъ бі́льшъ; прибавля́ютця лю́ди для до́гляду.

Хо́дъ ота́ри на цапа́хъ.

Ота́ра безъ цапівъ якъ дурна́. Неможна ії повести́ на греблю, або́ на роскілъ, або де пройти́ поміжъ ни́вами тонко́ю стя́гою, якъ москалі хо́дять. Цапи́ привичні до рукъ, зна́ють чаба́ньску мо́ву, якъ іхъ кли́чуть. Приміръ: ота́ра на ти́рлі, або́ въ ро́спашъ; вихо́дить лічманъ впере́дъ, кли́че цапівъ такъ: *Гей цо́! балабій! Цо! цо! балабій! цо!* — Цапи́, дебъ не були́, иду́ть до лічмана, ві́вці за цапа́ми. Лічманъ иде́ й цапівъ веде́, прика́зуючи: Гей цо! балабій! Цо—веде́ куди́ ёму́ тре́ба. Ота́ра витяга́етця въ стру́нку и мо́жна ії вести́ куди́ тре́ба.

Сіль даю́ть у насъ ві́вця́мъ весно́ю раннёю, міша́ють зъ бо́рошномъ, або́ дертю зъ я́рого жи́та, а якъ нема́, то й зи́ме жи́то годи́тця. Даю́ть ві́вцямъ сіль по обкоті, даю́ть въ Спа́сівку и въ осени́. Сіль си́плють чабани́ зъ запо́лівъ стежечка́ми, и якъ наро́блять стежечо́къ дово́лі, що ота́ра безъ пото́лиу мо́же розмісти́тьця, тоді тонки́мъ го́лосомъ чабани́ кричáть: тпру́, тпру, тпру, тпру: (якъ на ко́ней). Ві́вці на сей го́віръ такъ и поро́снуть до со́ли, одно́ другого́ спережа́ючи. Ві́вці клейня́тця на ву́хахъ: які бувають кле́йна, розкажу́ по́тімъ, и зразки́ приложу́.

СВІДОКЪ, СКІЛЬКИ ВЪ ЧОРНОМОРІІ ХУДОБИ, СКІЛЬКИ ЗЕМЛІ Й НАРОДУ КОЗАЦЬКОГО РОДУ.

Ове́ць воло́ських	494,664	514,106.
— шлёнських	19,442	
Кізъ прости́хъ	33,510.	

Свинóти 57,979,
Скотúни рогáтоі, абó товáру. . 239,001.
Коней табуннихъ. . . . . 55,095.

За щúру прáвду вúбачте. Се взя́то зъ статúстики, а статúстика и у насъ пúшетця, такъ якъ и у васъ.

Замíтка. Опрічъ сіі худóби, въ Чорноморії é: буйвалівъ зъ 500 и верблю́дівъ до 100.

А оцé вже певно:

Землі дóброі 2,229,918 десят. 2,083 саж.
— неудóбноі 626,077 — 795 —
Всёгó 2,855,996 десят. 478 саж.

Народу:

Козакíвъ: панівъ, духовéнства и товарúства . . . 89,805.
Бабъ, молодúць и дівчатъ . . . . . 86,288.

А всіхъ 176,093.

ЧАБАНСЬКИЙ СЛОВАРЬ.

Агéлъ — кругла кошáрка зъ четéнъ и сайгáківъ. Збóку четéнъ одúнъ, одводúтця и прихиля́етця вньять на місце, якъ хвіртка, щобъ булó куди́ пропустить вівцю. Въ агéлъ одбера́етця хурда́, вúбера́ютця валахи́, чи бара́ни, або́ ягня́та — що́ тре́ба.

Араші — війя́ у гарби́, а гарба́ на́ двохъ колéсахъ, бíльшъ — черкéська.

Арьянъ — козине кúсле молокó.

Арьяница — барúло на тежъ молокó.

Бараннúкъ — той чабанъ, що пасé баранú.

Барúло — звісно, — вóзитця для водú.

Барзíй, бáрза — цапъ, або́ вівця́: вся чóрна, а грýди білі.

Бликотóря — дійна коза́.

Барнáкъ—кривýля на гирлúзі. Гирлúга бува́ изъ пáлиці, барнака́, пасклúна и рúхви.

Буréки — прісні пиріжкú въ лоі печéні.

Вакирúстий, а — бараńъ або́ вівця́, що бýде вся бíла, а кругóмъ очéй чóрні латкú.

Вощáна — рудá, зхóжа на жóвтий восковúй цвітъ.

Вимьятá — вівця́ зъ пóрченимъ вімьямъ, що не мóже плякáть ягнятú.

Волóки — завьязкú, що нúми крéпитця постілъ до ногú.

Верховúй — и *горішнúй*—зовéця сіверовосточний вітеръ (У насъ зъ того́ крáю річкú течýть).

Гарбá — гарба у насъ на двохъ колéсахъ висóкихъ; черкéські нікóли не мáжутця.

Гарбачíй — чабáнъ, що глядúть гарбú. Вінъ вáрить істи и чабанáмъ и собáкамъ.

Гайтáнь — пóясъ съ цвяхóванимъ гаманóмъ, швáйкою, ножéмъ и джермáлами.

Гакъ — тридцята часть. Булó колúсь лічманú брáлись плодúть отáру зъ гáку: на годовóму щóті брáли тридцяту вівцю́ одъ хазя́іна. Тепéръ сёгó не вóдитця.

Гукъ — дýдка у козú, тíи, що грáють. Вонá увья́зуетця въ лáпу, и якъ грáють на кóзу, то вінъ гудé однúмъ гóлосомъ; а ще грімшúй гукъ гудé, якъ кінéць ёгó устрóмитця въ порóжній глекъ.

Гирлúда — пáлиця косóго сáжня ввишъ, съ барнакóмъ, пáсклиномъ и залізною рúхвою.

Грунтáля — пóплітъ дерезóвий, абó свидóвий по четéну звéрху — джутóмъ.

Гросъ — кітна отáра, абó шматóкъ, важкúй.

Дідъ — дідомъ звéтця и куль комúшу мúтусь склáдений и перевéслами повьязанний, и стрáва-лемішка крутá зъ жúтнёго бóрошна.

Дулéй — пóстілка, абó кубло́ для собáки. Дулéі мóстятця въ хóлодъ, абó въ мóкру осінь, кругóмъ отáри, щобъ собáки знáли своé місце.

Діжнúця — побільше відрá діжечка. Въ пістъ заквáшують тісто на кúслі кóржі.

Джермáла — щúпчики, якúми чабанú вичищáють червý у овéць, якъ заведéтця въ літку.

Джýлий або *джýла*, — безвýха вівця́. Бувá такá порóда — джулі вівці.

Джидúря — горля́нка зъ легкúмъ, пичінкою и шáкшею у вівці.

Загрúва — вівця́ бíла, а шúворотъ чóрний.

Куná — посýдина для лóю.

Куйнáра — чабáнська шáпка.

Кáця — хворостúна дóвга, прямá, на кінці клю́чка привъязанá; за-

чепи́вши ка́цею за во́вну, укру́чуетця клю́чка, и такъ ло́виця и приде́ржуетця порська́ вівця́, що ɡирли́ɡою пійма́ти іі немо́жна.

Киси́рь — окоти́вшіісь вівці зъ мале́нькими ягня́тами.

Кура́йниця — бичо́вка, що на гарбі то́пливо привья́зуетця. *Кура́й* — колю́чий бурья́нъ.

Капка́чъ — кри́шка деревья́на на казані.

Кійло — трава́ ти́рса; вона́ жъ и *ковила́*.

Кіска — поплітъ ни́жній по чете́ну зни́зу кіскою.

Кошъ — зімнє пристано́вище для ота́ри.

Куща́нка — мали́й шмато́къ овеча́тъ.

Кура́ — тежъ, що мете́лиця.

Кульми́чъ — хвістъ воло́ськоі вівці, бува́е то́встчй, по́венъ жи́ру, важи́ть ху́нтівъ до 5 й більшъ.

Кульмичува́та — ду́же хвістъ товсти́й у вівці або́ бара́на.

Коло́да — ота́ра якъ иде́ тісно, не въ ро́спашъ.

Лікъ — що́тъ. Чабани́ до ти́сячі щита́ють якъ и слідъ, а по́тімъ ка́жуть: де́сять сотъ, одина́дцять сотъ, пьятна́дцять сотъ, два́дцять сотъ, и да́льше.

Низови́й вітеръ — югоза́падний.

Ота́ра — зове́цця отъ 1000 до 1500.

Отирлува́ть — поста́вить ота́ру ку́пою на місці.

Пурня́ть, *пурня́ю* — ночни́й по́пасъ ота̀ри літомъ.

Пірчу́нъ — козе́лъ молоди́й.

Парта́ль — шмато́къ ове́чого сму́ха, одъ во́вчого недо́ідка.

Роскілъ — до аге́ла робля́тця кри́ла изъ чете́нъ и сайга́ківъ. До то́го чете́на, що одво́дитця для про́пуска вівці, приво́дитця крило́ усте́нкомъ, щобъ одній вівці тілько пройти було́ мо́жна. Ота́ра наго́нитця міжъ кри́ла въ усте́нокъ, и вівці прохо́дять по-одинцю́. Спосо́бно іхъ такъ щита́ть и вибера́ть яки́хъ тре́ба въ аге́лъ.

Рігъ — рігъ но́сять чабани́ зъ си́німъ ка́менемъ, якъ нюхарі таба́ку.

Рогівня́ — струме́нтъ, живе́ у кози́ ти́і що гра́ють и есть ріжо́къ кози́ний, наса́жениий на кіне́ць ду́дки для го́лосу.

Садма́лъ — обкоти́вшаяся кочова́ ота́ра зъ ягня́тами.

Сайга́къ — кілъ висо́кий зъ чоловіка вви́шки.

Стінка — стінка ро́битця зъ комишу́ для зати́шка на обко́ті.

Соба́рний — каза́нъ, або́ яла́къ соба́чий — для соба́къ.

Тага́нъ и *тагани́* — три па́лиці зъ клю́чкою, вгорі звя́зані, кінці въ ро́зкидъ, ста́влятця въ зе́млю; на клю́чку чіпляетця каза́нъ для ва́рива.

Тринпи́ль — цу́рка зъ затёнами на кінця́хъ, посере́дині перевьяза́на бичо́вкою. Вона́ кінця́ми закладаётця въ прорізі задніхъ нігъ зарізаної вівці, а за бичо́вку підніма́етця ту́шка, и привісивши до гарби́, білу́етця смухъ и розчиня́етця ту́шка.

Ти́рло — місце збите ота́рою; місце, де ночува́ла, або́ стоя́ла, ота́ра.

Тулу́къ и *тулу́нъ* — куле́мъ облу́пленна коза́; вона́ де́ржитця на всипище бо́рошна, або́ со́ли.

Урма — про́йдений слідъ ота́ри по траві.

Ху́да — завірю́ха.

Хурда́ — хво́рі або́ худі вівці.

Хурни́къ — пригоро́дка въ коші, або́ окро́ме зро́бленна коша́рка для ху́рди.

Цуръ-пе́ка — накітчата пізні, після́ весняно́го що́ту.

Цо! цо! — кли́чка цапівъ.

Цапъ — козе́лъ ва́лашаний, або́ завернýтий.

Четéнъ — пле́тена решіткою стінка въ $1^1/_2$ арш. ширини́, а вдовшъ буває 4, або́ 5 арш.; хто яку́ ви́плете.

Чіпе́ць — те, що лю́де ка́жуть *здíръ*, а моска́ль ка́же — *са́льникъ*.

Ша́кша — селезе́нька у вівці.

Шмато́къ — части́на ота́ри, сотъ пьять, шість.

Яла́къ — кори́то, соба́къ годува́ть. Воно́ за́вждé привьязане до гарби́, такъ и воло́читця.

Ярка и *яро́та* — торішнє ягня́.

Я. Кухаренко.

ИСТОРИЧЕСКІЯ АКТЫ.

ПИСЬМА МАЗЕПЫ КЪ ПЕТРУ I.

I.

Пресвѣтлѣйшій державнѣйшій царь государь мой всемилостивѣйшій!

Два премощные вашего царского величества о походѣ военномъ указы, единъ отъ 18, а другій, собственною вашего жъ царскаго величества рукою, отъ 19 генваря зъ Дзенцолъ писаный, купно въ единъ день, съ нарочнымъ моимъ куріеромъ, воспріялъ я съ покорнѣйшимъ почитаніемъ подданскимъ; которые, раболѣпнѣ по должности моей исполняя, послалъ до всѣхъ полковниковъ ординансы мои, дабы перебравъ половину лутчаго товариства, немедленно зъ домовъ рушали и спѣшно ишли за Кіевъ, где я, усмотривши удобное мѣсто, стану зъ войскомъ, и оглашу для обнадеживаня добримъ, а для страху непостояннымъ Полякомъ, что съ всѣмъ вашего царского величества войскомъ реименту моего Запорожскимъ въ томъ походѣ пребываю, въ который и самъ сего дня пятничного, генваря 30, зъ Батурина рушаю; за неизреченную вашего царскаго величества милость, что, милосердствуя о цѣлости народу своего и краю сего, изволилъ ваше царское величество пожаловать мене 4-мя полками пѣхотными для суккурсу противъ непріятеля, покорнѣ съ доземнымъ подножничимъ поклоненіемъ вашему царскому величеству благодарствую. И гарнизонъ свой Поляки когда до Бѣлой Церкви пришлютъ и до мене съ тымъ отзовутца, невозбранно впущу оный туда до фортецы Бѣлоцерковской, а протчую Украину, по указу вашего царскаго величества, держать буду и не отдамъ еи въ поссесію Полякомъ, до воли вашего царского величества. При семъ вручаю мя премилосердой вашого царского величества милости и призрѣнію, лобызая покорнѣ духомъ монаршую вашего царского величества десницу.

вашего царского величества
вѣрный подданный
и слуга нижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Зъ Батурина, генваря 30.
1708.

II.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь государь мой всемилостивѣйшій.

По указу вашего царского величества, рушивши я въ походъ военный зъ Батурина и переправивши Днѣпръ, поспѣшилъ до Фастова немедленнымъ маршомъ, где и войска реименту моего, которые могли въ нынѣшнее великое распутіе послѣдовательнѣ мнѣ надлежащого себѣ мѣсца достыгнуть, около Фастова розставленые пребываютъ, а половина войска, по повеленію вашего царского величества, для лготы своей въ домахъ осталася. Здѣ убо въ Фастови получилъ я отъ господина Синявского, гетмана великого коронного, трыкратное писаніе, въ которыхъ желаетъ, дабы я далечайшимъ походомъ и самъ не турбовался и войска не трудилъ, того ради, что непріятельская вся потенція съ Полщи вишла и маршъ свой до Литвы опредѣлила; токмо въ Великой Полщи около Познаня малая нѣкая партыя оставлена, на которую проситъ у мене суккурсу 6000 выборного войска туда жъ до Великой Полщи, а мнѣ совѣтуетъ около Бѣлой Церкви стоять, смотря неусипно на поведенія бусурманскіи, ибо получилъ онъ гетманъ (яко до мене самъ пишетъ) будто подлинную отъ зичливыхъ корреспондентовъ вѣдомость, что поселъ Турецкій, посыланый до короля Шведского, исъ Станислава обѣщалъ имъ именемъ Порты въ помощь по первой веснѣ 40,000 Турковъ, а 60,000 Орды, и будто и писмомъ тую свою ассекурацію подтвердилъ. Я убо, безъ именного вашего царского величества указу, не зная, якъ тымъ суккурсомъ желаніе его, господина гетмана великого коронного, удовольствовать, ибо если въ такъ далекую сторону 6000 выборного войска пошлю, то подлинно въ нынѣшнее распутіе и крайнюю безкормицу, отъ коней отпадетъ и пѣши поприходитъ, понеже отъ Днѣпра ажъ до Случи на сей пустинѣ не токмо сѣна, но и соломы невозможно достать, а и отъ Случи до Львова мало не тое жъ чинитца, для консистенціи войскъ обозовъ коронныхъ. Если убо тотъ суккурсъ до Великой Полщи посылать и якоечисло, такожде и мнѣ впредь, тутъ въ Фастови стоя, что съ войсками дѣлать, прошу себѣ покорнѣ на тое монаршего вашего царского величества указу.

Исполняя вѣрнымъ подданскимъ моимъ сердцемъ премощное вашего царскаго величества повеленіе, приказалъ уже въ сотняхъ Засеймскихъ, къ велико-россійскимъ городамъ ближайшихъ, зъ городского товариства устроить компанію, которой събралось 750 человѣка, а въ прочіихъ полкахъ не починалъ еще тоей компаніи устроевать, для того что едно

войско тутъ при мнѣ, а другое въ домахъ обритается, да во время нынѣшняго состоянія, безъ указу вашего царскаго величества, и не смѣю.

По указу вашего царского величества, велѣлъ я для фамиліи господина Огинского, старосты Жмудскаго, въ полку Стародубовскомъ въ городѣ Погари, двори отвесть и очистить. При семъ вручаю мя премилосердной вашего царского величества милости, и его жъ монаршую десницу зъ доземнымъ поклоненіемъ покорнѣ лобызаю.

вашего царского величества
вѣрный подданный
и слуга наинижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Зъ Фастова, февруарь 26
року 1708.

III.

(Въ письмѣ къ великому государю гетмана Мазепы, которое прислано съ порутчикомъ Ушаковымъ, написано:)

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Душею и сердцемъ въ печале моей обрадовался, когда отъ вашего царского величества, всемилостивѣйшаго моего государя, въ собственной препочтеннѣйшей грамотѣ милостивое получилъ слово, обнадеживая меня вѣрного своего подданного, что ваше царское величество тѣ всѣ враждебныя навѣты вмѣняешь во лжу и клевету. За которое премилосердое вашего царского величества призрѣніе, благосердствующее о мнѣ, повергая себя подъ монаршіе вашего царского величества стопы и оныя лобызая, покорно благодарствую, съ обѣщаніемъ евангельскимъ непоколебимой моей къ вашему царскому величеству вѣрности подданской, которую до кончины житія моего, хотя и краткого, невредженно сохраню, а враговъ тѣхъ, клевещущихъ на мя неправду, всячески, при помощи Вышняго, потщуся въ руки взять, съ которыми тако поступлю, какъ меня указъ вашего царского величества наставляетъ.

По полученіи еще первого отъ вашего царского величества указу, послалъ я указъ мой до наказного полковника Стародубовского (понеже совершенного полковника Скоропацкого нынѣ въ дому нѣтъ, но посланъ отъ меня до вашего царского величества,) дабы онъ со всѣмъ полкомъ Стародубскимъ шелъ къ Быхову. Токмо видится мнѣ, что лутче и безопаснѣе бъ было, когда бъ и Стародубовской и Черниговской порубежные полки близь городовъ Малороссійскихъ на границѣ Литовской стано, ли-

неже тамъ, около Быхова, многіе хоронгви войска Литовскаго призближаютца и волочатся; которые, яко непостоянные, Богъ вѣдаетъ, что думаютъ и съ какимъ намѣреніемъ тамъ собираются, и естлибы оныя, изъявляя сокровенную свою внутри вражду, похотели нечаянное на помянутые регименту моего полки учинить нападеніе, а наши бы ихъ не одолѣли, то надежнее будетъ уступить и припертися для оборонительного отпору непріятелемъ къ своимъ городамъ, гдѣ и я скорѣе бы войскамъ тѣмъ регименту моего подалъ помощь; а за Быховъ далече будетъ суккурсъ посылать. То все премудрому вашего царского величества разсмотренію и воли предаю, а самъ и паки до стопъ монаршихъ главу мою лицеземнѣ приклоняя, покорно высокодержавную его десницу лобызаю.

Вашего царского величества
вѣрный подданный
и слуга наинижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Изъ Хвастова.
Марта въ 9 день
1708.

IV.

Пресвѣтлѣйшій державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Еще прежде полученія отъ вашего царского величества премощного монаршого указу, якъ скоро провѣдалъ я о бунтовщику Булавину, что близь Самары на урочищы Вороной въ килкосотномъ числѣ единомыслнаго своего гултайства обрѣтаетъся, такъ тогожъчасу, по должности уряду моего радителной и непремѣнной къ вашему царскому величеству вѣрности, для промыслу надъ нимъ, ординовалъ туда полкъ Полтавскій и полкъ компаній; о которыхъ зближеню ся къ Самари онъ бунтовщикъ увѣдавъ, снать перестереженный отъ пасѣчниковъ, увойшолъ, оставя самые токмо куренѣ, и невѣдомо куда зъ гултайствомъ своимъ удалилъся. Однакъ я приказалъ такъ полковникови Полтавскому, яко и Компанѣйскому, зъ полками ихъ ити до Бѣлагорода въ совокупленіе зъ войсками Великороссійскими и по совѣту и приказу комендіера тамошнего воинскій о поиску того бунтовщика чинити промыслъ. А нынѣ, когда получихъ съ подобающею честію премощный вашего царского величества въ высокопочтеннѣйшомъ собственномъ монаршомъ писаніи указъ о посылкѣ тысячного числа войска реименту моего подъ комменду господина маіора князя Долгорукова, которому по указу вашего царского величества о поиску Булавина дѣло вручено, заразъ послалъ ординансъ мой съ нарочнымъ куріеромъ до вы-

шепомянутыхъ полковниковъ Полтавского и Компанейского, жестоко приказывая о якъ наискорѣйшое зъ полками ихъ поспешеніе до Бѣлагорода, и чтобъ тамъ, повинуяся въ всемъ помянутомъ коммендіеру господину маіору, по приказу и совѣту его, вѣрно, радѣтелно и охочо къ прислуге вашему царском у величеству воинскій чинили надъ Булавиномъ промыслъ.

О поведеніяхъ здѣшныхъ доношеніемъ моимъ не утруждаю вашего царского величества, понеже что-колвекъ получу, къ извѣщенію о томъ всемъ до господъ министровъ вашего царского величества всегда пишу, и надѣюсь, что они, по должности своей, о всемъ вашому царскому величеству, о чомъ пишу, доносятъ. Присемъ повергая себе до лица земли должничымъ моимъ поклоненіемъ предъ пресвѣтлымъ вашего царского величества престоломъ, высокодержавную его монаршую десницу покорнѣ духомъ лобызаю.

Вашего царского величества
вѣрный подданый
и слуга наинижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ

Зъ Бѣлой Церкви.
Мая 1, року 1708.

V.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Въ самый день тезоименитаго вашего царскаго величества ангела, святаго апостола Петра, воспріяхъ съ должнымъ почитаніемъ благополучнѣ премощнѣйшую вашего жъ царского величества собственную грамоту, съ Санктъ Питербурха, черезъ нарочного куріера, отъ 14 іюня писаную, здѣ въ обозѣ за Бѣлою Церквою въ 70 верстахъ, понеже я по предложеномъ мнѣ вашего царского величества отъ министра вашего жъ монаршего господина Гаврила Ивановича Головкина указу, рушилъ былъ зъ Бѣлой Церкви въ Полщу ку Волыню, для слученія съ королемъ Августомъ, если бы его до Полщи намѣренный и оглашенный приходъ мѣлъ событися; а нынѣ, по тому жъ вашего царского величества указу, съ общаго воинскаго совѣту, въ писмѣ воспомянутаго министра господина Головкина предложеномъ, оставя воспріятый къ Полще маршъ, намѣренъ возвратитца по вѣдомостямъ настоящимъ къ Кіеву и тамъ, въ близости Кіева, до указу вашего царского величества стоять. Благопривѣтствую убо вашему царскому величеству покорнымъ серцемъ, тезоименитаго ангела святаго апостола Петра, каменю соименитаго, желая усердіемъ истиннымъ по[данскимъ], дабы тотъ камень вѣри оружіе вашего царского величества

на пораженіе полчищъ непріятелскихъ изострилъ, и горделиваго Шведскаго Голіафа обезглавилъ, а православную вашего царскаго величества августѣйшую монархію непоколебимымъ основаніемъ утвердилъ и во всѣхъ путехъ ваше царское величество сохранялъ, да не когда преткнеши о камень ноги твоея; а яко теперъ, Божіею помощію и щастемъ вашего царского величества, ординованныи отъ мене полки Полтавскій и Компанѣйскій противъ вора Булавина получили надъ партіею его бунтовничею одоленіе, тако и впредь, за молитвами тезоименитаго вашего царского величества ангела, да покоритъ камень краеугольный силный въ бранехъ Господь всякаго супостата подъ нозѣ вашего царского величества, и всякъ падыій на семъ каменѣ да сокрушится.

О унятіи Запорожцевъ отъ шатости, Богъ самъ вѣсть, якъ неусыпнѣ стараюся, труждаюся и всегда до нихъ пишу, устрашая жестокимъ вашего царского величества гнѣвомъ и моею неласкою, а якъ до мене отписуютъ тые, я ихъ отписки, для вѣдома вашему царскому величеству, до двору вашего монаршего посылаю; токмо того у насъ досели не слышно было, чтобъ такое число, съ чтыри тысячи Запорожцевъ, въ слученіе зъ Сѣчи къ тому вору Булавину рушились, и хотя отъ его вора была къ Сѣчи подсылка на писмѣ прелестная, призывающая войско тамошнее въ помощь, которая и возмутила была легкомышленныхъ, обаче нынѣшній кошовый, исправивъ себе въ вѣрности и премѣнившися аки зъ Савла въ Павла, прилежнымъ своимъ стараніемъ пресѣклъ тое возмущеніе и унялъ отъчасти шатость тамошнюю; о чомъ уже я до двору вашего царского величества писалъ и списки писма того прелестнаго змѣнническаго и отписки запорожской послалъ. И нынѣ я не чаю, чтобъ такъ многое число Запорожцевъ къ проклятому Булавину ишло зъ Сѣчи, развѣ кто тайно оттуду зъ гултаевъ пошолъ, а явнѣ не смѣютъ; токмо наибольшъ туда къ тому вору съ тыхъ своеволцевъ идетъ, которыи, въ Сѣчи не пребывая, въ рѣчкахъ на добычахъ рибныхъ зостаючи, кони крадутъ и купцовъ розбиваютъ, яко и теперь недавнимъ временемъ нѣякійсь гултай прозываемый Гречка, бывшій атаманъ Волнянскій, прибравъ къ себѣ единомышленныхъ такихъ же, яко и самъ, гултаевъ зъ городовыхъ, а не зъ Сѣчовыхъ,—многихъ купцевъ Полтавскихъ, зъ Криму зъ товарами возвращающихся, порозбивалъ и ограбилъ, а потомъ подъ Чигириномъ стадо конское занялъ и въ рѣчки полевые отогналъ; о которыхъ гултаяхъ нынѣшній же кошовый провѣдалъ, велѣлъ ихъ половить, хотя и не всѣхъ, и того Гречку, по правамъ войсковымъ, приказалъ въ Сѣчи, а другого товарища его, въ Кодаке, для пострахy повѣсить, прочіихъ же дер-

житъ въ крѣпкомъ вязеню и обѣщается ихъ до мене прислать, для извѣстія, хто въ городахъ зъ единомышленникомъ ихъ обрѣтается, о чомъ и листъ, писанный отъ его кошового до мене, послалъ я ко двору вашего царского величества.

Полковникамъ полтавскому и компанійскому и старшинамъ ихъ извѣстилъ я писаніемъ моимъ о милостивомъ вашего царского величества жалованью, заохочиваю ихъ тымъ къ неленивымъ болшимъ военнымъ подвигамъ и отвагамъ, а и самъ быхъ не ленилъся противъ того вора Булавина со всѣмъ войскомъ пойти для искорененія и угашенія того внутр[illegible]го огня, если бы указъ вашего царского величества и нынѣшніе случаи, для сохраненія сего края, не удерживали мене. При семъ покорнѣ высокодержавную вашего царского величества десницу лобызая, до стопъ монаршихъ челомъ бію.

вашего царского величества
вѣрный подданый
и слуга наинижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Изъ обозу отъ рѣчки Роски
іюня 30, 1708 року.

VI.

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Собственно-ручный вашего царского величества указъ, получилъ я зъ должнымъ всепокорнымъ подданскимъ почитаніемъ, черезъ куріера моего, сего іюля въ 18 день, который, аки Божіе повеленіе, исполняя и во всемъ оному вѣрнымъ сердцемъ согласуя, буду некосненнымъ маршомъ, сколко силъ станетъ, поспѣшать съ всѣмъ войскомъ ку Кіеву и уже самымъ дѣломъ, оставя воспріятый, для слученія зъ королемъ Августомъ, ку Полще путь, въ которомъ обрѣтался отъ Случи 10 токмо миль, возвращаюсь простымъ трактомъ на Паволочь до Кіева, где прибывъ, учрежду тамъ гранизонъ людми реименту моего, по совѣту князя Димитрія Голицина, и перебравъ лутчую конницу (хотя у городовыхъ козаковъ мало есть коней добрыхъ, но болшъ худыхъ и до войны не удобныхъ, понеже, якими конми въ домахъ робятъ, тыми, ради нищеты своей, и въ походъ военный идутъ), отпущу оную зъ компаніею на службу вашего царского величества къ полкамъ великороссійскимъ, для разоренія непріятеля созади; зъ которою конницею радъ бымъ и я сердечне на службѣ вашего царского величества присутственнѣ зоставать для лут-

чего порядку въ чиненю диверсій непріятелю, еслибы, при надходящой глыбокой, весма знемощолой старости, педокгричная и хирокгричная болѣзнь препятствіемъ не была, для которой на кони труду понесть не могу, и хотя мало верхомъ, милю и другую, проѣду, то того много приболѣть мушу; однако жъ и въ такой немощи и болѣзнѣ не отрѣцалъ бымъ ся служить и услужить, хотя бъ мнѣ пришло на службѣ вашего царского величества, при боку вашемъ монаршомъ, лутче нежели где на сторонѣ, и житія пострадать; токмо тое благоразумному вашего царского величества разсужденію предаю, что если я, особою моею гетманскою, оставя Украину, удалюсь, то велми опасаюсь, дабы подъ сее время внутрнее (отъ чего сохрани Боже) между здешнимъ непостояннымъ и малодушнымъ народомъ не произыйшло возмущеніе, наипаче когда непріятель, исполняя враждебное свое намѣреніе, похочетъ тайнымъ якимъ нибудь образомъ прелестные свои листы въ городы подсылать; а я зъ здешнихъ не токмо мало, но и никого такъ вѣрнаго не имѣю и усмотрѣть такого коммендіера не могу, который бы сердцемъ и душею, вѣрнѣ и радительнѣ, вашему царскому величеству подъ сей случай служилъ, на подсылки непріятельскіе и на прелести его недримательнѣ смотрилъ, остерегалъ и всячески пресѣкалъ; однако жъ ожидаю въ томъ именного вашего царского величества указу. Нынѣ же, по должности уряду моего и по обыклой непорочной вѣрности, велѣлъ зъ канцеляріи войсковой, во всѣ вашего царского величества реименту моего малороссійскіе городы, унѣверсалы выдать, утверждая народъ здешній въ вѣрности ку вашему царскому величеству и повеливая городовой старшинѣ, дабы на подсылки непріятельскіе доброе око имѣли, прелестныхъ писемъ и унѣверсаловъ его, еслибы якіе были о провіантахъ, не слухали, оные презирали, отвращали, страхованій враждебныхъ не ужасались и къ прелестемъ ласкательнымъ не преклонялись, имѣя по Бозѣ надежду въ непреоборимомъ вашего царского величества оружіи. А что впредь будетъ чинитця (дай Боже все благополучное), о томъ всегда не оставлю писать и доносить вашему царскому величеству, исправляя вся стропотная и сразвращенная въ пути гладкіе, и тако народъ здешній управляя, якъ мнѣ совѣсть христіанская, должность подданская и непорочная къ вашему царскому величеству вѣрность повеливаетъ и наставляетъ а нынѣ симъ моимъ покорнымъ писаніемъ благопривѣтствуя вашему царскому величеству, щастливаго въ армею свою возвращенія, желаю вѣрнымъ сердцемъ, торжественнаго и побѣдителнаго надъ врагами одолѣнія, себе же самого лицеземнымъ поклоне-

ніемъ до стопы ногъ монаршихъ вашего царского величества повергая, высокодержавную его десницу духомъ и истинною лобызаю.

вашего царского величества
вѣрный подданный и
слуга наинижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Изъ обозу отъ Асламъ-городка.
Іюля 18 дня 1708 року.

VII.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Сего дня, августа 10, якого съ господиномъ Солововымъ капитанъ поручникомъ отправилъ съ городовыхъ полковъ лутчего перебранного войска 4,500, и два полки компаніи 800, товариства въ себѣ заключаючіе, для диверсіи непріятелю къ Пропойску, а особно къ Смоленску два полки Переяславскій и Нѣжинскій въ 3,000-мъ числѣ, зъ которого 2,000 доброй пѣхоты, а 1,000 конницы, опредѣлитца и употребитца, получилъ я и съ должною честію воспріялъ черезъ куріера моего премощный собственноручный вашего царского величества указъ о посылкѣ 3000 или 4,000 войска реименту моего въ Полщу къ преждней съ полковниками Кіевскимъ и Бѣлоцерковскимъ ординованой партіи. Тое убо вашего царского величества повеленіе, безъ всякого умедленія исполнить потщуся, токмо покорнѣ вашему царскому величеству съ доземнымъ поклоненіемъ дерзаю доносить, что прочіи реименту моего полки городовыи и компанійскіи въ различные мѣста на службу вашего царского величества розосланы; а именно: Кіевскій съ тамобочными малолюдными полками переборными въ Полщи, Стародубовскій и Чернѣговскій въ Пропойску, Полтавскій съ компаніею на Дону, Гадяцкій въ фортецы и при фортецѣ Печерской, а при мнѣ осталося городовыхъ пять полковъ, съ которыхъ два полки, Нѣжинскій и Переяславскій, отправлены къ Смоленску, а полняты тысячи переборного съ тыхъ же пяти полковъ товариства ординовано съ двома полками компаніи до Пропойска; при мнѣ же зъ городовыхъ самыхъ недорослей и на худѣйщихъ лошадяхъ осталось 2,800, которыхъ своими очима видѣлъ господинъ Солововъ, да 2,000 сердюковъ и едина короговъ компаніи, кромѣ великороссійскихъ пѣхотныхъ полковъ, въ которыхъ болшъ надъ 2,000 не зберется, яко сами полковники сказываютъ, понеже всѣ полки не полные; и того ради, развѣ полкъ Гадяцкій двотысячный, взявъ съ фортецы Печерской и придавъ къ нему 1000-чу тыхъ недорослей, отправлю вскорѣ до Полщи, ибо разсуждаю, что тотъ полкъ

Гадяцкій, когда буду самъ стоять по указу вашего царского величества при Кіевѣ, не надобенъ будетъ до фортецы Печерской. А до полковниковъ, Кіевскаго и Бѣлоцерковскаго, давно уже я послалъ двохъ знатныхъ особъ и нынѣ посылаю третяго, чтобъ тое войско, по желанію господина Сѣнявского, запровадили якъ найскорѣй къ господину Потѣю, и надѣюсь, что третій мой посланецъ знайдетъ тое войско суккурсовое съ воспомянутымъ господиномъ Потѣемъ въ слученіи. И сіе вашему царскому величеству, всемилостивѣйшему моему царю и государю, при доземномъ поклоненіи, подъ стопы ножные низлагаемомъ, покорнѣ донесши, высокодержавную его жъ монаршую десницу духомъ лобызаю и премилосердому вашего царского величества призрѣнію навсегда себе вручаю.

вашего царского величества
вѣрный подданый
и слуга
наинижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Изъ обозу отъ Русанова
августа 10
року 1708.

VIII.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Высокопочтеннѣйшую вашего царского величества собственноручную грамоту, черезъ нарочного куріера мнѣ врученную, воспріяхъ съ должнымъ гономъ, на которую при доземномъ поклоненіи покорнѣ отвѣтую: войско конное, съ разныхъ полковъ городовыхъ перебраное, по указу вашего царского величества, отправилъ я уже давно съ господиномъ капитаномъ-порутчикомъ Солововымъ къ Пропойску подъ комменду Скоропадского, полковника Стародубовского, придавъ два полка надежной компаніи въ 800-мъ числѣ, о чомъ до вашего царского величества прежде сего пространно я писалъ, и росписи тоей конницы воспомянутому господину капитанъ-порутчику вручилъ, въ которыхъ именно изображено, коликое число того войска отправлено. Полковника Гадяцкого въ двотысячномъ числѣ полку его козаковъ, взявъ зъ фортецы Печерской и придавъ ему еще тысячу полную недорослей, отправую такожде, по указу вашого царского величества, ку Полонному, а оттуду велѣлъ ему туда итить, куда случай военный позоветъ и гетманы коронныи повелятъ; и до прежняго войска, подъ коммендою полковниковъ Кіевскаго и Бѣло-

церковского, въ Полщу ординованого, послалъ третяго куріера моего, приказывая, дабы безъ всякаго умедленія въ слученіе къ господину Потѣю ишли; о которомъ войску сего дня получилъ вѣдомость, что давно съ тыхъ реку (?) переправило и городъ Луцкъ поминуло и надѣюсь, что до сего времени мѣло случитца зъ господиномъ Потѣемъ.

О себѣ покорнѣ вашему царскому величеству доношу, что, по указу вашего жъ царского величества монаршомъ, воспріялъ походъ отъ Кіева ку Нѣжину, и буду стоять, до воли и указу вашего царского величества, недалече отъ Кіева за одинадцать миль въ срединѣ Украины; токмо подъ нозѣ вашего царского величества главу мою доземнымъ челобитіемъ повергши, покорнѣ прошу такого милосердія и указу, дабы мнѣ повелѣно было два полка, Переяславкій и Нѣжинскій, отправленные къ Смоленску, воспять зъ походу возвратить, зъ которыхъ бымъ моглъ и гарнизономъ фортецу Печерскую учредить и при себѣ оставить, ибо нелестнѣ, по самой истиннѣ, пишу, что въ малолюдствіи самъ осталъся, яко и прежде сего до вашего царского величества писахъ, и господинъ Соловой своими очима видѣлъ; а тое войско, если указъ будетъ возвратить, можетъ куріеръ мой въ маршу постигнуть, ибо тутъ оное мусило черезъ десять день умедлить, пока зъ домовъ козаки зъ борошенными запасами возвратилися, которыхъ, черезъ полгода въ походѣ со мною пребывая, лишилися были, и сего дня получихъ вѣдомость, что тые два воспомянутые полка пришли уже къ рекѣ Сейму и стали переправлятца.

Въ городахъ всякую опасность къ отпору наступленія непріятелскому (отъ чого Боже сохрани) приказалъ и унѣверсалы мои розослалъ, дабы всюда пашни зъ поля свозили, молотили и въ ямы хранили, такожде дабы городы укрѣпляли, и до всякой готовости къ защищенію цѣлости своей пребывали, а я особнѣ бодрое око и ухо буду имѣти на прелестные непріятелскіе писма, если бы оныхъ была якая подсылка. При семъ себе самаго милосердному вашего царского величества призрѣнію и милости монаршой навсегда вручаю и высокодержавную его десницу покорнѣ лобызаю.

вашего царского величества
вѣрный подданый
и слуга наинижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Зъ обозу отъ Русанова
року 1708. Августа 16 дня.

ПЕРЕДЪ СВІТОМЪ.

(ДУМА.)

Дóвго, дóвго не світáе...
Утомúвся світу ждáти,
А все ёгó не видáти,
И відъ крáю и до крáю
Ясне́ нéбо чóрні хмáри
Застилáють, укривáють,
Всі зіроньки поховáлись...

Розійшлúся хмáри, и зійшлúся —
Загремíло — заблискáло,
И зновъ тéмно въ небі стáло...
Сýмно въ одинóкій хáті —
Ні съ кимъ, ні съ кимъ розмовлáти...

Чогó крúють хмáри нéбо?
Нáщо зóрі наші ясні,
Наші тúхі світи, гáснуть...
Яке́ лúхо, якá кáра!
Зáщо гúнемъ — пропадаемъ?
Чогó сóнце забарúлось,
Лю́дямъ тéмнимъ не посвітить?..

Постій, дрýже! вже світáе;
Сóнце хмáри розганя́е...
Помолúся, дрýже, Бóгу
За Вкраíну нáшу вбóгу,
Щобъ ті хмáри не вертáлись,
Щобъ на світі та при світі
Впростáли ії дíти,
И, якъ брáтіки, кохáлись.

Михайло Чайка.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

Старосвѣтскій бандуриста. Составилъ *Николай Закревскій*. Москва. 1861. Въ 8-ю д. Стр. VIII и 628.

Опытъ южнорусскаго словаря. Трудъ *К. Шейковскаго*, въ 4-хъ томахъ. Выш. 1-й, А — В. Кіевъ. 1861 г. Въ 8-ю д., стр. XVI и 223.

Слишкомъ 60 лѣтъ минуло со времени появленія въ свѣтъ перваго произведенія на народномъ южнорусскомъ языкѣ. Много съ тѣхъ поръ было говорено у насъ о народѣ, о его языкѣ и литературѣ, но до сихъ поръ не появилось у насъ ни одной грамматики (1), ни одного сколько-нибудь полнаго и дѣльнаго словаря, который бы познакомилъ ученый міръ и просвѣщенное общество съ богатствомъ матерьяла этой огромной вѣтви славянскихъ языковъ, — тогда какъ славянскій западъ почти для каждаго, даже второстепеннаго, своего нарѣчія уже издалъ и грамматику и лексиконъ. Благодаря близости къ Западу нашего червонорусскаго нарѣчія, только оно одно давно уже обладаетъ двумя, хотя и не совсѣмъ достаточными, грамматиками; словаря же и этого нарѣчія не существуетъ.

Такая судьба южнорусскаго языка объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что наше образованное общество, согласно существовавшему доселѣ у него взгляду на плебеевъ, напростонародье вообще и на народъ малороссійскій въ-особенности, не чувствовало *практической надобности* въ мало-

(1) Грамматику Павловскаго, 1818 г., нельзя считать грамматикою малорусскаго языка, хотя она и носитъ такое названіе.

россійскомъ языкѣ, и во 2-хъ — тѣмъ, что интересы лингвистическіе и вообще научные незначительно были развиты въ нашемъ обществѣ.

Нужда творитъ вещи. Въ началѣ 18-го вѣка сѣверная Русь вошла въ близкія сношенія съ Европою, т. е. съ Нѣмцами: почувствовалась надобность въ знаніи нѣмецкаго языка, и не замедлило явиться »переложеніе съ Латинскаго на Россійскій языкъ Вейсманова нѣмецкаго лексикона« (С. Волчковъ 1731 г.); потомъ (въ 1744) 4-хъ язычный словарь Іеронима Мегизера, 6-ти язычный, составл. Григор. Политикою (1763), »Лексиконъ или Целляріусъ Нѣмецкій« Гелтергофа (1765 г.) и даже Богемо-Нѣмецкій словарь Томзиса. Такъ точно государственныя сношенія съ Польшею, съ Востокомъ и государственная мечта о Греческой имперіи вызвали появленіе словаря Польскаго (Кондратовича), Армянскаго (Холдарова), Новогреческаго (1783 и Архим. Меѳодія 1795 г.) и даже »Латино-Иллирическаго«. Съ другой стороны, внутреннія потребности *государства* вызывали появленіе словарей »военныхъ«, »морскихъ«, »математическихъ«, »минералогическихъ«, »химическихъ« и т. п., а также географическихъ (Л. Максимовича, 1788), историческихъ, лексиконы разныхъ художествъ и т. п. Но едва ли не самыми живыми продуктами общественной русской жизни конца 18-го вѣка были словари: родословный Россійскій, съ »сокращеннымъ описаніемъ службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ«, »поваренный или приспешничій«, »кондиторскій и дистиллаторскій«, »словарь натуральнаго волшебства, въ которомъ много полезнаго и пріятнаго изъ естественной науки и магіи,« а также словарь »танцовальный« и всего болѣе: »*лексиконъ любовный*«, выдержавшій два изданія (С.Пб. 1768 и М. 1779 г.) — Но какая кому нужда была до языка не только Малороссійскаго, но и Великорусскаго? Можно сказать положительно, что, несмотря на увлеченіе нашихъ ученыхъ конца 18-го и начала 19-го вѣка сравненіемъ языковъ, и стало-быть отчасти лингвистическими научными интересами, мы не скоро дождались бы словаря россійскаго языка, еслибы не позаботилось объ этомъ правительство того времени. Благодаря ему, спустя 80 лѣтъ послѣ Петровскихъ преобразованій, Россійская Академія Наукъ издала свой знаменитый словарь; но затѣмъ минуло много, много лѣтъ; лингвистическіе интересы стали наконецъ сильно пробуждаться въ нашемъ ученомъ мірѣ; правительство, занятое болѣе важными заботами, на этотъ разъ не подало съ своей стороны голоса, возбуждающаго къ лингвистическимъ трудамъ, и только черезъ 63 года послѣ изданія перваго своего словаря Академія Наукъ

приступила къ изданію »словаря областныхъ великорусскихъ нарѣчій«. Спустя 3 года она начала-было помѣщать на страницахъ своихъ »Извѣстій« плохенькій словарь Малороссійскаго *наръчія*; но занятая, вѣроятно, *болѣе важными* интересами русской науки, прекратила его печатаніе на буквѣ К, и вообще почему-то мало оказывала вниманія къ южнорусскому міру.... Только въ весьма недавнее время у нашихъ Южанъ проявилось желаніе говорить печатно на родномъ, понятномъ для народа, языкѣ, желаніе, въ высшей степени отрадное и, безъ сомнѣнія, самое благодѣтельное для успѣховъ просвѣщенія; ибо, если простолюдинъ-великоруссъ почти не понимаетъ нынѣшняго литературнаго языка и уже сильно чувствуется потребность создать особный отдѣлъ литературы для народа, то для малорусса этотъ языкъ просто — китайская грамота, въ томъ смыслѣ, что онъ хотя и бойко читаетъ на нёмъ, но ничего, изъ чтенія, не выноситъ; притомъ же извѣстно, что ни на какомъ языкѣ нельзя высказываться такъ полно и свободно, какъ на родномъ, своенародномъ; а все это, равно какъ и лингвистическая разработка языка, восполняется явленіемъ литературы на родномъ, народномъ, языкѣ. Когда въ 1855 году, послѣ 6-ти лѣтняго невольнаго молчанія, это стремленіе снова стало высказываться, почтенная представительница россійской науки, въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, встрѣтила его такимъ сочувственнымъ словомъ: »Нельзя для народа создать *насильно* (?) *самобытную* (?!) литературу, потому-что сами нынѣшніе представители ея — продуктъ русской цивилизаціи«. (1) Почтенный академикъ почему-то забылъ на этотъ разъ, что Гусъ, Копитаръ, Шафарикъ, Палацкій и т. д. тоже продукты западной, нѣмецкой цивилизаціи, а Лютеръ—не нѣмецкой, какъ Петръ Великій—да и самъ академикъ—не русской. Впрочемъ, нельзя обвинять одну только почтенную представительницу россійской науки, какъ за эту забывчивость при сужденіи о Малороссіи, такъ и за то пониманіе, будто все, или большая часть, произвольно, безъ разрѣшенія Академіи, исходящаго изъ общества, есть *насильственное* стремленіе, несогласное съ интересами и стремленіями народа и государства: это *было* убѣжденіе *лучшаго* нашего общества; представительница русской науки въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, была только отголоскомъ мнѣній государственныхъ и высшаго общества, боящихся всякихъ новыхъ явленій вездѣ, а у насъ, гдѣ элементъ старовѣрческій—консервативный покамѣсть сильнѣе чѣмъ

(1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ 1855 г.

гдѣ нибудь въ Европѣ, — тѣмъ болѣе. Подобныя мнѣнія существуютъ еще доселѣ въ такъ-называемомъ лучшемъ нашемъ обществѣ, между многими, повидимому—образованными, людьми. На почтенную Академію Наукъ мы тѣмъ менѣе вправѣ жаловаться за мнѣнія ея, подобныя высказанному выше, и за невниманіе ея къ языку, на которомъ говоритъ вся южная часть русскаго народа,что въ и самой россійской наукѣ, которой Академія представительница, доселѣ незамѣтно было стремленія изучать малороссійскій языкъ, и относительно всего малороссійскаго міра сохранялись какія-то дѣдовскія понятія. Наглядным доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующій фактъ: Въ то время, какъ трудолюбивый Миклошичъ, живя вдали отъ русскаго міра и по скуднымъ источникамъ изучая южнорусскій языкъ, съумѣлъ въ своей »Сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій« составить довольно полную, хотя не безъ значительныхъ ошибокъ, этимологію этого языка и дошелъ до рѣшительнаго убѣжденія, что этотъ языкъ — есть самостоятельная отрасль славянскихъ нарѣчій, какъ языкъ Сербскій, Болгарскій, Чешскій, а не нарѣчіе языка Великорусскаго (1), искаженное Польскимъ вліяніемъ, — въ то время, говорю, даже нѣсколькими годами позже, лучшій нашъ русскій лингвистъ и словесникъ, первый обратившій вниманіе на огромное значеніе югозападной литературы XVII в. въ исторіи литературы сѣверовосточной, цитируя (въ ст. »Древніе русскіе подлинники,« Атеней 1858 г.) древніе наши (южнорусскія) вирши,—всѣ встрѣчающіяся въ нихъне великорусскія и нецерковно-славянскія слова и обороты называетъ *польскими*, такъ какъ будто бы южнорусскаго языка и не существуетъ, или какъ будто почтенный ученый опасается или стыдится назвать ихъ южнорусскими. Такъ напр. выраженіе »Христа роспято« ,—тоже что̀ въ пѣсняхъ »коза́ченька вби́то, кита́йкою вкри́то«, —по его мнѣнію—польское; слово »взбачье« — тоже, »дрaбина«, — лѣстница — тоже; между-тѣмъ-какъ »драби́на« въ

(1) Vergl. Grammat. der Slavischen Sprachen v. Fr. Miklosich 1 B. 1852. Einl. p IX. »Indem ich die sprachen nach der nähe ihrer verwandschaft an einander reihe, behandle ich dann das Kleinrussische, das auf dem gebiete der wissenschaft, wie die untersuchung selbst darthut, *als eine selbstständige sprache* und nicht als ein dialect des grossrussischen anzusehen ist.

За исключеніемъ древне и ново-церковнославянскаго языка, онъ считаетъ основными языками слѣдующіе: 1) Болгарскій, 2) Сербскій, 3) Малороссійскій, 4) Великорусскій, 5) Чешскій, 6) Польскій и 7) Верхне и Нижне сербскій (сорбскій.)

значеніи лѣстницы совершенно усвоено языкомъ малороссійскимъ, который имѣетъ и производныя слова: »драбча́стий« »полу́драбокъ«, и проч. съ подобнымъ же значеніемъ. Видя такія свѣдѣнія въ малороссійскомъ языкѣ у талантливѣйшаго русскаго лингвиста, Буслаева, можно подумать, что для *русской* науки Малороссійскій народъ все еще отщепенецъ Великорусскій, опогаченный Ляшскимъ вліяніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, далеко-ли наши представители русской науки и стараго и новаго направленія, и славянофилы и западники, и либералы и централизаторы, ушли въ своемъ взглядѣ на Малороссію и ея языкъ отъ взгляда какого нибудь напр. почтеннаго автора »Топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества« 1788 г., который говоритъ:» Сіе роковое отдѣленіе южныя отъ сѣверной, или Великой Россіи, преобразовало навсегда оныя жителей такъ, что изъ того явилась какъ будто бы иноплеменная какая нація; отъ сего произошелъ малороссійскій украинскій діалектъ, какъ *удѣлъ языка Славянскаго племени*« (великая мысль по тогдашнему времени!).... Далѣе онъ продолжаетъ: »Въ таковыхъ превратныхъ обстоятельствахъ необходимо было *древнѣйшему и коренному жильцу Россійскому перепестрить* прародительскій свой языкъ, переодѣться въ иностранное одѣяніе и во всемъ житейскомъ воспріять *подражательный видъ;* а при сохраненіи остатковъ родоначальныя собственности воспослѣдовало *рожденіе разнообразной смѣси*, какова и донынѣ въ жителяхъ южной Россіи видится«.—Такъ туго и вяло идетъ россійская наука впередъ по пути самостоятельныхъ изслѣдованій и пріобрѣтенія ясныхъ убѣжденій! Мы еще слишкомъ молоды, и убѣжденія, вѣрованія и инстинкты дѣдушкины и бабушкины въ насъ сидятъ глубже, живутъ тверже, чѣмъ новопривитыя убѣжденія, понятія и стремленія науки, съ которыми мы только-что начинаемъ родниться. Иначе, если бы даже справедливъ былъ только-что упомянутый нами взглядъ на Малороссію, то все же интересы современной науки должны были бы вызвать въ нашихъ ученыхъ стремленіе ближе познакомиться съ такою курьезною смѣсью; но не тутъ-то было: дѣдовскій взглядъ на Малороссію, ея провинціальное, отдаленное отъ центра *государственной* жизни положеніе, достаточны были для того, чтобы наши ученые спеціалисты, и сама почтенная представительница русской науки, признали себя вправѣ пренебречь такимъ громаднымъ фактомъ, какъ Малороссія, ея бытъ, исторія, образованность въ минувшіе вѣка и ея языкъ.

Все это почли мы нужнымъ сказать, конечно, не для пустого упре-

ка русской наукѣ и ея почтеннымъ представителямъ за прошедшую ихъ оплошность, а для того, чтобы смягчить нѣсколько попреки нашимъ Южанамъ въ бездѣятельности, которые нерѣдко слышались со стороны представителей русской науки, по убѣжденію которыхъ малороссіяне виноваты, что россійскимъ филологамъ вовсе неизвѣстенъ, или мало извѣстенъ, малороссійскій языкъ. Какъ будто первый долгъ національныхъ писателей составить грамматику и словарь того языка, на которомъ они пишутъ, какъ будто народъ, говорящій своимъ роднымъ языкомъ, имѣетъ нужду прежде всего написать грамматику и словарь этого языка; какъ будто, наконецъ, дѣло не русской науки позаботиться составленіемъ и того и другого! Понятно, что если окруженная нѣжными заботами правительства россійская наука, обладая огромными матерьяльными и нравственными средствами, едва черезъ 80 лѣтъ послѣ пробужденія Россіи къ новой жизни, и то съ понуканіемъ просвѣщенной монархини, обратилась къ составленію словаря родного языка, и только черезъ 140 лѣтъ, вслѣдствіе уже собственно-научныхъ стремленій, занялась собраніемъ свѣдѣній объ областныхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ, то не ей, не ея представителямъ, слѣдовало бы расточать упреки малороссіянамъ, національность которыхъ и національные труды которыхъ были доселѣ не только безъ всякой помощи, но въ загонѣ, и преслѣдовались не одними только насмѣшками или разсужденіями, подобными вышеприведенному, надъ національнымъ стремленіемъ, и вдобавокъ—не со стороны одной только науки россійской....

Тѣмъ не менѣе, требованія нынѣшняго вѣка рано заставили любителей южнорусской народности обратиться къ изученію родного языка и приведенью въ извѣстность его разнообразнаго по нарѣчіямъ матерьяла; хотя, съ другой стороны, недостатокъ у этихъ любителей научной опытности, а равно и матерьяльныхъ средствъ, въ особенности же досуга, не давали имъ возможности привести свои труды къ желанному концу. Со времени оживленія дѣятельности въ южнорусской литературѣ, т. е. съ конца Севастопольской кампаніи, оживилась и работа надъ южнорусскимъ краемъ. Многіе изъ извѣстныхъ знатоковъ родного слова съ большимъ рвеніемъ принялись за составленье словаря южнорусскаго языка. Въ 1855 году Академія Наукъ стала-было печатать словарь г. Чужбинскаго. Въ Харьковѣ, какъ извѣстно пишущему эти строки, къ 1858 году, уже былъ собранъ весьма объемистый словарь Малороссійскаго языка. Со всѣхъ краевъ Южной Руси доходили слухи, что такой-то и такой-то собралъ значительный

словарь и продолжаетъ собирать. Издатель »Ужинка« въ 1856 привезъ въ Москву большое собраніе словъ, собранныхъ его собственными трудами. Я посвящалъ значительную часть досуга своего на обработку этого словаря и довелъ количество словъ его до огромной цыфры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилъ вниманіе и на составленіе грамматики, надъ которою тоже долго и тщетно потрудихся. Главною помѣхою для окончанія работъ, надъ словаремъ и надъ грамматикою, было то, что до сихъ поръ не было человѣка, который бы, съ основательнымъ филологическимъ образованіемъ, соединялъ въ себѣ *близкое* знакомство со всѣми южнорусскими нарѣчіями, и притомъ, во время окончательной, по-крайней мѣрѣ, обработки, находился посреди народа для постоянной провѣрки записаннаго матеріяла. Каждый изъ дѣятелей украинской народности близко знаетъ одно—два нарѣчія, но не весь языкъ, въ полномъ его объёмѣ Этимъ же обстоятельствомъ объясняются и тѣ немилосердые упреки въ незнаніи, даже въ искаженіи народнаго языка, которые достается слышать, отъ своихъ и чужихъ, украинскимъ-писателямъ; этихъ упрековъ не избѣгъ и Квітка и Шевченко. О тенденціяхъ г. Максимовича и Н. Закревскаго относительно южнорусскаго языка и говорить нечего: это тенденціи, —какъ говорятъ—омоскалить южнорусскій языкъ, какъ тенденціи иныхъ—ополячить его. Г. Куцого за́просто называютъ »творцемъ неукраинскаго литературнаго языка и перемалёвщикомъ родного слова« . Но вотъ, *Основа* и г. Кулішъ старались уклониться отъ всякой крайности, неомоскалить и неополячить родной языкъ,—но и они не избѣжали обвиненій: г. Шейковскій — новый, юный любитель украинской народности, входитъ въ такой азартъ при мысли о »топорности« языка г. Куліша, что печатно объявляетъ этого почтеннаго дѣятеля южнорусской литературы »некомпетентнымъ судьею« относительно малороссійскаго языка, потому-де, что »онъ мало знаетъ южнорусскій языкъ, *чтобъ не сказать болѣе*«; далѣе производитъ, на этомъ же основаніи, г. Куліша въ »Тредьяковскіе нашего времени«, а журналу *Основѣ* даетъ *благой* совѣтъ »основательнѣе изучить южнорусскій языкъ« (1). Говорю—*благой* совѣтъ, потому что дѣйствительно каждому изъ насъ, неисключая *даже и самого* г. Шейковскаго, не мѣшаетъ, и очень таки не мѣшаетъ, основательнѣе изучить южнорусскій языкъ, да уже потомъ, коли наука впрокъ пойдетъ, да не отпадетъ охота »ла́ятьця«, — читать поученія и другимъ, кто давно опередилъ насъ.

---

(1) Словарь Южнор. языка, Шейковскаго, стр. XIII, XV.

Я не намѣренъ защищать ни языкъ г. Куліша, ни языкъ *Основы* (если такъ можно назвать языкъ различныхъ сотрудниковъ этого журнала), но не могу не указать молодымъ моимъ собратамъ на солидный тонъ *Основы*, какъ на *благой* примѣръ, достойный подражанія. Нашей братіи *немѣшаетъ* хоть на время поучиться спокойствію и незаносчивости. Вѣдь до сихъ поръ, сколько мнѣ помнится, *Основа* ни разу не рѣшилась свысока осуждать чей-либо языкъ, вѣроятно потому именно, что считаетъ дѣломъ преждевременнымъ и легкомысленнымъ гремѣть бездоказательными приговорами, когда не создалась еще сколько нибудь опредѣленная мѣрка для суда. »Тѝха вода́ греблі рве« и »по́вний ко́лосъ до землі гне́тця, а пусти́й до-гори́ стерчи́ть.« — Къ чему, подумаешь, эти торопливые и бездоказательные, юпитеровскіе приговоры надъ произведеніями южнорусской литературы, которые щедро расточаетъ г. Шейковскій — и гдѣ же? — въ-предисловіи къ словарю! Отчего авторъ словаря такъ видимо торопится высказать свои *новыя* мнѣнія и соображенія? Объяснить себѣ это возможно только при ближайшемъ знакомствѣ съ состояніемъ нашей литературы вообще и изслѣдованій по южнорусской народности и ея языку въ особенности. Здѣсь съ одной стороны почти нетронутая наукою почва, вызывающая на изслѣдованія, на разработку, съ другой — новость дѣятельности и юность дѣятелей, изъ числа коихъ нѣкоторые — люди безъ прочной, не только научной, но и просто жизненной, подготовки, да при томъ — пылкіе и характерные южане. Отсюда съ одной стороны — крайняя нетерпимость при рѣшеніи самыхъ мелочныхъ вопросовъ: употребленіе, напримѣръ, въ письмѣ *ъ*, *ы* или *и*, неправильное употребленіе или объясненіе малороссійскаго слова, неудовлетворительный слогъ новаго писателя — обыкновенно выводитъ этихъ дѣятелей изъ себя, какъ будто совершено какое-то тяжкое преступленіе противъ истины, да притомъ нанесено этимъ личное оскорбленіе тому или другому изъ нихъ; съ другой стороны, естественное стремленіе дорожить своими убѣжденіями и стремленіе къ извѣстности, легче обыкновеннаго могутъ переступать границы благоразумія, и переходить въ стремленіе »сла́ву перейма́ти«, »на міда́ні гро́ші сла́ви добува́ти«. Тутъ-то »що голова́, то й ро́зумъ!«

Впрочемъ, это судьба всякой зачинающей литературы и всякой работы: покамѣстъ не выработается *общее*, обыкновенно случается, что

Всі поко́ю щи́ро пра́гнуть,
Та не въ о́динъ гужъ всі тя́гнуть:
Той направо, той наліво,
А все бра́ття: — то́-то ди́во!

Но мы отдалились отъ своего дѣла.

Полтора года тому назадъ г. Кулішъ, получа свѣдѣнія о томъ, что многіе, какъ и онъ самъ, занимаются составленіемъ южно-русскаго словаря, обратился къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ приглашеніемъ соединить собранные ими матеріялы въ однѣхъ рукахъ для окончательной обработки и изданія. Несмотря на только-что упомянутое мною свойство нашихъ дѣятелей, вѣроятно, многіе согласились бы на это предложеніе, еслибы г. Кулішъ не предложилъ слишкомъ громадный планъ для будущаго южно-русскаго словаря, планъ, выполненіе котораго оттянуло бы появленіе въ свѣтъ этого словаря еще лѣтъ на десять; именно: г. Кулішъ предполагалъ создать словарь не только нынѣшняго малороссійскаго языка со всѣми его нарѣчіями и подрѣчіями, но и словарь нашего древняго литературнаго языка, имѣвшаго множество словъ, созданныхъ или образованныхъ въ XVI и XVII вѣкѣ въ духѣ малороссійской народности, или взятыхъ прямо изъ живой рѣчи того времени, но впослѣдствіи утраченныхъ народомъ, или же существующихъ и доселѣ, но въ иныхъ формахъ. При этомъ, конечно, должны были быть соблюдены всѣ требованія новѣйшей лексикографіи. Подобный словарь тогда только былъ бы у насъ возможенъ, когда бы наша южно-русская литература была уже значительно разработана и существовали бы какіе нибудь словари областныхъ южнорусскихъ нарѣчій; но на древнюю юго-западную литературу только-что теперь обратили вниманіе и даже еще не приступили серьезно къ ея разработкѣ; самый объемъ и составъ ея не приведенъ еще въ должную извѣстность; съ другой стороны, словарей южнорусскихъ нарѣчій не только еще не существуетъ въ печати, но — кажется — и въ рукописяхъ, потому что первые составители словарей обыкновенно заботятся составить не спеціальный словарь какого-нибудь нарѣчія, а общій—всего языка. Это послѣднее стремленіе господствуетъ и у южнорусскихъ дѣятелей, хотя общій (литературный) южнорусскій языкъ еще не опредѣлился и, стало быть, повидимому раціональнѣе было бы каждому составителю заняться составленіемъ спеціальнаго словаря родного ему нарѣчія. Но дѣло-то въ томъ, что упрямая дѣйствительность всегда живетъ своимъ умомъ, очень рѣдко слѣдуетъ нашимъ раціональнымъ совѣтамъ, и въ послѣднемъ случаѣ предпочитаетъ начинать прямо съ общаго, и только мѣстами означать частность. Принимая все это во вниманіе, конечно, слѣдуетъ считать прекрасный планъ словаря г. Куліша преждевременнымъ, непрактичнымъ. Отчетливое выполненіе такого плана, возможное въ Герма-

ніи относительно нѣмецкаго языка, едва въ настоящее время дѣлается у насъ возможнымъ (и то при огромныхъ усиліяхъ)—для Великорусскаго языка; ergo, рѣшительно невозможно для южнорусскаго, гдѣ—какъ мы выше уже замѣтили—не только еще не разработана древняя югозападная литература и весьма (?) разнящіяся между собою южнорусскія нарѣчія, но какъ то, такъ и другое не приведено даже въ должную извѣстность. Пока настоитъ крайняя нужда въ обыкновенномъ полномъ словарѣ живого южнорусскаго языка, хотя бы даже безъ отчетливаго указанія мѣстностей, которымъ принадлежитъ то или другое слово. Какъ бы ни было, но г. Кулішъ печатно наконецъ объявилъ о приготовленіи имъ къ изданію южнорусскаго словаря. (Остался-ли онъ при прежнемъ своемъ планѣ, или нѣтъ, пишущему неизвѣстно.) Вслѣдъ за тѣмъ, г. Шейковскій, авторъ »Быта Подолянъ,« объявилъ въ »Кіевскомъ Телеграфѣ«, что онъ приступаетъ къ печатанію южнорусскаго словаря. Но покамѣсть г. Шейковскій готовилъ изданіе свое другой кіевлянинъ, Н. Закревскій, не предупреждая никого, напечаталъ своего »Старосвѣтского Бандуристу« съ »словаремъ малороссійскихъ идіомовъ«, словаремъ болѣе объемистымъ, чѣмъ какой-либо изъ словарей, прилагавшихся доселѣ къ малороссійскимъ изданіямъ.

Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, всякій трудъ относительно Малороссіи — благодать Божія. Какими бы недостатками онъ ни изобиловалъ, только проникнутъ былъ бы вѣрою въ свое дѣло, а то (какъ бывало въ Запорожьи) — »перехрестись, та й до куріня!« Вотъ хоть бы, напр., сборникъ г. Закревскаго: по многимъ понятіямъ и матеріаламъ, ему слѣдовало бы явиться по крайней мѣрѣ лѣтъ 20 тому назадъ; но онъ явился въ 1861 году и, несмотря на нѣкоторые недостатки, оказывается трудомъ не только не лишнимъ, но даже весьма и весьма полезнымъ. Сборникъ этотъ весьма мало представитъ новаго для человѣка, постоянно интересовавшагося Малороссіей и хорошо знакомаго съ тѣмъ, что писано было о ней; но много-ли у насъ такихъ людей? Правда, въ наше время явилось много людей интересующихся Малороссіей; но гдѣ имъ рыться по различнымъ изданіямъ для отысканія того, что малороссійскаго издано было въ свѣтъ? А здѣсь они встрѣтятъ, напримѣръ, собраніе всѣхъ, или почти, всѣхъ *изданныхъ* малороссійскихъ пословицъ и даже небольшое количество пословицъ, никогда не появлявшихся въ печати; здѣсь найдутъ они и порядочное собраніе загадокъ и собраніе общихъ (несовсѣмъ, правда, основательныхъ) свѣдѣній и понятій о малороссійской народности и языкѣ, и наконецъ словарь въ одинад-

цать слишкомъ тысячъ словъ. Польза такого труда несомнѣнна. Достоинства его равно и недостатки, (которыми онъ изобилуетъ), ясны для каждаго, съ перваго взгляда. Почтенный составитель »Старосвѣтскаго Бандуриста« полагаетъ, напримѣръ, что »приличнѣе и правильнѣе было бы называть малороссійскій языкъ — *нарѣчіемъ* русскимъ, такъ какъ оба языка суть вѣтви одного великаго Славянорусскаго племени, связанныя существенными узами, а именно: одинаковостью (единствомъ?) религіи и языка, въ которомъ, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, явились съ теченіемъ времени иные обороты и даже чуждыя выраженія для языка Русскаго,« что,« несмотря однако на это различіе, языкъ обѣихъ отраслей остался въ *сущности одинаковымъ*, потому что какъ Великорусъ, такъ и Украинецъ, безъ труда другъ друга понимаютъ, *чего* не было бы возможно безъ одинаковости языка«. Дѣйствительно, не неправильно было бы назвать южнорусскій, какъ и великорусскій языкъ, русскими нарѣчіями; но что́ вы будете дѣлать съ упрямою практикою! Вотъ, почтенный Шафаринъ чрезвычайно правильно назвалъ всѣ Славянскіе языки нарѣчіями; такъ бы кажется и слѣдовало ихъ называть, такъ нѣтъ: никто его не слушается, и мы поневолѣ продолжаемъ говорить: Польскій, Чешскій, Словацкій, Русскій (Великорусскій), Южнорусскій »языкъ.« Бѣда, та и только: и ту́та нема́ намъ во́лі! Связали съ словомъ языкъ свое какое-то понятіе о степени самостоятельности, опредѣленности, о степени развитія личности нарѣчія, да и даютъ это названіе кому заблагоразсудятъ, а признать такою личностью они теперь готовы чуть не каждаго человѣка, не то что какое-нибудь разнорѣчіе! Впрочемъ, и доказательства, приводимыя г. Закревскимъ, не такъ прочны, чтобы въ этомъ случаѣ могли сколько-нибудь поколебать силу »употребленія,« практики. Великороссіянинъ и Поднѣпровскій Южнорусъ понимаютъ другъ друга безъ большого труда; но вѣдь также безъ большого труда понимаютъ другъ друга не только Болгаринъ Серба пограничныхъ областей, но даже гдѣ-нибудь подъ Адріанополемъ — Грека и Турка; Полякъ и Червонорусъ, или Южнорусъ сѣверозападной части Волыни, частію также безъ труда понимаютъ другъ друга. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ многое, но никакъ не то, что Южнорусскій языкъ »приличнѣе и правильнѣе было бы назвать нарѣчіемъ.« Далѣе, нельзя согласиться и съ тѣмъ, что на южнорусскій языкъ, или нарѣчіе, должно смотрѣть, какъ на нарѣчіе недавно образовавшееся изъ Славянорусскаго, подъ вліяніемъ какихъ-то (повидимому недавнихъ) *политическихъ условій*, — вѣроятно, подъ вліяніемъ преимущественъ-

но Польши, потому что (какъ далѣе увидимъ) составитель »Старосвѣтского Бандуристы« черезъ чуръ большое значеніе даетъ этому вліянію, хотя въ одномъ мѣстѣ (стр. 251) и говоритъ, что »Полякамъ не удалось обезобразить ни языка, ни вѣры Малороссіянъ«. Языкъ, какъ и типъ народа, не скоро теряетъ свой основной видъ. Двухъ-сотъ лѣтъ даже сильнаго вліянія, смѣси,—недостаточно для этого. Къ какому времени относитъ г. Закревскій то состояніе Южноруссовъ, когда они не отличались, или почти неотличались, отъ Великоруссовъ? Ко времени Ярослава I, Владиміра святого? Отвѣта на этотъ вопросъ г. Закревскій не даетъ. Въ XV вѣкѣ Малороссіяне являются намъ съ тѣмъ же типомъ и, судя по слѣдамъ вліянія народной рѣчи на литературный языкъ, съ той же физіономіею языка, какую онъ сохранилъ и доселѣ. Стало быть типъ и языкъ малороссійскій образовались прежде XV вѣка. Когда же? во время татарскаго ига, до XV вѣка? Но до XV-го вѣка вліяніе Польши на южнорусское племя не могло быть значительно. Стало быть, типъ и языкъ малороссійскій образовался, быть можетъ, подъ вліяніемъ Татаръ? Но вѣдь ближайшее къ Ордынцамъ, великорусское племя, подвергавшееся даже сильной *смѣси* съ Татарами, сохранило, говорятъ, свой основной типъ и физіономію языка: какимъ же образомъ южнорусская половина Славяноруссовъ успѣла такъ жестоко пострадать въ такое короткое время? Одно изъ двухъ: или нужно согласиться съ удивительною гипотезою почтеннаго академика (г. Погодина), что Малороссіяне, хотя наиболѣе близкое изъ Славянскихъ племенъ къ Великорусскому и Русское же племя, но оно долго жило гдѣ-нибудь между Чехи и Лехи—у Карпатъ, и только въ XIII вѣкѣ явилось во святую Русь, или же Малороссіяне имѣли тотъ-же типъ и тотъ-же языкъ до Татаръ, даже тогда, когда кричали Перуну: »видибáй, бóже!« Быть можетъ, время Хазаръ, Варяговъ, время Владиміра и Ярослава, оказало, въ-совокупности, нѣкоторое вліяніе на измѣненіе языка и типа Южнорусскаго, но немогло же оно, какъ и время борьбы съ Польшею, слишкомъ измѣнить ихъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что образованіе Великорусскаго (вѣдь не остался же онъ исконнымъ) и Малорусскаго типа и языка совершилось до прихода этихъ племенъ въ нынѣшнюю Россію, и быть можетъ еще во время зарожденія разныхъ Славянскихъ языковъ, т. е. во время распаденія Славянскаго языка на нарѣчія. Покрайней мѣрѣ, типы Даковъ на Траяновой колонѣ ясно говорятъ намъ, что въ I вѣкѣ нашей эры существовалъ уже совершенно особый типъ Великоруса и типъ Малорусса.

Кромѣ всего этого, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что несо-

всѣмъ справедливо сопоставляли Малороссійскій языкъ только съ Великорусскимъ да съ Польскимъ. На самомъ дѣлѣ этотъ языкъ, послѣ Великорусскаго, ближе всего подходитъ къ Словацкому и Чешскому, и *затѣмъ* уже къ Польскому языку. Если къ польскому Малороссійскій языкъ приближается только по корнямъ, по словамъ, т. е. по матеріялу рѣчи, то къ Словацкому и даже Чешскому и по корнямъ словъ и по законамъ фонетики, и даже по синтаксическому строю. Если бы наше образованное общество было также хорошо знакомо съ этими языками и западными южно-русскими нарѣчіями, какъ знакомо оно съ языкомъ русскимъ, польскимъ и кое-какъ съ ближайшимъ къ Великой Россіи нарѣчіемъ малорусскимъ, то оно давнымъ-давно отказалось бы отъ китайской тенденціи—считать все отъ срединной имперіи, перестало бы считать южнорусскій языкъ отщепенцемъ великорусскимъ, опоганеннымъ вліяніемъ Польши, и увидѣло бы въ нашемъ Южанинѣ совсѣмъ иной народъ, рѣзко отличающійся отъ другихъ славянскихъ племенъ, народъ съ своимъ особымъ типомъ, особымъ характеромъ и *языкомъ*, а не нарѣчіемъ; тогда, быть можетъ, оно стало бы объяснять близость малороссійскаго языка къ велико-русскому чѣмъ-нибудь въ родѣ девятисотлѣтняго вліянія на оба нарѣчія церковно-славянскаго языка.

У почтеннаго составителя »Старосвѣтского Бандуристы, не рѣдко встрѣчаются и другія подобныя мысли. Такъ, напримѣръ, на стр. VII, гл. II »О Малоросс. пѣсняхъ« онъ говоритъ: »что́же касается до такъ называемой древности нашихъ южно-русскихъ пѣсень, то онѣ, по моему мнѣнію (можетъ быть, и ошибочному) очень нестары. Весьма не многія принадлежатъ XVII в., или въ теченіи времени въ устахъ народа, вѣроятно, поновлены; *большая же часть сочинена въ прошломъ столѣтіи.*« А въ другомъ мѣстѣ (»нѣсколько словъ о движеніи мелодіи«, с. 133) прибавляетъ: »До тоническихъ стиховъ мы теперь не касаемся; потому что *всѣ Украинскія* народныя *пѣсни сочинены, по образцу Польскому, силлабическими стихами (?!)*. Возражать на первую мысль довольно трудно, тѣмъ болѣе, что авторъ никакихъ доказательствъ не высказываетъ, а только прилагаетъ небольшое собраніе всѣмъ извѣстныхъ по разнымъ изданіямъ пѣсень, — собраніе, отличающееся *весьма плохимъ* выборомъ варьянтовъ и самихъ пѣсень. Однако и между этими новосочиненными пѣснями, и что ни-на-есть худшими варьянтами народныхъ пѣсень, вы встрѣтите опроверженіе мысли г. Закревского. Такъ напр. прекрасная пѣсня № 133 »Тройзілле« сохранила явныя слѣды миѳологической древности.—Вторая мысль, что всѣ украин-

скія народныя пѣсни сочинены, по образцу польскому, силлабическими стихами, не заслуживаетъ и возраженія.

Подобныя убѣжденія управляли авторомъ и при составленіи »Словаря малороссійскихъ идіомовъ« . Всѣ слова невеликорусскія онъ, повидимому, считаетъ заимствованными, преимущественно изъ Польского языка, какъ то: панъ, добродѣй, скриня, коваль и т. под.; какъ-будто оба русскіе языка не имѣютъ, напр., корней кры (скрыть, крыть), ку (ковать, кую), какъ-будто безъ участія польского языка одно изъ русскихъ нарѣчій не могло образовать такія слова, какія не существуютъ почему-либо въ другомъ. Отсюда, съ одной стороны, весьма полезный пріемъ при составленіи словаря — означать и соотвѣтственныя польскія слова, съ другой— односторонность и неправильное объясненіе (переводъ) малороссійскихъ словъ; какъ напр., рабова́ніе, П. Rabunek, Нѣм. Raub — *порабощеніе, грабительство*; рабовати, П. Rabować, rabuię — порабощать, грабить, опустошать; между тѣмъ, тутъ же приводится примѣръ изъ старинной литературы: »Не для рабованья и обиранья городовъ нашихъ«, и выше напечатана пѣсня № 20:

Годі, годі, козаченьку въ обозі лежати:
Ой, ходімо підъ Гусятинъ Жидівъ *рабовати*.
Та въ пятницю до-полудня Жидівъ рабовали;
А въ суботу въ Иванковцяхъ худобу збірали.

Да наконецъ русское и нѣкоторыхъ мѣстъ малороссійское *грабить*, малорусское *грабовати* (съ сохраненіемъ начальнаго *г*), ясно должно было бы указать, что слово *рабува́ти* имѣетъ первое значеніе не порабощать, (работать), а *грабить*, и едва-ли гдѣ у насъ соединяется съ нимъ понятіе порабощенія. Такъ точно слово »придки« (предки) у него сближается не съ древнимъ славянскимъ и русскимъ »предокъ«, предки, а съ Польскимъ przodek; откуда взято имъ и правописаніе этого слова »продки«, — какъ будто церковно-славянское и древне русское *е* не переходитъ въ южно-русскомъ языкѣ въ *и* мягкое. — Впрочемъ, неправильное объясненіе словъ у г. Закревскаго встрѣчается и безъ участія Польскаго языка. Такъ, напр., про́чка онъ переводитъ: *прокъ, покой*, убѣжище, 2) удивленіе и т. д.; Между тѣмъ, какъ здѣсь же находятся у насъ слова: *прочáне* — захожіе, чужіе, выходцы, и *про́чки, прічки* — уменьш. отъ *пріч* — вонъ: »геть прічки відъ мене«, »Противъ нічки помандрувавъ козакъ прічки« или: отъ здырства и утеменженя бѣдныи люди, оставивши жилища, пошли въ *прочку* и въ заграничные Панства.«

Или: — *пригрустити* переводится имъ: *утъшать* вмѣсто пригрозить, наказать и т. д.; слово *бакша* — 1) гряда на огородѣ 2) негодная трава; напр. бакшу полоти; *баки* — ротъ: Воно ёму ні въ чімъ не повірить и *баки* ёму забье; или сл. ляща́ти (ажъ. по за ушами залящало) — раздаваться (?); *памо́рки* — разсудокъ; *личманъ* — 1) особое состояніе людей въ простомъ быту (?) 2) родъ медалей, 3) П. liczman — сосчитанныя деньги, 4) счетоводъ и т. д.

О правописаніи г. Закревскій держится того мнѣнія, что такъ-какъ »существенное (и самое естественное) правило въ правописаніи есть то, чтобы оно основывалось на коренныхъ свойствахъ языка и было общепонятнымъ, и какъ *правописаніе библейское* болѣе или менѣе извѣстно уже всей Малороссіи, то согласно Церковно-Славянскому языку, при всякой перемѣнѣ (въ склоненіяхъ и спряженіяхъ) *удерживай коренную букву даннаго слова*, какъ бы она иначе ни выговаривалась. »Тогда (по его мнѣнію) будетъ однообразіе и для каждаго понятно (?). Въ противномъ случаѣ, (продолжаетъ онъ) нѣтъ общаго *основанія* (?), а безъ него *ни Грамматики*, ни Словаря (!)« Вслѣдствіе чего г. Закревскій держится того правописанія, которое хотѣли ввести г. Максимовичъ и нѣкоторые другіе: пиши *е, о, у, и* съ знаками ^ , выговаривай *и, ы* и т. под. Такимъ образомъ, »и сѣно цѣле и козы сыты«, заключаетъ почтенный авторъ *Старосвѣтскаго Бандуриста. Розумному досить*, а мудрствующему скажемъ, что при такомъ правописаніи Малороссіяне будутъ читать всегда сообразно своему народному выговору.«

Такъ-какъ у насъ литературный языкъ еще не выработался, а стало быть не установились еще опредѣленныя правила орѳографіи, то вольному воля: каждый можетъ держаться какихъ угодно ему правилъ; но этато именно неопредѣленность и вызываетъ насъ въ настоящую минуту сказать о той орѳографіи, которой держится г. Закревскій, двѣ, три небольшихъ замѣтки, такъ какъ здѣсь не можетъ быть мѣста большому трактату объ этомъ предметѣ.

Существенное, и самое *естественное*, какъ выражается г. Закревскій, правило въ правописаніи есть, безъ сомнѣнія то, чтобы писать такъ, какъ говоришь. Это правило строго соблюдали всѣ начинальники письменности и доселѣ его соблюдаетъ народъ, знающій только какое-нибудь опредѣленное начертаніе извѣстныхъ звуковъ, т. е. азбуку. *Неестественное* же, или искусственное правило правописанія есть то, чтобы постоянно соблюдать старинный способъ изображенія въ письмѣ того или другого слова и употребленія того или другого звука, и не обращать

большого вниманія на существующее въ настоящее время произношеніе этихъ словъ и звуковъ. Слѣдуя послѣднему правилу, литература всегда является не естественнымъ, а консервативнымъ элементомъ въ историческомъ развитіи языка. Благодаря такому свойству литературы у тѣхъ народовъ, гдѣ литературное преданіе жило непрерывно, произошли большія несообразности и затрудненія въ орѳографіи. Англичанинъ учитъ по азбукѣ, что *a* произносится такъ-то, а *i* — такъ-то; въ письмѣ же ему приказываютъ писать *a* тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдовало бы писать *e*, и простое *i* тамъ, гдѣ непремѣнно слѣдовало бы написать *ei* или *ai*, Французъ и доселѣ путается въ употребленіи въ письмѣ *ai*, *e*, *e muet*, *au* и *o* и т. д., какъ русскій человѣкъ въ употребленіи *ѣ*, *е*, *э*, *ъ*, удвоенія согласной и т. под. Согласенъ, что эти маленькія непріятности исторіи необходимы тамъ, гдѣ литературное преданіе сохранялось прочно, и такія маленькія непріятности, быть можетъ, даже не безполезны были для старинныхъ составителей грамматикъ; но вѣдь въ малороссійской литературѣ преданіе прервано, создается литература новая, народная, а не чужеземная и не аристократическая: создается она не для избраннаго меньшинства, а для всего народа, которому грамота и просвѣщеніе не такъ-то легко даются: девятьсотъ лѣтъ вертитъ онъ въ рукахъ болгарскую (ц.-славянскую) грамоту и до сихъ поръ едва-едва (и то рѣдкій изъ среды его) усвоилъ себѣ только ея азбуку, да нѣкоторые религіозные слова, — читать-то ее хотя и можетъ кое-какъ, но понимать — почти не понимаетъ и ни одного слова ея не напишетъ правильно. Стало-быть, условія новой южно-русской литературы, какъ и самая цѣль ея — облегчить для массы южнорусскаго народа средства и способы просвѣщенія, ставятъ ее въ иное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ находятся всѣ другія литературы. Зная эти условія, зная, что ни наша зачинающаяся литература, ни южно-русскій народъ, не имѣютъ прочнаго, обязывающаго литературнаго преданія, довольно трудно понять, съ какой стати удаляться намъ отъ *естественнаго* правила орѳографіи и стремиться обременять, запутывать ее (орѳографію) искуственными, для большинства трудно доступными и безполезными, правилами, основанными на производствѣ словъ? Развѣ для того, чтобы подражать другимъ и копировать чужую исторію даже въ отрицательныхъ ея результатахъ? »*Правописаніе Библейское*,« говоритъ г. Закревскій, »болѣе или менѣе извѣстно уже всей Малороссіи: стало быть, *согласно церковнославянскому языку удерживай коренную букву* даннаго слова, какъ бы она иначе ни выговаривалась.« Но Малороссіи болѣе

йли менѣе извѣстно не *правописаніе, а изображеніе буквъ* Кириловскаго и новаго, гражданскаго, письма. Хорошо, что г. Закревскому близко знакомо библейское правописаніе и самый языкъ церковно-славянскій знакомъ болѣе, чѣмъ родной;—ему легко, пиша по-малороссійски, помнить, какъ то или другое слово пишется по церковно-славянски и какія въ немъ коренныя буквы; но не всѣмъ же дана такая благодать: огромное большинство никогда такъ хорошо не владѣло древне-болгарскою грамотою и языкомъ, а въ послѣднее время и священное значеніе этого языка (какъ на Западѣ латинскаго) часъ отъ часу слабѣетъ. Какъ же быть этому бѣдному большинству? Вѣдь грамоту-то и правила правописанія мы теперь вырабатываемъ преимущественно для него, а не для гг. Закревского, Максимовича или для »Русскаго Вѣстника,« которымъ легко можно выучиться правильно писать и по-нѣмецки, и по-англійски и пожалуй даже по-китайски... Какъ это несчастное, менѣе всего доселѣ принимавшееся въ соображеніе, большинство можетъ догадаться, что *вівця* было когда-то *овенъ*, что *дідъ* было когда-то *дѣдъ*, или даже дьядъ, дьядо, и т. д., что *подія*, *добродій*, согласно церковно-славянскому правописанію слѣдуетъ писать *подѣя*, *добродѣй* и т. под.; легко ли ему догадываться даже, что стіл, піл, під, від, віз суть собственно: столъ, полъ, подъ, отъ, возъ, что *за-міжъ* собственно *за мужъ*, *огірок—огурокъ*, *огурецъ* и т. под. Какъ онъ можетъ, да и какая ему польза—*удерживать коренную букву даннаго слова, согласно церковно-славянскому языку?* Не разумнѣе ли будетъ, при установленіи *новаго* правописанія, заботиться о томъ, чтобы *повозможности* принаравливаться къ инстинктамъ этого большинства и приближаться къ естественнымъ правиламъ орѳографіи? Вѣдь и самъ г. Закревскій не можетъ исполнять своего предписанія и напр., мѣстоимѣніе тотъ, та, то, пишетъ не по ц.-славянски — *той* и т. д., а *тій;* стало быть, считаетъ необходимымъ въ иныхъ случаяхъ не слѣдовать ц. слав. орѳографіи. »Безъ сохраненія библейскаго правописанія, »говоритъ г. Закревскій,« не будетъ *общаго основанія*, а безъ него ни *Грамматики*, ни *Словаря*.« Кажи, Грицю, Богородицю! Развѣ Церковно-Славянскій языкъ не имѣетъ ни Словаря, ни Грамматики, ни общаго основанія? А вѣдь Славянскіе первоучители писали такъ, какъ говорили. Неужели почтенный издатель »Старосвѣтского Бандуристы« доселѣ не сроднился съ мыслію, что всякій языкъ и безъ участія ученыхъ имѣетъ свой словарь, свою стройную грамматику, и что грамматика не есть наука, учащая народъ правильно говорить на родномъ его языкѣ? Мы не смѣемъ даже сомнѣваться въ томъ, что эта азбука совре-

менной филологіи хорошо извѣстна г. Закревскому; а потому вышеприведенныя слова его объ общемъ основаніи, безъ котораго будто бы не возможны Грамматика и Словарь, объясняемъ себѣ такимъ-образомъ: авторъ доселѣ не оставляетъ »старосвѣтскаго« обыкновенія заботиться исключительно о пользахъ и удобствахъ (да и дѣйствительно ли еще это польза и удобство?) немногихъ избранныхъ и хорошо обезпеченныхъ, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ общей, всенародной: а потому, въ видахъ облегченія духовныхъ богачей, образованныхъ и ученыхъ людей, изучающихъ южно-русскій языкъ, предлагаетъ сдѣлать налогъ на весь народъ — заставить его и теперь и впослѣдствіи писать согласно правописанію чуждаго и мертваго языка, — стало быть, учась грамотѣ постоянно заниматься *изученіемъ* едва-ли нужнаго ему языка, а свой родной искажать на образецъ этого языка. Это-то и значитъ по мнѣнію нашего почтеннаго кіевлянина: »и сіно ціле и кози ситі«, или, вѣрнѣе, и кози цілі и вовки ситі.«

Напрасно ищетъ г. Закревскій общаго основанія для нашей орѳографіи, грамматики и даже для словаря, въ ц. славянскомъ языкѣ и въ библейскомъ (какъ онъ выражается) правописаніи. Конечно, пишущій грамматику какого бы то нибыло изъ Славянскихъ языковъ, Малороссійскаго же тѣмъ болѣе, не можетъ не обращаться къ этому древнѣйшему изъ славянскихъ нарѣчій, для уясненія послѣдовательнаго развитія той или другой формы, того или другого звука, и въ этомъ смыслѣ можно отчасти принимать его какъ бы за общее основаніе (хотя и это не будетъ вполнѣ справедливо); но каждый языкъ, въ какой бы вы его моментъ ни взяли, представляетъ самъ по себѣ отдѣльное, полное цѣлое, имѣющее свое собственное *общее основаніе*, свою опредѣленную, ясную грамматику и такой же словарь, такъ-что еслибы намъ и небылъ извѣстенъ ц.-славянскій языкъ, то все таки можно было бы составить отчетливую грамматику языка.

Стало быть—общаго основанія малороссійскаго языка всего разумнѣе искать въ самомъ этомъ языкѣ.

Иное дѣло, еслибы г. Закревской сказалъ, что мы доселѣ еще не вполнѣ уяснили себѣ общее основаніе южнорусскаго языка, какъ совокупности всѣхъ южнорусскихъ нарѣчій, что мы ощущаемъ, стремимся къ тому, но за слабостью, быть можетъ, инстинкта централизаціи у южноруссовъ и за склонностью ихъ къ развитію личности, доселѣ еще не вполнѣ имъ овладѣли: — въ этомъ случаѣ г. Закревскій былъ бы отчасти правъ. Дѣйствительно, до сихъ поръ еще не образовалось у насъ среды, связы-

вающей всѣ эти нарѣчія, не образовалось общаго (или вѣрнѣе — господствующаго) литературнаго языка. Нынѣ употребляемый нашими писателями языкъ есть только нарѣчіе поднѣпровскихъ Южанъ и преимущественно подрѣчіе »цебічне«, какъ назвалъ г. Куцый языкъ этой стороны Днѣпра. Этому-ли нарѣчію, ближайшему къ великорусскому языку, суждено взять верхъ и лечь въ основу будущаго литературнаго языка, или какому нибудь изъ другихъ входящихъ въ него элементовъ, или же наконецъ каждое нарѣчіе будетъ имѣть свой литературный языкъ — одному Богу извѣстно. И такъ, дѣйствительно, для почтенныхъ старинныхъ грамматиковъ нѣтъ еще привычной, необходимой для нихъ, готовой опоры — общаго литературнаго языка, и имъ, чтобы не путаться, необходимымъ кажется »начинать отъ печки« — искать этой опоры, этого общаго основанія или въ литературномъ великорусскомъ, или въ позднѣйшемъ ц. словянскомъ языкѣ. Но современному филологу, изучающему южнорусскія нарѣчія, легко и безъ этихъ подпорокъ опредѣлить законы южнорусскаго языка и общее его основаніе. Понятная вещь, однако, что разумное уясненіе этого общаго основанія никакъ не удовлетворитъ желанію г. Закревскаго—не заставитъ всѣхъ употреблять одно и тоже правописаніе, не приведетъ къ желанному *однообразію*: покамѣстъ невыработался общій литературный малороссійскій языкъ, одни будутъ писать: *джорело*, *хоче*, *Бїг*, другіе — *джерело*, *хочить*, *Буг*, третіе — *жерело*, *хочеть*, *Богъ* и т. д.—Впрочемъ, г. Закревскій кажется самъ допускаетъ это разнообразіе; да и заботится-то собственно не о томъ, чтобы привести это разнообразіе къ однообразію.... О какомъ же однообразіи правописанія онъ говоритъ? А Господь его вѣдаетъ! кажется, объ однообразіи южнорусскаго съ литературнымъ великорусскимъ правописаніемъ, на сколько однообразіе это постижимо для образованнаго человѣка, — т. е. предлагаетъ сохранить ъ въ концѣ словъ, ѣ, е, у, о, ы, какъ они употребляются въ великорусскомъ правописаніи, хотя въ южнорусскомъ языкѣ и переходятъ въ *і* и *и* и т. д.; въ иныхъ же случаяхъ, гдѣ трудно даже значками натянуть слово на великорусское и ц. славянское правописаніе, разрѣшается употреблять букву, соотвѣтствующую звуку въ томъ или другомъ малороссійскомъ словѣ. Изъ этого, конечно, въ сущности выходитъ не однообразіе, а разнообразіе и путаница: »та за те воно по учёному«. — Мы уважаемъ исторію, уважаемъ и охранительный элементъ ея, а потому не можемъ не уважать и стремленія г. Закревкаго добыть для южнорусскаго правописанія историческую почву: эта почва болѣе всего благопріятствуетъ разумному и прочному раз-

витію, если принадлежитъ народу, составляетъ его прошедшее, если народъ, такъ-сказать, сидитъ на ней, какъ на корню; но какъ во многихъ другихъ, такъ въ-особенности въ этомъ случаѣ, не можемъ понять, съ какой стати, ради того, чтобы держаться чужой исторической почвы, обременять и запутывать исторію не только такими трудностями и несообразностями, какими тяготятся и тѣ, отъ кого заимствуютъ эту почву, но, какъ обыкновенно бываетъ при пересадкахъ подобнаго рода, даже увеличивать ихъ? не понимаемъ и того, почему не слѣдуетъ принимать во вниманіе, прежде всего явныя удобства, способности и средства самого того народа, для котораго издаются законы, или выработывается правописаніе? Нельзя же предполагать, чтобы все это дѣлалось изъ боязни способствовать, въ противномъ случаѣ, разъединенію членовъ одной семьи: извѣстно — что́ Богъ соединилъ, того намъ не разлучить, хотя бы даже мы, съ г. Закревскимъ, изо всѣхъ силъ старались объ этомъ. Естественныя коренныя стремленія общества и народа разрушатъ и не наши соломенныи преграды. Да и въ самомъ-ли дѣлѣ нами признаваемое *правило* орѳографіи ведетъ къ такому разъединенію? Если — *да*, то орѳографія гг. Закревскаго и Максимовича еще болѣе ведетъ къ тому же. Мы выше замѣтили, что нашъ народъ исторически усвоилъ себѣ не правописаніе и не языкъ ц. славянскій, а только азбуку — знаки извѣстныхъ звуковъ. Чѣмъ легче народъ можетъ выучиваться грамотѣ, — т. е. не только складывать звуки, читать, но и понимать читанное, — тѣмъ болѣе у него средствъ къ просвѣщенію, а стало быть и къ сближенію съ великорусской литературой, потому что выучившійся хорошо читать (т. е. читать и хорошо понимать) на своемъ языкѣ, безъ затрудненія можетъ читать и понимать писанное на языкѣ родственномъ, тѣми же буквами, но по иной орѳографіи. Правописаніе же, котораго держится г. Закревскій, правда, облегчаетъ великоруссу читать и понимать помалороссійски, но затрудняетъ и спутываетъ малорусса. »Розумному до́сить«, заключимъ мы словами г. Закревскаго, а для »мудрствующаго« прибавимъ, что народъ читаетъ *такъ*, *какъ написано*, и коверкаетъ это написанное совсѣмъ не по правиламъ, — какъ вѣроятно предполагаетъ г. Закревскій., — напримѣръ: *ко́нь* (по правописанію г. З.) онъ прочтетъ не *кінь*, а *кон*, *добродѣй—добродей*, *мое́й— моэй* или *моей*; *во́вця— вовця* и т. д.; потому что онъ привыкъ произносить буквы по принятой испоконь-вѣковъ на Руси азбукѣ, не знаетъ надстрочныхъ знаковъ и тогда только слово церковно-словянское, великорусское и даже малорусское, написанное по способу г. Закревскаго, произноситъ правильно

помалороссійски, когда пойметъ его и произнесетъ, не смотря въ книгу; а понять-то ему написанное по этому способу очень трудно.

Стремленіе навязывать нашему языку такое запутанное и сбивчивое правописаніе и »по ученому« разыскивать общее основаніе южнорусскаго языка за тридевять земель, тогда-какъ оно передъ глазами, можно объяснить себѣ тѣмъ, что многіе наши патріоты выросли или окончательно воспитались вдали отъ своего народа, — тѣмъ, что даже и родной языкъ имъ, какъ и великоруссамъ, понятнѣе становится сквозь призму господствующаго нынѣ въ великорусской литературѣ правописанія. Свое собственное впечатлѣніе и свои средства они потомъ приписываютъ и народу: имъ кажется, что и для него такъ будетъ понятнѣе и легче читать и даже писать.—Разумѣется, когда выработается у насъ одинъ общій литературный языкъ, тогда этотъ языкъ, и безъ заботъ старосвѣтскихъ малороссійскихъ дѣятелей, стѣснитъ народъ опредѣленными, свойственными ему, правилами орѳографіи; но тогда — дастъ Богъ — это стѣсненіе не прійдется ему такъ солоно, какъ предложенное »Старосвѣтскимъ Бандуристою«, потому-что грамотность у него конечно, уже разовьется въ значительной степени, и ему не будетъ такъ тяжело усвоивать родныя орѳографическія трудности.

Вотъ легкія замѣтки, которыя я почелъ необходимымъ сказать о проповѣдываемомъ г. Закревскимъ, и еще кой-чѣмъ, правописаніи.

Но какого бы изъ направленій, существующихъ между южнорусскими дѣятелями, ни держался г. Закревскій, какъ бы ни были ошибочны многія его мнѣнія,—все это не уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ значенія и достоинства его книги, какъ сборника многихъ полезныхъ свѣдѣній и матеріяловъ. Въ настоящее время мы менѣе, чѣмъ когда-нибудь, можемъ давать значенія частнымъ мнѣніямъ и даже направленіямъ, которыми испещрено наше небольшое общество, и болѣе чѣмъ когда-либо обязаны цѣнить добросовѣстную передачу фактовъ и стремленіе облегчать пользованіе ими: а это-то именно и составляетъ цѣль и характеръ »Старосвітськаго Бандуристи«. Недостаточность или невѣрность передачи и объясненія того или другого факта, конечно, не есть слѣдствіе умышленнаго желанія искажать его, или нежеланія потрудиться лишній часъ, а слѣдствіе того же, отчего, быть-можетъ, авторъ примкнулъ къ направленію нашихъ »москвофиловъ« — это тридцати-трехъ-лѣтнее пребываніе вдали отъ родины.... Этимъ почтенный авторъ объясняетъ (на стр. 614) неполноту своего »словаря малороссійскихъ идіомовъ«.

Этотъ словарь есть единственный въ всемъ сборникѣ самостоятель-

ный трудъ г. Закревскаго; все остальное (какъ мы выше замѣтили) есть собраніе въ одно цѣлое прежде изданныхъ трудовъ разныхъ собирателей, съ немногими добавленіями самого г. Закревскаго.

Собрать 11,127 малороссійскихъ идіомовъ (1) (безъ производныхъ словъ), хотя бы даже изъ печатныхъ источниковъ, объяснить ихъ и издать — трудъ почтенный, за который всѣ, занимающіеся изученіемъ малороссійскаго языка, въ-особенности великорусскіе филологи, немогутъ не быть благодарны г. Закревскому. Но эти 11 тысячь идіомовъ (между которыми не мало словъ взято изъ недавно-изданныхъ писателей старой нашей литературы) едва ли составляютъ четвертую часть даже тѣхъ малороссійскихъ словъ, которыя угодно г. Закревскому называть идіомами. Необходимъ новый, менѣе тощій, словарь.

»До готовоі колодіі добре огонь підкладати«, заключаетъ г. Закревскій, желая счастія и успѣха своимъ преемникамъ по составленію южнорусскаго словаря. Но юное поколѣніе, въ лицѣ г. Шейковскаго, недождавшись появленія и этой »колоды«, не только заявило печатно о приготовленіи къ изданію южнорусскаго словаря въ 36 тысячь словъ, но даже издало недавно въ Кіевѣ 1-й выпускъ »Опыта южнорусскаго словаря« на буквы А и Б.

Ал. Гатцукъ.

---

(1) *Идіомами* г. Закревскій называетъ здѣсь такія южнорускія и употребляемыя южноруссами слова, которыя, чѣмъ-либо, рознятся отъ великорусскихъ, или суть не великорусскія. Слова *польскія*, нѣмецкія и латинстія, даже неупотребляющіяся теперь, и быть можетъ, никогда неупотреблявшіяся у народа — какъ: Эвекта, Эррата, Экскуза, безъ разбора взятыя изъ старинной нашей литературы, онъ считаетъ въ числѣ малороссійскихъ идіомовъ. По какому поводу г. Закревскій непожаловалъ въ *идіомы* тѣ малороссійскія слова, которыя одинаково употребляются и у малороссіянъ, какъ у великоруссовъ и другихъ славянъ — неизвѣстно.

О ПОДВИЖНЫХЪ ЗВУКАХЪ ВЪ МАЛОРУССКОМЪ ЯЗЫКѢ [1].

»Развитіе языка происходитъ мало-по-малу и всякое явленіе образуется аналогически по образцу прежнихъ.«

В. Гумбольдтъ. [2]

I. Характеристическіе *признаки* малорусскаго и великорусскаго языковъ — въ одномъ мѣстѣ извѣстной диссертаціи г. Каткова »объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка« (Москва, 1845.) — представлены — если можно такъ выразиться — въ яркомъ освѣщеніи. Считаемъ нужнымъ привести эту краткую, но мѣткую, характеристику:

Г. Катковъ (*стр. 92—93.*) говоритъ: »оба элемента, *небный* и *губной*, входя равно какъ въ систему гласныхъ, такъ и систему согласныхъ, и находясь между собою въ рѣшительной противуположности, оказываютъ ощутительное дѣйствіе на цѣлый характеръ діалектовъ. — Я отвелъ названіе гортанныхъ отъ буквъ, которыя названы у меня небными (тоже у Павскаго) [3], ибо гортань способна только къ произношенію дыханія чистаго или свободнаго. Но буквы небнаго порядка, не будучи собственно гортанными, могутъ, въ большей или меньшей степени, имѣть гортанный характеръ.—Вообще можно сказать, по крайней мѣрѣ въ кругу славянскаго языка, что преобладаніе небнаго элемента въ нарѣчіяхъ наводитъ на нихъ гортанный характеръ, и наоборотъ: пре-

---

[1]) Сочиненія, которыми мы главнымъ-образомъ пользовались при составленіи этой статьи: *Павловскаго* »Грамматика Малороссійскаго нарѣчія«. Спб. 1818., *Лозинскаго* »Grammatyka jezyka Ruskiego (Mało-ruskiego)«. Перемышль. 1846., *Миклошича*: »Vergleichende Grammatik der Slawischen Sprachen« (малорусскіе отдѣлы). Вѣна. 1852, *г. Лавровскаго* »Обзоръ особенностей Нарѣчія Малорусскаго« — статья въ Ж. М. Н. П. 1859, іюнь.

[2]) Введеніе во всеобщее языкознаніе, переводъ Билярскаго. Спб. 1859. стр. 82.

[3]) г (=g), г (=h), к, х.

обладаніе противуположнаго элемента губнаго ослабляетъ и стѣсняетъ въ цѣлой системѣ звуковъ дѣйствіе гортаннаго дыханія. — Въ такомъ сильномъ діалектическомъ отношеніи представляются намъ два вида русскаго языка: *малорусское* и *великорусское* (не во всемъ однако объемѣ) нарѣчія. Въ малорусскомъ преобладаетъ элементъ небной, въ великорусскомъ-губной; въ первомъ любимая гласная *і*, во второмъ *о;* первое доселѣ не рѣшается допустить губное придыханіе *ф*, во второмъ (за исключеніемъ *новгородскаго* и *рязанскаго* разнорѣчій, которыя сближаются съ малорусскимъ, а новгородское служитъ даже какъбы переходомъ отъ малорусскаго къ великорусскому) почти вовсе нѣтъ г=*h*.»

II. Мы останавливаемся на переходѣ *о* въ *і*, — самомъ типическомъ въ малороссійскомъ языкѣ, ясно обнаруживающемъ преобладаніе въ немъ небнаго элемента надъ губнымъ въ системѣ гласныхъ, и задаемъ себѣ вопросъ: по какому закону происходитъ этотъ переходъ? Г. Лавровскій, въ своемъ »Обзорѣ особенностей нарѣчія малорусскаго« (Ж. М. Н. П. 1859. іюнь) развиваетъ мысль о неразрѣшаемости этого вопроса въ настоящее время.

На стр. 231—232, онъ говоритъ: »Звуки, относительно которыхъ высказано это правило (второе отличіе малорусскаго языка, у Шафарика — переходъ *о* въ *і*) представляютъ вопросъ совершенно еще не рѣшенымъ«. — *Нѣсколько ниже:* »Опредѣлить законъ, гдѣ допускается переходъ и гдѣ нѣтъ ему мѣста въ устахъ Малороссіянина, едва ли возможно при рѣзкомъ разнообразіи произношенія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ«.

На стр. 233: »Принимая въ соображеніе мѣстные говоры народные, слѣдуетъ замѣтить, что *переходъ о въ і находится въ порѣ продолжающагося еще развитія* и далеко не установившагося«.

Нѣсколько ниже: Какъ свойство, такимъ образомъ, еще не вполнѣ развившееся, быть можетъ, потому самому оно и представляетъ такъ много неопредѣленности и, по-видимому, произвола въ глазахъ языковѣда, отыскивающаго, для каждаго явленія въ языкѣ, опредѣленный законъ; между тѣмъ этотъ законъ легко обнаружится самъ-собою, когда явленіе достигнетъ полной зрѣлости и совершенно окрѣпнетъ.«

III (1). При флексіи словъ въ малороссійскомъ языкѣ обнаружили и обнаруживаютъ взаимодѣйствіе слѣдующія два противуположныя явленія:

(1) Въ »Обзорѣ особенностей нарѣчія малорусскаго« разсматривается переходъ *о* въ *і* особнякомъ. Въ предлагаемомъ краткомъ лингвистическомъ

1-е. Обнаженіе темы слова отъ окончанія или принятіе ею окончанія, состоящаго изъ согласной и гласной, и аналогическое съ нимъ выпаденіе гласной, составляющей окончаніе или первый слогъ его.

Имена м. и ж. родовъ, оканчивающіяся согласными, являются обнаженными отъ окончанія въ *им. ед.*

Имена ж. р. на *а*, *я*, и ср. на *о*, *е* въ *род. мн.*, глаголы первообразные, оканчивающіе тему согласными, — въ им. ед. *м. р. прошедшаго времени* (которое есть собственно причастіе, имѣющее им. ед. для каждого рода и им. мн. для всѣхъ родовъ). Тѣже глаголы принимаютъ въ пр. вр. окончанія ла, ло, ли (тёр, тёр-ла, тёр-ло, тёр-ли). Гласная *и* (ы)—окончаніе 2-го л. ед. пов. накл. и гласныя — первые слоги окончаній: *и-ю* (вин. падежа ед. именъ ж. р., оканчивающихся согласными), *а-ми* (тв. мн. всѣхъ родовъ), *і-мо*, *і-те* (1-го и 2-го лицъ мн. пов. накл.) выпадаютъ, если не останавливаютъ на себѣ ударенія (сип, сипмо, сип-те; глиб-ъю, грôш-ми)

2-е. Сохраненіе или вставка е и о бѣглыхъ и, развившееся въ языкѣ, по аналогіи съ нимъ, усиленіе ѣ и о въ е=і и ô=і (1)

очеркѣ — мы поставили этотъ переходъ на то мѣсто, какое онъ занимаетъ въ ряду другихъ аналогическихъ съ нимъ явленій. — Небной элементъ *і*, являющійся вмѣсто губного *о*, какъ его усиленіе и какъбы перезвукъ (umlaut), принадлежитъ къ системѣ гласныхъ, которыя мы называемъ *подвижными*. Эту систему составляетъ *е*, *о*, т. н. бѣглые и ѣ=і, ô=і. Къ подвижнымъ звукамъ принадлежитъ также л̂, звукъ колелюбщійся между *в* и *у* (хо́дл̂, хо-дй-ла, и т. п. Півтáва) *Усиленіе е и о въ ѣ и ô аналогично сохраненію или вставкѣ е и о — бѣглыхъ.* Мы старались провести параллель между этими явленіями, насколько она проходитъ во флексіяхъ м.-л. языка.

Къ этому считаю нелишнимъ сдѣлать еще слѣдующія два примѣчанія.

1) Къ именнымъ формамъ, образующимся флексіями, мы причисляемъ: падежи, какъ именнаго, такъ и мѣстоименнаго склоненій; къ глагольнымъ — наст. вр. (изъяв. накл.) и пов. накл. съ ихъ лицами. Кромѣ того прошедшее время съ его падежами.

2) Темы флексирующихся словъ оканчиваются или согласными или гласными. Въ послѣднемъ случаѣ, между послѣднею гласною темы и первою окончанія является согласная спайка і (іотъ). На этотъ і можно смотрѣть, какъ на послѣдній звукъ темы, и потому мы для упрощенія принимаемъ, что всякая тема оканчивается согласною.

(1) Павловскій, на стр. 2-й, говоритъ: »*о* въ односложныхъ рѣченіяхъ произносится какъ *і*. напр. сім, пін, біг, стіл; а ближайшіе къ Литвѣ и грубѣйшіе Малороссіяне выговариваютъ оное такъ, какъ *у* или *ю*, *мьшая будто съ і* (Umlaut), напр: куіт, пуін, руід, сюіл'. Г. Лавровскій переходъ

Бѣглыя *е* и *о* сохраняются (въ им. ед. онѣ соотвѣствуютъ большею частою *ь* и *ъ*) или вставляются между двумя послѣдними согласными темы, обнаженной отъ окончаній или принимающей окончаніе, состоящее изъ согласной и гласной.

Коренные *е* и *о* (мы называемъ ихъ такъ для отличія отъ бѣглыхъ) усиливаются въ ê и ô, находясь между послѣдними согласными темы, какъ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она обнажается отъ окончаній или принимаетъ окончаніе состоящее изъ согласной и гласной, такъ и въ тѣхъ, въ которыхъ выпадаетъ гласная, составляющая окончаніе или первый слогъ его.

Когда слово принимаетъ окончаніе, состоящее изъ гласной или изъ слога, состоящаго изъ гласной и согласной — ни вставки, ни усиленія гласныхъ не происходитъ.

Подтвердимъ наши положенія примѣрами:

1. *Им. ед:* ко-*зел*, коз-*ла*; *сон*, *сну*; Д'ні-*пер*, Д'ніп-*ро*; цер-*ков*, церк-*ва*; кра-*сен*, крас-*на*; *род. мн:* від-*ро*, ві-*дер;* мо-*лит-ва*, моли-*тов;* *пр. вр:* *пер*, *пер-ла*, *пру*; *тер*, *тру*; *мер*, мру, и проч.

2. *Им. ед:* пêч, пе-чи; нôч, но-чи; Ка-нêв, Канева; в-ôн, в'о-на; *род. мн:* се-ло, сêл; зо-ря, зôр; по-го-вôр — по-го-во-ру; пр. вр. вêз, ве-зу; во-лôк, во-лôк-ла, во-ло-чу.

Тв. на *и-ю:* пêч-чю, нôч'-чю, сôл'-лю

тв. на а-ми: грôш-ми (гро-ши),; *пов. накл:* стôй, стôй-мо, стôй-те; дôй, на пôй, и пр.

Итакъ, усиленіе *е* въ ê и *о* въ ô малороссійскій языкъ стремится провести въ цѣломъ строѣ своемъ параллельно (аналогично) сохраненію или вставкѣ *е* и *о* бѣглыхъ. Вслѣдствіе своей параллельности, эти явленія никогда не сходятся, т. е. *е* и *о* бѣглые никогда не усиливаются въ *ê* и *ô*.

о въ *і* представляетъ развившимся посредствомъ *у* и *и*. Мы этого вопроса не касаемся.

Къ этому можно присоединить еще замѣчаніе изъ статьи: »*Г. возводителю къ общеславянскому коренному звуку*« (Москвитянинъ 1843 г. № 5. На эту статью указываетъ Катковъ. Въ ней есть дѣльныя замѣчанія относит. перехода *о* въ *і*):

»Со стороны Великорусской, *Съверцы* (Черн. губ.) удерживаютъ *о*: кон', далѣе отъ нихъ къ Бѣлоруссамъ *о* переходитъ въ уі, уо, *у* и *ю:* куін'; куон', кун' и кюн'; со стороны Польши, у *Люблинцевъ*, *у:* кун', а у *Карпато-Руссовъ*, со стороны Словаковъ, Мадьяровъ, Волоховъ и Поляковъ, въ одномъ мѣстѣ *у*, въ другомъ уй, въ третьемъ *ю*, (франц. *и*), а въ четвертомъ *ы:* рук, руйк, рюк, рык (рок—годъ).

Слоги, происходящіе чрезъ соединеніе послѣдней согласной темы съ окончаніями—слогами, состоящими изъ *е*, *о* или *ѣ*, ô и согласнымъ, можно разсматривать, какъ темы, обнаженныя отъ окончаній и потому:

1.) Гласныя окончаній: ем, ом (тв. ед.), ем, ом и ев ов, (тв. ед. ж. р. въ червонорусскомъ нарѣчіи) (1), еш, ет' или ет. (2-го и 3-го лицъ ед. числа наст. вр.) можно разсматривать какъ бѣглыя (соединительныя), сохраняющіяся вслѣдствіе обнаженія темы отъ окончаній: ко-нем, волом, ду-шев, ру-ков, ве-зеш, ве-зет'.

2.) Гласныя окончаній ѣв, ôв (род. мн.) ôм, ôх (дат. и мѣст. мн. по червонорусскому нарѣчію) (2)—какъ усиленныя, вслѣдствіе обнаженія же темы отъ окончаній (3).

Когда слогъ ов является съ окончаніемъ *и* (какъ въ дат. ед.) или *е* (им. мн.) тогда усиленія *о* не происходитъ пес, псôв, псо-ві; козел, коз'-лôв, коз-ло-ві; сон, снôв; нôж, но-жѣв; кô'н, ко-нѣв; во-лôм, псôм, лі-сôх.

— Иногда *е* и *о* бѣглые при флексіи одного и того же слова играютъ и роль выпадающей гласной,—составляющей первый слогъ окончанія, состоящаго изъ гласной и согласной:

1) жнец', жен'*ця* (срав. ко-*нем*, кôн'-*ми*), швец', шев-*ця*, ве-лиґ-*ден'*, ве-ли-код'*ня* и пр.

2) о-вес, в'ôв-*са*; о-рел, в'ôр-*ла*; ко-нец', кôн'-ця, о-вец', в'ôв-*ця*.

IV. По какимъ техническимъ и интеллектуальнымъ требованіямъ языка (которыя всегда сходятся между собою) происходятъ разсматриваемыя явленія?

О вставкѣ *е* и *о* бѣглыхъ, Лозинскій, *на стр. 36—37*, говоритъ: »Samogłoski *e i o* zwykły się wkładać między spółgłoskami, które razem

---

(1) Эти окончанія выродились въ червонорусскомъ нарѣчіи, вѣроятно, подъ вліяніемъ польск. языка, оканчивающаго этотъ падежъ на ą.

(2) Относительно послѣднихъ двухъ окончаній ссылаемся на Лозинскаго и Миклошича.

Лозинскій, на стр. 47, говоритъ: zamjast am (дат. мн). używają niektórtzy om, ale tylko po miękkiej spółgłosce: ко-н'ом, гос'-'том; Wagilewicz cwierdzi, że w Halickiem często zamjast om-im mówją: во-лôм, псôм.«

Миклошичъ (см. Vormenlehre) говоритъ: Рѣдки дат. падежи мн. ч. на ом: о-лом, кон'ом, также рѣдки мѣстные мн. на іх, ох: лісіх, во-лох, ко-н'ох.

(3) То что мы сказали о флексическихъ окончаніяхъ, м. б. примѣнено и къ слово-образовательнымъ частицамъ: стек-ло, сте-кел'-це, по-кôр-ний, вло-во, слôв-це, сло-веч-ко; го-ло-ва, го-лôв-ка, го-ло-вон'-ка. (Гласныя въ частицахъ еч, он можно разсматривать какъ, бѣглыя). Тоже можно сказать и относ. предлоговъ, напр. без'в' ôд и пр., без н'ого в'ôд ного и пр.

wymówic trudno, gdy się zaś te spółgłoski rozdzielają lub na przybraną samogłoskę spływają, ustaję ta trudność, a włożone samogłoski nazad się opuszczają: пес, пса; пі-сок, піс-ку и т. д.« Слова съ бѣглыми *е* или *о*, явившись обнаженными отъ окончаній или принявши окончаніе, состоящее изъ согласной и гласной, безъ сохраненія или безъ вставки этихъ бѣглыхъ гласныхъ, представили бы трудное для выговора стеченіе согласныхъ (1). Бѣглыя *е* или *о*, сохраняясь или вставляясь между согласными темы, составляютъ изъ нихъ слогъ и тѣмъ-самымъ — если эти согласныя принадлежатъ къ слогу — разлагаютъ одинъ слогъ на два. Когда слово принимаетъ окончаніе, состоящее изъ гласной, или изъ слога, состоящаго изъ гласной и согласной, — роль бѣглой гласной принимаетъ гласная окончанія.

О переходѣ *е* и *о* въ ê и ô, Лозинскій, *на стр. 25—26*, говоритъ: »e, gdy jest pierwjastkową głoską słowa i bywa ścieśnione, t. j. gdy się na niém następująca spółgłoska opiéra, brzmi jak i: яч-мên', нêс, пêк, тêк. Jeżeli zaś to ścieśnienie ustaje, t. j. opiérająca się na e spółgłoska, od niego się oddziela, natenczas e swoje właściwe brzmienie nazad odzyskuje: яч-ме-ню, не-сла, пе-кла, текла. (Раскладка словъ: несла, пекла, текла на слоги: не-сла, пе-кла, те-кла—натяжка. Естественнѣе онѣ раскладываются на слоги: нес-ла, пек-ла, тек-ла. Въ этихъ формахъ *е* сжатое не перешло въ ê, по ряду съ приведенными встрѣчаются такія формы, какъ во-лôк-ла и т. п. Ненужно забывать, что переходъ *е* и *о* въ ê и ô находится въ порѣ продолжающагося еще развитія). Przyczyna, dla czego e ścieśnione jak i brzmi, jest następująca: i potrzebuje ścieśnienia ust, gdy tymczasem e otwartemi wyrabja się ustami; każda zaś prawie spółgłoska wymaga ścieśnienia ust; jeżeli więc e kończy słowo lub syłabę, nic nie przeszkadza szérszemu otwarciu ust: те-бе; jeżeli zaś po e spółgłoska następuje i na niém się opiera, to przeszkadza otwarciu ust, jakiego e wymaga; tym sposobem ścieśnia usta przy wyrajbaniu samogłoski e, a tak e na i przechodzi, które się ścieśnionemi wyrabja ustami» (2). Такое же объясненіе онъ употребляетъ и для *о* сжатаго.

---

(1) Трудны для выговора сочетанія *собственно согласныхъ* (mutae: *г, к, б, п, д, т,* и пр.), легки — сочетанія плавкихъ и т. п. *полугласныхъ* (*г, х, в, ф, з, с,* и пр.) съ собственно согласными (чорт, боршч и пр.)

Великор. языкъ больше терпитъ стеченіе согласныхъ, чѣмъ малороссійскій. Свидѣтельствомъ тому могутъ служить между прочимъ тѣ односложныя слова, на которыя, какъ на особенность м.-р. яз. сравнительно съ великор., указываетъ г. Лавровскій (лоб, рот и пр).

(2) Такое же объясненіе употребляется въ польскихъ грамматикахъ от-

На стр. 27, онъ приводитъ слѣдующее правдоподобное исключеніе: e nie odmienia swego brzmienia gdy następuje spółgłoska r, która wyrabjając sie li językiem nieprzeszkadza szérszemu ust otwarciu: верх, смерт', зер-но і t. d. Тоже онъ относитъ отчасти и къ *о*.

Слова съ коренными *е* и *о* между послѣдними согласными темы — какъ въ формахъ обнаженныхъ отъ окончаній или принимающихъ окончаніе, состоящее изъ согласной и гласной, такъ и въ тѣхъ, въ которыхъ выпадаетъ гласная, составляющая окончаніе или первый слогъ его безъ усиленія этихъ коренныхъ гласныхъ, — представили бы сжатые слоги (исключеніе: *е* не стѣсняется звукомъ р). Гласные *е* и *о*, усиливаясь въ ê и ô, дѣлаютъ эти слоги легкими для выговора. Когда эти слова принимаютъ окончанія, состоящія изъ гласной или изъ слога, состоящаго изъ гласной и согласной — гласныя окончанія, составляя съ послѣднею согласною темы слогъ, тѣмъ-самымъ разлагаетъ сжатый слогъ на два слога:

И такъ, усиленіе *е* и *о* въ ê и ô происходитъ, какъ и вставка *е* и *о* бѣглыхъ, по требованію благозвучія малороссійскаго языка для облегченія выговора слоговъ.

V. Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать свои замѣчанія на тѣ шаткія соображенія, которыя представилъ г. Лавровскій относительно перехода *е* и *о* въ ê и ô.

О переходѣ е въ ê въ «Обзорѣ особенностей нарѣчія малорусскаго упоминается мимоходомъ.

На стр. 231-й, г. Лавровскій говоритъ: »Довольно много есть словъ, гдѣ *і* смѣнило *а* и *у*, и еще больше случаевъ перехода *е* въ *і*, какъ вêл, мêж-ду, пі-ро (пе-ро), слêз-но« . *Е* въ словѣ пе-ро не есть звукъ сжатый, но *серединный* между *е* и *і*, какъ напр. въ-словѣ ме-ня ве-ликорусскомъ.

О переходѣ *о* въ ô, г. Лавровскій, *дѣлая приведенныя выше оговорки*, говоритъ:

Во 1-хъ, на стр. 233: »Рядомъ съ переходомъ *о* съ ударéніемъ въ *і*, малорусск. нарѣчіе заключаетъ въ себѣ множество словъ, въ которыхъ, при всей очевидности ударенія, *о* рѣшительно не допускаетъ перехода; и наоборотъ, не мало найдется и такихъ словъ, гдѣ подобный

носительно перехода сжатыхъ: *е* въ *é* (=і, ы) и *о* въ *ó* (=у). Въ великорусскомъ яз. (тоже и въ польск.) усиливается консонантизмъ сжимающей слогъ согласной: рôв, ро-ва, роф, рва; лôб, лоба, лоп, лба и пр.

переходъ существуетъ, хотя надъ о нѣтъ ударенія. Такъ Малороссіянинъ говоритъ: *без-мóз-кий*, без-ро-гий, во-ша, *год*, го-лий, го-луб, го-мо̂н, до-во-лі, до̀-сі, дох-лий, *дош-ка*, съ другой стороны: в'о̂к-но, в'о̂в-ця, гво̂з-док (*о* въ слогѣ док бѣглое) и т. п.

Изъ одиннадцати первыхъ словъ не подходятъ подъ нашъ законъ четыре. Но на ряду съ дох-лий встрѣчается и до̂х-лий, вмѣсто слова год употребляется чаще (въ Кіевс. губ.) ро̂к, ро-ку. Остаются: без-моз-кий и дошка.

Во 2-хъ, на той же стр: »Можно развѣ отдѣлить одну часть словъ, выговоръ которыхъ однообразенъ и опирается на твердомъ началѣ первоначальной долготы гласнаго *а*, развившагося въ русск. языкѣ, въ силу его полногласія, въ два *о*: *это о на обоихъ мѣстахъ остается неизмѣннымъ, хотя бы и было на немъ удареніе (?);* отсюда: бо-ло-то, во-лос, во-ро-та, до-ро-га, го-лод, го-лос, хо-лод и др., да род. падежи мн. числа на ов-ев, которые безъ исключенія произносятся за ів.« Какъ въ живой народной рѣчи, такъ и въ »Сборникахъ« мы встрѣчали очень часто и им. падежи ед. ч. во-ло̂с, го-ло̂д, го-ло̂с, холо̂д и род. падежа мн. бо-ло̂т, во-ро̂т, до-ро̂г и тв. падежа мн. (за) во-ро̂та-ми. Также мы встрѣчали во-ло̂к (отъ влѣшти), че-ре̂д (отъ чрѣда) и пр.

Въ 3-хъ, на той же стр. »Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести и односложныя слова, въ которыхъ *о* соотвѣтствуетъ глухому древнему ъ, какъ лоб (лъбъ), вонъ (вънъ), *гдѣ о не терпитъ обращенія въ і (?)*, но, наравнѣ съ такими словами, не допускаютъ *і* и слова, въ которыхъ *о* совсѣмъ другого происхожденія, какъ зоб, вор, хотя Малороссіянинъ всегда произноситъ бо̂к, дро̂к и т. п.« На ряду съ лоб встрѣчается и ло̂б; въ значеніи словъ воръ, воровать, употребляется (въ Кіев. губ.) зло-дій, крас-ти; слова вон и зоб намъ неизвѣстны.

Въ 4-хъ, на стр. 232—233: »Этотъ пороходъ находится въ тѣсной связи не столько съ удареніемъ, сколько, вѣроятно, съ утраченною уже долготою и краткостію звуковъ гласныхъ. Намекъ на это дѣлаютъ косвенные падежи: при томъ же удареніи въ им. и род. съ слѣдующими падежами косвенными (т. е. при удареніи постоянномъ), о, измѣненное въ о̂ въ первомъ, удерживается во второмъ и далѣе; такъ, дро̂к, род. дро-ку; до̂л, до-лу. Только тогда о̂ остается неизмѣняемымъ во всѣхъ падежахъ, когда и въ им. нѣтъ надъ нимъ ударенія (т. е. при удареніи подвижномъ): в'о̂вця́, в'о̂вці, в'о̂вце́ ю.

М. Андріевскій.

30-го ноября 1861 г.
Кіевъ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

ОБЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ И ГОСПИТАЛЯХЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Вопросъ о народныхъ училищахъ въ настоящее время является однимъ изъ важнѣйшихъ въ нашей общественной жизни. Послѣ прекращенія крѣпостнаго права, и общество, и правительство должны обратить на этотъ вопросъ едва ли не главное свое вниманіе.

До настоящаго времени, литература какъ-то мало касалась этого предмета; она обсуживала только частные вопросы народнаго образованія; главный вопросъ — на какихъ основныхъ началахъ должны быть заводимы народныя школы — былъ упущенъ. Между тѣмъ, правительство обнародовало свой »проэктъ общаго плана устройства народныхъ училищъ,« и теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, необходимо литературѣ заявить мнѣніе общества объ этомъ дорогомъ для насъ дѣлѣ и тѣмъ помочь правительству устроить его на такихъ началахъ, которыя бы могли принести дѣйствительную пользу народу.

Ввиду сказаннаго, мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь, *для свѣдѣнія*, статистическія данныя объ украинскихъ народныхъ школахъ, существовавшихъ въ прошломъ вѣкѣ. Нѣкоторыя соображенія, по поводу предлагаемыхъ цыфръ, мы выскажемъ ниже; а теперь замѣтимъ, что онѣ взяты нами изъ ревизскихъ полковыхъ книгъ *сѣгобочной* Украины (1), сохранившихся въ архивѣ бывшей Малороссійской Коллегіи (2).

---

(1) Украина лѣваго берега Днѣпра раздѣлена была, какъ извѣстно, на девять полковъ; въ архивѣ мы нашли книги только семи полковъ; стародубскія и гадяцкія — утеряны.

(2) Архивъ этотъ хранится при Черниговскомъ губернскомъ правленіи и заключаетъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для исторіи Украины XVIII в. Со-временемъ мы надѣемся подробнѣе поговорить объ этомъ архивѣ, до сихъ поръ почти неизвѣстномъ.

Число школъ обозначено, въ этихъ книгахъ; въ спискахъ дворовъ, свободныхъ отъ постойной повинности; наряду со школами, обозначено и количество госпиталей *(шпиталі)*, въ которыхъ жили бездомные старики, нищіе *(старці)*. Находя свѣдѣнія объ этихъ госпиталяхъ также заслуживающими вниманія, мы помѣщаемъ ихъ здѣсь же.

1) Полкъ Нѣжинскій (1747 г.)

Сотни.	Города.	Мѣстечка.	Села.	Деревни.	Слобод-ки.	Школы.	Госпитали.
1) Первая полковая	1	—	9	1	—	11	10
2) Вторая —		—	14	2	—	16	12
3) Третья —		—	6	—	—	8	6
4) Мринская . . .	—	1	4	2	—	2	4
5) Олишевская . .	—	1	4	—	1	6	4
6) Дѣвицкая . . .	—	1	5	—	—	8	7
7) Веркіевская . .	—	1	5	—	—	5	2
8) Прохорская . .	—	—	8	—	—	8	8
9) Ивангородская .	—	1	4	—	—	5	3
10) Бахмацкая . . .	—	1	3	—	—	5	5
11) Конотопская . .	—	1	8	—	—	15	10
12) Борзенская. . .	1	—	11	—	—	14	9
13) Шаповаловская .	—	1	4	—	—	5	4
14) Батуринская . .	—	1	8	—	—	10	10
15) Новомлинская. .	—	1	5	2	—	8	7
16) Кролевецкая . .	—	1	6	—	1	11	11
17) Коропская . . .	—	1	9	—	—	13	13
18) Глуховская. . .	1	—	42	8	1	43 (1)	36
19) Воронежская . .	—	1	8	—	—	14	14
20) Ямпольская. . .	—	1	4	—	—	8	7
21) Въ Нѣжинск. полку	3	14	167	15	3 (2)	217	182

2) Полкъ Лубенскій (1745 г.)

Сотни.	Города.	Мѣстечка.	Села.	Деревни.	Слобод-ки.	Школы.	Госпитали.
1) Полковая. . . .	1	1	33	7	—	28	7
2) Лукомская . . .	2	1	15	5	4	14	8

(1) Въ самомъ Глуховѣ число школъ не показано.

(2) Кромѣ слободокъ, въ ревизскихъ книгахъ показаны еще и хутора, но цифру послѣднихъ мы не сочли нужнымъ помѣщать здѣсь.

Сотни.	Города.	Мѣстечка.	Села.	Деревни.	Слободки.	Школы.	Госпитали.
3) Чигриндубровская .	1	2	10	4	1	14	8
4) Пирятинская . . .	1	1	32	5	—	28	19
5) Чорнусская	1	1	12	—	—	11	7
6) Городисская . . .	1	—	5	—	—	—	—
7) Сенчанская	1	—	11	1	—	15	12
8) Лохвицкая	1	—	13	6	—	5	4
9) Глинская.	1	—	8	3	—	10	8
10) Роменская	1	—	32	5	—	29	18
11) Смѣлянская	—	1	4	—	1	10	10
12) Константиновская волость, влад. гр. Головкина	—	1	5	1	—	4	3
13) Берестовецкая волость, влад. его же.	—	1	1	1	—	2	2
14) Жуковск. волость.	—	—	2	—	—	2	1
14) Въ Лубенск. полку.	11	9	183	38	6	172	107

3) Полкъ Черниговскій (1748 г.)

Сотни.	Города.	Мѣстечка.	Села.	Деревни.	Слободки.	Школы.	Госпитали.
1) Полковая . . .	1	—	6	4	—	11	9 (1)
2) Бѣлоусская. . .	—	—	9	10	—	4	3
3) Выбельская. . .	—	—	5	4	—	4	3
4) Слабинская. . .	—	—	6	5	—	3	2
5) Роисская . . .	—	—	10	11	—	9	9
6) Любецкая . . .	—	1	8	27	—	14	5
7) Седневская. . .	—	1	12	6	—	11	7
8) Городницкая . .	—	1	15	3	—	17	18
9) Березнинская . .	—	1	2	3	—	8	9 (2)
10) Столенская . . .	—	—	4	—	—	5	5
11) Синявская . . .	—	1	3	1	—	4	4
12) Менская. . . .	1	—	10	2	—	11	12
13) Волынская . . .	—	—	4	4	—	4	5
14) Сосницкая . . .	—	1	9	1	—	13	13 (3)
15) Киселевская . .	1	5	7	—	—	8	8
16) Понорницкая . .	—	1	21	2	—	18	12
16) Въ Черн. полку.	2	8	129	90	—	154	124

(1) Изъ этого числа, въ самомъ Черниговѣ, 9 шк. и 9 госпит.
(2) Изъ этого числа, въ самомъ Березномъ, 5 шк. и 6 госпит.
(3) Изъ этого числа, въ самой Сосницѣ, 6 шк. и 6 госпит.

4) Полкъ Переяславскій (1741 г.)

Сотни.	Города.	Мѣстечка.	Села.	Деревни.	Слободки.	Школы.	Госпитали.
1) Первая полковая	1	—	12	3	—	10	—
2) Вторая —		—	13	1	—	11	5
3) Трехтемировская	1	—	6	1	—	10	8
4) Воронковская . .	—	1	8	2	—	9	5
5) Барышпольская .	—	1	6	2	—	8	8
6) Березанская . .	—	1	8	2	—	9	—
7) Басаньская . . .	—	1	10	6	—	1	1
8) Быховская . . .	—	—	7	4	—	6	—
9) Яготинская . .	—	1	10	2	—	12	1
10) Гелмязовская . .	—	1	9	1	—	9	4
11) Золотоношская .	—	—	10	—	—	7	4
12) Кропивянская . .	—	1	5	4	—	4	4
13) Иркліевская . .	—	1	11	7	—	8	4
14) Пѣщанская. . .	—	1	1	—	—	3	2
15) Домонтовская . .	—	1	2	—	—	3	3
16) Бубновская. . .	—	1	3	—	—	4	2
17) Ліпляевская. . .	—	1	1	1	—	2	1
18) Чеховская волость	—	1	1	—	—	3	—
18) Въ Переясл. полку	2	13	123	36	—	119	52

5) Полкъ Полтавскій (1745 г.)

Сотни.	Города.	Мѣстечка.	Села.	Деревни.	Слободки.	Школы.	Госпитали.
— Полтава	1	—	—	—	—	6	6
1) Первая полковая.	—	—	21	—	1	24	11
2) Вторая полковая.	—	—	17	2	1	15	5
3) Великобудисская	—	—	1	—	—	5	3
4) Решетиловская .	—	—	1	—	—	6	5
5) Старосанжаровская	—	—	1	—	—	7	3
6) Новосанжаровская	—	—	1	—	—	5	2
7) Бѣлицкая . . .	—	—	1	—	—	5	3
8) Кобеляцкая. . .	—	—	1	—	—	7	2
9) Сокольская . . .	—	—	1	—	—	4	—
10) Кишенская . . .	—	1	2	—	—	1	—
11) Переволочанская	—	—	1	—	—	3	—
12) Кребердянская .	—	—	1	—	—	5	1
13) Нехворощанская	—	—	1	—	—	—	—

Сотни.	Города.	Мѣстечка.	Села.	Деревни.	Слободки.	Школы.	Госпитали.
14) Маяцкая . . .	—	—	1	—	—	1	—
15) Царичанская . .	—	—	1	—	—	1	—
16) Китайгородская .	—	—	1	—	—	2	—
17) Орлянская . . .	—	—	1	—	—	—	—
18) Старосамарская .	—	—	1	—	—	1	1
19) Въ Полтавск. пол.	1	1	55	2	2	98	42

6) *Полкъ Прилуцкій (1740 г.)*

Сотни.	Города.	Мѣстечка.	Села.	Деревни.	Слободки.	Школы.	Госпитали.
1) Полковая . . .	1	—	31	2	—	27	20
2) Журавская . . .	—	1	2	1	—	—	2
3) Варвинская. . .	—	—	9	1	—	9	2
4) Сребранская . .	—	1	13	1	—	13	5
5) Иваницкая . . .	—	1	5	—	—	4	4
6) Ичанская . . .	—	1	7	—	—	7	6
7) Монастырская .	—	1	4	2	—	4	5
8) Карабутовская .	—	1	8	—	—	—	—
9) Красноколядинская	—	1	8	—	—	5	9
10) Въ Прилуцк. полку	1	7	87	7	—	69	53

7) *Полкъ Миргородскій (1741 г.)*

Сотни,	Города.	Мѣстечка.	Села.	Деревни.	Слободки.	Школы.	Госпитали.
1) Полковая . . .	1	1	16	1	—	—	—
2) Хорольская . .	1	—	11	4	—	—	—
3) Власовская. . .	1	—	1	1	—	3	3
4) Кременчужская.	1	—	—	4	—	2	2
5) Городисская . .	1	—	2	4	—	3	4
6) Потоцкая . . .	1	—	1	—	—	2	—
7) Омельницкая . .	1	1	—	1	—	5	4
8) Голтвянская . .	1	—	4	1	—	5	4
9) Остаповская . .	1	—	4	—	—	7	7
10) Бѣлоцерковская	1	1	1	—	—	2	2
11) Богацкая . . .	1	—	1	—	—	3	1
12) Устивицкая . .	1	—	1	1	—	2	1
13) Яресковская . .	1	—	1	—	—	—	—

Сотни.	Горо-да.	Мѣстеч-ка.	Села.	Дере-вни.	Слобод-ки.	Школы.	Госпи-тали.
14) Шишацкая. . .	1	—	1	—	—	3	1
15) Сорочинская . .	1	—	4	1	—	—	—
15) Въ Мирг. полку .	15	9	48	18	—	37	29

Примѣч. Въ полковой и хорольской сотняхъ, не смотря на такое количество селъ, входившихъ въ ихъ составъ, школъ не показано; трудно впрочемъ думать, чтобъ ихъ совсѣмъ тамъ не было; вѣроятнѣе, что число ихъ не внесено по какому-нибудь особому обстоятельству.

Что́ жъ это были за школы? Къ-сожалѣнію, мы не можемъ вполнѣ разрѣшить этотъ важный вопросъ. Изъ ревизскихъ книгъ видно только, что это были »приходскія школы, учреждавшіяся почти при каждой церкви (1). Обученіемъ въ этихъ школахъ занимались, какъ можно догадываться, приходскіе дьячки; по крайней мѣрѣ, при упоминаніи о той или другой школѣ, находимъ иногда прибавки такого рода: въ м. Веркіевкѣ, напр., »школа троецкая, а въ ней живетъ дячокъ Ѳедоръ Ивановъ и при немъ псаломщиковъ два;« въ с. Демянцахъ (переясл. п.) »школа, в ней живутъ дячки прихожіе;« въ м. Новыхъ Млинахъ »школа при церквѣ Рождества Богородицы, в которой дякъ молодикъ«. Иногда съ учителемъ помѣщались и ученики; такъ, при Яготинской школѣ, замѣчено: »в ней живетъ дякъ Матвѣй Захаровъ з школники« (2). Другихъ свѣдѣній объ этихъ школахъ мы не имѣемъ; но, кажется, и этого достаточно для вывода того

---

(1) Въ ревизскихъ книгахъ школы эти постоянно называются прилагательнымъ того праздника или святаго, которому посвящена мѣстная церковь; напр. нѣжинскія школы названы — покровскою, успенскою, васильевскою, троецкою, святоникольскою и т. д.

(2) О госпиталяхъ находимъ тоже мало подробностей; говорится только, что въ нихъ жили »старцѣ безгрунтовіе», иногда прибавляется и число ихъ, не превышающее, впрочемъ, пяти. Украинскіе *старцi* иногда соединялись въ товарищества, обзаводились недвижимою собственностью, которою и распоряжались сообща, для поддержки своего убогаго житья-бытья. Вотъ отрывокъ изъ акта XVII в., поясняющій бытъ старцівъ: »на сотенный урядъ носовскій стали персоналитеръ Василь Герко, Иванъ Хорольскій, Юрко Демковскій, Семенъ Морозъ со всею братіею своею, разныхъ шпиталей носовскихъ товариство убогихъ каликъ, положили — имѣючи собѣ отъ давнихъ рокъ легованный на убогихъ старцовъ носовскихъ и тестаментомъ подтвержоный по небожчику блаженной его памяти Ивана Мозыри — млынокъ», — и не въ состояніи будучи его поддерживать, они его продаютъ (*Архивъ Н. А. Маркевича*).

заключенія, что *всѣ эти школы существованіемъ своимъ обязаны самому народу*. —Правительственной инціативы тутъ быть не могло; устройству школъ могло способствовать развѣ духовенство; но украинское духовенство XVIII в., завися само отъ народа, (1) своей помощью этому дѣлу могло только выражать добрую волю на то народа.

Куда дѣвались эти школы впослѣдствіи, объ этомъ, кажется, нечего и говорить: вмѣстѣ съ закрѣпощеніемъ украинскаго поспольства и разными перемѣнами въ быту козачьяго сословія, онѣ изчезали мало по малу.... Память объ этихъ школахъ сохранилась, впрочемъ, и до сихъ поръ: въ нѣкоторыхъ старинныхъ мѣстечкахъ (напр. Олишевкѣ, козелецк. у.) — дома́, гдѣ живутъ дьячки, называются въ народѣ и теперь »школами«. То́же самое какъ сообщилъ намъ В. Б. Антоновичъ, встрѣчается и въ Заднѣпровской Украинѣ, откуда можно заключить, что и тамъ были такія же школы.

Такимъ образомъ, фактъ о существованіи на Украинѣ, въ прошломъ вѣкѣ, народныхъ школъ, городскихъ и сельскихъ, важный самъ по себѣ, представляется намъ еще болѣе важнымъ по отношенію его къ настоящему вопросу о народныхъ училищахъ. Мы видимъ, что украинцы уже разъ

---

(1) Чтобы не распространяться объ этомъ, приведемъ слѣдующій случай подтверждающій сказанное нами: кіевскій митрополитъ хотѣлъ назначить, въ 1729 г. священникомъ въ Н. Млины человѣка, котораго прихожане не желали; новомлинцы жаловались гетману, и вотъ что́ послѣдній писалъ, по этому поводу, къ митрополиту:» подали до насъ повторную супплѣку знатное товариство, такожъ старшина сотнѣ новомлинской и з тамошними многими сотеннимъ товариствомъ и *посполитими*—и просили нашего повторне до вашего преосвященства писанія, чтоб того намѣсницкаго зятя попомъ не посвящено, но *свободно бы имъ было, кого хотя иного, пожелавши, изобрать* и за свидѣтельствомъ *людзкимъ*, при обыкломъ прошеніи, на священство къ ихъ парохіи виправити -- Того ради мы, разсудивши тое ихъ быть слушное прошеніе, ибо его императорское величество, приутверждая ихъ права и обыкновенія прежніе малороссійскіе, повелѣлъ на всякую власть производить не насилно, но кого пожелають, по избранію волними голосами, од кого бы народу обидъ и разоренія не было; яко тежъ равнимъ образомъ и священники до церквей поставляются бывало за свидѣтельствомъ парохіянъ. Пишемъ о томъ до вашего преосвященства и предаемъ тое в благоразсмотреніе, что ежели не по ихъ желанію наслать въ ихъ парохію священника, то чрезъ тое болше нѣчто не слѣдуетъ, кромѣ однихъ неспокойнихъ заводовъ и ссоровъ, з чого не токмо не можетъ быть при церквѣ божественной якое благочиніе, но и весма тое и Богу будетъ противно. Зтыхъ мѣръ благоволи, ваше преосвященство, к нимъ пастирски призрѣти и, не допуская ихъ в такое разореніе, вишепомянутаго дьякона имъ священникомъ не ставить.« (*Арх. Млрсск. Коллегіи, № 97*)

заявили свою охоту къ грамотѣ, создавъ собственными средствами тѣ школы, о которыхъ мы теперь такъ хлопочемъ. Историческое невзгодье, ввидѣ крѣпостнаго права, не позволило развиться этому дѣлу; но невзгодье это теперь миновало, и намъ нѣтъ причинъ сомнѣваться, что народъ, уже разъ имѣвшій свои школы, если и не чувствуетъ еще потребности въ возобновленіи ихъ, за разными хлопотами по случаю совершающейся перемѣны въ его экономическомъ быту, то скоро почувствуетъ ее и заведетъ эти школы самъ. Словомъ, ввиду приведенныхъ фактовъ, не должно силою навязывать народу училища; иначе съ ними можетъ случиться то́ же, что мы видимъ въ школахъ, заведенныхъ здѣсь начальствомъ для дѣтей козачьяго сословія.... Мы обязаны *только помогать* народу въ этомъ дѣлѣ. То ли самое имѣетъ ввиду »проэктъ устройства народныхъ училищъ« — предоставляемъ объ этомъ справиться тѣмъ, кого занимаетъ дѣло народнаго образованія (*).

А. Лазаревскій.

13 мая 1862 г.
С. Гирявка.

(*) Обращаемся ко всѣмъ, принимающимъ какое-либо участіе въ дѣлѣ народнаго образованія и благотворительности, съ усердною просьбою — сообщить намъ возможно подробныя свѣдѣнія о школахъ, госпиталяхъ, больницахъ и т. п., въ Украинѣ, — какъ за время до 19 февраля 1861 г., такъ и за послѣднее время. Всѣ эти свѣдѣнія — теперь въ-особенности — важны и любопытны. *Ред.*

ПО ПОВОДУ ЮЖНОРУССКАГО СЛОВАРЯ. (*)

(Письмо къ редактору »Черниговскаго Листка«.)

Позвольте, для общей пользы, открыть въ вашемъ »Листкѣ« корреспонденцію по поводу Южнорусскаго словаря. Если редакція »Основы« сочтетъ нужнымъ *(готова)* принести пользу въ этомъ важномъ дѣлѣ, она можетъ перепечатывать статьи по этому вопросу, чтобы дать имъ большую гласность. Мало того, при объясненіи нѣкоторыхъ словъ нашего языка намъ будетъ нужна помощь червонорусскихъ писателей. Если »Основа« имѣетъ *(имѣетъ)* читателей въ Галиціи, то перепечатываніе ею корреспонденціи по поводу Южнорусскаго Словаря принесетъ существенную пользу, вызывая червонорусскихъ писателей къ объясненію галицкихъ, непонятныхъ для насъ, словъ.

Никто не сомнѣвается въ полезности и необходимости словаря какого бы то ни было языка, а тѣмъ болѣе—языка, богатаго словами, оборотами и формами, подобно нашему Южнорусскоку, могущему, кромѣ того, представить много данныхъ, для славянской лингвистики. Чѣмъ же объяснить то, что до-сихъ-поръ не появилось ни одного полнаго словаря этого языка? Я объясняю это историческими судьбами нашего народа. Какъ я сказалъ въ предисловіи къ »Словарю« , *»онъ всегда находился между сциллою и харибдою.«* . Въ интересѣ той и другой было не благопріятствовать его развитію. Нашъ народъ шелъ самъ, безъ пред-

(*) Несмотря на выраженное г. Шейковскимъ сомнѣніе въ томъ, пожелаетъ ли »Основа« принести пользу въ дѣлѣ южнорусскаго языка, мы спѣшимъ помѣстить это обращеніе къ лицамъ, которыхъ г. Шейковскій признаетъ способными — подать ему руку помощи. Замѣчательно, что въ числѣ ихъ не названъ г. Кулишъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, обладаетъ самымъ богатымъ запасомъ матеріаловъ для словаря, и который,—въ этомъ мы тоже увѣрены—доставилъ г. Шейковскому множество украинскихъ словъ въ своихъ сочиненіяхъ, но къ которому г. Шейковскій не благоволитъ. Мы цѣнимъ благонамѣренныя усилія г. Шейковскаго и, по мѣрѣ возможности, постараемся быть ему полезны; съ этою цѣлью мы начинаемъ совѣтомъ — прежде всего проникнуться духомъ мира, и любовь къ дѣлу поставить выше самолюбія, выше самонадѣянности, которая часто губила и губитъ самыя добрыя намѣренія. *Ред.*

водителей. Передовыя лица, выходившія изъ него, или уносились водоворотомъ сциллы, или терялись подъ вліяніемъ харибды.

Самый большій упрекъ за неразработку нашего языка долженъ пасть на II-е Отдѣленіе Академіи Наукъ. Оно больше сдѣлало для другихъ славянскихъ нарѣчій (разумѣется, изданіемъ памятниковъ), чѣмъ для Южнорусскаго языка.

Составлять словарь какого-нибудь языка (особенно такихъ языковъ, на которыхъ или очень много писано, или очень мало) — египетская работа. Недаромъ для составленія словарей группируются общества и академіи. Но такъ-какъ цѣлостный организмъ языка и духъ его скорѣе и легче можетъ быть охваченъ однимъ какимъ-нибудь лицомъ, посвятившимъ себя исключительно этому труду, чѣмъ цѣлымъ обществомъ: то почти всегда выходитъ такъ, что словари, составленные цѣлыми обществами, далеко уступаютъ словарямъ, составленнымъ однимъ какимъ-нибудь лицомъ. Въ доказательство этого, оставя въ сторонѣ словарь Як. Гримма, укажемъ здѣсь на словари нѣкоторыхъ славянскихъ языковъ: не *сербскій* словарь Вука Стефановича Караджича, *чешскій* Юнгмана, *польскій* Богумила Линде и Мронговіуса.

Занимаясь славянскими языками и видя большой пробѣлъ въ славянской лингвистикѣ относительно научной разработки Южно-русскаго языка, я поставилъ для себя задачею, по-возможности, на-сколько позволятъ мои средства и обстоятельства, содѣйствовать научной разработкѣ Южнорусскаго языка. Первый выпускъ »Опыта Южнорусскаго Словаря« уже вышелъ. Но, увы! ни обстоятельства, ни средства не благопріятствуютъ мнѣ; я долженъ былъ выпустить первый выпускъ *не-оконченнымъ*. Знаю, что словарь можетъ быть только у того народа, у котораго сильно развито сознаніе *самостойности*.

Считаю своею обязанностію сказать нѣсколько словъ о недостаткахъ, которые встрѣчаются въ первомъ выпускѣ словаря, и о причинѣ ихъ.

Первый выпускъ сильно страдаетъ неполнотою. Несмотря на дополненія, сдѣланныя къ нему (стр. 161 — 176), у меня и теперь уже накопилось болѣе сотни словъ (въ первомъ помѣщено 1329 словъ), невошедшихъ въ первый выпускъ. Оно иначе и быть не могло: сразу всего сдѣлать нельзя. Къ-тому же вновь выходящія сочиненія на нашемъ языкѣ нерѣдко открываютъ новыя богатства его. Неменѣе пострадала полнота перваго выпуска и оттого, что я старался, по-возможности, устранить изъ него историческій элементъ (я имѣлъ на то свои причины). Но такъ-какъ методъ лингвистики преимущественно историко-сравни-

тельный, то въ дальнѣйшихъ выпускахъ словаря я дамъ полный просторъ историческому элементу языка и постараюсь пополнить, въ этомъ отношеніи, и первый выпускъ. Относительно полноты словаря надо замѣтить вообще, что никакой словарь *живаго* языка не можетъ быть *полнымъ* и оконченнымъ (хотя они иногда и озаглавливаются такъ для красоты), потому что языкъ живетъ и развивается. Другой недостатокъ перваго выпуска, — который даже важнѣе предъидущаго, — это неполнота и неопредѣленность объясненія нѣкоторыхъ словъ (нѣкоторыя слова совсѣмъ не объяснены, потому что значеніе ихъ мнѣ неизвѣстно). Для объясненія подобнаго рода словъ мнѣ нужна сторонняя помощь; въ дальнѣйшихъ письмахъ я буду выставлять слова, значеніе которыхъ мнѣ или совсѣмъ неизвѣстно, или объясненіе которыхъ требуетъ бо́льшей полноты, точности и опредѣленности. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Як. Гримма, что »*словарь долженъ быть для всѣхъ, а грамматика для ученыхъ*«.

Если такъ, то объясненія словъ должны давать самыя понятія о нихъ, а не голыя представленія. Я считаю объясненія въ родѣ слѣдующихъ: родъ растенія, родъ кушанья, родъ игрушки и т. п. совершенно рутинными, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ и неизбѣжными во многихъ словаряхъ. Эти объясненія должны быть замѣнены болѣе точными и опредѣленными описательными объясненіями. Избѣжать подобныхъ объясненій можно двумя способами: или нужно быть спеціалистомъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія (что́ совершенно несовмѣстимо въ одномъ человѣкѣ), или нужно прибѣгнуть къ помощи другихъ лицъ. Я и прибѣгаю къ ней. Надѣюсь, что всякій, кому не чужды интересы нашего народа, будетъ содѣйствовать разъясненію Южно-русскихъ словъ. Я расчитываю въ этомъ дѣлѣ особенно на помощь гг. Закревскаго, заявившаго себя очень почетнымъ трудомъ — изданіемъ болѣе 11,000 идіомовъ нашего языка, Срезневскаго, Бодянскаго, Максимовича, Гаццука, Ефименка и мн. др. Въ этомъ дѣлѣ можетъ принять участіе всякій, кому будетъ извѣстно значеніе хотя одного изъ предлагаемыхъ мною словъ; вѣдь petit-à-petit l'oiseau fait son nid, или по польской поговоркѣ: ziarnko do ziarnka, to będzie miarka!

Въ-заключеніе я прошу помѣщать отвѣты или въ »Листкѣ«, или въ »Основѣ«, чтобы не нужно было рыться въ разныхъ изданіяхъ.

Кіевъ.

К. Шейковскій.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

(Записано въ Слободській Україні, въ *Изюмськімъ* повіті *Харківськоі* губернії).

I.

ОПОВІДАННЯ ЧУМАКА НАСТІ СОПУНКИ.

— »Якъ чоловікъ умеръ, а діти позоставалися, то треба було якъ небудь іхъ годувати. Ніхто не поможе. Отъ я й чумакувала. Я, було, чумакамъ істи наварю, а вони коло мого воза, та коло волівъ, усе зроблютъ. Такъ и чумакувала.«

Настя, чумакуючи сімъ годъ, багато світу виходила, багато дечого чула. Теперъ вона вже дуже старенька; живеть собі сама, у своій хаті. Дочокъ поддавала, сина оженила, уже й унучята на-зрості. И діти жъ и унучята ії люблять, поважають. Якъ не побачиться зъ Настею—усе хвалить »Бога милосердного« за своіхъ дітокъ добрихъ, прихильнихъ, за сусідівъ приязнихъ.

Двіръ у неі великий. Дві хати у дворі. У в'одній сама живе, у другій синъ жонатий. Одъ хати до хати широка стежка вибита; се дітвора вчащае до бабусі. Усе бігають та роспитують, чи не треба хмизу внести, або води чи не наносить зъ Дінця, чи що тамъ... У хаті, у Насті староі, чисто та любо. Икони старосвіцькі, Київськоі роботи, кругомъ уквітчані. Стілъ застелений чистимъ настільникомъ. По стінахъ на кілочкахъ рушники старосвіцькі, вишивані... А сама жъ бабуся така добра, такъ приязно усміхаетця—що й лихо, чи го-

ре,—занехаешъ всяке, якъ увійдешъ до неї въ хату. А якъ загомонить — то все »Бога милосердного« згадуе, все Бога дякуе, або на помічъ призивае. Та й обертаетця вона до Бога не такъ якъ инші. Вона не падае передъ нимъ якъ передъ якоюсь силою страшенною, невідомою. Ні; вона згадуе Бога якъби згадала самого щирого, самого правдивого и доброго чоловіка,—такого чоловіка, що яка бъ не спіткала тебе нужда, або горе — клади на ёго сміло твою надію... вінъ визволить, вінъ поможе. Далебі, якъ оце такъ вона загомонить що до Бога—то здаетця що Богъ тутъ коло неї... а вона така спокійна та ясна... Ну, та нехай вона росказуе.

— «Якъ я чумакува́ла, та приіхали у Мішко́въ, та й ста́ли за вгоро́дами. А звіръ и зави́въ на горі. Ото́ ми побоя́лись, та й поіхали у ту слободу (тамъ и це́рква).

Отъ, Боже ми́лостивий, стоімо́. А все въ одинъ дзвінъ дзво́нять, усе въ оди́нъ дзвінъ дзво́нять, на́че по душі. А се було́ у ночі. Ажъ воно́ й спра́вді дзвонили на сходъ душі: ба́риня вмира́ла.

Тутъ щось біжи́ть зъ дзво́никомъ. Се ба́тько, до дочки́ що вмира́е, такъ и тури́ть, такъ и тури́ть по доро́зі, та брязкоти́ть.

А ми стоімо́. Лю́де пла́чуть по ба́рині. До́бра була; така́ до́бра якъ ма́ти.

Сидимо́ підъ возами́, хри́стимось. А воно́ на небеса́хъ ростворя́лось, на́че доро́га яка́: такъ ви́дно, такъ ви́дно! То ії душа́ пішла́. И гра́мотні ка́жуть що то душа́ пішла́, то ії доро́га.

А я́сно, я́сно—даромá що нічъ.« —

— »Чу́ла я, роска́зувала мені одна́ жінка, що ходи́ла у Ерусали́мъ.

Якъ ити, ка́же, у Ерусали́мъ, то бу́де тобі мо́ре вели́ке. Біля того́ мо́ря есть о́стровъ вели́кий, та моги́ла на тімъ о́строві. Тамъ и рай и пе́кло. Та, каже, Бо́же ми́лостивий, якъ уже́ підійдешъ підъ те пе́кло: крикъ тамъ, га́мъ,—крикъ и вга́ву нема́. Бо́же ми́лий, Бо́же ми́лий! И дёготь иде, и вода́ кипи́ть, гаря́ча зъ землі йде...

Такъ онъ-де тепе́ръ пе́кло!.. А въ серединi, ка́же, ажъ клекоти́ть, та сто́гне... Воно́ вже ні-що, а—ви́дно—пе́кло.

А доступи́ти, ка́же, до того́ пе́кла и за 10 версто́въ не мо́жно. Тамъ, ка́же, такъ гаряче́, такъ гаряче́, Бо́же ми́лий! до ёго бли́зько й набли́житись не мо́жно. Воно́ пе́кло, а підъ пе́кломъ тартари́. Не дай, ка́же, Бо́же, туди́ попа́сти. Сохрани́ Бо́же!

А не втічешъ, ні, не втічешъ!« —

— »Господь на́пусть напусти́въ. Гадю́ки набрале́сь у насъ тако́го бага́то, тако́го бага́то, що й землі за тимъ га́домъ не ви́дно. И попівъ взива́ли, и молебені пра́вили, и водо́ю свято́ю скрізь кропи́ли, — ні, не помага́е. Гадю́къ тихъ ажъ кіши́ть.

Отъ, одна́ молоди́ця й нара́яла. Не дава́йте, ка́же, істи дітямъ, нехай вони́ мо́лять Бо́га... А попівъ и дяківъ, ка́же, не тре́ба. Ото́жъ и не дали́ дітямъ істи: послу́хали молоди́цю.

А істи дітямъ, Бо́же, хо́четця: звісно дітво́ра. То вони́ якъ почали́ моли́ть, якъ почали́, якъ почали́... Богъ и змилосе́рдивсь. Знявъ ту на́пусть, и гадъ де дівся? Таки́ ні о́дної гадю́ки не оста́лось.« —

— »Якъ світъ зача́вся, то лю́де такъ Бо́гу моли́лись. Оце́ полю́жить коло́ду, та *плиг*! Оце́ тобі, Бо́же! (Бо́гу, бачъ, по пе́реду). Та зновъ—*плигъ* назадъ. Оце́ мині, Бо́же.

Такъ ось-якъ моли́лись — и то Богъ прийма́въ моли́тву...

Тепе́ръ таки́й завітъ. Що тобі есть одъ ми́ра—живи́ и спаса́йся,— а не по пу́щахъ. У миру́ спаса́йся, то й Госпо́дь прийме до се́бе. А то отті, що у манастира́хъ ченці, попристава́ли де-які у розбиша́ки. а гра́мотні... а ченці! Бо́гу, ка́жуть, за насъ мо́лютця. А на шляху́ хто йде—пообби́рають, або ще й убью́ть... А то й по печерахъ! Идуть було́ лю́де, а вони́—де й візьмутця,—позадува́ють свічки́, та й обдеру́ть до ни́тки. Такі то ті пусте́льники, що за насъ грішнихъ Богу по пу́щахъ молютця.

А підъ М...лемъ, увійдешъ у́ церкву, то й бережи́ гро́ші въ кише́ні: ченці повийма́ють,—познахо́дють.

Тамъ жінки́ богомільні, яка́ кишені не постереже́, то якъ ви́йде зъ церкви, (а въ кишені й пустісінько), ста́не та й пла́читця на тихъ кля́тихъ. А й гладкі жъ ті ченці!... Че́рево такъ и несе́ по́передъ се́бе,—а спаса́етця. Ще вінъ де—а че́рево ёго вже тутъ, біля те́бе... якъ не зада́вить.

Добре зробивъ бувъ Потёмка, що порозганявъ ченцівъ зъ С.Г .«

Зайшла якось у насъ съ бабусею річъ про тихъ »киянокъ,« про тихъ богомілокъ »изъ дальнихъ сѣверныхъ странъ,«—онъ що спомянувъ П. А. Кулішъ, у своіхъ »Українськихъ Незабудкахъ« (*).

Не до-вподоби вони нашій Насті. Такоі вона думки, що вони да-

(*) Основа, IX книж., стр. 8.

ремне тиняютця скрізь по світу—наче до Бо́га тільки й можно доступити, що зъ Киіва або зъ Ерусалиму. Вона думае, що до начальника якого трудно доступити, бо помішниківъ у ёго багато—ціла орда; а до Бога, каже, можно обертатьця и изъ своеі хатини.

— »Я такъ ду́маю, що й Київъ при мині, й Ерусали́мъ при мині. Не тре́ба туди ходи́ти. Тільки не забувай моли́тись и вра́нці, и ввечері.

Тре́ба моли́тися попе́реду за всіхъ правосла́вныхъ христия́нъ, а тамъ моли́сь за дітокъ своіхъ, коли́ є. А за се́бе не моли́сь: Богъ того не лю́бить, не при́йме. *Нехай лю́де за насъ мо́лютця.* А тобі слідъ моли́тись за христия́нъ, та за дітокъ, а за свои́ гріхи́ тре́ба тільки пла́кать, та проси́ть: прости́ мене́, Бо́же ми́лий, Боже милосе́рдний, за гріхи́ моі. Забери́сь у куто́къ, та на самоті й плачъ за гріхи́ свои. А не проси́ у Бо́га нічо́го для се́бе. Не прійме Богъ твоеі моли́тви!«

ЯКЪ АНЦИ́БЛОТЪ ДРАЖНИ́ВЪ БО́ГА.

»У старовину́ такъ було́. При́йде чоловікъ наймàтьця, та й слу́жить тільки за харчъ та за оде́жу. А літо наста́не, то йде́ собі куди́ зна́е.

А кото́рий — то й десять, пьятнадцять літъ слу́жи́ть тільки за оде́жу та за харчъ. Гро́шей не бра́ли.

А більше таки́хъ було́, що якъ лі́то—пійшо́въ собі! Есть у ёго ружжо́—застре́ле за́йчика, або тамъ ка́чку, або́-що, та й живе́, году́етця.

А якъ зима́ — вінъ впьять у на́йми тільки за оде́жу, та щобъ не голо́дний бувъ.

Отъ, роска́зують, одинъ чоловікъ, изъ такихъ що найма́вся, йде по-надъ о́зеромъ сте́жкою, и рушни́ця въ ёго́... а надъ о́зеромъ камінь великий, великий!

А тутъ грімъ помале́ньку: *гур, гур, гур! гур, гур, гур!* и хма́рка—біла хмари́ночка мале́нька... и дивлю́сь, ка́же, що мале́нька хма́рка, а гріми́ть.

Все: *гур, гур, гур! гур, гур, гур!*

Отъ я, ка́же, йду та дивлю́сь туди́ (на камінь), а *воно́* знай вору́шитця на ка́мені. Якъ грімъ дужче загріми́ть, то воно́—*блись!* и схова́етця.

Отъ и ставъ я за куще́мъ, и дивлюся: шо воно́ таке́?

А воно́, ка́же, якъ грімъ затріщи́ть—схова́етця; а якъ сти́хне, а воно́ й стано́витця стовбула́, противъ Бога бачъ... дра́знить Бо́га.

Э, то лиха́ си́ла! Якъже! Тільки грімъ сти́хне, а воно́ й ста́не стовбула; а якъ грі́мъ—и сховаетця. Все дра́жнить Бо́га.

Отъ и ставъ я, ка́же, за куще́мъ, та якъ стре́ливъ, та й уби́въ ёго́, а то бувъ Анци́болотъ—собака, такъ якъ ша́шокъ чо́рний.

Ото́ уби́въ, та й пішо́въ собі сте́жкою. Якъ иде́ назу́стрічъ чоловікъ, ні молоди́й, ні стари́й ду́же. Иде—а ружжо́ у ёго, таке́ га́рне, таке га́рне, саме́ золоте́ та срібне,—таке́ га́рне ружжо́.

Отъ зустрівсь та й ка́же: Здра́стуй, чоловіче до́брий!

— Здрастуй, кажу́.

— А поміня́ймось... (Ні, попе́реду такъ:)

— До́бре, ка́же, въ те́бе ружжо́, чоловіче; а до́бре воно́ тимъ, що й бере́шъ ёго́—хри́стишъ, и на кіло́чокъ вішаешъ—христишъ. (А и въ ме́не стоявъ моска́ль таки́й: бере́ рушни́цю—хри́стить, и кладе́—хри́стить). Вона́, каза́въ, на по́мічъ мині ста́не, якъ христи́тиму.«

— Поміня́ймось, ка́же, Бо́гъ.«

А то бувъ, ба́чте, самъ Богъ.

— У те́бе,—одка́зуе чоловікъ,—ружжо́ золоте́ та срібне, а мое ка́же, бачъ яке́ просте́. Намъ не слідъ, ка́же, міня́тись.

— Та ні-таки́, поміня́ймось,—просить Богъ. Я візьму́ твое́, а ти мое́; а у годъ и розміня́емось на сімъ са́мімъ місті.

Бачъ, ка́же, твоімъ ружжо́мъ я переведу́ отти́хъ проклятихъ, що мене́ дра́знють,—онъ, ка́же, що ти уби́въ одного́, анци́болота, лиху тварь.

А мое ружжо, ка́же, хочъ гріми́ть, такъ бье сти́ха. Не переведу́ моімъ лиху́ тварь, пога́ну. А у годъ, у сей день, иди́ сіе́ю сте́жкою, и розміня́емось упья́ть.«

Отъ и помінялись (*).

Такъ вінъ уже́ такъ жде́, такъ жде того го́ду, якъ Бо́га. Якъ

(*) Се бъ то, бачите, мусивъ Бога позичити у чоловіка таке орудие, щобъ можно було ему помститьця надъ тварью, що дразнила его найгірше.

піде стріля́ти зъ тимъ ружжо́мъ, то́ й не вбье́ нічо́го, а грімъ загріми́ть.

Отъ и пройшо́въ той годъ.

Іде́ вінъ тіє́ю сте́жкою, зъ тимъ ружжо́мъ дороги́мъ,—якъ іде́ ёму́ назу́стрічъ впьять-таки́ самъ Богъ, и несе́ ёго́ ружжо́.

»На жъ тобі, ка́же Богъ, спаси́бі тобі, твоє́ ружжо́, а одда́й моє́.«

Отъ якъ розмінялись, тоді Богъ и ка́же́: »Тепе́рь бу́дешъ усе́ зна́ти: де й гро́ші въ землі, де що те́е... Тільки не кажи́ лю́дямъ що все зна́ешъ.«

А вінъ не втерпівъ—росказа́въ. А якъ росказа́въ, то не до́вго й жи́въ—уме́ръ.

А якъ би не роска́зувавъ, то живъ би, мабуть, и до́сі.«

ЯКЪ БОГЪ ПОУЧАВЪ ЧОЛОВІКА.

Богъ ходи́въ по землі три́дцять годъ. Тепе́ръ вінъ хо́дить тільки шість неділь, після Вели́кодня.

Отъ, руба́е чоловікъ ду́ба у лі́сі, та все зъ одного́ бо́ку, все зъ одного́ бо́ку.

И прихо́дить до ёго́ чоловікъ... А то́ Госпо́дь.

— »Здрастуй,« каже.«

— »Здра́стуй!« Такъ, зъ се́рцемъ, одка́зуе Богу.

— »Що се ти, чоловіче, ро́бишъ? Ти, каже, рубае́шъ ду́ба, та все зъ одно́го бо́ку. Гляди́, ка́же, щобъ не уби́въ тебе́ дубъ сей.«

А вінъ:—»Такъ бу́де якъ Богъ дасть!« впьять таки́ зъ се́рцемъ одка́зуе Бо́гу. »Чи вбье, чи ні!«

Ну, сла́ва жъ Бо́гу, що вінъ, хочъ изъ се́рцемъ, а помьяну́въ таки́ Бо́га: »такъ якъ Богъ дасть,« сказавъ. То Бо́гу й ле́гше, що той ёго́ зга́дуе.

Отъ Богъ и пішо́въ собі, а чоловікъ рубае́ собі, та й руба́е; та все зъ одного́ бо́ку. Пенякува́тий ма́буть бувъ.

Тільки, якъ вже надруба́въ ду́же, дубъ похили́вся, та й пригніти́въ ёго́. Вінъ не вбивъ, а тілько пригніти́въ. Вже що той чоловікъ не роби́въ! И зе́млю скрома́дивъ — ні, не ви́дерится зъ підъ того́ ду́ба. Отъ, на́че земля́ підъ нимъ вдала́сь, а дубъ на ёму́ тро́хи ви́хилившись... такъ, що ёму́ нічо́го й не боли́ть—та не

ви́деритця. Лежа́въ, лежа́въ, а далі: »ой рятуйте, ой рятуйте, ой рятуйте! Хто въ Бо́га віруе—рятуйте!«

Отъ Богъ до ёго́ и прийшо́въ.

— »Здра́стуй, каже, чоловіче!«

— »Зра́стуйте, пан'о́ченьку!« Та такъ уже любя́зно одка́зуе Бо́гові.

— »Що се ти тутъ лежи́шъ?«

— »Та тутъ,« ка́же, »прихо́дивъ до ме́не чоловікъ. Здра́стуй, каже; и я ёму́ здрастуй!

— На що ти, ка́же, руба́ешъ ду́ба все зъ одно́го бо́ку? Вінъ тебе́ убье́. А я ёму́: бу́де такъ якъ Богъ да́сть. Той чоловікъ пійшо́въ свое́ю доро́гою, а тутъ дубъ упа́въ, та й мене пригніти́въ. Ви́рятуйте, пан'оченьку!«

Тоді Богъ узявъ одно́ю руко́ю того́ ду́ба за верхівья́ (*) та й ви́слобонивъ чоловіка, та й ка́же ёму́:

— Э, чоловіче, чоловіче! Ду́же ва́жко Бо́гу изъ ва́ми ве́штатися. Вінъ васъ направля́е та́къ, а ви своє́ правите. Ва́жко Бо́гу зъ ва́ми ве́штатися. Ви сами́ себе́ не бережете́. Изъ гори́ не встаете́ якъ ідете; гли́боко бредите́, не боіте́сь, а то́нете; изъ гори́ не встаете́ убива́етесь. Ва́жко Бо́гу изъ ва́ми ворочатись.

Бережёного, ка́жуть, и Богъ бережё. И Бо́гові ра́дістно якъ ви себе́ бережете́.«

Отта́къ Богъ научи́въ чоловіка. И спра́вді: сами́ себе́ не бережимо́, а все на Бо́га, все на Бо́га. Дежъ-таки́ ёму́ зо всіма на́ми ве́штатися, всіхъ насъ доглядати (*)?«

Зайшла́ у насъ річъ про попівъ. Дуже багато инші вимагають одъ людей за *треби*. Якъ же таки, зъ бідного чоловіка, на прикладъ кажу, за шлюбъ тягнуть пять карбованцівъ, та мішокъ пшениці,.. за молебень, *коли у церкві*, карбованця... за водосвятие три золотихъ пятирублевихъ.—Хвалить Настя свого попа. »*Не гра-*

(*) Отъ у сімъ случаі, Богъ виходить у нашого народа міцнішее одъ чоловіка.

(*) Тутъ, здаетця, нема віри »въ предопредѣленіе.« Мабуть те »предопредѣленіе« тільки про панівъ.

бови́тий,« каже; »а тимъ що загрібають—буде му́ка на тімъ світі. Чула я:

— »Іздивъ апо́столъ святи́й на осля́ті. Апостолъ, чи Григо́рий, чи Анто́ній.—Іздивъ, огляда́е гроби́, дозо́бромъ. Такъ ёму́ Госпо́дь давъ.

Іде разъ,—ажъ кість ле́жи́ть на гро́бі, и голова́, и усе до маслака́.

Отъ вінъ уста́въ изъ того́ осляті, прогрома́дивъ я́мку и захова́въ кость. Отъ на те й іздивъ той апо́столъ.

Отъ и впьять, у яке́ вре́мья, іде вінъ туди́ вдру́ге. Ажъ упья́ть та кість на ве́рсі. Отъ вінъ и ка́же: »Бо́же ми́лостивий! що́ се за кість, що ії й земля́ не прийма́?« А кість и ка́же: »Есть я піпъ.«

— »Чомъ же тебе́ земля́ не прийма́?«

»Такъ, ка́же, ми зароблія́емъ (*).«

Такъ онъ—якъ ті попи́, останне загрібаю́ть. У ёго́ вже й *пре́звірхъ* є, (**) а все загріба́е. Такъ и вимага́ють, такъ и вимага́ють!«

II.

ПА́МЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ́ НА́СТІ СОПУ́НКИ И ПАРА́СКИ МОРО́ЗИХИ.

Прі́хала до мене, у бесіду, бабуся Настя. та ще й не одна: привезла свою сусідку, Параску Морозиху.

— »Здрастуйте, каже, зъ неділею васъ. Чи здорові ночували?« (А се було вранці. Ввечері питають, чи здорові днёвали)?

— »А я до васъ съ Параскою. Вона вамъ пісень заспівае. Дарома що стара — а така ще моторна. Мині оце у пригоді стала. Идемо по дворі, я й упала... та якъ би не вона, то й досі бъ ще лежала тамъ. Підвела, спасибі ій. Дай ій Боже, якъ упаде, то щобъ и ії підвівъ хто небудь!« (сміетця).

Параска трохи молодша одъ Насті. И вона жъ такъ, якъ и Настя, казенна, зъ одного села. Удови оби-дві. Параска смутнійша одъ Насті. Настя и пошуткуе, и посміетця — а та все смутна, похмурна. Все сидить рукою підпершись, все думае объ чімсь, наче думка яка важка запала ій въ голову.

(*) Зароблямъ=заслугуемъ.

(**) Пре́звірхъ є,=всёго черезъ край.

Збірався и въ неї побувать у хаті, якъ просила, такъ не мавъ часу,—прозбірався.

Настя попросила почастувать її (Параску) горілкою, (сама вона вже 15 годъ не пье).—Якъ почастували — то вона трохи ії повеселійшала, и пісьню заспівала.

ОПОВІДАННЯ НАСТІ ПРО ОРДУ.

— »Мого бáтька брáта та булá взяла Ордá; а вінъ тамъ бувъ послýшничкомъ у одного татарина 5 годъ, чи що. Ото якъ бувъ вінъ послýшничкомъ, такъ той татáринъ поіхавъ, та й застрéливъ гадюку (вінъ знавъ, бачъ, и якý). Та кúпнемъ ії трічи й спáривъ у в'окрóні, та й зварúвъ у казанкý. Отó, зварúвши ту гадюку, вінъ и ззівъ ії, и юшку випивъ та й посилáе мúти той казанóкъ до річки, та приказуе: »глядú, купáкъ, не кушáй тутá, нічого не займáй, пропадé твоя...« Такъ вінъ и покуштувáвъ крúхотки ті.

Отъ, кáже; якъ покуштувáвъ, дивлúсь:—кобúла ирже́,—кобúла кáже: »сідáй на мéне, я тебе перенесý у твій край.«

А лошáкъ, стрижáкъ бувъ, та й кáже:

»А я якъ бýду?

А вона й кáже: »плúви за мнóю, перепливéшъ.«

Такъ я, кáже, сівъ, та й переіхавъ. А *вінъ* (татаринъ) лігъ спочивáти, покýшавши, отой татарюга, а тамъ якъ схóпитця, та до річки:

»Гей, кунáкъ, я тобі щось скажу, вернúсь!«

— »Богъ изъ тобóю!.. мині Богъ волю давъ... не вернýсь!«

— »Та якъ підешъ у свій край, то не іжъ калúни. Пóки бýдешъ живúй не іжъ, то будешъ усé знáти. А якъ покуштýешъ, то й не бýдешъ знóву знáти нічóго.«

Ото й приіхавъ братъ зъ невóлі: кінь принісъ. Та такъ и хóчетця ёму покýштувáть тії калúни, такъ и кортúть ёму.

Годъ не івъ — то й усе знавъ: що якá трава́ говорить; якъ лісъ плáче коли ёго рубáють; що кóні говорáть... усé, усé, усé знавъ. А тамъ, якъ покуштувáвъ—то все забýвъ, нічóго вже не знавъ.

И дúдина могó бáтька булá въ невóлі. Вісімъ годъ послýшничкою булá... та такъ, кáже, лахматúну де нáйде, та приволочé —

тимъ и прикрива́е своє́ тіло. А то нічо́го нема́, неодя́гнені хо́дять, одяга́ла того у Орди́ не було́.

Та й дя́дина утекла́. Іхъ тро́е й тіка́ло. Хова́лись по бурьяна́хъ, по комиша́хъ—то що... А іли вони́... отъ, коринє́ць яки́й ви́ковиряю́ть,—то й іля́ть. Одна́ погризе́-погризе́, та й переда́сть дру́гій, а та третій... Го́споди ми́лостивий... натерпі́лись вони́ ли́ха!..«

Питаю у бабусі, чи сторожили у насъ гряницю, щобъ татарва не наскочила зненацька?

— А якъже не сторожили:—сторожили, и хворпости ставили. Отъ про хворпости я й сама знаю, сама іхъ ба́чила.

— Щожъ то за хворпости були, бабусю?

— »Хворпо́сти?..

А чоти́рі сто́впи поста́вить, та й сно́зи повбива́еть, такъ якъ бо́вдуръ, та й соло́му набье, такъ-таки й напха́ по́вну; та впьять, на верхъ тихъ деревни́нъ, та ще деревни́ни, впьять че́тверо... у го́ру... щобъ ви́соко було. Та й впьять соломою набье. И впьять деревни́ни, чоти́рі жъ, щобъ ви́соко було́.

Такъ ото́ якъ уже́ поставить по 3 деревни́ні, та якъ набье́ соло́мою, та й стоіть воно, стоіть.

Та якъ почу́е, що Орда́ настига́е, то зни́зу й підпа́лить... а вона́ ку́рить-ку́рить, та горить у го́ру.

А ми було́, каже ба́тько, усе́ на гору вибіга́емъ, та ди́вимось на ті хворпо́сти.

То я́къ дале́ко-онъ *Ямпі́ль* (*), а й то ви́дно. Отъ якъ запа́лить, то всі й зна́ють що Орда́ йде́... на всю Украіну ви́дно!

А ко́ло хворпо́ста доро́га йде, би́тий шляхъ... Ко́ло тихъ доро́гъ хворпо́сти зна́рошне становили... А якъ орда́ підсту́пить до *Бахму́та* (**), такъ у насъ земля́ гуде́ та гуде́, а соба́ки за́разъ зачну́ть га́вкати... почу́ють зда́лека—та й га́вкають по го́рахъ.

Ото́ й зна́ють у́сі що Орда́ йде, и що вже бли́зько.—А лю́де, якъ попаде́ іхъ Орда́ у по́лі, то по копи́цяхъ хова́ютця, а Орда́ за́разъ и пуска́е стрілки́ такі. Звісно, стрілка... лети́ть, лети́ть та й упаде́... та й світитця... така́-то яспа́: такъ и ссяе, такъ и ссяе́.

Отъ, яка́ тамъ люди́на й ви́хопитця, щобъ то стрілку ту собі узя́ти, а Орда́ й пізна́е, де лю́де хова́ютця, та й забіра́е у поло́нъ...»

(*) Двадцять верстовъ.

(**) 35 верстовъ.

Хворости ті, розказували люде, довго ще маячили по степахъ и по горахъ нашихъ. Люде іхъ не займали. Нашъ народъ поважае и береже всяку старовину. Тимъ-то й бабі Насті довелось подивитьця на ті хворости.

Отъ, на прикладъ тому, що якъ народъ нашъ береже старовину, роскажу про каламайковий поясъ. Почувъ я що у в'одного убогого казенного чоловіка есть старий каламайковий поясъ. Засилаю до ёго сватівъ—щобъ то купити той поясъ. Казавъ давати таку ціну — якъ вінъ схоче. Такъ щожъ? не продавъ, та й не продавъ. Самъ ходить московськімъ поясомъ підперізаний, а той, старосвіцький, повьязуе тільки у яке свято, а то въ скринці держить, хоронить. И вже на тому поясу, казали, и дірки є, такъ щожъ? не продавъ:—береже!

Росказувала мині Параска Морозиха:

— »У на́шого дідуся́ (запоро́жець бу́въ) таке́ ору́жие було́, що й на гру́дяхъ мідне, и на спині мідне; то якъ пу́ля вда́рить, то й одско́че, а якъ сту́кне, то тільки: *торо́хъ—торо́хъ* (*)! А дідъ висо́кий бувъ, висо́кий!—Пісто́лей че́тверо, и ша́бля була́... такъ шаблю поламали неда́вно, та поробили ножі, а оди́нъ злóмочокъ, то́вщенький таки́й, бра́ли на весілле...« Такъ баба Настя заразъ ій й налаяла: »Якъ таки́, ду́шко, не берегти було ту ша́блю... На́ що ви ій поламали?..«

Далі попросили ми Параску заспівать якоі старосвіцькоі пісьні. Довго вона одмовлялась, а тамъ и заспівала про *неволю*. »Нагадали ви мині росказуючи про Орду« —сказала вона до баби Насті.

Та зъ невóлі пта́шка сви́ще,
Охъ собі вóлюшку и́ще;
Кри́лля-пірья перебúла,
Ой по кліткамъ літа́вши.
Да кри́лля-пірья перебúла,

(*) Повинні буть лати. П. Скальковський, в'»Исторіи Новой Сѣчи,« росказуе на стр. 331 т. 1: »Въ древности Поляки выучили козаковъ носить нагрудники или легкіе панцыри и желѣзные *шлыки* съ перомъ павлиньимъ или пѣтушьимъ; но товарищество брони не любило...« Ні, видно у Запорозцівъ панцирі були до пізнійшихъ часівъ. Парасці не видумать сёго, бо вона зроду небачила ніякого панцерного війська.

Охъ по клiткамъ лiтáвши,
Свiй гóстрий нiсъ притушúла
По щолгáмъ (*) клювáвши.
Видишъ же (*бачишъ*, сказать по-прóстому) менé крiзь клiтку,
Якъ рúбочку крiзь сiтку.
Мавъ я собi хорóшую пúщу,
Ой все медъ та ситу—
А теперъ я мiю
Одинъ хлiбъ со водóю;
Мавъ я собi хорóшую постiль—
Ой пуховýю перúну,
А тепéръ я мiю
Одúмъ-одну́ рогожúну.«

Пiснi нашi у насъ теперъ мало спiваютця. Все московськi; або й нашi, та на московський голосъ. Рiдко почуешъ, щобъ хто завiвъ нашу пiсню, та на нашъ же голосъ.

Москалi, що повиходили въ чúсту,—понаучували парубоцтво салдацькихъ пiсень,—що спiваютця зъ гвалтомъ и крикомъ, и щобъ походний тактъ бувъ. — Ажъ дивитьця сумно, якъ инший парубокъ, и очi заплющить, и уха руками собi позатуляе, — весь перекривитця, та виводить:

»Охъ, у лузя́хъ, у лузя́хъ...«

Бувъ я разъ на весiллi: звали старшимъ бояриномъ. Сироти побралися. Та якъ завели дружки:

Охъ, и радъ-же-бъ я, дитя мое,
До тебе встати, тобi порядокъ дати,
Да сира могúла двери залягла,
Оконечко заклепúла...«

та на якийся московський ладъ!.. то хочъ изъ хати тiкай... саме у пору. Хата невеличка, народу тискъ... а пiсня... ажъ у в'ухахъ лящить. А тамъ, якъ повели молодихъ, у iхъ хату, такъ парубоцтво и завело:

Поле чистое, турецькоio,
Ми когда тебé поля́ прайдемъ...«

(*) »Инші співають: *По щоглямъ* клювавши.«

Старі сердютця на молодихъ за сі пісьні,—такъ що́ зробишъ? *Мо́да така́*, одказують! Щобъ нагадати Парасці ще яку пісьню, прочитавъ я ій «думу *о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ*« (*). Прослухала, а далі й ка́же: »ну, и я вамъ заспіваю. Голосъ ій—якъ дитину колишуть:«

»Ма́ти си́на колиха́ла,
И день и нічъ не всипля́ла,
Та ду́мала що до́брий бу́деть.
Ажъ ві́нъ уда́вся пьяни́ченька,
А ще й къ тому́ костри́ченька (*),
И въ ко́сті гра́е, й програва́е,
А свою́ ма́тіръ прогани́е.
»Иди́, не́не, прічъ одъ ме́не,
Бу́дуть, не́не, го́сті въ ме́не,
У жупа́нахъ, та въ капта́нахъ;
А ти, не́не, въ сирячи́ні,
У по́драній запащи́ні.«
Пішла́ жъ не́нька тиняючись,
По–під тѝнню валяючись.
»Де ха́тка тепле́нька,
Дити́на мале́нька
Туди́ жъ піду ночува́ти
И дити́ну колиха́ти.«

(А той сино́къ, изъ хоро́шими людьми́ богача́ми нагуля́вся (такъ воно́ завсегда́ буває), по́ки й капта́нъ обідра́вся).

Та тоді вже й про́сить:

»Та йди́ жъ, не́не, впьять до ме́не;
Бу́ду тебе́ шанува́ти,
Буду тебе́ й хлібомъ годува́ти.«

(Такъ вона́ вже сказа́ла):

»Не піду́ вже, си́нку, до те́бе;
Горю́й, си́нку, та своіхъ дітокъ году́й;«
(Бо ба́че, що вже сино́къ горю́е)
»А я вже бу́ду у до́брихъ люде́й проживати,
Бу́дуть лю́де мене шануваті.«

(*) Зап. о Ю. Р. т. 1, стр. 19.
(*) Сердитенький.

А у насъ, якъ ма́ти, коли́шучи дитя́, співа́е—то пла́че, пла́че...
Се пісня да́вня.
А тепе́ръ такъ пісе́нъ співають:
Гуде́ть-гуде́ть у, у, у, у... та *кикъ*!
Звісно—моско́вська мо́да.
Такъ, якъ—отъ соба́ка га́вкае, такъ тихъ пісе́нь тепе́ръ співають...«

Попосміялись ми надъ тою московською модою, а тимъ часомъ бабуся *Настя* вагадала де-що про Орду.

— »Ба́тько мині роска́зувавъ: якъ Орда́ бра́ла, то іде́ тата́ринъ коне́мъ. А таки́й чоловікъ, на деревя́нці, утіка́въ. Зъ ри́ховкою деревя́нка. Та утіка́ючи, й лізе чере́зъ тинъ, та й завізъ деревя́нкою, а самъ у кропиву́ голово́ю, у горо́дъ.

А тата́ринъ, поба́чивши що та деревя́нка ви́ткнулась зъ горо́ду, ду́ма що то ружжо́, та: »не пукъ Ива́нъ, не пукъ; я ні, въ ме́не нема́ пукъ; я не пукъ Ива́нъ!«

А вінъ лежи́ть, боітця ёго, щобъ вінъ не вбивъ, а тата́ринъ злика́вся деревя́нки, та й утікъ. Такъ и лопону́въ ко́немъ, якъ уздрівъ деревянку. Ду́мавъ, бачъ, що то не деревя́нка, а ружжо́, а то-таки́ деревя́нка зъ ри́ховкою.«

— »А то, бабуся мині роска́зувала: ото́ якъ Орда́ бра́ла,такъ породілля въ ха́ті оста́лося, а тата́рка й увійшла́. Прибра́ла тро́хи тамъ,—такъ істи жъ вона́ хо́че, тата́рка, та незна́е чого? Такъ вона́ напра́вила: »полізь, ка́же, у я́му (*), тамъ поіси́, та во́зьмешъ и мині принесе́шъ, и я істи хо́чу.

Вона́, бачъ, полізла бра́ти, а ця хазя́йка, бачъ, ії стовбула́ и поста́вила у ку́хву (такъ вже ії Богъ навівъ). Тамъ вона́, та́я тата́рка, и залила́сь. А хазя́інъ, бачъ, прийшо́въ, та й ба́чить що кінь есть (отъ що тата́рка приіхала). Збро́я уся́ серебряна—позоло́чена, а кінь до́брий-до́брий. Та й гово́рить: »ти жъ мене занапасти́ла.« А вона́, бачъ, хазя́інові й гово́рить: »не журі́сь; онъ піди́ подиви́сь у я́мі; тамъ тата́рка залила́сь.«

Тоді вони́ ко́ника обібра́ли, та й пусти́ли (бо імъ не тре́ба було коня́), а збро́ю собі забра́ли, бо була́, кажу́, серебряна.

А кінь вда́рився по сліду до-до́му.«

(*) Се бъ то—у погрібъ.

Се, мабуть, невеличкий зломочокъ якогось давнёго широкого оповідання. Бабуся часто жалкувала що теперъ стара, багато де-чого позабувала.» Чомъ ви раньше не приіхали,—було питае:—більше бъ почули; а то теперъ яка въ насъ памьять? Старі вже!«

Питавъ я у баби, чи не чуть у народі чого про Хмельницького Богдана, якъ вінъ визволявъ Украіну зъ—підъ Лядськоі кормиги? Такъ ні...

»Про Хмельни́цького ні́чо́го не чу́ти, а отъ про Семе́на Палія́ лю́де у насъ гомоня́ть. Отъ и про Мазе́пу роска́зують, та я, стара́, вже забу́ла.

Теперъ Петро́ зна́е, а я не зна́ю. Стара́: вже забу́ла (*).

А мій ба́тько, то все про Потёмку роска́зуе. Якъ-що, то вінъ заразъ про Потёмку того́. А отъ, хиба́ про Гаркушу—такъ то вона роска́же.

— »Я Гаркуши́на уну́ка, Петро́ва дочка́, (почала Морозиха), а ёго зва́ли Йва́номъ Степа́новичемъ. А бувъ вінъ таки́й, що й ку́ля ёго не бра́ла, и ша́бля не руба́ла (и мечъ, ка́же, не во́зьметь). И хочъ яке́ ві́йсько було́ на ёго́ йде́, а вінъ якъ заговори́ть, такъ и уди́ла попа́дають зъ ко́ней. Вінъ вмівъ, ба́чте, замовля́ти. Якъ же у серця́хъ бувъ, то якъ замо́вить, то й зъ ко́ней попа́дають.

Вірно, вінъ гадю́ки івъ, бо таке́ знавъ. Тоді такі лю́де були́, що все зна́ли. И ба́тько вмівъ замовля́ти, а вже ми, діти, не зна́емъ.

Гаркуша, Йванъ Степа́новичъ, не злюби́въ своє́і жінки, та й ки́нувъ ії, и зъ дітками зъ мале́нькими поки́нувъ.

Вона́ запеча́лилась та й ума́ тро́нулась. Ото́ жъ вона́ якъ заду́малась, а въ не́і зубъ и заболівъ; тоді вона́ изсу́кала шнуро́чокъ изъ бе́лі, та й зачепи́ла, та й того́ зу́ба ви́рвала, та ще ще́лина повреди́ла. Отъ вона́ й тро́нулась.

А дідъ те́е усе́ знавъ, хочъ бувъ де! Отъ якъ вінъ взнавъ, що ій не благополу́шно, та й самъ приіхавъ. Приіхавъ, та й питае: »чого́ се ти заду́малася?« А вінъ и самъ знавъ чого вона́ заду́малась. Вона́ й ума́ тро́нулась, а вінъ знавъ, та тільки такъ пита́е.

А вона́ жъ ста́ла, ка́жу, неблагополу́шна. Було́ соро́чку зніме, та такъ и хо́дить.

Ії и въ погрібъ закида́ли, и до зна́хурокъ вози́ли—не помогло́.

(*) Петра не довелось почути. Не мавъ часу.

Отó, якъ вінъ спитáвъ, а вонá зáразъ и стúшилась. (Тутъ баба Морозиха задумалась трохи). А вонú були, ті Запорóзці, та й *варяги* гáрні. Усіжъ містá вінъ знáе; дé що лежúть, дé що стоїть, усі міста знáе, нáче самъ положúвъ... Онъ, скільки рýжківъ, скільки чогó у тій могúлі підъ Славьянскімъ поклáдено, усé знавъ...

А вмеръ вінъ, дідýсь, хорошé. Я знáю, де ёго й поховáли. Угорóді у насъ й поховáли.

Сімъ годъ вони ходúли вже непóмнящі та й перестáвились...

...А здорóвий нарóдъ булú сі Запорóзці!..«

»А то, ось послýхайте, (изпяла річъ Нáстя Сопýнка), отó, якъ Потёмка розорúвъ Святогóрщину, и Запорóзцівъ пороспускáли... Я не знаю, чи іхъ пороспускáли, чи вонú вúслужились, чи якъ вже такъ булó—не знáю, не скажý того... Ну, якъ іхъ тамъ пороспускáли, то й до насъ прийшóвъ у хутіръ, полкóвникъ запорóзький Романъ. Висóкий—висóкий та лúсий. Тільки ёмý й волóсся що на потúлиці. Та й убогий же. У ёго тільки й велúкого булó, що ймя полкóвникъ. А убрання у ёго не було нiякого. У мужúцькій свúті й ходúвъ. У ёго й волосівъ не булó. Вонú скрізь тинялись жúти, —отъ и до насъ прийшóвъ.«

Щожъ вінъ робивъ у васъ, бабусю?

— Що робúвъ?—Горілку пивъ. То ёгó й робóти булó (засмiялась).

Оженúвся вже старúмъ-старúмъ, а жінку взявъ молодý та прехорóшу. Жінку ёгó полкóвничихою й звáли. По ёмý вже: вінъ полкóвникъ—и жінка полкóвничиха.

Разъ ёгó сусіда розсéрдила. Позвáвъ ій чоловіка горілку пúти. Отъ вонá ёго й розсéрдила за те, и чоловíка не пустúла.

Такъ вінъ сівъ на причілку, та якъ пугýкнувъ тричі... такъ: пугý, пугý!—такъ такъ стáлось, що ій чоловікъ та ставъ запóемъ пúти.

У полкóвника бувъ синъ Терéшко, а у Терéшка синъ Грицькó. А Грицькá вже вбивъ чоловікъ на Чорнýхиній слободі, онъ що за Багмýтомъ.

Наемець іхавъ на пóшті, и поштáрь поганя. А Грицькó й іде на зустрічъ зъ горшкáми. Горшкú везлú. Отъ поштарь той и кáже наёмцеві: »шо ти за наёмець, що возú зъ горшкáми не попереверта́ешъ?« Отъ наёмець и схотівъ ті возú перевернýти.

Тоді Грицькó узявъ киёкъ, та йде: »оберни́, кáже, оберни́!«

То наёмець ёго й вбивъ, а самъ утікъ. А Грицько́ бувъ ду́же прия́тний чоловікъ,—до́брий та розу́мний.

Двое́ діте́й и жінка зоста́лись після ёго.

А наёмець той не пішовъ вже въ наёмці. Его́ тре́ба було́ на Сибіръ, а вінъ пообіща́въ одкупи́тись... та й досі пла́тить жінці й дітямъ де́сять цілко́вихъ у годъ, та разъ присла́въ три че́тверті пшони́ці, та ще поду́шне пла́тить зо хло́пчика, и плати́тиме 20 літъ, до зро́сту до по́вного того хло́пчика.

Ота́, що зна́ете, Олекса́ндра, що до васъ прихо́дить, то Грицько́ва жінка.«

Се, здаетця, уже другий судъ громадський, намъ відомий (*). Громада розсудила, що до суду вдаваться не треба. Судъ присуди́въ би заслать того наёмця у Сибіръ, а діти Грицькові все бъ таки остались безъ заступника. Нікомубъ було за ними клопотаться. Звісно, що́ зможе вдова? Отъ и присудила громада, шобъ той наемець та ставъ дітямъ Грицьковимъ за отця (**).

III.

ДЕ́-ЩО ЗЪ БЕСЕ́ДИ ЗЪ НА́СТЕЮ СОПУ́НКОЮ И ЗЪ ДАНИ́ЛОМЪ ГЕРАСИМОВИЧЕМЪ ГАРБУЗЕМЪ.

Прочувъ я, що въ сусідній слободі казенній, живеть чоловікъ старий–древній Д. Г. Гарбузъ, и що тому чоловікові уже надъ сто літъ. Хотівъ–бувъ поіхати до ёго — такъ кажуть, що недужъ лежить — сподіваетця смерті.

Ажъ такъ, у яке времья, приходить одна молодиця зъ тоі слободи, и каже мині: »кланявся вамъ Данило Герасимовичъ Гарбузъ, и просивъ до себе.«

— Йо? Хиба одужавъ? А казали жъ, що вже на Божій дорозі.

— Та одужавъ на яке времья. Ідте бо швидче; казавъ що дожидатиме васъ.

Зібрався я, побігъ. Заіхавъ за Настею, щобъ то зъ нею увійти у хату до Гарбуза,

Увіходимо. Хата простора, гарна. Усе въ хаті якъ слідъ. Прямо противъ дверей сидить, у білому кожусі, дідъ сивий... на долівці біля

(*) Див. »про злодія у селі Гаківниці.« Листъ IV съ хутора. Основа 1861, IV кн.

(**) Наемець той, оце недавніми часами, вмеръ.

ёго граютця дітки маленькі. На лавці, біля віконця, сидить молодиця, пряде. Перехристились, кланяемось господарямъ. Просять у хату. Я до діда. Питаю про здоровье.

— »Яке мое здоровье, одказуе. Старий дуже. Нема надъ мене старійшого на цілий óкругъ. Мині вже 102 годи.—Уже не знаю, на що Богъ мене держить? Слабий... яка зъ мене користь? Тільки лежу та охаю. И сна вже немае. Зовсімъ якъ мала дитина. — И вітромъ повалить! На щó тільки Богъ мене держить? Уже давно пора вмерти.«

— »Богъ то знае, на що васъ держить. Ви кажете, яка зъ васъ користь? Отъ же й я чувъ, що до васъ приходять совітуватьця, ради просить... а ви кажете—яка зъ васъ користь? Ви молодихъ научите, на добро наставите.«—Вмовляю старого.

— Э, тáкъ молоді й слухатимуть насъ старихъ! Старий свое, а молодий свое. Ти ему те кажешъ, а вінъ свое править. Ну, та я не хочу гнівить Бога... вінъ знае—на що держить. Его святая воля!« одказуе старий, кладучи хрестъ и обертаючись до иконъ.

— »А я якъ почувъ, що ви занедужали, то боявся що й не побачу васъ. У недузі вже, кажу, яка розмова. А мині дуже хотілось побачитця зъ вами, та роспитать де що про старовину нашу.«

— »Э, чомъ васъ раньше не було тутъ? Теперъ я старий: де мині усе згадати?«

— »Та щó згадаете, те й роскажіть. Отъ я вже де–що записавъ; отъ и одъ Насті... а тутъ и ви що роскажете. Дяковатиму вамъ.«

— »Та добре; чомъ не росказать. Що згадаю—роскажу.« Отакъ гомонимо зъ старимъ, а дітвора все до діда, все до діда. Перебивають розмову. Дідусь то одного візьме до себе, у кожухъ, то другого підсадить на лавку, то зновъ зъ лавки спустить... бачу, що тутъ не можно буде записувать. Зазиваю діда до себе.

— »Э, дежъ таки мині дійти до васъ. Я й изъ хати самъ не виберусь. Черезъ порігъ не перелізу.«

— »Та про се не турбуйтесь. Аби бъ була охота, а то й прійдемо за вами. Скажіть тільки—коли приїздить?«

— »Ну, коли такъ, то й добре. Якъ пришлите за мною, то й прійду.«

На другий же день приїхала Настя Сопунка и привезла съ собою діда. »Якъ буде ласка, кажуть, то ми у васъ и заночуемо. За нами одма нікому плакать.«

— »Отъ и добре. Я сёму радъ. Пообідаемо, та якъ спочинете, то й погомонимо́; а я–таки и па́піру наготовивъ. Буду записувать за вами.«

— »Та ми боімось, щобъ не надокучити вамъ.«

— »Отъ, Бо–зна–що кажете!«

— »Ну, дай же вамъ, Боже,« каже Настя, що просите, що слухаете старихъ людей, та ще й записуете наші речі. Теперъ такъ настало, що молоді люде тільки сміютця надъ нами. Отъ якъ почнемъ що небудь—якъ воно велось у старовину, то й сміютця.

»А ви приздіть до насъ, та привізіть горілочки, та почастуйте кого треба, то вамъ и пісе́нь заспіваютъ запорозькихъ, и роскажуть все що треба. Вибачайте, що я такъ–таки й кажу, по–про́стому. Воно вамъ лучче, та й людямъ веселійшъ співати. Отъ, почастуйте, лишень, старого, то й вінъ, даромá старий, а яку небудь пісьню й нагадае.«

— »Я годівъ 10, и лучче, чумакувавъ,« каже Гарбузъ. »Тоді й пісень співавъ, а теперъ що? Теперъ я старий, и голосомъ не виведу.«

— »Та ну–бо, старий! Випьешъ чарку, то й виведешъ,« перехопи́ла Настя.

— »Чарку горілки, або й дру́гу, не гріхъ випити; а гріхъ чоловіка налаяти, гріхъ чоловіка осудити, або отця — неньки не поважа́ти. А горілки чарку не гріхъ випити,—вона на здоровье. Коли дасте, то й випью...

Не люблять теперъ насъ, старихъ,—та ніде дітись, Богъ держи́ть...

Хороше́ я живъ. Синівъ три—оженивъ; пьять дочо́къ—поодававъ. Тоді й баба уме́рла... Попоби́въ би я ії щобъ не вмірала, щобъ не ки́дала мене само́го...

Ой, беда́, беда́ безъ ба́би жи́ти. Спасибі Бо́гові милосердному, вона въ мене по чужихъ ни́вахъ не ходи́ла... Я й не зазнаю, щобъ у худихъ сорочка́хъ ходивъ; а теперъ Богъ ёго зна́е, якъ и бу́деть?

Хороше́ я живъ. Ні въ ко́го грошей не позичавъ... Благодарить Господа милосердного; а теперъ якъ–то воно буде—незнаю... Що дасть Господь милосердний?

Беда, беда жи́ти безъ баби... На що Богъ мене держи́ть на світі?

По́ки була́ баба, то й ді́ти слу́хали мене, а теперъ, бодай не

казати! Въ мене три сини́. Тількижъ одинъ чоловікъ якъ слідъ. Одинъ, ме́ньшенький, отъ що зо мною живеть. То й тільки й знае Господа милосердного. То й тільки й знае що въ ёго есть батько. А ті два... ну, то вже!.. Ото, якъ занедужавъ, такъ вони й не прийшли, навидатьця не схотіли... чи живий батько, чи вже... О, Боже милий, Боже милий!.. Я жъ іхъ и гра́моті вивчивъ, и воликівъ давъ,.. та що: усе, усе... жили́ бъ гарно!

А то, онъ, ста́ршенький, и звівсь ні на́що. Теперъ, якъ повчивъ его оцімъ ціпкомъ, та якъ побачивъ що не то... то й оха́нувся трохи. Теперъ жалку́е... Не вернетця!«

(Теперъ, познакомивши, якъ зумівъ, чительника зъ сімъ дідомъ, я буду записувать тільки де́-що зъ его розмови, не вьяжучи одного оповіданія ёго зъ другимъ.)

— »А на Сама́рі живъ самъ Запоро́жець. Ото́ до Багму́та, та до Маронполя скрізь запоро́зька земля́. А въ Славя́нському, а въ Райгородку́ жила́ Орда́.«

— »У Слободі, у Лима́ні бувъ приёмъ. Отъ яка слобода́ Лиманъ (невелика), а бувъ приёмъ. Тоді таки́ городи́ були́. Мій ба́тько козако́мъ бувъ, а тамъ якъ повернули́ іхъ у гусарію, то й ёго́ взяли́ у гуса́ри. А приёмъ бувъ у Лима́ні.«

(Про хворпости и дідъ знавъ.)

»Отъ якъ тоді було́. На хворпо́стахъ якъ запа́лить бочки́, то й знай, що Орда́ йде. Отъ якъ запалить ті хворпо́сти, то й тіка́й у лугъ (*). То тамъ и хова́ютця,—не то день, а й цілий ти́ждень ви́сидить. Орди́ боялись. А противъ городка́ та стоя́въ стовпъ земляни́й, зъ де́рню. 10 саженей завви́шки бувъ той стовпъ. И то одъ Орди.

А Славя́нський звався тоді Тіръ, або Торъ. Тамъ жила́ Орда́. Тоді тамъ соляні озе́ра та завóди були.«

Москалівъ тоді й не було тутъ; и не побачишъ було москаля́,

(*) На правімъ боці Дінця підіймаютця крейдяні гори, а на тімъ боці лугъ.—Тому лугу й кінця не було видно. Тільки де-не-де по ёму річечки та озера вилискувались, та хутори зза-дерева визирали.

Теперъ и не пізнати того луга. — Зъ легкої панської руки почали усюди лісъ вирублювати. Тамъ, де попереду стояли віковішні дуби, та берести, та липи,—тамъ теперъ и хмису не дають гараздъ піднятьця,—рубають та продають. Чувъ я самъ, якъ люде лають панівъ, що дурно лісъ переводять. Теперъ таке настало, що нинший державець продае свій лісъ за півціни... аби бъ розвьязатьця зъ нимъ! Таке-то. Затого весь лісъ у Харьківщині переведуть.

а все наши: *ру́ський народъ*, *ру́ський народъ*, а москаля тутъ не було. Се земля хахла́цька, съ-поконъ-віку, а не московська. Тутъ була *Гатьма́нщина*. Се наші зе́млі були́—а москаликівъ и не було́. Тільки козаки́ та Запоро́зці. То Запоро́зці було́ звуть насъ *Гатьма́нці*, а ми іхъ *Запоро́зцями*... Якъ небуло́ москале́й, то лу́чче жили. Се Л... ви и понаво́зили іхъ сюди́. Та такіжъ погані були ті москалі: волосся ёму́ роскудо́вчане, пика не вми́та, та такі непри́брані... та такъ и сідають обідати. Та й ло́пають же, Го́споди!..

Надъ на́шу мо́ву й нема́ лу́ччої. А піди—Рассі́ захопи́—вже не той щотъ. И тобі пра́вди не ска́жить, не тілько що!

Онъ ходи́ли ми въ Воро́ніжъ. То де нашъ народъ живе́ть, то га́рно й гово́рять, а де моска́ль... ге! хочъ поки́нь. Такі!«

»У Катеринослáвський губе́рніи якъ була́, то ба́чила Німцівъ, (роска́зуе На́стя). А Німці ті Каштели́цькі, та такі розу́мні та у́мні. По на́шому гово́рють такъ хороше́, и хлібъ по на́шому печу́ть, и ва́рють по на́шому. Го́споди милосе́рдний! які то розу́мні! И живу́ть га́рно. У ко́жного й коло́дязь на дворі, та насо́сами й накочують собі во́ду. Въ стіні така́ ди́рочка мане́нька. Німець нако́чуе, а вода́ зъ тиі ди́рочки и ллетця, и дзюрчить... Га́рно живу́ть...«

— »Якъ зазна́ю, (казавъ Д. Г. Гарбузъ), то лісъ продава́ли: копа́ візъ.

Вівця́ зъ ягне́мъ—два съ копою.

Коро́ва съ теля́мъ—12 рублівъ, а то й 10,8. Поду́шного платили 30 к.«

Якъби не бра́ли у поло́нъ Орди́, то вона бъ и до́сі тутъ *фигрува́ла*. У Ра́й-городку́ жъ и домъ іхъ бувъ — тамъ той не́приятель живъ. И до́ми въ ёго́ були́, и воро́та серебряні.

Отъ якъ я ще мали́мъ бувъ, то тамъ у Рай-городку́ було́ знахо́дять, на сами́хъ піска́хъ, черепо́чки зъ серебро́мъ: тамъ вінъ и живъ. А піски́ ті ложбинка́ми ху́же помо́сту сёго́. Якъ иде́шъ то ажъ дзвини́ть піско́къ той. Тамъ було кровопроли́тие.

А то тамъ находили ще пло́щики одъ стрілъ. Такі покарбо́вані.«

»Пре́жде, якъ зазна́ю, такъ упаде́ зима́ якъ дощъ на молодику́,

та й ростáне. Та отъ, якъ взялú Кримъ, такъ зъ тóї порú и зúмá стáла.

А за Дóномъ нікогдá въ свíті, булó, й не побáчишъ снíгу. Оттáкъ булó. Тíльки слáва, що зúмá, а то тéпло. На Різдвó бабú мáзали хáти *óколо*, *óколо*!

— »Объ Різдві ходúли на річку прáти ў в' одúхъ сорочкáхъ. Ій Бóгу. Се я самъ зазнáю. Отъ яка булá зúмá тоді.

А якъ же Катерúна завладíла Крúмомъ, то вже й зúмá стáла.

Та отъ, якъ Хранцýзъ прихóдивъ, (я ще бувъ тодí отдатчикомъ) такъ тоді, зúмá булá дýже холóдна. Снíгу такóго булó багáто...хáти скрізь позанóсило, позабивáло. Лю́де лáзили въ хáту крізь димарі. Багáто скотúни пропáло. Напувать не можно булó; де тамъ,—и нóса вúткнуть зъ хáти *стрáшно*.—А Донéць тоді бувъ узéнький — узéнький. Все плéсами. Перескóчити мóжно булó. Теперъ не такúй свíтъ...—Отъ шовкóвиці у васъ е у садкý?«

— Нí, немá.

— »Эгé жъ! А то й у насъ булú. Булú всякі: и червóні, и бíлі на ягідкú. А тепéръ шовковиць и не вúдно (*).«

IV.

Ну, казала баба: заспівать вамъ. Слухайте жъ. Сама чумацька.

»Ой хто въ Кримý не бувáвъ
Перекóпа не видáвъ.
Перекíпський комендантъ
Запорóзцямъ дає знать:
»Годі вамъ, Запорóзці,
У Калачахъ стоя́ть,

(Калачі—городъ такий)

А біжíть до Салгирю́
Чумачéньківъ рятувáть.«
Ой прибігли до Салгúрю,
Ажь лежять нáши чумакú,

(*) Та не тільки шовковиці—а то й сади переводятця. А зъ садами и лісами, и пасіки пропадають. В. К.

Ой лежять на́ши чумаки́
А де два, де чоти́рі.
А каза́въ князь Долгору́къ
Що не здійме Орда ру́къ,
А Орда́ ру́ки изняла́,
(Та) Чумаченьківъ забрала́.
Ой погна́ли чумака́
На три би́тіі шляха́,
На три би́тіі шляха,
Та въ четве́рті озера́.«

Отъ вамъ ще:

Та повій, ві́тре буйне́сенький,
Зъ восто́чного моря.
Менулося та бурла́ченька́мъ } двічі.
(Та) По-за́ До́номъ во́ля. }
Було́ шу́мно, по *чула́нахъ* (*)
Тепе́ръ ста́ло ти́хо;
Було́ до́бре, та по-за До́номъ, } двічі.
А тепе́ръ ста́ло ли́хо. }
Парува́ли та бурла́ченьки
Все воли́ рябі́і,
Малюва́ли бурла́ченьки } двічі
Все вози́ нові́і. }
Та наіхали та реведони (**)
Бурла́къ у слу́жбу бра́ти:
»А що бу́демъ, та ми́лее браття, } двічі.
Ду́мати—гада́ти? }
»Та куди́ жъ бу́демъ, та милее браття,
Бу́демо писатьця?
Запи́шимось у па́нське } двічі.
Бу́демъ панівъ зна́ти. }
»Запи́шимось у каземное—
Бу́демъ по́дать дава́ти,
Бу́демъ по́дать дава́ти, } двічі.
Та й у слу́жбу будуть бра́ти. }

(*) *Чула́ни*—хліви, такъ якъ домі́ по-за в' До́номъ.
Д. Гарбузъ.

(**) Инші співають *ревизо́ни*—ревизоры.

А тогді такъ було: запи́шитця у па́на, та зъ тако́ю умо́вою, щобъ у слу́жбу не ддавали, то й не ддаду́ть. А тихъ, що у казенні запи́сувались, зъ тихъ и въ слу́жбу бра́ли. То було́ якъ некру́чина, то й тіка́ють каз́е́нні до па́нськихъ,—та вже не помо́жешъ.«

Я прочитавъ діду — »Наймичку« Шевченкову. Дідъ заплакавъ. »Правда,« каже, »чиста правда. Та якъ гарно! Боже, якъ гарно. Се *ко́ванимъ сло́вомъ?*« (*)

V.

ПАМЬЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ МИХАЙЛА КОЛЕСНИКА.

Одного вечора кажуть мині, що питае мене якийсь чоловікъ. Вихо́жу. Стоіть чоловікъ вже немолодий, білий волосъ на голові починае вилискуватьця. Вуси довгі, у низъ падають; висока сму́шкова шапка у руці (**). Иде мині на зустрічъ, руку подае. Привітались. »Що? правда тому, що ви про старовину роспитуетесь?»

— »А якъже, кажу: правда».

— »Такъ отъ я вамъ роскажу, а ви запишіть. А то скоро всі позабувають, якъ було намъ жити у ту старовину«.

Прошу ёго до себе. Посідали.

»Отъ яка наша старовина, починае Михайло Колесникъ:— — —

Михайло хочъ и не чумакувавъ, алежъ багато волочивсь по світу, заробляючи собі копійчину на старість. Нанявся вінъ на одинъ байдакъ крамарський—и плававъ по Чорному и по Серединному морю годівъ зъ 5, чи–що. Бувъ, каже, и на Кавказі, и въ Турціи, и въ Италіи. »Тонувъ,« росказуе, »скільки разівъ, а все Богъ милосердний спасавъ, не давъ пропасти.«

(*) Стихами. Д. Г.

(**) Вже въ нашій стороні мало видно смушковихъ шапокъ. Москалі попавозили плисовихъ. Плисові хочъ и гнилі—та дешевше, а тутъ ще убожество! Отъ и купують,—а більше міняють.

У насъ багато людей ходють по чорноморськихъ городахъ, та ще на Дінъ, на заробітки. Якъ тільки худоба пропала, то вже лучче кидати свое господарство—и йти на заробітки. Росказували мині, що якъ хто схоче, изъ казеннихъ, узять билетъ, той мусить поставить старшимъ півъ-відра горілки (1 р. 25 к. на ср.) »за согласіе«, та писареві, окрімъ того що за билетъ, съ копу серебряну за працю треба поступитьця. Тоді, якъ се сполнивъ, началство удоволнивъ—ти й станешъ вільнимъ козакомъ... Иди собі, заробляй, щобъ и собі було, та щобъ було чимъ поклонитьця кому слідъ, якъ вернешься. Михайла я просивъ, щобъ вінъ заспівавъ мині яку старинну думу, бо сказали що знавъ. Такъ ні. Усі, каже, поперезабувавъ.

Узявъ я Записки о Южной Руси, П. А. Куліша, и прочитавъ ёму про козака Голоту и про Ґанжу Андибера. Дякувавъ вінъ дуже за те, що прочитавъ—а тамъ и самъ заспівавъ мині думу про «*Розбійника Перебійноса*«. Сю думу я списавъ и доставлю іі опісля у в'Основу. А теперъ подаю ёго оповіданнє, про те, якъ Запорожці пішли изъ Січі до Турка.

»На сконці Жеребця́ (*) моги́ла є. Въ тій моги́лі усі доку́менти запоро́зькі закля́ті лежя́ть. Запоро́зці зъ доса́ди іхъ тамъ сховали и закля́ли. Усе ору́дие, казна́, су́кна, усі това́ри дороги́і, зла́то и сребро, пу́шки, оде́жа, все поки́дали и закля́ли у тій моги́лі. Казани́ мідні, гарма́ти и гроші,—усе поки́дали Запоро́зці. Та могила якъ-разъ на гряниці Запорожжя (**). А зъ Чо́рноі моги́ли гряни́ця пішла́ на сей бікъ Дінця икъ Изюму. Ко́ло по́шти, у в' Изюмі, и до́сі стоіть муро́ваний стовпъ и пень спа́лений, обгорі́лий: и то гряниця. Се все були́ запоро́жецькі зе́млі, отъ де ми живемо...

Якъ зосталась Катери́на сама́ на ца́рстві, удово́ю, такъ грахвъ Румя́нцовъ бувъ у не́і пе́рвий чолові́къ. Вінъ всімъ пра́вивъ, якъ хотівъ, вона́ ёму дові́рилась. Що схотівъ гр. Румя́нцовъ, те й

(*) Річка невелика; вливаетця у Донець недалеко одъ Славьянського.

(**) У пана Скальковського, на его карті въ »Исторіи Новой Сѣчи«, гряниця Запорозька сюди не сягае. А у Миллера, у ёго «Историческихъ сочиненіяхъ о Малороссіи иМалороссіянахъ,« отъ-що читаемо на стр. 42:

»А внутри земли, около *Изюма* и на верховьяхъ рѣкъ *Тора и Бахмута*, россійскихъ жителей »Запорожцы« отогнали, сказывая, что кто тамъ жить хочеть, то и долженъ имѣть отъ запорожскаго войска позволеніе и платить имъ оброкъ.«

робúвъ. Вонá не поперечила ёму. Отóжъ гр. Румянцóвъ и совíтуе Катери́ні: »Козакú Запорóжецькі — не христия́не, не богомíльці. Запорóжець, ка́же, ожéнитця на одній сестрі, а якъ умре́ вона, такъ бере́ за сéбе дру́гу жъ сестру́, рідну. Воní, ка́же-совíтуе, нехри́щені:—ви́жинемо іхъ.«

А було́ се такъ:

Пани́ схотíли взять оці зéмлі собі на дéржаву, бо земля́ дóбра, и річки є, и лісу чима́ло,—а тоді було́ ще більшъ. Отъ, по усіхъ гóрахъ тутъ бувъ лісъ, а тепéръ вже нема́... то пана́мъ дýже хотíлось завлада́ти сіéю землéю. Такъ Запорóжецька! Самí жъ воní не посмíли проси́ти Катери́ну—царицю, а сказа́ли тому́ гр. Румянцову, щобъ той попроси́въ. Отъ Румянцовъ графъ и прóсить. »Ма́мо, ка́же: Запорóзці нехрищéні, не богомíльці, ви́женемъ іхъ, а зéмлі оддамó пана́мъ у дéржаву. И тобі лýчче, та й намъ бýде вигоднíшъ.« А Катери́на й питае: »дежъ дíнемъ Запорóзькихъ козакíвъ?« А вінъ ій убезпéчивъ: »зна́йдуть, ка́же, дé дітись. У тéбе, ма́мо, землí мнóго,—то неха́й собі шука́ють; а сю оддамó пана́мъ.« Отóжъ Катери́на й послýхала, та й приказа́ла Запорóзцямъ шукать собí землі у дрýгімъ мíсті. »И справді, ка́же, у мéне ій мнóго.«

Якъ почýли Запорóзці такúй мáтушкинъ прика́зъ, такъ и запла́кали. »Ну, кажуть, колú такъ,—такъ не трéба намъ твóеі землі; неха́й при тобі вона́ й бýде; а ми, кажуть, вже ви́шукали собі зéмлю у Тýрка, у *Темнíмъ Лузí*. Вінъ намъ бýде ба́тькомъ, а тепéръ ти намъ не ма́ти.

Проща́й, ка́жуть:

Якъ за́йдемъ за Дýнай,
То до-дóму й не дýмай.

Хочъ закликáтимешъ—не при́йдемъ.« А тоді у нихъ полковникува́въ *Бóндарь*,—*Гладкúй*,—по письмéнному. Сей Бóндарь знатни́къ велúкий бувъ. Отóжъ якъ прийшовъ до нихъ мáтушкинъ прика́зъ, щобъ перехóдили на дрýгі зéмлі, тоді Запорозці заховáли все свое добро у Чорну могúлу, а Бóндарь той и закля́въ ёго, зъ доса́ди. А тутъ одъ царúці зновъ прика́зъ: присла́ти до столúці депута́тівъ. Бóндарь и ви́правивъ скільки-тамъ козакíвъ до Петенбурху, та й наказа́въ: »гледіть же, козакú, скажіть царúці Катери́ні, що се на́ші зéмлі.«

Приіхали ті депута́ти до столи́ці, а цари́ця й звеліла імъ настанови́ти обідъ. А гр. Румя́нцовъ наказа́въ, щобъ покла́ли імъ ложки́ у три аршѝни, и щобъ вони́, тими ложка́ми, обідъ обідали. «И цари́ця, ка́же, бу́де дивитьця, якъ бу́дуть козаки́ Запоро́жецькі ти́ми ложка́ми обідъ обідати. А якъ пообідають, ка́же, то неха́й собі віютця куди́ схо́чуть.«

Посідали за обідъ. Побра́ли ті ложки́ що у три аршѝни, та й почали́ Запорозці годувать ти́ми ложка́ми оди́нъ дру́гого.

А цари́ця, якъ поба́чила, то й ка́же:

»Та й недурні жъ сі Запоро́зці! Бачъ, що ви́гадали! А я, ка́же, ду́мала,—якъ тутъ спра́витьця зъ ти́ми ложка́ми?

Ото, якъ почу́ли Запо́розці, що ма́тушка сказа́ла, то й ка́жуть до неі: »ми, ма́тушко, хрищѐні!«

А вона тоді:

»А ти жъ казавъ, гр. Румянцовъ, що вони́ не хри́щені...?«

Отъ Запорозці й про́сютця: чи не́ мо́жно бъ імъ на іхъ зе́мляхъ зоставáтись?

А вона́ й ка́же: »ні, козаки́ Запоро́жецькі, ні, не мо́жно. Сю зе́млю вже пана́мъ одда́но.«

Тоді Запоро́зці запла́кали, та й пішли́ до Ту́рка.

Якъ прийшли́ вони́ до Ду́наю, то Бо́ндарь, полко́вникъ, парва́въ трави́, та й ки́нувъ че́резъ се́бе у Ду́най.

И козаки́ парва́вши трави́ поки́дали у Ду́най.

Такъ трава́, що вки́нувъ у річку Бо́ндарь, поплила́ противъ фи́лі, а трава́, що поки́дали козаки́, та пішла́ за водо́ю.

Тоді Бо́ндарь и прика́зуе: »слу́хайте жъ мене́! Розстеліть пітники́, та й стано́вьте на нихъ ко́ней, та й переправля́йтесь!«

Козаки́ послу́хали, *бо Бо́ндарь бувъ вели́кий знатни́къ* (*), та постановѝвши ко́ней на пітники́—попереправля́лись.

А Катери́на, якъ почу́ла, що Запоро́зці помандрува́ли до Ту́рка, у Те́мний Лугъ, такъ за́разъ и побігла до Новосе́лиць, де́ була́ перепра́ва.

(*) Се велике слово. Видно, и теперъ нашъ народъ не вдовольнитця тимъ, що ватажокъ матиме чинъ великий, або вестиме рідъ свій, хочъ одъ Мусія. Народъ поспитае, чи є въ ёго розумъ? Коли є, то й слухатиме залюбки, а ні, то й *»дурень еси«* такому ватажкові скаже.

Якъ же поба́чила, якъ Запоро́зці переправля́ютця, що на однімъ пітнику́—два́дцятеро ко́ней,—такъ и закрича́ла:

»Гей, гр. Румянцовъ, гр. Румянцовъ! Ти жъ каза́въ, що вони́ нехрищені; ти жъ, ка́же, совітувавъ—ви́женемъ іхъ!—Отъ и послу́хала тебе́—та яке́ військо занапасти́ла! Теперъ вже, звісно,

»Якъ зайшли́ за Ду́най—
То до до́му й не ду́май!
Вже не закли́чемъ іхъ до се́бе.«

Гр. Румянцовъ заразъ сівъ на парахо́ду, та й подра́въ у Петенбурхъ:—перелика́вся. А Запоро́зці й до́сі живу́ть у Ту́рка, у Те́мнімъ Лу́зі. Іхъ тамъ 40,000 (*), и ся земля іхня, а не наша.

А Катери́на й закрика́ла іхъ зновъ до се́бе: такъ Бо́ндарь, ще якъ вони переправлялись, заспівавъ їй пісню:

Вели́кий світъ, суда́риня ма́тушка,
Послу́хала гра́фа Румья́нцова,
И одъ панівъ вели́кую на́пусть напусти́ла.
Перве військо було—славне Запорожецьке
Та й занапасти́ла.
Якъ зайшли́, ка́жуть, за Ду́най,
То до до́му й не ду́май,
Вже тепе́ръ не заве́рнешъ.

Такъ и діло було́, такъ и діло було́.

Такъ и Катери́на сказа́ла:

»Пра́вда, пра́вда, що занапасти́ла! пра́вда, пра́вда, каже, що не заве́рнешъ.«

А вже жъ: зе́млю оддала́ панамъ, а іхъ насідало тутъ... отъ якъ сами́ ба́чите.

А земля́ ся була Запоро́жецька.

Отъ и Святого́рщина, и Изю́мъ—се все Запоро́жецькі зе́млі.

Вс. Коховський.

(*) Див. опов. Таранухи. З. о Ю. Р., т. 1-й стр. 141:

...»А опісля, якъ побачили, що Москва вже все позабірала, то сіло іхъ (Запорожцівъ) сорокъ тисячъ на човни, та й поіхали до Турка.«

VI.

ТРИ ПАНИ.

(Оповіданне козака).

И. А. Домонтовичу.

Питаете ви мене: чій се двіръ що́ високи осокири,—якого пана? Отъ-же й не скажу вамъ,—дарма що й родився и хрестився тутъ. Вінъ вже й худобу сю давно купивъ, та усе ніякъ не вимовлю; вінъ изъ Німцівъ, то бакъ якъ ёго зовуть? чи Розігна́всь, чи Розідра́всь, чи Розікра́всь,—такъ якось. Ся худоба колись-то Хведченкова була; тихъ Хведченківъ я добре знавъ, у мене й родичъ у дворі бувъ—кумъ, Сергій-писарь: а теперъ такъ, коли-не-коли, повзъ панській двіръ йдешъ, а у двіръ не навертаесся: сей Німець усіхъ помаймувавъ,—такъ мені тамъ ані людини знаёмої, ані діла ні якого нема.

Я й старого Хведченка добре знаю—Ондрія Степановича; справедливий панъ бувъ,—и на всю губу; у ёго ще три села було: Шереметівка, неподалеку, та десь підъ Чорніговимъ два. Людей більшъ ніжъ надъ тисячу душъ було. Тисяча чотириста, чи що? Кумъ Сергій казавъ, та я забувъ вже.

Ондрій Степановичъ ще й маршаломъ бувъ. Було, якъ на полюванне іде, то біля ёго панівъ та панківъ голопьятихъ,—такихъ, що йде у чоботяхъ, а пучки на піску й знать,—спла; усі ёму такъ у вічи й дивлятця, чи не загада́е чого. Становий та справникъ було якъ прийдуть, то коней ажъ коло шинку покинуть, а у панській двіръ пішки йдуть.

Гульня була у Ондрія Степановича невиводня. Разъ-у-разъ панівъ повний домъ; пьють, у карти гуляють, танцюють, музики грають (у Ондрія Степановича и музикъ чоловіка двадцять було). Що́ судови пани,—такъ, здаетця, и жили у ёго; наши козаки, було, по тижню, зъ запряженими кіньми, у підводі стоять. Легше було на стійку у станъ, підъ москалівъ, іхати, ніжъ у панській двіръ: бо тамъ хоча знаешъ коли одбудешъ, а тутъ—зъ двора не ідь, бо часомъ пани заразъ іхатимуть, и скотина негодована стоить, и самому то-жъ хочъ пропадати, коли яка Божа—душа, зъ дворовихъ, не нагодуе. Такъ вже и трапляють було підводчики, щобъ якъ-небудь самъ панъ убачивъ, що візъ запряженій стоить, то вже загадае и сіна дати и на-

годовать підводчика. Тількі не кажи, що горілку пьешъ, а то тобі таку коновку винесуть, мо, квартъ изо дві, та й присилують випити; а якъ хто не випье, якъ ще самъ панъ підносить, то часомъ и канчука по коштуе. Запекуватий панъ бувъ! що було загадае кому, то вже слухай; у пельку загадае лізти, такъ и лізь. На-віки той пропащий, хто ёго у чому не послухае: и у пеклі відъ ёго не сховаетця; а якъ хто послухняний, що все каже: *сейчасъ будетъ*, та *слушаю-съ*,—отъ то ёму й душа любезна. Хочъ, приміромъ кажучи, мій кумъ Сергій: зъ дворовихъ байструківъ вінъ; зъ самого малку за попихача при кучеряхъ бувъ,—такъ и самъ вінъ надіявсь, що не минати ёму московскои муниціі: »лапнешъ,—було каже,—себе за чубъ, а думка така, бути тобі голеному, та стриженому,»—а и не довелось; теперь купець, та чотирі доми у городі,—лісомъ та хлібомъ торгуе. А черезъ що? Черезъ те, що розумний та послухняний бувъ... Саме зачули про некруцький наборъ. Сергій добре знавъ, що бути и ёму у некрутахъ. Ось біда и навчила.

Надумавсь вінъ, та й почавъ по саду ходити, щобъ де зуспіти пана, бо у домъ до пана лакеі не допустили-бъ. Ажъ йде Ондрій Степановичъ проти Сергія, а той и не злякавсь, дарма,—що панъ дуже грізний бувъ. Уклонивсь, та й каже: »Я, пане, до вашоі милости: будьте рідним батькомъ мені сироті.« Ондрій Степановичъ якъ грімне на ёго: »чого тобі треба?« Розсердивсь, значить, що надокучають. »Позвольте,—каже,—пане, женитись.« Той и зовсімъ розлютувавсь. А сей и не тікае: »таки,—думае,—діждусь свого: перейде твое серце.« Бивъ ёго, бивъ Ондрій Степановичъ, а далі й попитавъ: »на кому-жъ ти хочешъ женитись? «А тогді саме у будинкахъ ажъ три дівчини важки ходили. И не перелічишъ, що тоді байструківъ у дворі плодилось! бо дівчатъ меньшъ тридцяти ніколи не було. Одни килими пьятнадцятеро ткало.

Отъ Сергій сей й знае, що панъ не любить, щобъ накритки изъ дітьми ходили,—дарма що тіі діти більшъ одъ ёго-жъ и були. Заразъ, якъ котра важка, або зъ дитиною, то за кого-небудь зъ дворовихъ парубківъ заміжъ й отдае, або до батька на село прожене; а иншихъ, новихъ та молодшихъ, у двіръ наберуть.

Сергій и каже панові: »яку ви, пане, порадите: на те ви нашъ панъ; на кому загадаете, на тому й оженюсь; де вже мені самому обирати? якъ ви скажете, такъ и буде,« та ще пана у руку поцілувавъ. Піддобрився панові. Той и загадавъ на Стесі женитися (а сю Стеху панъ більшъ одъ другихъ любивъ). Оженивсь Сергій. Панъ двадцять

пять карбованцівъ на весілле подарувавъ и зробивъ Сергія помошникомъ у клюшника, що пашню доглядавъ. Розжившсь трохи Сергій. Хату ёму у дворі одвели; вже почали ёго и Петровичемъ по хрещеному батьку звати. Жінка дитя привела,—такъ справникъ изъ попаддею христили. Такъ сёго ще мало́ Сергіеві: надумавсь вінъ, якъ би усе панське добро до своіхъ рукъ загарбати. Подружившсь изъ клюшникомъ; жида знайшли, у го́роді, якого-сь; кучера, що колись що-дня годувавъ Сергія товченикамн, поеднали. Понакладали повни вози мішками изъ панськимъ борошномъ, та й налагодились, щобъ у ночі одвезти на панськихъ коняхъ, стаенихъ, до жида у го́родъ. Сергіеві того тілько й треба. Подъ-вечіръ прийшовъ вінъ у домъ, та й каже лакеямъ, щобъ пустили до пана. Тиі не пускаютъ, такъ Сергій вибатькувавъ ихъ, та хотівъ самъ на-впростець йти; тиі ёго за руки. Вінъ такий гвалтъ зчинивъ, що самъ панъ вибігъ. »Що се таке?« питае. Лакеі й кажуть: »пьяний Сергій прийшовъ,—бунтуетця« »Ні,—каже Сергій,—я, Ондрій Степановичъ, не пьяний, а прийшовъ вамъ донести про те, що у васъ у дворі робитця,—якъ вашої милости добро переводять,« та й роскававъ усе панові. На сей часъ справникъ у дворі бувъ; и я тогді у підводі третій день пропадавъ, такъ бачивъ, що́ робилось тогді. Чоловікъ зъ двадцять при мені били, що вони й не винні зовсімъ; кучера и клюшника на Сібірь завдали, ще й катъ поровъ, а Сергія поставивъ панъ за клюшника и за старшого надъ усіма. Зъ сёго часу заживъ Сергій. Туди далі мене старшиною надъ чотирма селами поставили; тогді ще сіхъ старістъ у кожному селі не було,—тілько одни соцькі; такъ Сергій у мене й діти хрестивъ. Що попогуляли ми изъ имъ, що за привітлива душа була; и теперъ, якъ трапитця у городі бути, такъ витае и частуе мене, наче свою рівню: дарма що вінъ на увесь повітъ купець, а я—козакъ простий. ..

Лютий, дуже лютий бувъ Ондрій Степановичъ; безневинно чоловіка було обезвічить; одначе крепакамъ не погано було, бо землі у іхъ була сила. У иншихъ зъ-давнихъ-давенъ вона була, а други у пана повипрошували. Набільшъ тиі, що дочки та сестри у дворі були. И пособлявъ-таки Ондрій Степановичъ своимъ крестянамъ. Пожежа станетця, не доведи Господи,—такъ вінъ хату нову поставить; а законъ у ёго такий: зъ чиеі хати почалось, тому пятьсотъ різокъ, хоча-бъ и підпалено: »не роби,—каже було старий панъ тому чоловікові, — собі ворогівъ, такъ и не підпалють тебе.« Козаки то-жъ ни-чімъ худимъ ёго не згадають; тількі підводи черезъ судовихъ гостей обридли. Та ще, хи-

ба, якъ попадетця скотина у спаші, такъ и тогді—у перше дурно отдадуть, а вже вдруге бережись, бо якъ коняці, такъ и гриву и хвистъ остріжуть, а якъ воли, то хвістъ одрубають; а сёго здирства ніколи не було, щобъ за спашъ гроши брати. Ондрій Степановичъ ще й вилаявъ за се Сергія: »не панське,—каже діло,—зъ мужика гроши брати.« Ще за се ёму люде дякують, що церкву збудовавъ; хоча баню громада залізомъ укрила за свої гроши, якъ вже вінъ умеръ, та все-жъ таки и стіни вінъ постановивъ и иконостасу зробивъ. Теперъ и подивитись любо; непаче село не те, якъ церква нова, та ще така гарна, якъ у насъ, що я такоі по селахъ и не бачивъ, хиба тілько у Киеві та Переяславі таки церкви.

Якъ умеръ Ондрій Степановичъ, такъ се село досталось синові ёго Михайлу Ондріевичу; инши села на другихъ братівъ упали. Ми сёго пана, ажъ покі приіхавъ панувати, ніколи не бачили. Его батько до себе не приймавъ. Мені казавъ кумъ Сергій, що черезъ те, що паничъ якъ вивчивсь десь у школі, у Петербурсі здаетця, такъ почавъ бунтоватись, та за се цілий годъ у турмі сидівъ,—такъ старий панъ зненавидівъ ёго.

Якъ умеръ панъ, такъ и почали усі турбоватись, що се за паничъ такий,—бо вже почули, що ёму достались. Великого лиха сподівались, бо усі чули, що зъ паничемъ було. Голосили навітъ инши: »острожнику,—кажуть,—на поталу достались; де й дітись намъ біднимъ? пережене вінъ насъ на гречку.«

Ось и діждались: приіхавъ паничъ.

Загадавъ вінъ зібрати громаду. Посходились; ось вінъ и объявивъ имъ, що робитимуть вони по три дні у тиждень; що діти на панщину не ходитимуть, черевати жінки тожъ; що бою більшъ не буде, а за велику провинність підъ арештъ сажатимуть, та записуватимуть у книгу якуюсь. Ще сказавъ имъ, що якъ що треба, то щобъ на-впростець йшли до ёго: »я—каже,—затимъ приіхавъ, щобъ вамъ усімъ добре було.» Зробивъ обідъ; страви наварили, що й не поісти; а горілки—тілько по чарці й дали.

Порозходились люде, та й не знають, чи радіти, чи дивоватись, бо зразу нерозчовпали, що се за проява така; а туди далі й постерегли, що се такий панъ, що ёго на усячині можно одурити. Житте сімъ панщанамъ при ёму таке було, що усі козаки завидували. Насъ и у підводу, и на стійку, пішихъ на греблю; а зъ іхъ казенній одбучи ні якоі, бо такъ ще за старого Хведченка велось: той би становому и голову стявъ, колибъ той осміливсь ёго людей займати. Чому-бъ, здаетця, не жити тихо сімъ крепакамъ? такъ ні: зажирливи дуже; за тежъ іхъ и

Бігъ покаравъ, що такого пана та кривдили дуже. Косять, або жнуть такъ, якъ мокре горить; доведуть до того, що почне жито висипатись; тоді й кличе паничъ, (бо бачить, що усе пропаде), щобъ хто хоче йшовъ зъ половини жати. И зъ сіномъ те-жъ саме. На панщині тільки дні переводять, а до пана за землею лазять. У иншого й такъ день на тридцять; ні, сёго мало: йде щобъ ще виплакати. Прийде до пана, знебожитця: »Дайте, пане, землі, бо въ мене зовсімъ мало.« Паничъ и покличе Сергія »у кого,—питае—земля, що жалютця що мало. Той и налічить паничеві: »у того, та у того,—вони ще зъ батьківъ владіють; у сёго чоловіка справді мало.» Паничъ и загадае одрізати де-небудь одъ панськоі, а Сергій звісно вже підмогориченъ, басаврикъ получивъ.

Ще не минуло й двохъ годъ, якъ Ондрій Степановичъ вмерли, а Михайло Ондрієвичъ почали господарювати,—та ажъ гідко подивитись на панський двіръ: штахети обурени, хати облуплени, тини тожъ повалились, плантаціі бурьяномъ позаростали, топчеки несправни, вишниця зовсімъ стала, бо мідяни труби покрали—продови души. Такий разгардіяшъ, що не доведи Господи. Та ще хочабъ панщане за пана Бога молили, а то зъ ёго жъ и глузують: »отъ,—кажуть,—на наше щасте Бігъ дурня піславъ.« Та ще лютуютъ за те, що пізволивъ дівчатамъ, за кого схоче, замижъ йти. Наши парубки козачи заразъ и почали сватати, бо панська дівка більшъ до роботи привична, та й чоловіківъ рідъ поважатиме, що ії зъ крепацьтва визволили. У мене три сини жонатихъ, а сама краща та невістка, що зъ паньскихъ,—и нелукава и до роботи охоча,—а зъ тими двома нічого и не зъорудуешъ.

Якъ давъ паничъ таке пізволение, такъ паньски парубки и побунтовались, навігъ чоловіка вбили,—дружка у весіллі, бо за іхъ козачки не йдуть, панськи тожъ. Почувъ паничъ про се, та й объявивъ, що якъ козачка за ёго крестянина пійде, то на панщину не ходитиме; такъ и то не йдуть. Думка така: »покі ти живъ, такъ добре, а якъ часомъ помрешъ, да якому-небудь египетнику достанемось, тогді—що?« Тільки зъ козацтва и йшли що сироти, та на виду зовсімъ погани, або при якому каліцтві, або тні, що попрошпечувались. Крішко стереглісь наши дівчата панськихъ паробківъ, бо той, якъ попадесся де, не помилуе: «теперъ,—каже,—добре знаю, що за мене пійдешъ.«

Добре и я знавъ сёго панича, та хто й не знавъ ёго? Лекарювавъ вінъ; а у насъ село велике, такъ разъ-у-разъ або до ёго за порадою йдуть, або якъ хто міцно не здужае, то покличуть Михайла Он-

дріевича, вінъ и прийде у хату,—скажеть, що робити, та ще й лікарства пришле. Кумъ казавъ, що у ёго на сі зілля сила грошей сходила, усе по городахъ куповавъ, а зъ людей нічого було не візьме. Иншій або курку принесе, або яблока, у кого е, або вівса ворочокъ, щобъ по-спроможності, хоча чімъ-небудь, оддячити; такъ не приймае. И у мене, нехай вінъ у худе місце не вступить, дочку вигоівъ. Зовсімъ пропадала... що я сімъ знахарямъ усячини попередававъ,—нічого не пособляло; а якъ вінъ давъ який-сь коломарчикъ, вона й одужала.

Та й не сімъ однимъ пособлявъ вінъ людямъ. Склалася у насъ пожежа у-ночі. Пьятнадцять хатъ, усе козачихъ, згоріло, та ще саме вбогши люде; вінъ и імъ грошей давъ. Кумъ казавъ, що панъ свої часи продавъ на сей случай.

У насъ люде ёго ведьмакомъ називали: »се,—казали,—вінъ не гоіть, а чахруе: ёму нечиста сила пособляе; тимъ вінъ николи и у церкву не ходить, и не сповідаетця николи.« Ну, за се правда: скількі тутъ не живъ вінъ, а ни разочку у церкву не заглянувъ. Казавъ я вамъ, здаетця, що баня на громадськи гроши вкрита. Якъ збирали сі гроши, мий дядько тогді титарювавъ, приходить до ёго: »Дайте — каже,—пане, на церкву, що вашъ батюшка, царство небесне, збудовали; треба ii докінчати.« Думавъ дядько, що вінъ такий щедрий, такъ багато грошей дасть.

»Нема у мене заевихъ грошей«—каже паничъ, та й поховавсь у другу хату. Дядько стоіть та жде. Запримітивъ се паничъ та й передавъ ёму керезъ лакея одного карбованця, да ще загадавъ сказати, що на церкву більшъ ані шага не дасть, що й се, по-дурному, карбованець пропавъ.

Чи Бігъ паничеві за се не пособлявъ, чи черезъ ёго велику добрість такъ сталося,—вже не знаю: тілько почули ми, що иншій панъ отъ-сей німець Хведченківе добро купивъ. Сергій казавъ мені, що се село ще Ондрій Степановичъ у казні заставили и що-годъ платили у казну ажъ тисячу карбованцівъ, а спнові де вже було платити; такъ не питаючись ёго, казна й продала.

Якъ зачули про се панські люде, пішовъ репетъ по усёму селу. Бачуть, що не переливки. Годі панувати, та пана одурювати. Позходились, почали радитись, а туди далі и пішли до пана и гроши понесли. »Беріть,—кажуть,—пане, сі гроши. Коли мало, ще принесемо,—аби тількі ви надъ нами панували.« Усміхнувсь зразу Михайла Ондріевичъ. »Вже пізно,—каже имъ,—не мої ви;« а далі якъ зап-

лаче—и люде плачуть. »Не вміли ми усі шануватись,« —каже вінъ. Де яка панська скотина була—и тую имъ подарувавъ, та того-жъ дня и поіхавъ. Чувъ я, що теперъ вінъ у Петербурсі, у министерні, —генеральский чинъ заслуживъ. Щасти ёму, Боже. Нихто на ёго не заплачетця, хиба тілько крепаки инши, що теперь пристановища не мають,—такъ и ті нехай на свою пусту голову жалкують.

Михайло Ондріевичъ поіхавъ, а на другий денъ приіхавъ новий панъ: и имя у ёго таке, що невимовлю. Білявий, сухорлявий, жинка изъ імъ и дітей ціла купа. Діти тожъ таки біли, якъ и вінъ. Переночувавъ вінъ, а на другий день и почавъ по полямъ іздити. Якъ дізнавсь, що самі лучши землі у людей, то привізъ землеміра та й поодрізувавъ собі, а людямъ оддавъ що найпоганіше, та й то не багато. Почали було люде турбоватись, такъ на той часъ москалі стояли, пишла экзекуція. Що сі москали робили, то я и родивсь и хрестивсь, —такого не бачивъ. Ни жінка, ни дівка відъ ихъ не вбережетця, хиба у наши хати, козачи, тікае. Знищили бъ людей чисто; такъ уже самъ сей німець перепросивъ, щобъ ослобонили людей. — Мо и въ іого таки трохи Бога есть; або про те подумавъ, що якъ оскубуть людей зовсімъ, то ёму вже нічого буде скубти. Утихомирились люде; слухають та тілько плачуть, не то—що Михайла Ондріевича, а и Ондрія Степановича згадуючи.

И здаетця, сей німець на заеви дні ихъ не займавъ, такъ якъ колись при Ондрію Степановичу було, що инколи поснілъ три тижні роблять,—а поголіли зовсімъ люде. Вінъ изъ людьми такъ робивъ, якъ у приказці: *не бье, не лае, та ни про що не дбае.*

Зновъ ставъ панський двіръ такий, якъ при старому панові, а що скоту позаводивъ німець, такъ и не перелічишъ; наробивъ молотилокъ, машини усяки; винницю зъ цегли нову поставивъ, на двісті пудъ. Хліба у ёго у-четверо проти того, якъ при Ондрію Степановичу було. Не взяла ёго нечиста мати,—розумний, та й хитрий,—катержний.

Тілько-що чутка пішла про сю волю, вінъ заразъ у губернію поіхавъ, вернувъ казні заставу, бо безъ сёго, кажуть, не можно було,—та й давъ усімъ людямъ волю. Покликавъ ихъ, та й подававъ имъ листи. »Вольни вже ви,—годі на панщину ходити.« Дивуютця люде: чи не збожевіливъ,—думають,—нашъ панъ. Ажъ такъ що збожевіливъ! заразъ и почавъ людські грунти изъ хатами козакамъ продавати. Силу грошей зібравъ, бо у панськихъ людей города були великні, а козаки розплодились,—тіснота. За день города по півтораста карбованцівъ платили. И мене наділивъ: теперъ хоча просторъ, а то

ніде було и хлівця поставити; а у мене три сини дома, а четвертий у москаляхъ; може колись якъ не вбьють, и вінъ вернетця.

Повигонивъ німець людей зъ села. Тягаютця и теперъ по сусідахъ, та по старцяхъ, а де—яки на вільни степа пішли, та у Кримъ, бо відти татари повиходили. Звісно, якъ схочуть, то найдуть собі пристановище; та чи то жъ легко батьківский курінь кидати?

Здивовались и ми, якъ зробивъ таке німець, бо зроду такого не чули, щобъ усіхъ людей випустити на волю. Якъ, — думаемо, — повертатиметця вінъ? ажъ ухопить ёго чортяка? Понаймавъ наймитівъ, наставивъ хатъ, засівае стільки-жъ, якъ и до того сіявъ, а люде зъ копи жнуть. Лихо и намъ изъ сімъ паномъ. Не подаруе вінъ ничого; попадетця скотина у спаші, такъ-або иди просити, щобъ скотину забравъ собі, або якъ почнуть тебе по судахъ тягати, такъ мало сёго, що попоходишъ верстовъ за тридцять, мо разівъ десять, не тількі що скотини рішисся, ще и останню копійчину, яка есть, витрусишъ.

Вже нихто не вкраде у ёго. Такихъ гаспидськихъ душъ понаймавъ, що й сплять и бачать; платить вінъ имъ багато, за те—жъ и пильнують вони, та й роблять за трохъ.

Митро Олелькович.

27 Лютого 1862 року.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ

1) ПОЛТАВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЯ.

Объ издержкахъ на переселеніе удаляемыхъ изъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе представленія начальника губерніи объ издержкахъ на переселеніе удаляемыхъ изъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, главный комитетъ, 21-го сентября 1861 г. опредѣлилъ: 1) что при удаленіи изъ обществъ, по мірскимъ приговорамъ, временно-обязанныхъ крестьянъ, независимо отъ того, будетъ ли составленъ приговоръ по непосредственному усмотрѣнію общества, или же вслѣдствіе предложенія помѣщика, издержки на снабженіе удаляемыхъ одеждою и кормовыми деньгами, на все время слѣдованія ихъ, до мѣста назначенія, должны быть относимы на счетъ самыхъ обществъ, которые обязываются заплатить въ семъ случаѣ и всѣ числящіяся на удаленныхъ крестьянахъ недоимки; 2) что если удаленіе производится безъ мірскаго приговора, вслѣдствіе просьбы помѣщика, по разсмотрѣніи оной въ уѣздномъ мировомъ съѣздѣ и съ разрѣшенія губернскаго присутствія, то всѣ издержки на снабженіе удаленныхъ одеждою и кормовыми деньгами, должны быть относимы на счетъ помѣщиковъ, которые обязаны заявлять о готовности принять на свой счетъ упомянутыя издержки въ своихъ прошеніяхъ объ удаленіи крестьянъ изъ обществъ, безъ чего и самыя прошенія не должны быть принимаемы къ разсмотрѣнію; и 3) что всѣ издержки по переселенію временно-обязанныхъ крестьянъ, опороченныхъ судебными приговорами и которыхъ общество не пожелаетъ принять въ свою среду, должны быть относимы на счетъ казны.

На основаніи этихъ правилъ, приговоры обществъ и ходатайства помѣщиковъ объ удаленіи временно-обязанныхъ крестьянъ, если притомъ не представлено надлежащей суммы на покрытіе издержекъ на переселеніе удаляемыхъ, удовлетворенію не подлежатъ. Если же нѣкоторые изъ крестьянъ дѣйствительно не могутъ быть терпимы въ обществѣ по вреднымъ своимъ дѣйствіямъ, то общество и помѣщикъ, не желая принять на свой счетъ расходовъ по переселенію, могутъ преслѣдовать такія вредныя дѣйствія судебнымъ порядкомъ. (Пост. Полт. губ. прис. 23 ст. 1861 г. Полт. губ. вѣд. 10 янв. 1862 г. № 2).

О переводѣ прогульныхъ дней на денежную недоимку. Прогульные дни могутъ быть переводимы въ денежную недоимку не прежде, какъ по введеніи въ имѣніи уставной грамоты. (Пост. Полт. губ. прис. 25 октября 1861 г. Полт. губ. вѣд. 10 янв.. 1862 г. № 2).

О надѣлѣ землею крестьянъ, записанныхъ по ревизіи за однимъ помѣщикомъ и получающихъ полевой надѣлъ изъ земель другаго помѣщика. 1) Крестьяне, водворенные на землѣ одного помѣщика, но получившіе полевой надѣлъ изъ земель другаго, сохраняя въ пользованіи своемъ прежніе усадебные участки, должны, при составленіи уставной грамоты, получить полевой надѣлъ изъ земель помѣщика, въ имѣніи коего они водворены. Этотъ надѣлъ долженъ быть по объему равенъ тому, коимъ они пользовались до настоящаго времени изъ земель другаго помѣщика. 2) При таковой обмѣнѣ, должно быть соблюдаемо правило, установленное 61 ст. Мѣстн. для Малор. губ. полож., а именно, чтобы взамѣнъ отходящихъ отъ крестьянъ земель, имъ отводились бы смежные съ ихъ угодьями участки, равняющіеся по возможности достоинствомъ тѣмъ землямъ, кои отъ нихъ отходятъ. 3) Если помѣщикъ, на земляхъ котораго водворены крестьяне, не имѣлъ возможности по малоземелью отвесть въ пользованіе крестьянъ количество полевыхъ угодій, равное тому, коимъ они пользовались до настоящаго времени, изъ земель другаго помѣщика, то крестьянамъ предоставляется право сохранить въ пользованіи своемъ, состоящую нынѣ въ ихъ пользованіи полевую землю съ уплатою или отработкомъ слѣдуемыхъ за оную повинностей тому владѣльцу, коему принадлежитъ состоящая въ ихъ пользованіи земля; но въ такомъ случаѣ помѣщикъ, на земляхъ коего эти крестьяне имѣютъ усадебную осѣдлость, вовсе освобождается отъ обязанности надѣлять ихъ полевой землею и при составленіи уставной грамоты исключаетъ ихъ изъ числа подлежащихъ надѣлу полевой землею; помѣщикъ же, изъ земель коего эти крестьяне получаютъ полевой надѣлъ, включаетъ ихъ въ число подлежащихъ надѣлу землею. (Пост. Полт. губ. прис. 11 окт. 1861 г. Полт. губ. вѣд. 3 янв. 1862 г. № 1).

Срокъ увольненія отъ работъ беременныхъ женщинъ. Больные крестьяне, а также женщины на сносѣ и въ продолженіи 6-ти недѣль послѣ родовъ, не могутъ быть высылаемы на работы. (Пост. Полт. губ. прис. 30 окт. 1861 г. въ Полт. губ. вѣд. 17 янв. 1862 г. № 3.)

О назначеніи на работы женщинъ одиночекъ. Вслѣдствіе жалобы женщинъ Драбовской экономіи князя Барятинскаго, что очередь работъ ихъ назначена управленіемъ въ тѣ дни, когда очередь мужей ихъ, что порядокъ этотъ отяготителенъ, въ-особенности для одинокихъ женщинъ, у которыхъ въ семействѣ нѣтъ другихъ лицъ женскаго пола, чрезъ что дѣти и хаты ихъ остаются безъ присмотра,—постановлено, что женщины (одиночки) не должны быть назначаемы на работы въ одно время съ ихъ мужьями. (Пост. Полт. губ. прис. 11 окт. 1861 г. въ Полт. губ. вѣд. 3 янв. 1862 г. № 1).

О правѣ временно-обязанныхъ крестьянъ принимать къ себѣ на жительство всѣхъ лицъ съ законными видами. Вслѣдствіе жалобы уволеннаго отъ обязательныхъ отношеній дворовaго человѣка на воспрещеніе бывшаго его владѣльца, проживать ему у отца своего—временно-обязаннаго крестьянина того же владѣльца, губернское присутствіе просило мировыхъ посредниковъ обратить на это обстоятельство вниманіе, и въ подобныхъ случаяхъ разъяснять кому слѣдуетъ, что временно-обязаннымъ крестьянамъ закономъ не воспрещается принимать къ себѣ для жительства не только родныхъ дѣтей, но даже и по-

сторонннхъ лицъ (Пост. Полт. губ. прис. 11 окт. 1861 г. въ Полт. губ. вѣд. 3 янв. 1862 г. № 1).

О надѣлѣ землею семействъ, члены которыхъ не всѣ хотятъ имъ воспользоваться. По возбужденному вопросу о томъ, что если, на основаніи ст. 6 Пол. о устр. дворовыхъ людей, отецъ, имѣя право на надѣлъ земли, пожелаетъ имъ воспользоваться, а его сыновья, состоя въ услуженіи у помѣщика, не пользовались землею и нынѣ не пожелаютъ оной получить, то могутъ ли быть послѣдніе не надѣлены землею и оставаться до истеченія обязательнаго срока при семействахъ, съ приписку потомъ куда пожелаютъ,—положено, что при введеніи уставныхъ грамотъ, въ означенномъ случаѣ, все семейство принимается въ расчетъ надѣла на сельское общество, а принять участокъ сверхъ бывшаго уже не можетъ быть обязательнымъ для семейства (Пост. Полт. губ. прис. 30 окт. 1861 г. Полт. губ. вѣд. 17 янв. 1862 г. № 3).

О замѣнѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, личныхъ повинностей денежною. По возникшему вопросу о томъ, нельзя ли крестьянъ, отправляющихъ хозяйственныя должности, взамѣнъ личнаго отбыванія казенныхъ и общественныхъ повинностей, обложить денежною повинностью,—опредѣлено: что, по неимѣнію въ виду закона, предположеніе это не можетъ быть приведено въ исполненіе; но если кто изъ должностныхъ лицъ пожелаетъ, то можетъ вмѣсто себя ставить другаго работника, по найму, для отбыванія казенныхъ и общественныхъ повинностей, или войти въ добровольныя соглашенія съ обществомъ объ уплатѣ за слѣдуемыя съ него повинности деньгами. (Пост. Полт. губ. прис. 30 октября 1861 г. Полт. губ. вѣд. 17 янв. 1862 г. № 3).

О причисленіи къ крестьянскому надѣлу угодій, находившихся въ пользованіи, до утвержденія Положенія, у прикащиковъ и другихъ должностныхъ лицъ. Предводитель дворянства полтавскаго уѣзда передалъ въ губернское присутствіе жалобу на полтавскій мировой съѣздъ временно-обязаннаго дворовaго помѣщицы Жуковой, Федора Ткаченка, слѣдующаго содержанія: онъ, Ткаченко, бывши крѣпостнымъ помѣщицы Маріи Жуковой, жилъ въ ея имѣніи въ Харьковской губерніи, а въ 1853 году, по волѣ владѣлицы, переселенъ полтавскаго уѣзда въ деревню Войновку, гдѣ онъ отъ нея получилъ въ надѣлъ пахатную и сѣнокосную земли въ трехъ мѣстахъ, въ количествѣ 7-ми десятинъ и отбывалъ за оную повинность. По смерти же помѣщицы Маріи Жуковой, по раздѣльному акту 1857 года, Федоръ Ткаченко достался Елисаветѣ Жуковой и, по ея назначенію, состоялъ прикащикомъ, съ чѣмъ вмѣстѣ пользовался и землею въ означенномъ выше количествѣ, и земля эта, находясь въ 3-хъ мѣстахъ, при раздѣлѣ отошла въ одномъ мѣстѣ брату Елисаветы Жуковой, Виктору Жукову, а въ другомъ—сестрѣ ея, Екатеринѣ Крикотецъ. Весною 1861 г. владѣлица Елисавета Жукова отобрала отъ Федора Ткаченко землю, въ пользованіи его находившуюся, вспаханную уже подъ яровой посѣвъ въ доставшейся ей части $4^1/_2$ десятины, а равно не позволила пользоваться землею въ частяхъ В. Жукова и Е. Крикотецъ. Федоръ Ткаченко жаловался на таковое отобраніе земли мировому посреднику г. Сулимѣ и просилъ возвратить ему въ пользованіе ту землю, а также удовлетворить его за вспаханіе подъ яровой посѣвъ на истекшее лѣто $4^1/_2$ десятинъ, отобранныхъ Жуковой, за проработанныя имъ и 13 лѣтнею дочерью его въ настоящую весну ежедневно 4 недѣли и надѣлить его усадьбою. Посредникъ своимъ рѣшеніемъ положилъ: землю, отобранную помѣщицей Жуковой, оставить въ ея пользованіи. По жалобѣ на это рѣшеніе Полтавскому уѣздному мировому съѣзду, съѣздъ утвер-

дилъ рѣшеніе посредника, на томъ основаніи, что земля была надѣлена Ткаченкѣ, какъ прикащику, вмѣсто жалованья, а потому землю эту нельзя считать надѣломъ.

Губернское присутствіе, съ своей стороны, находя, что на основаніи ст. 11 и 36 Мѣст. Малор. Полож., тѣ угодья, которыми пользовались, до утвержденія Положенія, прикащики и другія должностныя по хозяйству помѣщика лица, также точно принадлежатъ къ крестьянскому надѣлу, какъ и всѣ другія земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, а также, что мѣстное положеніе о крестьянахъ установляетъ отношенія крестьянъ къ тѣмъ только помѣщикамъ, которымъ они принадлежали какъ крѣпостные, а не къ другимъ помѣщикамъ, у которыхъ они могли пользоваться землею на другихъ какихъ-либо основаніяхъ,—опредѣлило: 1) землю, которою крестьянинъ Федоръ Ткаченко пользовался въ прошедшемъ 1860 году, собственно въ имѣніи Елисаветы Жуковой, признать его надѣломъ и возвратить въ его пользованіе. 2) Землю, которою Ткаченко пользовался въ имѣніяхъ В. Жукова и Е. Крикотецъ, возвратить въ пользованіе помѣщика Жукова и Крикотецъ. 3) Исполненіе сего рѣшенія, т. е. точное опредѣленіе и отведеніе земли, оставляемой въ пользованіи Ткаченка, а также разрѣшеніе просьбы его о вознагражденіи за паханіе $4^1/_2$ десятинъ земли поручить Полтавскому мировому съѣзду, и 4) Пригласить мироваго посредника Сулиму ускорить разбирательство просьбъ Ткаченка о вознагражденіи его за ежедневную работу его съ 13 лѣтнею дочерью, а также о надѣленіи его усадьбой (Пост. Полт. губ. прис. 8 ноября 1861 г. Полт. губ. вѣд. 24 янв. 1862 г. № 4).

Переселеніе крестьянъ помѣщикомъ Перекрестовымъ безъ ихъ на то согласія. Вслѣдствіе жалобы временно-обязанной крестьянки Пелагеи Чернобай на помѣщика Василія Перекрестова за переселеніе ея съ мужемъ изъ миргородскаго уѣзда въ другое имѣніе зеньковскаго уѣзда и за требованіе съ нихъ работъ, отъ которыхъ они по лѣтамъ своимъ должны быть освобождены, и на мироваго посредника И. В. Чарныша за неудовлетвореніе просьбы ея по сему предмету, — губернское присутствіе сообщило посреднику, чтобы онъ распорядился воспретить г. Перекрестову переселять крестьянъ безъ ихъ на то согласія; а жалобу крестьянки Чернобай передать для разсмотрѣнія въ мѣстный мировой съѣздъ (пост. Полт. губ. прис. 17 окт. 1861 г. Полт. губ. въ д. 3 янв. 1862 г. № 1).

Переселеніе помѣщикомъ Нечаевымъ крестьянъ безъ ихъ на то согласія и самовольное уменьшеніе ихъ надѣла. Мировой посредникъ 5 участка золотоношскаго уѣзда г. Орѣховскій довелъ до свѣдѣнія присутствія, что помѣщикъ Нечаевъ въ мѣстечкѣ Еремѣевкѣ, послѣ объявленія манифеста, началъ переселять крестьянъ и уменьшать находящіеся въ ихъ пользованіи грунты, застроивая таковые новыми избами для переселенія, каковыя дѣйствія Нечаева имъ уничтожены и прекращены на дальнѣйшее время. Кромѣ того г. Нечаевъ въ 1860 году разломалъ 22 крестьянскихъ избы и жившихъ въ нихъ 12 домохозяевъ размѣстилъ къ сосѣдямъ, а 10 построилъ новыя избы съ надѣломъ грунтовой земли по $^1/_4$ десятины, тогда какъ они до того имѣли надѣлъ по 1 десятинѣ; устроенныя избы поставлены на такой мѣстности, которая ежегодно весною заливается водою. На грунтѣ крестьянина Орлянскаго приказалъ въ 1860 году поставить еще 4 избы. Отобравъ такимъ образомъ у крестьянъ грунты, въ размѣрѣ одной десятины у каждаго, г. Нечаевъ не далъ имъ въ замѣнъ другихъ земель, чрезъ что лишилъ крестьянъ въ настоящее время сѣнокоса,

который они имѣли на своихъ грунтахъ. Губернское присутствіе, находя распоряженіе посредника, относительно воспрещенія г. Нечаеву переселять въ настоящее время крестьянъ и уменьшать ихъ надѣлы, правильнымъ, — опредѣлило: сообщить объ этомъ г. Орѣховскому, поручивъ ему принять законныя мѣры къ возстановленію надѣла, коимъ крестьяне, водворенные на земляхъ помѣщика Нечаева, пользовались въ 1860 году, предоставивъ начальнику губерніи сдѣлать надлежащее распоряженіе по предмету переселенія въ 1860 году крестьянъ помѣщикомъ Нечаевымъ (Пост. Полт. губ. орис. 17 окт. 1861 г. въ Полт. губ. вѣд. 3 янв. 1862 т. № 1).

---

2) ЧЕРНИГОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРИСУТСТВІЯ.

О личной работѣ крестьянъ, не пользующихся усадебною и полевою землей. Въ разрѣшеніе представленія присутствія, министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ, что отбываніе личной работы, въ пользу помѣщика, не пользующимися ни усадебною, ни полевою землею крестьянами не мелкопомѣстнаго имѣнія, впредь до введенія уставной грамоты, можетъ быть допущено только съ ихъ на то согласія, ибо крестьяне эти имѣютъ право немедленно выйти изъ мірскаго общества и приписаться въ другія сословія (Пост. Черн. губ. прис. 15 янв. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 12 февр. № 7).

Разъясненіе правилъ о подсудности дѣлъ о маловажныхъ кражахъ, волостнымъ судамъ. Волостные крестьянскіе суды, на основаніи 1-го прим. къ 102 ст. общ. полож., обязаны принимать къ разбирательству и рѣшенію дѣла о маловажныхъ кражахъ временно-обязанныхъ крестьянъ, когда цѣна украденнаго не превышаетъ 30-ти рублей и когда это учинено въ первый или второй разъ безъ всякихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, хотя бы подобнаго рода проступокъ учиненъ былъ противъ помѣщиковъ или лицъ другихъ сословій, если только сіи послѣдніе обратятся съ жалобою въ волостной судъ (Пост. Черн. губ. прис. 22 дек. 1861 г. въ Черн. губ. вѣд. 22 янв. 1862 г. № 4).

О выборѣ крестьянами уполномоченныхъ для объясненій съ помѣщиками. Помѣщикъ И. А. Кобеляцкій въ запискѣ, переданной въ губернское присутствіе, предлагалъ, между прочимъ, чтобы, для соглашенія крестьянъ съ помѣщиками по приглашенію послѣднихъ, относительно перехода на оброкъ, выкупа, разграниченія угодій и. т. п. предметамъ, крестьяне избирали отъ себя уполномоченныхъ изъ домохозяевъ, болѣе зажиточныхъ, а потому, относительно говоря, и болѣе развитыхъ, по указанію волостнаго старшины, вмѣсто того, чтобы являться для этого цѣлою громадой, съ которой говорить одному лицу, какимъ является передъ нею помѣщикъ, не только трудно, но рѣшительно невозможно,—присутствіе постановило, что, на основаніи 36 и 48 ст. прав. о прив. въ дѣйств. полож., не представляется возможнымъ установить правило, по которому крестьяне имѣли бы право входить въ объясненія съ помѣщиками не иначе, какъ черезъ своихъ уполномоченныхъ, избираемыхъ по указанію волостнаго старшины; тѣмъ болѣе не возможно допустить этого послѣдняго ус-

ловія, заключающагося въ указаніи обществу волостнымъ старшиною лицъ, долженствующихъ быть избранными въ уполномоченные, ибо такого рода вмѣшательство должностныхъ лицъ, нарушая свободу избранія, парализировало бы значеніе выборнаго начала. Съ другой стороны, признавая удобства сношенія помѣщиковъ съ крестьянами посредствомъ уполномоченныхъ, присутствіе нашло, что подобнаго рода сношенія въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ производиться съ согласія на то крестьянъ (Пост. Черн. губ. прис. 22 дек. 1861 г. въ Черн. губ. вѣд. 22 янв. 1862 г. № 4).

Разъясненіе правилъ о мѣрахъ взысканія съ неисправныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе представленія мироваго посредника Александровскаго участка, сосницкаго уѣзда, о томъ, какія онъ долженъ принять мѣры, чтобы понудить крестьянъ къ выполненію заключаемыхъ ими съ помѣщиками, по добровольному согласію, условій на счетъ работы на заводахъ и вознаградить владѣльцевъ за нарушеніе крестьянами этихъ условій, такъ какъ мѣры, къ коимъ могутъ прибѣгать мировые посредники, въ этомъ отношеніи крайне ограничены, — постановлено: мѣры, кои мировой посредникъ проситъ указать ему, въ совершенно достаточномъ количествѣ предлагаются Положеніемъ, и не могутъ не быть извѣстны каждому, хотя немного знакомому съ его содержаніемъ. Достаточно упомянуть о ст. 23, 30, 31, 32, 80, 81 и 82 Полож. о губерн. и уѣзд. по крест дѣл. учрежд. Эти статьи, опредѣляя кругъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ по судебно-полицейскому разбирательству, предоставляя имъ право присуждать крестьянъ къ денежному взысканію, для нихъ даже весьма тягостному, указывая на средства, коими они могутъ располагать для производства этого взысканія, обязывая мѣстную полицію оказывать содѣйствіе мировымъ посредникамъ, предоставляя послѣднимъ право подвергать взысканіямъ и смѣнять временно или окончательно сельскихъ или волостныхъ должностныхъ лицъ, неисполняющихъ ихъ требованій,—до-того исчерпываютъ всю совокупность мѣръ, что трудно добавить ихъ какими нибудь еще особенными указаніями (Пост. Черн. губ. прис. 22 дек. 1861 г. въ Черн. губ. вѣд. 22 янв. 1862 г. № 4).

Объ участіи въ мировомъ съѣздѣ посредника, на дѣйствія котораго принесена жалоба въ мировой съѣздъ. По возбужденному вопросу о томъ, можетъ ли тотъ посредникъ, на рѣшенія или дѣйствія котораго поступила въ мировой съѣздъ жалоба, участвовать въ разсмотрѣніи и рѣшеніи оной, — постановлено, что устраненіе посредника отъ участія въ рѣшеніи можетъ быть сдѣлано только по требованію одной изъ спорящихъ сторонъ и не иначе, какъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ ст. 34 полож. губер. и уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд., ибо дѣла въ мировыхъ съѣздахъ рѣшаются единогласно или по большинству голосовъ, и посредникъ, на рѣшеніе котораго принесена жалоба, является только какъ представитель того или другаго мнѣнія (Пост. Черн. губ. прис. 8 янв. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 5 февр. № 5).

О правѣ дворовыхъ людей на надѣлъ и усадьбу, предоставленную имъ помѣщикомъ вмѣсто денежнаго содержанія. Мировой посредникъ Есманскаго участка глуховскаго уѣзда представилъ въ присутствіе переписку, возникшую по отзыву помѣщика Федора Александровича о выдачѣ его дворовому человѣку Антону Гулякѣ увольнительнаго акта безъ его на то согласія и по заявленіи Гулякою нежеланія принять увольнительный актъ на томъ основаніи, что онъ пользуется полевымъ надѣломъ, который и желаетъ сохранить, на одинаковомъ съ крестьянами основаніи. При этомъ Гуляка пояснялъ, что онъ

пользовался, для продовольствія своего семейства, участкомъ въ 3 дес. земли и частью сѣнокоса, а также устроенною помѣщикомъ усадьбою; а помѣщикъ Александровичъ, съ своей стороны, объяснилъ, что онъ женатыхъ дворовыхъ людей надѣлялъ землею по одной десятинѣ въ руку, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ заботъ одѣвать замужнихъ женщинъ, и не входить ни въ какія мелочные хлопоты по ихъ содержанію, и что на этомъ основаніи и Гуляка пользовался 3-хъ десятинным надѣломъ; впослѣдствіи же Гулякѣ поручено было управлять имѣніемъ, но такъ-какъ онъ оказался неисправнымъ, то и былъ удаленъ отъ должности, наговорилъ ему, Александровичу, дерзостей и по просьбѣ своей получилъ вольную еще до обнародованія манифеста, которую вѣроятно потомъ уничтожилъ.

Представляя эту переписку, посредникъ просилъ разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) можетъ ли Антонъ Гуляка, по случаю пользованія надѣломъ земли, опредѣленной ему со стороны владѣльца взамѣнъ снабженія семейства его одеждою, быть включеннымъ въ число такихъ дворовыхъ людей, которые, по ст. 6 полож. о двор. людяхъ имѣютъ право, на участіе въ пользованіи полевымъ надѣломъ на одинаковомъ съ крестьянами основаніи, и 2) въ случаѣ признанія за нимъ сего права, должна ли быть оставлена за нимъ и включена въ общее число крестьянской усадебной осѣдлости занимаемая имъ усадьба, устроенная владѣльцемъ, или же слѣдуетъ оставить оную въ распоряженіи помѣщика. При докладѣ этого отношенія посредника, членъ присутствія А. Лизогубъ, между прочимъ, изложилъ слѣдующее: 1) «Устройство дворовыхъ людей въ имѣніи помѣщика Александровича издавна имъ введено сообразно съ желаніями, потребностями и понятіями дворовыхъ людей въ Малороссіи. Идеалъ семейнаго быта для нашего дворовaго совершенно сходенъ съ бытомъ крестьянина. Ему нужна своя отдѣльная хата, съ тою же чистотою внутри, съ тою же обстановкою снаружи, и если нѣтъ поля, то по крайней мѣрѣ огородъ; ему необходимо свое отдѣльное хозяйство, своя корова, домашняя птица и особенно кабанъ или свинья, — безъ сала малороссіянинъ почти существовать не можетъ. Застольщину наши дворовые ненавидятъ. Въ желаніи помѣщиковъ доставить дворовымъ всѣ удобства и выгоды, которыхъ они такъ жаждутъ, заключается причина надѣла землею семейныхъ дворовыхъ людей: а желаніе сохранить свои цвѣты, огородныя овощи и садовыя растенія отъ истребленія домашними животными дворни, побудило многихъ помѣщиковъ отводить семейнымъ дворовымъ людямъ отдѣльныя усадьбы на селѣ. Такое устройство быта дворовыхъ людей доказываетъ особенную попечительность о нихъ помѣщиковъ и къ сему разряду можно причислить порядокъ, водворенный помѣщикомъ Александровичемъ въ его имѣніи. 2) Изъ объясненія г. Александровича и изъ собственнаго показанія Антона Гуляки видно, что онъ во зло употреблялъ довѣріе къ нему его престарѣлаго владѣльца, оказался небгагодарнымъ за всѣ къ нему милости и благодѣянія и не могъ основательно надѣяться на какую либо награду. 3) Помѣщикъ Александровичъ, вѣроятно, по добротѣ своей, желавшій даже незаслуженною наградою удалить отъ себя строптиваго и невѣрнаго слугу, выдалъ Гулякѣ отпускную до обнародованія Высочайшаго Манифеста; та отпускная не была Гулякою представлена, но въ полученіи таковой онъ самъ сознается. А потому А. Лизогубъ полагалъ: просить мирового посредника истребовать отъ Гуляки выданную ему отпускную, и если она имъ уничтожена, то симъ самымъ обнаруживается злоумышленіе Гуляки, и онъ подлежитъ выдачѣ ему увольнительнаго акта, безъ его на то согласія, и не-

медленному его удаленію изъ имѣнія г. Александровича » Губернское же присутствіе большинствомъ голосовъ опредѣлило: дворовый человѣкъ помѣщика Александровича, Антонъ Гуляка, имѣя право быть включеннымъ въ число такихъ дворовыхъ людей, которые по ст. 6 Полож. о двор. людяхъ, имѣя право на участіе въ пользованіи полевымъ надѣломъ, на одинаковомъ съ крестьянами основаніи, долженъ сохранить занимаемую имъ и устроенную владѣльцемъ усадьбу, которая и должна быть включена въ общее число крестьянской усадебной осѣдлости. (Пост. Черн. губ. прис. 27 янв. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 19 февр. № 8).

О правѣ посредниковъ относительно уничтоженія приговоровъ сельскихъ обществъ. Вслѣдствіе представленія мироваго посредника Пануровскаго участка, стародубскаго уѣзда, о разрѣшеніи вопроса: имѣетъ ли право посредникъ, по убѣжденію въ томъ, что приговоры обществъ составлены подъ вліяніемъ должностныхъ лицъ, уничтожать эти приговоры, хотя бы они составлены были съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ,—опредѣлено: право сельскихъ сходокъ и порядокъ составленія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ уничтоженія приговоровъ, ясно опредѣлены въ ст. 47—57 общ. полож. Что же касается предлагаемаго посредникомъ вмѣшательства въ дѣла общественнаго управленія, то вмѣшательство такого рода едва ли можетъ быть допущено, такъ какъ оно, будучи несогласно съ правилами Положенія о крестьянахъ, могло бы имѣть неблагопріятное вліяніе на развитіе и примѣненіе идеи общественной самодѣятельности (Пост. Черн. губ. прис. 29 янв. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 19 февр. № 8).

Объ оцѣнкѣ лѣсныхъ порубокъ свѣдущими людьми, не обязывая ихъ руководствоваться таксою вѣдомства государственныхъ имуществъ. По представленію мироваго посредника Мостнищскаго участка козелецкаго уѣзда, о томъ, чтобы при оцѣнкѣ лѣсныхъ порубокъ свѣдущіе люди руководствовались таксою, установленною по вѣдомству государственныхъ имуществъ,—постановлено: что показаніе свѣдущихъ людей не можетъ служить единственнымъ и исключительнымъ руководствомъ для мировыхъ посредниковъ въ оцѣнкѣ ущербовъ и убытковъ, и нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы мировые посредники принимали при этомъ въ соображеніе и лѣсную таксу вѣдомства государственныхъ имуществъ; обязывать же руководствоваться этою таксою свѣдущихъ людей, показанія которыхъ должны имѣть единственнымъ своимъ источникомъ внутреннюю добросовѣстность и безпристрастіе,—не признается возможнымъ, тѣмъ болѣе, что знаніе таксы едвали, въ большей части случаевъ, можетъ быть доступно поселянамъ, изъ среды которыхъ, главнымъ образомъ, призываются свѣдущіе люди. (Пост. Черн. губ. прис. 3 февр. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 26 февр. № 9).

Незаконное пользованіе крестьянскими работами. Вслѣдствіе жалобы временно-обязанныхъ крестьянъ помѣщицы Ксеніи Сахновской на подпоручика Ивана Курбацкаго за принужденіе ихъ къ работамъ въ его пользу, на основаніи заключеннаго съ нимъ владѣлицею ихъ контракта, по которому они наняты были для работъ ему, Курбацкому, тогда какъ срокъ тому контракту давно уже миновалъ,—постановлено: предоставить предсѣдателю присутствія сдѣлать распоряженіе къ прекращенію незаконнаго употребленія Курбацкимъ издѣльной повинности временно-обязанныхъ крестьянъ помѣщицы Сахновской. (Пост. Черн. губ. прис. 29 янв. Черн. губ. вѣд. 19 февр. 1862 г. № 8).

3) ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРИСУТСТВІЯ.

Объ увольненіи изъ обществъ сельскихъ должностныхъ лицъ и о правѣ вдовъ пользоваться, по приговору общества, земельными участками. Сельскія должностныя лица, въ случаѣ отказа ихъ отъ надѣла землею, могутъ наравнѣ съ прочими крестьянами имѣющими на то право по 8 ст. мѣст. полож.. погучать увольненіе изъ общества; вдовы же, не имѣющія въ семействѣ своемъ ни одной души мужескаго пола, оставаясь, по введеніи уставныхъ грамотъ, на попеченіи общества, могутъ, по приговору сельскаго общества, пользоваться земельнымъ участкомъ, отбывая за него повинности, приговоромъ же опредѣленныя. (Пост. 23 января 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 3 февр. № 5).

О пользованіи отставными нижними чинами принадлежащими имъ усадьбами. Дозволеніе нижнимъ чинамъ оставаться въ своихъ усадьбахъ должно зависѣть отъ общества крестьянъ, если они живутъ въ чертѣ земель, отведенныхъ крестьянамъ въ пользованіе, или попрежнему отъ помѣщика, когда усадьбы ихъ устроены на земляхъ, оставшихся въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца; самыя же усадебныя постройки, буде онѣ пріобрѣтены на собственныя средства или достались имъ по законному наслѣдію, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность, и въ случаѣ, если ни общество, ни владѣлецъ не пожелаютъ имъ предоставить, по взаимнымъ согласіямъ, усадебную осѣдлось, то такія строенія должны быть сносимы или продаваемы въ трехъ мѣсячный срокъ, со дня объявленія имъ о выселеніи. (Пост. 23 янв. 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 3 февр. № 5).

Предоставленіе мироваго посредника объ ограниченіи переселеній временно обязанныхъ крестьянъ съ помѣщичьихъ земель въ села государственныхъ имуществъ. Мировой посредникъ III участка Екатеринославскаго уѣзда входилъ въ губернское присутствіе съ представленіемъ о томъ, что значительно легчайшая плата за пользованіе землями государственныхъ имуществъ, въ сравненіи съ платою за пользованіе землями помѣщичьими, увлекаетъ временно обязанныхъ крестьянъ и заставляетъ ихъ даже прибѣгать къ самымъ уступкамъ своихъ хатъ въ пользу помѣщиковъ, лишь бы получить дозволеніе къ переселенію въ села государственныхъ имуществъ; признавая такое направленіе временно обязанныхъ крестьянъ опаснымъ для прочности и самостоятельности ихъ сельскихъ обществъ, могущихъ такимъ образомъ выпустить изъ среды своей самыхъ зажиточныхъ членовъ и содѣлаться несостоятельными въ отношеніи ихъ обязанностей къ правительству и владѣльцамъ земель,—посредникъ просилъ опредѣлить ту возможную пропорцію выпуска крестьянъ изъ общества, которая устранила бы изложенное имъ опасеніе. Губернское же присутствіе, не находя съ своей стороны достаточныхъ основаній входить съ представленіемъ къ высшему начальству объ измѣненіи существующихъ на этотъ предметъ правилъ, оставило изложенное ходатайство посредника безъ послѣдствій. (Пост. 23 янв. 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 3 февр. № 5).

О правѣ управляющихъ имѣніями отправлять дворовыхъ людей для наказанія въ полицію. По возникшему вопросу о томъ, вправѣ ли управляющіе имѣніями отправлять дворовыхъ людей для наказанія въ полицію,—опредѣлено: признавать за ними такое право только тогда, когда они имѣютъ законныя

довѣренности на управленіе имѣніями, въ противномъ случаѣ, они могутъ дѣлать это только при участіи посредника. (Пост. 23 янв. 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 3 февр. № 5).

О пособіи малоземельнымъ владѣльцамъ и крестьянамъ. Екатеринославскій губернскій предводитель дворянства, въ отношеніи своемъ губернскому присутствію, изложилъ, что дополнительными правилами о мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ, въ положеніи 19 февраля, предоставляются какъ землевладѣльцамъ, такъ и крестьянамъ различныя льготы и облегченія. Положеніе малоземельныхъ землевладѣльцевъ, въ имѣніяхъ коихъ, при значительномъ числѣ душъ, пропорція земли такъ мала, что, за надѣломъ крестьянъ, останется незначительная часть всѣхъ угодій въ пользованіе землевладѣльца, заслуживаетъ вполнѣ вниманія правительства. Вообще же число малоземельныхъ владѣльцевъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи весьма незначительно, за исключеніемъ Новомосковскаго, Верхнеднѣпровскаго и частью Павлоградскаго уѣздовъ. Во многихъ этихъ имѣніяхъ, различныя неудобства, какъ то: узкость дачъ, недостатокъ водопоевъ и пр. служатъ причиною бѣднаго состоянія землевладѣльцевъ и крестьянъ. Въ Новомосковскомъ уѣздѣ большая часть имѣній, расположенная по берегамъ рѣкъ Днѣпра, Самары и Орели имѣютъ почву безплодную, песчаную, перемѣшанную съ солонцами. Въ такихъ имѣніяхъ было бы несправедливо выдѣлить крестьянамъ только одну удобную землю, оставивъ владѣльцамъ неудобную; а сдѣлать крестьянамъ нарѣзку изъ общаго количества,—значитъ поставить ихъ въ положеніе довольно затруднительное, потому что и при полномъ узаконенномъ надѣлѣ, 4 десятины, съ песками или солонцами, не дадутъ средствъ къ скудному даже существованію. При этомъ предводитель предлагалъ малоземельными владѣльцами считать всѣхъ тѣхъ, у коихъ всей земли менѣе $4^1/_2$ десят. на душу, что согласно и съ постановленіемъ бывшаго губернскаго комитета; также тѣхъ, у коихъ особенныя неудобства, какъ-то узкость полосы земли, недостатокъ водопоевъ, особенно дурное качество почвы песчаной или перемѣшанной съ солонцами, не позволитъ надѣлить крестьянъ даже половиннымъ, противу указнаго, надѣломъ одной удобной земли. Общее число такихъ имѣній въ Екатеринославской губерніи не можетъ быть слишкомъ значительно. А потому онъ полагалъ, что пособіе малоземельнымъ владѣльцамъ и крестьянамъ, поселеннымъ на ихъ земляхъ, можетъ состоять только въ разрѣшеніи обязательнаго для крестьянъ переселенія на казенныя земли, при пособіи правительства, или частныхъ владѣльцевъ, съ коими они войдутъ въ добровольное соглашеніе, причемъ въ послѣднемъ случаѣ переселеніе должно совершиться на счетъ тѣхъ, кои принимаютъ къ себѣ людей малоземельнаго владѣльца.

Губернское присутствіе, вслѣдствіе сего отношенія, просило предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, чтобы они, обсудивъ на съѣздахъ возбужденные вопросы о пособіи малоземельнымъ владѣльцамъ, представили соображенія съѣздовъ и списокъ малоземельныхъ имѣній, признавая возможнымъ ходатайствовать о причисленіи къ малоземельнымъ владѣльцамъ лишь тѣхъ, которые со включеніемъ земли, слѣдующей въ надѣлъ крестьянамъ, имѣютъ въ своемъ владѣніи удобной земли менѣе 4 десятинъ на душу по 10-й ревизіи. (Пост. 27 янв. 1862 г. Екат. губ. вѣд. 10 февр. № 6).

О правѣ мировыхъ посредниковъ принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла по жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ. Мировой посредникъ III участка Екатеринославскаго уѣзда представилъ на разрѣшеніе мироваго съѣзда слѣду-

ющія обстоятельства: 1) временно-обязанная крестьянка, имѣнія наслѣдниковъ Ломаковскихъ, принесла жалобу на одного помѣщика, причинившаго ей побои по лицу до крови. По 29 ст. полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд., въ дѣлахъ между помѣщиками и крестьянами, мировой посредникъ присуждаетъ потерпѣвшему убытокъ вознагражденіе, а въ дѣлахъ по проступкамъ подвергаетъ виновныхъ взысканію по 32 ст. того же Положенія. Возникаетъ вопросъ, возбужденный уже на одномъ изъ мировыхъ съѣздовъ *протестомъ* со стороны помѣщиковъ, что въ дѣлахъ подобнаго рода не подлежатъ они разбирательству мировыхъ учрежденій, но положительно не разрѣшенный, обязанъ ли мировой посредникъ принимать къ разбору подобныя жалобы, когда обиженная сторона за побои безъ увѣчья будетъ просить денежнаго вознагражденья: 2) Сельскій староста, Кондратій Жуковскій, принесъ жалобу на того же помѣщика (*), побившаго вышеозначенную крестьянку, о нанесеніи ему собственноручно тяжкихъ побоевъ такъ, что цѣлую недѣлю онъ былъ болѣнъ. Обида эта, какъ нанесенная должностному лицу сельскаго управленія, подлежитъ, на основаніи 24 ст., разбирательству мироваго посредника, или по 35 ст. вѣдомству общихъ губерн. и уѣздн. постановленій. Екатеринославскій мировой съѣздъ, для прекращенія могущихъ возникнуть недоразумѣній, рѣшился подробно разобрать вопросъ о томъ: какія дѣла и въ какой степени подлежатъ вѣдѣнію мироваго посредника и какія вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. По ст. 24 полож. губ. и уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд., вѣдѣнію мироваго посредника подлежатъ, между прочимъ, разборъ и рѣшеніе жалобъ временно обязанныхъ крестьянъ на помѣщика, а по ст. 34 и слѣд. разбирательству и рѣшенію предшествуетъ предложеніе посредника прекратить дѣло миромъ. Это приводитъ къ выводу, что каждая жалоба о такомъ предметѣ, по которому дѣло можетъ по закону быть окончено миромъ, принимается посредникомъ, и обѣимъ сторонамъ предлагается окончить дѣло миромъ, или третейскимъ разборомъ. Затѣмъ, въ случаѣ неуспѣха примирить враждующихъ, посредникъ разбираетъ и рѣшаетъ дѣла самъ, если они, по ст. 29, 30 и 39, подлежатъ его вѣдѣнію,—или передаетъ въ уѣздный судъ, по ст. 33 того же положенія. По дѣйствующимъ же законамъ, миромъ или оставленіемъ безъ хожденія прекращаются только тѣ дѣла (XV т. уголовн. зак. книга II ст. 41 и 42 и книги 1-й ст. 173), которыя подлежатъ разсмотрѣнію суда не иначе, какъ вслѣдствіе жалобы обиженнаго, исключая случаевъ, означенныхъ въ ст. 440, 2076, 2083, 2085, 2105, 2106, 2118 и 2120; въ законахъ уголовныхъ книги 1-й улож. о нак. сдѣланы пояснительныя примѣчанія къ тѣмъ отдѣламъ, гдѣ изложены проступки и преступленія, преслѣдованіе которыхъ можетъ быть не иначе, какъ по жалобѣ истца. Поэтому легко опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ ли дѣло быть кончено миромъ. Переходя затѣмъ къ частнымъ случаямъ, предложеннымъ мировымъ посредникомъ Бѣльченкомъ, мировой съѣздъ нашелъ: а) по ст. 25 общ. полож., крестьяне не могутъ быть подвергнуты никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію постановленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей; сверхъ того, по ст. 124 того же полож., сельскіе старосты, на время службы, освобождаются отъ тѣлеснаго нака-

(*) Напрасно Екатеринославскій мировой съѣздъ и губернское присутствіе скрываютъ фамилію этого достославнаго поборника насилія и кулачной расправы, которой, къ-счастью, и не полагается въ учрежденіяхъ по крестьянскому дѣлу.

занія; б) нанесеніе тяжкихъ побоевъ стоитъ въ улож. о наказ. подъ отдѣломъ о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ, и наказаніе за него опредѣляется ст. 2086 и 2087. Въ концѣ отдѣла сдѣлано примѣчаніе, изъ котораго, сообразно съ ст. 41 кн. II угол. зак., видно, что дѣло это можетъ быть окончено миромъ; слѣдовательно подлежитъ вѣдѣнію мироваго посредника, для склоненія обѣихъ сторонъ къ миру; но въ случаѣ неуспѣха въ этомъ, должно быть передано въ судебное мѣсто, потому что опредѣленное ст. 2086 и 2087 уголов. зак. о наказаніяхъ, взысканіе не можетъ быть, по положенію, присуждено мировымъ посредникомъ; в) если же побои крестьянину Кондратію Жуковскому нанесены по какимъ нибудь отношеніямъ къ должности его, сельскаго старосты, и замѣняя просьбу объ удовлетвореніи законнымъ порядкомъ, были выраженіемъ своеволія, то такое дѣйствіе и наказаніе за него опредѣляется 312 ст. книги 1-й, уголов. зак., и не принадлежитъ къ тѣмъ обидамъ и оскорбленіямъ, которыя преслѣдуются не иначе, какъ по жалобѣ истца; слѣдовательно дѣло не можетъ быть кончено миромъ. По этимъ выводамъ, основаннымъ на законахъ, мировой съѣздъ опредѣлилъ: 1) просить посредника Бѣльчепка удостовѣриться, были ли побои нанесены Кондратію Жуковскому какъ частному лицу, и въ такомъ случаѣ предложить обѣимъ сторонамъ окончить дѣло миромъ; или же они были слѣдствіемъ какихъ либо неисполненныхъ имъ по должности требованій; въ этомъ послѣднемъ случаѣ вообще, равно какъ и въ первомъ, если претензія не окончится миромъ, дѣло по жалобѣ должно быть передано въ Екатеринославскій уѣздный судъ на его распоряженіе. 2) Относительно крестьянки помѣщиковъ Ломаковскихъ поступить по изложеннымъ здѣсь выводамъ; и 3) представить объ изложенныхъ здѣсь соображеніяхъ въ губернское присутствіе. Губернское присутствіе, съ своей стороны, находя соображенія мироваго зъѣзда и примѣненіе имъ къ настоящему случаю законовъ совершенно правильными, постановило: напечатать заключеніе съѣзда, для руководства прочихъ мировыхъ съѣздовъ въ подобныхъ настоящему случаяхъ. (Пос. 5-го февр. 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 17 февр. № 7).

О постройкѣ усадьбъ для крестьянъ, неимѣющихъ усадебныхъ осѣдлостей. Вслѣдствіе возбужденнаго вопроса о томъ, кто долженъ строить усадьбы для крестьянъ, неимѣющихъ теперь усадебныхъ осѣдлостей, а живущихъ въ экономическихъ постройкахъ, или у другихъ крестьянъ въ сосѣдяхъ, губернское присутствіе, по полученіи заключеній по сему предмету уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ, взявъ во вниманіе затруднительное положеніе бездомныхъ и неимѣющихъ усадебныхъ осѣдлостей крестьянъ, большею частью несоставившихъ себѣ никакого состоянія и обезпеченныхъ средствъ, съ другой сторонъ настоятельную и неотлагаемую необходимость немедленнаго устройства и обезпеченія ихъ хозяйственнаго быта, а также затрудненія, съ коими сопряжено бы было для землевладѣльцевъ устройство усадьбъ для всѣхъ вообще бездомныхъ крестьянъ,—постановило: раздѣлить такихъ крестьянъ на двѣ категоріи; на крестьянъ, составляющихъ отдѣльныя семейства и хозяйства, и крестьянъ одинокихъ, возвращающихся въ свои семейства, какъ нераздѣльные члены ихъ. Въ первомъ случаѣ, т. е. къ крестьянамъ, составляющимъ отдѣльныя семейства, должны быть примѣнены всѣ условія и правила для обязательнаго переселенія крестьянъ, изложенныя въ ст. 84, 85, 86 мѣст. полож.; одинокіе же крестьяне, возвращающіеся въ свои семейства, не пользуются никакими льготами, такъ какъ быть ихъ можетъ считаться обезпеченнымъ относительно помѣщенія (Пост. 14 марта 1862 г. Екат. губ. вѣд. 24 марта, № 12).

4) ПОДОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРИСУТСТВІЯ.

О правѣ мировыхъ посредниковъ подвергать тѣлесному наказанію временно-обязанныхъ крестьянъ. Министру внутреннихъ дѣлъ сообщены были копіи съ приведенныхъ уже въ исполненіе постановленій подольскаго и кіевскаго присутствій, о томъ: могутъ ли быть временно-обязанные крестьяне подвергаемы тѣлесному наказанію, по распоряженію мировыхъ посредниковъ, за неисправное отбываніе, въ пользу помѣщика, издѣльной повинности и неявки на работу. Вопросъ этотъ подольскимъ губернскимъ присутствіемъ разрѣшенъ отрицательно, на томъ основаніи, что мѣры обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей и порядокъ взысканій опредѣлительно указаны въ 218 и послѣдующихъ статьяхъ положенія для губерній: Кіевской, Подольской и Волынской и, по смыслу этихъ статей, за неисправное отбываніе крестьянами повинности ни мировому посреднику, ни волостному суду тѣлесное наказаніе не предоставлено. Напротивъ того, по мнѣнію Кіевскаго губернскаго присутствія, неявка крестьянъ на барщину, по назначенію сельскаго старосты, безъ уважительныхъ причинъ и неисправное отбываніе ими издѣльной повинности есть *ослушаніе и проступокъ* противъ Высочайше утвержденныхъ положеній о крестьянахъ, и потому въ случаѣ жалобы помѣщика, мировые посредники, на основаніи 29 и 91 ст. полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣд. учр., имѣютъ право подвергать сельскихъ начальниковъ за послабленіе крестьянамъ взысканію, а ослушниковъ изъ крестьянъ, кромѣ вознагражденія помѣщику, и тѣлесному наказанію, приступая къ оному, какъ къ самой сильной мѣрѣ, только въ необходимыхъ случаяхъ, и послѣ употребленія другихъ средствъ, исчисленныхъ въ ст. 32 тѣхъ же правилъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообразивъ оба постановленія, съ своей стороны нашелъ, что по смыслу ст. 218, 219 и 220 мѣст. пол. для губ. Кіев. Под., и Вол. ни за неявку крестьянъ на работу, ни за неисправное отбываніе ими барщины они не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію. Къ наказанію этому, согласно ст. 29 и 32 полож. о губер. и уѣзд. по крест. дѣл. учрежд., крестьяне присуждаются только за проступки. Посему если, при отбываніи издѣльной повинности, или при высылкѣ на работу, крестьянами будетъ совершено такое дѣйствіе, которое составляетъ проступокъ, то въ этомъ случаѣ мировые посредники имѣютъ право подвергать виновныхъ наказанію, на основаніи означенныхъ 29 и 32 статей. (Пост. Под. губ. пр. 27 дек. 1861 г. въ Под. губ. вѣд. 6 янв. 1862 г. № 1).

О правахъ дворовыхъ людей, отказавшихся отъ надѣла. Дворовые люди, пользовавшіеся земельнымъ надѣломъ до обнародованія положенія19 февраля 1861 года, могутъ нынѣ отказаться отъ пользованія тѣмъ надѣломъ и оставшіеся послѣ нихъ участки, если принадлежали къ мірской землѣ, должны быть возвращаемы міру на общемъ основаніи, а если къ фольварковой,—помѣщику; что же касается до личныхъ правъ дворовыхъ людей, которые отказомъ отъ надѣла возвращаются сами собою въ тотъ разрядъ крестьянъ, къ которому по ревизіи приписаны, т. е. къ которому они по происхожденію своему принадлежатъ, то они должны пользоваться всѣми правами, предоставленными этому классу крестьянъ. Высочайшимъ положеніемъ объ устройствѣ дворовыхъ людей и въ томъ числѣ и льготами, по ст. 32 этого положенія. (Пост. Под. губ. прис. 27 дек. 1861 г. въ Под. губ. вѣд. 6 янв. 1862 г. № 1).

О срокѣ, съ котораго, за введеніемъ уставныхъ грамотъ, должно счи-

тать за крестьянами повинности по новому Положенію. Въ случаѣ перехода, съ согласія помѣщика, крестьянъ на оброкъ, онъ считается за ними со дня перехода ихъ на оброчное положеніе, если впрочемъ по добровольному соглашенію помѣщика съ крестьянами не будетъ назначенъ другой срокъ. Если же крестьяне заявятъ желаніе перейти на оброчное положеніе, а помѣщикъ не согласенъ пустить ихъ на оброкъ, въ срокъ, опредѣленный 209 ст. мѣст. полож., то крестьяне могутъ перейти на оброкъ по истеченіи года со дня заявленія своего желанія, согласно 213 ст. того же полеженія, но и въ этомъ случаѣ оброкъ долженъ считаться за ними со дня дѣйствительнаго перехода на оброчное положеніе; до того же времени обязаны отбывать издѣльную повинность со дня введенія грамотъ по положенію 19-го февраля. Что́ же касается крестьянъ, состоящихъ на смѣшанной повинности, то на основаніи 214 ст. того же мѣстнаго положенія, имъ предоставляется перейти на чистый оброкъ, въ уставной грамотѣ опредѣленный, немедленно по введеніи ея въ дѣйствіе; а потому въ случаѣ перехода крестьянъ со смѣшанной повинности на чистый оброкъ, если по добровольному съ помѣщикомъ соглашенію не будетъ назначенъ особый срокъ, то и оброкъ долженъ считаться за ними со дня введенія грамоты. Наконецъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне не изъявятъ желанія перейти на оброкъ, они должны, со дня введенія грамоты, отбывать издѣльную повинность, въ размѣрѣ, опредѣленномъ положеніемъ 19 февраля. (Пост. Под. губ. прис. 7 февр. 1861 г. въ Под. губ. вѣд. 24 февр. № 8).

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Незнаніе народа, невниманіе къ дѣйствительности, ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. — Ложное пониманіе нѣкоторыми мировыми посредниками и сельскими начальниками своей обязанности. — Старая привычка. — Безпорядки въ губерніяхъ. — Участіе женщинъ. — Домашнія расправы съ волостными старшинами. — Стояніе горой за *своихъ*. — *Не*-пуганая ворона куста боится. — Запрещеніе собираться у шинковъ *только* для пьянства. — Дѣйствительно ли опасны *превратныя толкованія?* — Предписаніе губернскаго присутствія. — Мнѣніе г. Скарятина о выкупѣ. — *Предупредительное* предписаніе г Министра В. Д. по поводу приближающагося лѣта. — Дѣйствительная опасность для нашей хлѣбной торговли. — Причины упадка хлѣбной торговли на югѣ. — Соперничествующія страны. — Наши средства сообщенія. — Препятствія, встрѣчаемыя во время подвоза хлѣба къ портамъ. — Трутни изъ человѣческой породы. — Русское общество пароходства и торговли. — Письмо г. Палеолога. — Жалобы. — О задачахъ предстоящей реформы акціонернаго законодательства. — Общественныя пожарныя команды. — Общества взаимнаго страхованія. — Земскіе банки. — Открытіе кредита свеклосахарнымъ заводчикамъ. — Пора думать о сельскихъ банкахъ. — Опыты воздѣлыванія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ растеній. — Разныя извѣстія.

Кто *дѣйствительно* знакóмъ съ народомъ, съ его вѣрованіями и понятіями, на которыхъ держится его частная и общественная жизнь, тотъ не станетъ обольщать себя разными несбыточными надеждами. Сидя за книгами въ четырехъ стѣнахъ и отуманивая себя какой-нибудь призрачной идеей, гоня отъ себя житейскій опытъ и правдивый голосъ дѣйствительности, можно, пожалуй, вообразить себѣ Богъ-знаетъ-какіе политическіе и соціальные виды въ народѣ: — да много ли пользы отъ

этого, для кого-бы-то-нибыло, и въ-особенности для самого народа? Вмѣсто того чтобы трудиться для него терпѣливо, настойчиво,—смиренно довольствуясь тѣмъ, что удается принести ему хоть малую, но дѣйствительную, насущную пользу, многіе у насъ только тѣшатъ себя собственными идеалами, до которыхъ народу дѣла нѣтъ, которыхъ онъ не пойметъ, не приметъ, отъ которыхъ онъ не ждетъ себѣ добра и не скажетъ самаго простого »спасибі« ... Но такая еще страшная пропасть раздѣляетъ у насъ »письменныхъ« отъ »неписьменныхъ«, необразованныхъ отъ образованныхъ, простыхъ отъ не-простыхъ, — такъ мало еще знаютъ народъ самые преданные ему люди!

Чтобы скорѣе выйти, наконецъ, изъ этого печальнаго положенія, изъ этого губительнаго непониманія и раздвоенія общественнаго, намъ, теперь больше чѣмъ когда-нибудь, необходимо знакомство съ жизнью, съ народомъ; правда, хотя бы самая горькая и прискорбная правда, плодотворнѣе всякихъ, самыхъ сладостныхъ, мечтаній. Она одна можетъ навести нашъ умъ и дѣятельность на прямую дорогу: лихорадочныя, мечтательныя увлеченія только губятъ силы и нерѣдко навсегда удаляютъ лучшихъ людей съ поля дѣйствительно-полезной борьбы. Охраняя себя отъ безплодныхъ порывовъ, посвящая себя на самый простой—не-блестящій—трудъ для народа, хотя бы, напримѣръ, на обученіе грамотѣ, — мы гораздо скорѣе сблизимся съ нимъ, чѣмъ становясь на высоту и возглашая оттуда, какъ пророки, неосуществимыя истины.

На эти размышленія не разъ наводили насъ нѣкоторыя исключительныя явленія,—впрочемъ на Сѣверѣ, а не на Югѣ; дѣятельность украинскихъ народолюбцевъ представляется намъ въ иномъ свѣтѣ, на иномъ, болѣе вѣрномъ, пути; благодаря, между-прочимъ, тому, что, въ южно-русскомъ обществѣ, сельскія начала и сельскіе интересы преобладаютъ надъ городскими,—наши Южане гораздо проще въ своихъ отношеніяхъ къ народу, гораздо ближе къ дѣйствительной жизни, нежели нѣкоторые сѣверные наши братья.—Спѣшимъ, однакожъ, оговориться, что эти размышленія по-поводу послѣднихъ — не заупокойная пѣсня, а призывъ къ обновленію, къ отрезвленію, которое скорѣе всего наступаетъ отъ уразумѣнія дѣйствительности.

Подойдемъ ближе къ дѣйствительной жизни и безпристрастно оцѣнимъ — что́ въ ней совершается.

Въ положеніи самомъ благопріятномъ для изученія дѣйствительной жизни стоятъ теперь мировые посредники; честный трудъ ихъ на пользу

общую запишетъ исторія, запомнитъ народъ; но какъ часто и у нихъ встрѣчается непониманіе народа, неуваженіе къ нему, неумѣнье стать на *его* точку зрѣнія, — съ которой только и можно просто, терпѣливо и кротко довести его до уразумѣнія своего положенія и своихъ новыхъ общественныхъ отношеній. Сколько и между мировыми посредниками, и между другими сельскими начальниками, людей, неизмѣнно сохранившихъ, по воспоминаніямъ мимошедшаго крѣпостнаго права, идеальную вѣру въ плодотворность и долговѣчность образумленія посредствомъ вещественной силы! А между тѣмъ—это очень опасное средство,—опаснѣе самой застарѣлой болѣзни, особенно въ нашемъ Югозападномъ краю, гдѣ отношенія усложнились и запутались самой исторіей, гдѣ убѣжденія и взгляды окрѣпли, благодаря народному опыту и характеру: оно не только вгонитъ старую болѣзнь внутрь, но и создаетъ новую, которая — раньше или позже — но непремѣнно отзовется. Это физіологическо-нравственный законъ, законъ природы, который надо признать, чтобы во-время избѣжать его страшныхъ послѣдствій.

Все это невольно приходитъ на мысль по поводу *введенія* уставныхъ грамотъ.

Вотъ созвалъ »посередникъ« громаду, для прочтенія условій, на основаніи которыхъ крестьяне должны продолжать свое существованіе совмѣстно съ помѣщикомъ. Громада молчитъ... Крестьяне слушая — не слышатъ, не понимаютъ, и не желаютъ того, что тамъ написано. Не то!.. не того имъ хочется... *Случный часъ* закрылъ все передъ ихъ глазами... *Случный часъ*, — думаютъ они, — дастъ намъ то что нужно... Но начальство говоритъ: не будетъ того... »Отъ, мука! отто морока!« думаютъ они. —»Э, що буде, то буде!« говоритъ одинъ изъ нихъ... Начинаютъ переглядываться, перебрасываться полусловами, полуфразами... »Такъ якъже, братці? Чи такъ?« озывается староста... »Якъ?« — »Та ось, якъ панъ каже«... »Ні, сего не буде!..« — »Чому? хиба що?« — Говоръ усиливается, становится смѣлѣе, явственнѣе, рѣзче — и вотъ вся громада, какъ одинъ человѣкъ, гремитъ: »несогласні на грамоту!..« — —

Подобнаго рода безпорядки вызываются иногда несправедливостью и другими печальными явленіями. Законъ, напримѣръ, говоритъ ясно, что если крестьяне отказываются подписывать грамоту, то посредникъ обязанъ самъ составить ее, безъ участія всѣхъ, непосредственно-заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Такъ нѣтъ, видите ли: хоть съ палкой въ

рукахъ заставлю подписать, да таки будетъ у меня грамота составлена *по добровольному соглашенію*, и *подписана*. Какія милыя, наивныя понятія!

Недавно-случившееся, въ такомъ родѣ, возмутительное происшествіе привидѣніемъ стоитъ передъ нашими глазами въ настоящую минуту.

Послушайте, гг. посредники, и будьте судьями. Есть село М., въ уѣздѣ П. и губерніи П. Самъ владѣлецъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не управлялъ своимъ имѣніемъ, которое находилось въ рукахъ старухи-матери, провѣтривающей ассигнаціи, да чистящей золото: въ этомъ состояла вся хозяйственная дѣятельность ханжи-старухи. Заправлялъ главнымъ образомъ всѣми дѣлами любимецъ-управляющій и все шло по-старому. Если случится, что кто-нибудь изъ крестьянъ занесетъ жалобу баринѣ на управляющаго или на сосѣда—княгиня призоветъ того и другого и, накормивъ обоихъ орѣхами да рожками, отпуститъ съ Богомъ, увѣривъ ихъ, что ссориться грѣшно. Не смотря на такой судъ и расправу, крестьяне жили мирно. Становой божился, что за 20 лѣтъ своей ревностной службы онъ ниединого изъ м—евскихъ *даже* не высѣкъ, не то, чтобъ что-нибудь.... Но вотъ настала весна 1861 года. Прочитали манифестъ, прочитали и Положеніе. Въ М—евкѣ заговорили о волѣ, о панахъ, о надѣлѣ. Тутъ крестьяне, вспомнивъ о нѣкоторыхъ своихъ претензіяхъ, говорили, что теперь по-крайней-мѣрѣ можно и на помѣщиковъ жаловаться. Собралось ихъ человѣкъ тридцать и задумали они подать прошеніе »прямо до царя; та щобъ гонець не заіздивъ у губернію, бо завéрнуть«. Собираютъ по 15 к. ср. съ души, ищутъ писаря. Между тѣмъ, въ декабрѣ, настало время введенія грамоты. Пріѣхалъ посредникъ, началъ читать о надѣлѣ земли, объяснивъ имъ сначала правила Положенія. Не успѣлъ онъ прочитать и половины грамоты, какъ громада крикнула: »несогласні на грамоту! за що ми будемъ отбувати повинності, або платить оброкъ, коли та земля й такъ наша!« Посредникъ думалъ-было уговаривать ихъ, но, видя себя окруженнымъ громадою, около 300 человѣкъ, счелъ за лучшее на этотъ разъ удалиться. На другой день онъ позвалъ къ себѣ четырехъ человѣкъ, въ полной увѣренности, что ихъ легче можно уговорить, чѣмъ всю громаду. Но явились всѣ и потребовали его къ себѣ. »Кто васъ позвалъ сюда? »говоритъ онъ. — «Ми й безъ зву прийшли.«—»Зачѣмъ?«—» А ось послухаемъ, що ви будете казать тутъ....»Законъ не дозволяетъ ходить

толпою безъ призыва начальства«...»Хиба що?«.. Снова посредникъ началъ имъ толковать о необходимости принять грамоту, и снова получилъ прежній отвѣтъ. Кончилось тѣмъ, что посредникъ прогналъ громаду вонъ, а на другой день донесъ обо всемъ губернатору. Назначенъ чрезвычайный съѣздъ. Пріѣхали чины, собрали громаду, заговорили о грамотѣ. Крестьяне не соглашались. Имъ напомнили объ экзекуціи, о наказаніяхъ—ничто не помогало. На другой день послали, конечно, за военной командой, пришла рота, опять пріѣхали чины; снова, безъ всякаго разбирательства, заговорили о грамотѣ, и снова тотъ же твердый, непоколебимый, короткій, но ясный отвѣтъ. Но—при посредствѣ военной команды, грамота была подписана; не смотря на то назначено слѣдствіе: главные зачинщики и виновники преданы суду. Четыре человѣка въ тюрьмѣ, тринадцать подъ надзоромъ. Крестьяне рѣшились ни-за-что не выдавать своихъ, и нужно было по пяти часовъ допрашивать каждаго, чтобъ добиться самыхъ простыхъ отвѣтовъ.— — Всѣ несчастія, всѣ преслѣдованія, подобныя описанному, приписываются панамъ, а не царю:—и это не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію... Да и не странно ли въ самомъ дѣлѣ слышать о подобномъ *добровольномъ соглашеніи* при посредствѣ военной команды?.. — —

Въ газетахъ объявлено о безпорядкахъ, бывшихъ въ губерніяхъ: Харьковской, Полтавской, Кіевской, Подольской и Екатеринославской. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ происходили, во-первыхъ, въ селѣ Словгородѣ, имѣніи князя Голицына, Харьковской губерніи. Крестьяне возбуждаемые подстрекателями, распространившими толки, что будетъ другой манифестъ о волѣ, рѣшились громадою ни на что не соглашаться до истеченія двухъ лѣтъ, и не принимать ни въ какомъ случаѣ уставной грамоты; причемъ угрожали прибить волостнаго старшину, который увѣщевалъ ихъ и разувѣрялъ въ ложныхъ толкахъ,—надѣлали ему дерзостей и оскорбленій. Затѣмъ, войдя съ буйствомъ въ волостное правленіе, гдѣ находились арестованные волостнымъ старшиною, по распоряженію мироваго посредника, три человѣка крестьянъ изъ главныхъ подстрекателей, силою освободили ихъ. Послѣ безуспѣшныхъ мѣръ убѣжденія, въ имѣніе была введена военная команда и прибылъ штаб-офицеръ корпуса жандармовъ, убѣжденіями котораго порядокъ возстановленъ. Затѣмъ, отбивавшіе арестованныхъ крестьянъ и сами арестованные, всего 8 человѣкъ, подлежащіе, за самовольныя дѣйствія, военному суду, переданы въ вѣдомство земской полиціи, а 7 человѣкъ, принимавшіе участіе въ

подстрекательствѣ только по увлеченію, подвергнуты полицейскому наказанію.

Во-вторыхъ, въ мѣстечкѣ Мошнахъ, княгини Воронцовой, Кіевской губерніи. Здѣсь крестьяне арестовали волостнаго старшину, ставили его и волостнаго писаря, губернскаго секретаря Зозульскаго, на колѣни на разбитые острые кирпичи, морили ихъ голодомъ, укрывали нѣсколькими тулупами, *а женщины плевали имъ въ глаза*; сына волостнаго старшины, шестнадцати-лѣтняго мальчика, который пришелъ навѣстить отца, привязали къ столбу и заставляли на это смотрѣть отца; а сестру его, подъ предлогомъ обвиненія въ колдовствѣ, привязали за косу къ возу и волочили; связали веревкою сборщика податей и, наконецъ, имѣли намѣреніе ставить означенныхъ лицъ на горячую сковороду, а потомъ утопить. Къ военной силѣ не довелось, однакожъ, прибѣгать, для прекращенія безпорядковъ: прибытіе войска обратило буйную толпу въ бѣгство, но при этомъ главные виновники (мужчины *и женщины*) были арестованы, при содѣйствіи полиціи и частныхъ лицъ. О семъ нынѣ производится строгое слѣдствіе.

Поводы къ этому второму проявленію неудовольствію со стороны крестьянъ намъ неизвѣстны. Только, судя по оффиціальному донесенію, оно было весьма значительно, когда въ числѣ арестованныхъ находятся и женщины, плевавшія въ глаза волостному писарю и старостѣ, на которыхъ обрушились всѣ неудовольствія крестьянъ. Что́ касается до волостныхъ старшинъ, то многихъ изъ нихъ крестьяне подозрѣваютъ въ стачкѣ съ помѣщиками и часто сами расправляются съ ними; только эти расправы бываютъ, обыкновенно, болѣе мирны. Такъ, напримѣръ, въ »Сѣверной Почтѣ« сообщаютъ, что крестьяне Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ м. Сарнѣ, числомъ до пятидесяти, наказали публично плетьми, на площади, помощника волостнаго старшины, Трофима Кузьмича, отъ чего Кузьмичъ изувѣченъ. Предполагаютъ, что причиною наказанія было подозрѣніе въ томъ, что помощникъ старосты тянулъ за помѣщика и шелъ противъ своихъ. За *своихъ* громада стоитъ горой, и часто идетъ наперекоръ всѣмъ распоряженіямъ помѣщиковъ и даже посредниковъ,—что́ опять бываетъ причиною постоянныхъ непріятныхъ столкновеній между двумя сторонами. Крестьянъ врядъ-ли можно безусловно обвинять за это. Мы уже упоминали, что они до-сихъ-поръ не могутъ дать себѣ яснаго отчета въ своемъ положеніи, выяснить цѣль своихъ нервныхъ вздрагиваній. За то, если причина какого-нибудь не-

пріятнаго для нихъ дѣла станетъ имъ очевидна,—они дѣлаются упорны, и трудно бываетъ сбить ихъ съ дороги, на которую они стали. Въ одномъ изъ засѣданій Черниговскаго мироваго съѣзда, кажется 3 и 4 апрѣля, читано было прошеніе опекуна надъ имѣніемъ княжны Прозоровской, помѣщика Николая Кащевича, которымъ онъ ходатайствовалъ объ отправленіи на поселеніе временно-обязаннаго крестьянина, экономіи княжны Прозоровской, Шеляга, за неоднократное подговариваніе крестьянъ Локнистенской экономіи къ неповиновенію и разнымъ безпорядкамъ и за собраніе имъ схода; причемъ Кащевичъ объяснялъ, что онъ объ этомъ обращался уже къ мировому посреднику, но что »громада присудила Шелягу не просить у него, Кащевича, прощенія; а на исключеніе, изъ среды себя, общество не согласилось.« Мировой съѣздъ, впрочемъ, не рѣшилъ этого дѣла; оно снова пошло къ мировому посреднику для разъясненія всѣхъ обстоятельствъ и представленія мировому съѣзду своего заключенія.

Для того, чтобы выяснить свое положеніе, крестьянамъ чрезвычайно полезно сходиться между собою, но только не на формальныхъ сходкахъ, а такъ, частнымъ-образомъ, гдѣ бы, безъ всякаго начальства, можно было потолковать другъ съ другомъ по душѣ. Такимъ мѣстомъ служили иногда шинки. Могутъ ли быть опасны эти обычныя собранія? А между тѣмъ нѣкоторые посредники смотрятъ на нихъ со страхомъ, и видятъ тамъ бунтъ, гдѣ простое волненіе, ни для кого неопасное, и болѣе естественное теперь у крестьянъ, нежели, напр., у помѣщиковъ. Помѣщикъ можетъ, пожалуй, разобрать дѣло и въ-одиночку, по печатному,—а крестьянинъ—какъ онъ уразумѣетъ свое положеніе, не столковавшись съ собратьями, которымъ только и вѣритъ, потому что только ихъ однихъ вполнѣ понимаетъ. Гораздо скорѣе можно возбудить безпорядки разными стѣсненіями и ограниченіями,—чего, вѣдь, не хотятъ сами посредники. Кстати о сборищахъ въ шинкахъ. Мировой посредникъ участка *Каневскаго* уѣзда вошелъ съ представленіемъ въ губернское присутствіе по этому поводу. Онъ пишетъ, что многіе волостные старшины и сельскіе старосты, вмѣсто наблюденія, чтобы крестьяне не занимались пьянствомъ и не распространяли при этомъ нелѣпыхъ толковъ, сами участвуютъ съ крестьянами въ попойкахъ по корчмамъ, просиживаютъ тамъ дни и ночи и, будучи въ нетрезвомъ видѣ, превратно толкуютъ Положеніе 19 Февраля. Остановимся на минуту на этихъ послѣднихъ словахъ. Пора ужъ понять, что многіе, и не изъ крестьянъ,

не знаютъ вполнѣ всѣхъ подробностей новаго Положенія, а крестьяне знаютъ его только въ самыхъ главныхъ, общихъ, чертахъ. Превратное толкованіе неизбѣжно нетолько при самомъ приступѣ, но и долго послѣ того, пока не установится и не уяснится въ головахъ большинства новое начало въ жизни. Такъ неужели же бояться поминутно такихъ толкованій? Пусть толкуютъ, пусть сами уразумѣютъ въ чемъ дѣло; пусть безъ постороннихъ внушеній и непрошенныхъ услугъ сами дойдутъ до яснаго пониманія. Вѣдь въ случаяхъ, на которые указываетъ г. мировой посредникъ, толки эти не обнаружились такими худыми послѣдствіями, которыя потребовала бы немедленнаго вмѣшательства власти? А если нѣтъ, такъ вѣдь и не слѣдуетъ вмѣшиваться въ частную жизнь крестьянина; вмѣшиваться въ нее — значитъ умышленно усиливать раздраженіе, постоянно стоять съ ненавистной палкой передъ его глазами... Гдѣ же тутъ здравый смыслъ, логика? — —

Что же полагаетъ сдѣлать г. мировой посредникъ для прекращенія этихъ *превратныхъ толкованій?* А вотъ-что: »воспретить крестьянамъ находиться въ корчмахъ долѣе опредѣленнаго закономъ времени, а также разослать, отъ имени начальника губерніи, черезъ мировыхъ посредниковъ, печатные приказы волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ, чтобъ они не допускали сборищъ крестьянъ въ корчмахъ съ *единственною цѣлью пьянствовать*, (какъ — съ единственною цѣлью пьянствовать? А то съ какою же еще цѣлію имъ собираться? Вотъ вы явно себѣ противорѣчите) и при этомъ распространять нелѣпые толки; а тѣмъ болѣе не участвовали бы съ ними сами, что служитъ худымъ примѣромъ и не соотвѣтствуетъ возложенной на нихъ обязанности« ... Вотъ что *опредѣлило* губернское присутствіе· »Такъ-какъ свобода дѣйствій и независимость отъ прежняго экономическаго надзора, которую нынѣ пріобрѣли временно-обязанные крестьяне, дѣйствительно иногда употребляются ими во зло и во многихъ мѣстахъ замѣтно сильное развитіе въ народѣ пьянства, то предписать становымъ приставамъ, чрезъ посредство уѣздныхъ полицій, чтобы они, сообразно существующимъ на сей предметъ узаконеніямъ, усилили надзоръ свой къ пресѣченію этого зла, а равно не допускали бы сборищъ передъ корчмами и подвергали бы установленнымъ штрафамъ виновныхъ за продолженіе распивочной продажи далѣе 11-ти часовъ вечера и за производство оной въ воскресенье, храмовые и праздничные дни до окончанія божественной литургіи. Мировые же посредники обязываются съ своей стороны *внушать* волостнымъ

старшинамъ, *при всякомъ удобномъ случаѣ*, что ихъ прямая обязанность блюсти за добрымъ поведеніемъ крестьянъ и служить имъ въ томъ примѣромъ; что́ же касается тѣхъ сельскихъ начальниковъ, которые замѣтно будутъ потворствовать безпорядочному ихъ поведенію и пьянству, а тѣмъ болѣе сами будутъ въ томъ замѣчены, то объ удаленіи таковыхъ отъ должностей представлять губернскому присутствію.«

Въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ, — общаго обзора событій и мѣръ, принятыхъ послѣ прекращенія срока добровольнаго соглашенія, — пока нѣтъ; но, повидимому, можно думать, что мартъ ничего не измѣнилъ въ положеніи дѣла, и что ни *случный часъ*, ни толки о выкупѣ не перемѣнили своего характера. Коснувшись выкупа, нельзя обойти молчаніемъ одну небольшую статейку г. Скарятина (86 № С.П. Вѣд.). Въ этой статейкѣ г. Скарятинъ старается доказать всю основательность и удобство способа, предложеннаго законоположеніемъ 19 февраля, и касающагося именно выкупа. Вопросъ поставленъ такимъ образомъ: на чьей сторонѣ лежитъ обязанность выкупа, то-есть, кто долженъ заплатить помѣщикамъ за землю? Хотя, по Положенію, это относится къ помѣщикамъ и крестьянамъ, какъ непосредственнымъ участникамъ въ дѣлѣ, однако г. Скарятинъ думаетъ, что въ выкупѣ должно участвовать все государство, такъ какъ отъ существованія крѣпацтва страдали всѣ сословія... »Но«... и вотъ это крошечное »но« портитъ все дѣло. »Но, къ-сожалѣнію,« замѣчаетъ г. Скарятинъ, »весь вопросъ заключается менѣе въ справедливости, нежели въ возможности *(что́ это такое?)*, передъ которыми стираются и которымъ уступаютъ *всевозможныя справедливости* (?) въ свѣтѣ... Россія такъ еще бѣдна капиталами, что купить у помѣщиковъ землю на *свой* счетъ и подарить ее крестьянамъ, было бы для нея *непозволительнымъ мотовствомъ* да и невозможно, потому что такой суммы взять ей рѣшительно нѣгдѣ. — Да вѣдь отъ этого страдаетъ 25 милліоновъ людей? — »Да, страдаютъ, что́ же дѣлать? На нѣтъ — и суда нѣтъ.« — —

А между тѣмъ-близится лѣто, наступаетъ пора работъ, покосовъ, жнитва, молотьбы, и проч. Что́-то оно скажетъ? Правительство сдѣлало уже слѣдующее *предупредительное* распоряженіе, читанное въ засѣданіи Харьковскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Это—предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ на имя начальниковъ губерніи: »По случаю скораго наступленія времени открытія полевыхъ работъ, считаю долгомъ обратить вниманіе вашего превосходительства

на точное исполненіе издѣльной повинности. Безотлагательныя, указанныя въ законахъ, мѣры къ прекращенію всякихъ попытокъ со стороны крестьянъ уклоняться отъ работъ могутъ удержать крестьянъ отъ дальнѣйшей неисправности и тѣмъ предупредить могущіе произойти убытки не только для помѣщиковъ, но и для самихъ крестьянъ, которые своею неисполнительностью подвергли бы себя или напрасной тратѣ времени, или денежнымъ штрафамъ за прогульные дни. Соотвѣтственно сему, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, сдѣлать надлежащія распоряженія.« Распоряженія эти, какъ видно изъ протокола засѣданія, ограничились тѣмъ, что губернское присутствіе проситъ гг. мировыхъ посредниковъ о безотлагательномъ примѣненіи нѣкоторыхъ, перепечатанныхъ въ протоколѣ, статей Положенія. — —

— Въ послѣднее время, и крестьяне начинаютъ замѣчать, что вообще наша хлѣбная торговля приходитъ въ упадокъ, и что много убытковъ понесли земледѣльцы въ послѣднее время. Вообще кредитъ нашей хлѣбной торговли начинаетъ мало-по-малу подрываться. Вотъ образецъ ходячихъ мнѣній по этому поводу: »хлѣбопашество не вознаграждаетъ положеннаго на него труда земледѣльца и причиняетъ постоянные убытки промышленникамъ; падаетъ овцеводство, какъ довольно тѣсно связанное съ хлѣбопашествомъ; Венгрія, Сѣверо-Американскіе Штаты, Дунайскія Княжества, Турція — являются все болѣе и болѣе опасными соперниками, грозясь окончательно убить нашу хлѣбную торговлю; въ перспективѣ у насъ—огромные запасы хлѣба, гніющаго въ амбарахъ; наконецъ, такое положеніе не можетъ долго продолжаться и, въ соединеніи съ наступившимъ безденежьемъ, грозитъ одною изъ тѣхъ страшныхъ пертурбацій общественной жизни, волновавшихъ Западъ, на которые со страхомъ указываютъ люди, стоящіе на сторонѣ мирнаго исхода дѣлъ.« Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, странное противорѣчіе! Оффиціальные отчеты, напримѣръ, одесской таможни, выставляя довольно краснорѣчивыя цифры, тѣмъ самимъ утверждаютъ, что наша отпускная торговля нетолько не падаетъ, но, наоборотъ, идетъ прогрессивно, такъ какъ прошлогодній отпускъ превышалъ отпускъ 1860 года *почти на милліонъ четвертей*. Чѣмъ же объяснить такое очевидное, громадное противорѣчіе?

Надо замѣтить, что въ 1860 году ни Франція, ни Англія не могли похвалиться урожаемъ. Неудовлетворительныя жатвы естественнымъ

образомъ повели къ тому, что спекулянты сдѣлали значительныя закупки зерноваго хлѣба, несоотвѣтствовавшія дѣйствительной потребности. Такого рода промахъ спекулянтовъ произвелъ быстрое пониженіе цѣнъ на хлѣбъ. Одесскіе капиталисты, закупившіе значительные запасы его на мѣстѣ, должны были или продавать хлѣбъ въ убытокъ для себя, или остаться совсѣмъ безъ денегъ. Первому, кромѣ указанной причины, весьма много способствовало преждевременное зафрахтованіе судовъ, такъ-что почти по-неволѣ приходилось везти хлѣбъ, кто не имѣлъ желанія заплатить даромъ деньги за несостоявшійся провозъ. Если, слѣдовательно, принять во вниманіе это обстоятельство, эти, такъ-сказать, вынужденныя хлѣбныя операціи, то окажется, что въ дѣйствительности отпускъ хлѣба почти не превышалъ торговлю 1860 года. Значитъ, опубликованныя цифры, въ-сущности, ничего не выражаютъ; промышленность все-таки падаетъ, и надо искать средства хоть сколько-нибудь поддержать ее. Какія же препятствія стали въ-упоръ естественному развитію промышленности? Гдѣ искать этой разъѣдающей силы, этого подземнаго крота, подтачивающаго наши корни? Въ общихъ чертахъ причины этого явленія указаны нами въ мартовской лѣтописи; указаны на-столько, на сколько *могли* мы это сдѣлать, не касаясь многихъ частностей. По отношенію къ занимающему насъ вопросу, именно хлѣбной промышленности, онѣ могутъ быть нѣсколько сведены съ ихъ общей точки, могутъ быть *обособлены*. До послѣдняго времени, мы были главными поставщиками хлѣбовъ на европейскіе рынки. Но между-тѣмъ-какъ мы, вполнѣ увѣренные, что этого рода монополія есть наше существенное право, которое никогда не будетъ отъ насъ отнято, продолжали итти потихоньку, шагъ за шагомъ, старымъ путемъ, — наши конкуренты усиливаютъ свою промышленную дѣятельность, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что мы или не хотимъ, или просто не умѣемъ пользоваться выгодами своего положенія. Наконецъ, наши соперники нашли возможность продавать хлѣбъ и лучше и дешевле нашего, и мало-по-малу начинаютъ переманивать нашихъ покупщиковъ на свою сторону. Возможность доставлять хлѣбъ дешевле явилась вслѣдствіе быстраго развитія пароходства по Дунаю и его притокамъ; кромѣ того, разпространяются не по днямъ, а по часамъ, желѣзныя дороги, и когда будетъ готова строющаяся кюстенжійская дорога, упирающаяся въ Дунай и идущая потомъ по долинѣ р. Серета до Ясъ съ развѣтвленіями въ разныя стороны, тогда нашей торговлѣ будетъ изо дня въ день грозить конеч-

ный упадокъ.—Въ то время, какъ у насъ доставка четверти хлѣба изъ сѣверной, напримѣръ, или средней Бессарабіи къ одесскому порту обходится отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к.,—по упомянутой дорогѣ, говорятъ, она будетъ стоить не болѣе 1 р. 50 к. Да и теперь уже вывозъ хлѣба изъ конкурирующихъ намъ странъ годъ-отъ-году увеличивается—въ ущербъ, слѣдовательно, нашей торговлѣ, что́ можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, найденныхъ нами въ »Одесскомъ Вѣстникѣ« (№ 27); цифры эти означаютъ количество отпускаемаго изъ Тріеста (самаго опаснаго соперника нашимъ черноморскимъ портамъ) хлѣба; для большей наглядности мы беремъ отпускъ за нѣсколько годовъ:

въ 1857 году	вывозъ	простирался	до	383.160 четв.
— 1858	»	»	»	544.400 »
— 1859	»	»	»	651.880 »
— 1860	»	»	»	628.360 »
— 1861, послѣ открытія желѣзной дороги отъ Офена до Тріеста				941.720.

Изъ этой таблицы видно, что со времени открытія желѣзной дороги отъ Офена до Тріеста вывозъ увеличился на 50%; несмотря на то, въ тріестскихъ магазинахъ къ 31 числу декабря оставалось еще на складѣ до 235.760 четвертей. Кромѣ того, надо замѣтить, что подвозы по желѣзной дорогѣ могли начаться не раньше іюня, такъ-что еслибъ они начались съ января, то отпускъ 1861 года навѣрное въ три раза превысилъ бы отпускъ 1860. Какъ уже замѣтно начинаютъ обнаруживаться послѣдствія этой конкурренціи, можно видѣть, кромѣ вышесказаннаго, еще изъ того, что (по словамъ того же № »Одескаго Вѣстника«) одинъ парижскій домъ, вѣроятно, принявъ на себя обширную поставку и совершивъ одну или двѣ закупки въ Одессѣ, отказался впослѣдствіи отъ всякихъ сношеній съ Одессою и нашелъ, что ему гораздо выгоднѣе получать хлѣбъ прямо изъ Венгріи, сколько потому, что товаръ получался изъ первыхъ рукъ, столько же ради скорости и дешевизны доставки и ради лучшаго качества пшеницы...

»Ради скорости и дешевизны«... Оглянемся на наши средства сообщенія и на тѣ помѣхи, которыя встрѣчаетъ промышленникъ, а въ особенности бѣдный земледѣлецъ, чумакъ подвозя хлѣбъ къ южнымъ портамъ... Въ этомъ очеркѣ мы руководствуемся статьями г. Фидлера, дѣйствительнаго члена общества южнорусскаго сельскаго хозяйства, постоянно зани-

мающагося (какъ онъ самъ говоритъ) отправкою хлѣба въ торговые города, считающаго себя дѣятельнымъ хозяиномъ и хорошо знакомаго съ разными злоупотребленіями, которыя приносятъ всему краю большой убытокъ (Харьковскія Прибавленія, № 2 и 3). Прежде всего надо сказать, что въ Таганрогѣ, Одессѣ, Бердянскѣ, Маріуполѣ, то есть въ городахъ портовыхъ, назначено правительствомъ, приблизительно по 10.000 десятинъ (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и несравненно больше) выгонной земли для пастьбы скота, на которомъ доставляютъ сюда товары до милліона и болѣе подводъ. Мѣра весьма необходимая, особенно если принять во вниманіе дороговизну корма и нежеланіе фурщиковъ пускать скотъ на сбитую, тѣсную толоку. Между тѣмъ, градскія думы, вѣроятно изъ особеннаго усердія къ интересамъ своихъ городовъ, отдаютъ эти выгонныя земли въ аренду мѣщанамъ и купцамъ подъ хлѣбопашество и сѣнокосы, не зная повидимому, что черезъ это страдаетъ цѣлая страна, а въ томъ числѣ и покровительствуемые ими города. Вотъ вы нанимаете фурщиковъ доставить хлѣбъ туда-то; хорошо, если ваше имѣніе недалеко отъ портоваго города, потому что въ противномъ случаѣ вамъ приходится платить, можно-сказать, громадныя цѣны, увеличивающіяся вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ далеко не пропорціонально увеличенію разстоянія. Фурщики знаютъ, что имъ придется платить за проѣздъ по мостамъ, за гати, водопои. Кромѣ того, колонисты, греки, ногайцы, черезъ владѣнія которыхъ проходитъ обозъ, не упускающіе случая поживиться на чужой счетъ, дерутъ съ чумаковъ огромныя цѣны за пастьбу и водопой и очень часто прибѣгаютъ къ насильственнымъ мѣрамъ, зная, что вѣдь не обойдется же скотъ безъ корма. Часто на чумака, пустившаго попастись воловъ, налетаютъ со всѣхъ сторонъ объѣздчики, отбиваютъ скотъ, заставляютъ выкупать за огромныя цѣны и иногда просто угоняютъ пару-другую воловъ. Подобный случай былъ недавно съ транспортомъ помѣщика М. А. Антонова, и ни полиція, ни разныя мѣстныя власти, занятыя, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣйшими дѣлами, не замѣчаютъ, или стараются не замѣтить, этихъ невинныхъ *шалостей*. А тутъ еще, пріѣхавши на мѣсто, приходится платить страшныя цѣны за прокормъ, вслѣдствіе постояннаго скопленія огромнаго числа скота, переносить разныя притѣсненія властей откупаться отъ нихъ: — все деньги и деньги и деньги.... Какъ же тутъ, зная, что предстоитъ впереди, не брать большихъ цѣнъ чумакамъ?... Вѣдь надо и себѣ что-нибудь оставить за хлопоты; не отдавать же послѣднюю трудовую копѣйку за удовольствіе пройти нѣсколько, можетъ быть, сотень верстъ, изжариться на солнцѣ, вы-

мокнуть на дождѣ, пить изъ лужъ воду (какъ это случалось нѣсколько разъ видѣть пишущему настоящія строки), да къ тому-же быть въ остальныхъ мѣстахъ жестоко обиженнымъ за то, что не хотѣлъ развязать тощую »кишеню.« Вотъ и ломитъ онъ въ три-дорога (авось, молъ, хоть что-нибудь да останется!), а хлѣботорговцу, хочешь-не-хочешь, приходится платить.

Но вотъ, наконецъ, удалось довезти хлѣбъ до мѣста. Вдругъ налетаютъ со всѣхъ сторонъ такъ-называемые *кулаки* (г. Фидлеръ именуетъ ихъ *трутнями*); налетаютъ обыкновенно они верстъ за десять, за пятнадцать отъ города, начинаютъ кланяться, снимаютъ шапки, торгуются, даютъ небольшіе задатки, обѣщаютъ огромныя цѣны и ведутъ, наконецъ, продавцовъ къ себѣ на дворъ. Обстановка перемѣняется: появляется другое лице подъ именемъ настоящаго хозяина, и начинается переторжка; обѣщанныя цѣны сбавляютъ до невозможности; волы угнаны въ степь кулаками, ворота заперты, чумакъ одуренъ и потерялъ голову. Начинается ссыпка хлѣба очень часто, надо замѣтить, безъ согласія владѣльца; ссыпаютъ огромными мѣрами, огребая широкимъ гребломъ, сдѣланнымъ въ видѣ дуги, обсчитываютъ на вѣсахъ, и чумакъ окончательно обманутъ. Идетъ онъ въ полицію жаловаться: тамъ требуютъ *законныхъ* доказательствъ, оныхъ не имѣется; свидѣтели есть только у противной стороны, изъ ихъ же шайки; денегъ нѣтъ, чтобъ дать приличную взятку, потому опять, что противная сторона слишкомъ сильна, дѣйствуя соединенными капиталами... и плюнетъ бѣдняга на свой искъ, махнувъ рукою.... Хотя г. Леонидъ Спигановъ (Харьк. приб., № 5) и возражаетъ противъ возможности подобнаго надуванія чумака — владѣльца, однако мы не видимъ подтвержденій подобнаго возраженія, и все-таки остаемся при прежнемъ мнѣніи о полиціи и кулакахъ, хотя, можетъ-быть, эти послѣдніе и приносятъ извѣстную пользу. Конечно, владѣльцевъ — помѣщиковъ они такъ не надуютъ уже по тому одному, что они помѣщики, и въ-особенности потому, что при такихъ партіяхъ, какъ говоритъ самъ г. Спигановъ, бываетъ всегда довѣренное лице, обыкновенно знакомое хорошо съ подобными продѣлками кулаковъ и полиціи... Ну, а крестьянинъ-то, *мужикъ*? Неужели вы будете стоять на томъ, что ему дешево обходятся эти операціи, что онъ благодаритъ судьбу?? не жалуется?

Такимъ образомъ недостатокъ удобныхъ путей сообщенія, — поэтому и дороговизна подвоза, — дороговизна вообще обработки хлѣба, и много-много еще другихъ причинъ производятъ то, что хлѣбъ, дойдя до портоваго города, значительно нарастаетъ въ цѣнѣ даже противъ своей первоначаль-

ной стоимости, и разумѣется, тѣмъ дороже продается за границу. Производитель по необходимости нерѣдко продаетъ его съ убыткомъ потому что, иначе, можетъ хлѣбъ остаться гнить въ амбарахъ. По сдѣланному въ концѣ года исчисленію, оказалось, что прошлогодній подвозъ хлѣба на одесскій рынокъ простирался до 4,200,000 четвертей. Отъ прошлаго года оставалось тамъ 450,000 четв., слѣдоват., всего количества хлѣба, обращавшагося въ теченіе года для надобностей отпускной торговли, было 4,650,000 четв. Дѣйствительный отпускъ составлялъ не болѣе 3 милліоновъ четвертей: — 1,650,000 четв. осталось у насъ на рукахъ оттого что хлѣбъ купленъ по слишкомъ дорогимъ цѣнамъ, сравнительно съ цѣнами Англіи и Франціи, и продать его—значитъ едвали не совсѣмъ разориться, а и лежать будетъ, такъ тоже не много выгоды, — тогда какъ еслибъ оставшійся хлѣбъ былъ отправленъ и проданъ, то можно бы выручить около 15 милліоновъ руб. ср. Теперь это капиталъ мертвый, требующій кромѣ того постоянныхъ издержекъ на содержаніе, связывающей руки промышленникамъ. Эти послѣдніе, не имѣя ни денегъ, ни охоты входить въ новые убытки, не хотятъ покупать привозимаго къ портамъ хлѣба, за провозъ котораго заплочены уже деньги владѣльцемъ. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, не зная что̀ дѣлать, начинаетъ сбавлять цѣны, хотя, можетъ быть, каждый убыточный рубль отзовется десятками, сотнями на работникахъ— земледѣльцахъ, на которыхъ, такимъ образомъ, обрушивается вся огромная тяжесть этого положенія дѣлъ и давитъ ихъ. —При такомъ жалкомъ и крайне опасномъ положеніи дѣлъ невозможно оставаться равнодушнымъ. Если наше ухо прислушалось какъ-то къ постоянно раздающимся жалобамъ на то, на другое, на десятое; если мы привыкли не обращать на нихъ вниманія и считать уродливые факты вполнѣ естественными и законными: то можетъ заговорить народъ, получившій право голоса. Между тѣмъ, кому должна бы принадлежать иниціатива преобразованій и всесторонних улучшеній, которыя теперь становятся насущною необходимостью, вопросами дня? кому, какъ не тѣмъ, которые ихъ понимаютъ, т. е. образованной части общества? — Человѣкъ можетъ очень недолго простоять на одной ногѣ, — онъ или упадетъ или станетъ на обѣ; неестественность положенія условливаетъ естественное преобразованіе, и медлить съ этимъ непростительно; иначе — общественное зданіе пошатнется само-собою.

Ясно, что прежде всего намъ необходимы какъ воздухъ — улучшенные пути сообщенія, желѣзныя дороги, —и преимущественно на Югѣ,

если мы не хотимъ окончательно быть выгнанными съ европейскихъ рынковъ соперниками съ каждымъ днемъ усиливающимися.

Итакъ—повторяемъ—намъ прежде всего нужны дороги и дороги. Даже вспомогательный капиталъ въ видѣ земскихъ банковъ не столько важенъ, хоть у насъ и нѣтъ денегъ. У насъ передъ глазами Венгрія, лучшій примѣръ, лучшій образецъ для сравненія, ясно показывающій, чего у насъ недостаетъ. Незабудьте, что доставка четверти хлѣба съ верховьевъ Тейсы въ Тріестъ черезъ Саву и по сисекской дорогѣ, на разстояніи *тысячи пятисотъ верстъ*, будетъ стоить всего 1 р. 75 к —2 р. ср. и будетъ продолжаться не болѣе 20 или 25 дней; а по рѣкѣ Дравѣ сообщеніе будетъ еще дешевле и быстрѣе; не забудьте, что у насъ хлѣбная торговля была до сихъ поръ одной изъ важнѣйшихъ отраслей нашей промышленности, и мы теперь принуждены выпустить ее изъ рукъ. Намъ нужны усовершенствованныя земледѣльческія орудія, удешевленіе хлѣба, намъ нужны опять-таки дороги... Въ Одессѣ устраиваются теперь мостовыя; а кто не помнитъ того благодатнаго, очень еще впрочемъ недавняго времени, когда за провозъ хлѣба отъ *складочнаго магазина до пристани* платили по 40—50 к. сер.!!.. Повѣрить трудно, а между тѣмъ это такъ... Насъ заѣдаетъ медлительность, неповоротливость, нерѣшительность. Въ Англіи, въ 1840 году, заговорили о дренажѣ; слухи, конечно, и къ намъ проникли о заморскихъ диковинкахъ, и у насъ заговорили, захлопотали.... И то же? Тамъ черезъ десять лѣтъ было уже дренировано около *десяти милліоновъ десятинъ*, а у насъ все еще продолжаютъ хлопотать да бесѣдовать. Впрочемъ, и бесѣдовать, кажется, перестали. За то, скажетъ иной мудрецъ, то Англія, а это Россія, и *тѣмъ болѣе* Малороссія. Конечно! Только если бы у насъ побольше *на самихъ себя* надѣялись, да думали, да трудились, то было бы гораздо лучше.... Странно одно отчего это у насъ не удаются *частныя* компаніи? съ непривычки ли это, или отъ другого чего.... Вотъ напримѣръ въ Кишиневѣ, по словамъ Бессарабск. Вѣд. (№ 12) въ прошломъ году горячо-было взялись за устройство паровой мельницы, въ которой для города чувствовалась крайняя надобность, въ надеждѣ имѣть сносный и дешевый хлѣбъ. Составлялась по этому поводу компанія на акціяхъ; но послѣ втораго засѣданія проэктъ этотъ.... ну конечно лопнулъ. Послѣ того явилась другая компанія, болѣе серьезная, состоящая изъ четырехъ или пяти акціонеровъ съ капиталомъ, значеніемъ и вліяніемъ и взявшаяся осуществить выгодное предпріятіе, не

основываясь на теоріи вѣроятностей, а на дружномъ, взаимномъ довѣріи. Дѣло, казалось, пошло къ ходъ: о предпріятіи, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, заявили и въ Одесскомъ Вѣстникѣ; работали втихомолку, но энергически, пріобрѣли мѣсто, устроили колодезь, запаслись матеріаломъ — словомъ потратили немаловажный капиталъ, надѣясь, конечно, возвратить его въ скоромъ времени съ лихвою. Но.... *что-то* порвалось и у этой небольшой компаніи. Бессарабск. Вѣд. обѣщаютъ сообщить скоро о причинахъ подобнаго факта, въ сущности весьма любопытнаго — отчего у насъ обыкновенно не удаются компаніи, имѣющія въ виду очевидно полезныя и обѣщающія выгоду предпріятія. Возьмите, напримѣръ, наше *знаменитое* Общество Пароходства и Торговли, враждующее ежеминутно съ своими акціонерами. До сихъ поръ мы не можемъ понять, какъ это общество существуетъ на югѣ, на Черномъ морѣ, а главное правленіе его — за двѣ тысячи верстъ, у Балтійскаго?! Между тѣмъ акціонеры, большая часть которыхъ живетъ тамъ же, жалуются на это, хотя ихъ справедливыя жалобы остаются гласомъ вопіющаго. Правленіе видно глухо. Дѣла идутъ весьма плохо: вслѣдствіе указанной отдаленности главнаго управленія являются безполезныя и легко устранимыя издержки, медленность въ разрѣшеніяхъ, необходимость въ бюрократизмѣ; нѣтъ спеціальныхъ людей для направленія и управленія торговымъ и промышленнымъ предпріятіемъ. Одесская контора, поэтому, является не въ видѣ торговой конторы, а въ видѣ министерскаго департамента, медленно удовлетворяющаго требованія торговцевъ и пассажировъ. Одесское управленіе не знаетъ, или не хочетъ знать торговыхъ и промышленныхъ потребностей края; между управленіемъ и краемъ нѣтъ связи. Высокія цѣны на пассажирскія мѣста увеличены еще неумѣстнымъ распоряженіемъ о взиманіи 25 % лишку за билеты, взятые не въ конторѣ, а на пароходѣ (?!). Наконецъ, часто повторяется неисправность отхода пароходовъ въ порты, происходящая не всегда отъ дурной погоды; въ нѣкоторыхъ портахъ недостаетъ перевозочныхъ средствъ для жителей (*Экономистъ*, № 1, 1860). Общество далеко не исполнило обѣщаній, данныхъ при своемъ открытіи. Воинственное замѣчательное дѣло его, совершенное въ 1856 года, это — устройство эллинга въ Севастополѣ. »Съ устройствомъ эллинга, говорятъ, общество будетъ избавлено отъ посылки пароходовъ въ отдаленные порты, гдѣ оно несло всегда значительные издержки, сопровождавшіяся большой потерей и многими неудобствами. Окончаніе мастерскихъ откроетъ возможность дѣлать исправленія машинъ, сооружать

котлы, а со временемъ и постройку самыхъ машинъ и пароходовъ.« Осуществленіе послѣдняго предположенія представляется въ отдаленномъ будущемъ; а теперь является только возможность *очистки* пароходовъ у себя дома, и для починки, исправленія механизмовъ, пароходы должны по прежнему отправляться въ Марсель: свои мастерскія еще неготовы, и не скоро будутъ готовы.

А между тѣмъ, средства общества были весьма значительны. Кромѣ основнаго капитала въ 9 милліоновъ, цифры весьма почтенной, общество ежегодно получало, судя по отчетамъ:

a) *Помильныхъ денегъ изъ казны:*

по 1858 годъ	389. 415 р.
въ 1858 году	1.080. 573.
— 1859 —	1.883. 225.

b) *Дивиденда на акціи, взятыя правительствомъ:*

по 1858 годъ по 6 на 100.	120. 000.
въ 1858 году	140. 000.
— 1859 —	180. 000.
c) по 1860 годъ ремонтной суммы отъ правительства	192. 000.
Итого, по 1860 годъ—. . . .	3. 685. 613 р. сер.

Въ 1859 году, Общество заработало 1.628.374 р., но нетолько эта огромная цифра была издержана на покрытіе расходовъ общества, а надо было еще прибавить къ ней 1.048.804 р. изъ пособій правительственныхъ, такъ-что дивидентъ составился не изъ заработковъ, а изъ пособій, хотя расходы эти не составляли какихъ либо-капитальныхъ построекъ.

Какъ мало заботилось общество о пользахъ края, видно изъ того, что оно нисколько не развило каботажнаго судоходства между нашими южными портами, не исполнивъ такимъ образомъ своихъ обязанностей, опредѣленныхъ пунктомъ 25 устава,— ограничилось весьма немногими рейсами, скорѣе во вредъ нашей торговлѣ, и обратило главное свое движеніе на содѣйствіе торговлѣ иностранныхъ портовъ, соблюдая только свои выгоды, потому что заграничная помильная плата, отпускаемая правительствомъ, выше внутренней.

Въ 29 № *Одесскаго Вѣстника*, г. Палеологъ между прочимъ спра-

шиваетъ, почему контора прекратила рейсы по Крымскому и Кавказскому берегамъ, тогда какъ до 10 пароходовъ благополучно стояли въ Севастополѣ, и на какомъ основаніи агенство взимаетъ фрахтъ съ груза, случайно отправляемаго на военныхъ судахъ, не принадлежащихъ компаніи? Во всякомъ случаѣ интересно знать, въ какую статью дохода записаны эти деньги на приходъ? Хотя въ 32 № Одесскаго же Вѣстника и появился отвѣтъ г. *Книшова,* агента общества; но этотъ важный вопросъ не удостоенъ ни вниманія, ни разъясненія. Какъ видно, г.г. директоры совершенно упустили изъ виду цѣль учрежденія общества и громадное значеніе его для всего южнаго края. Вотъ что говорилъ въ 1859 году одинъ изъ учредителей общества: »Южная Россія, при громадныхъ запасахъ сельскаго хозяйства, не должна была долго оставаться праздною зрительницей чужихъ успѣховъ. Край почувствовалъ, что, вмѣсто разъединенныхъ и слабодѣйствующихъ силъ, необходимо создать учрежденіе собирательное, *основанное не на однихъ паяхъ,* но и на моральномъ обязательствѣ покровительствовать взаимнымъ интересамъ. Такъ возникло южно-русское Общество Пароходства, Коммиссіонерства и Торговли. Его вызвала явная необходимость привлеченія на торжище Новороссіи новыхъ, сильныхъ капиталовъ въ помощь сельскому хозяйству, страждущему отъ ничтожнаго состоянія торговыхъ путей, тяжелыхъ условій сбыта сельскихъ произведеній и отсутствія легкаго, безлихвеннаго, кредита.« Да объ этомъ и толковать нечего, потому что необходимость общества доказана собранными, вышеприведенными капиталами, которыми, къ сожалѣнію, оно не умѣло или не хотѣло распорядиться какъ должно. Намъ нѣтъ дѣла до разныхъ мелочныхъ канцелярскихъ оправданій, сбивающихъ съ толку непосвященнаго въ тайны коммерціи читателя; въ нихъ мы только видимъ подтвержденіе очевиднаго факта—нескончаемыхъ жалобъ акціонеровъ, пассажировъ и наконецъ, самое главное, цѣлаго края.

Сколько брани, сколько журнальныхъ толковъ возбуждали постоянные промахи русскихъ акціонерныхъ ъобществъ вообще!... Вѣроятно, неуспѣхъ ихъ приписали вліянію постановленій, касающихся организаціи нашихъ омкпаній, потому что вопросъ объ акціонерныхъ обществахъ поступилъ также на преобразовательную очередь. Но такое объясненіе слишкомъ недостаточно. Профессоръ Харьковскаго университета, *С. В. Пахманъ*, написалъ по этому поводу весьма замѣчательное разсужденіе *»о задачахъ предстоящей реформы акціонернаго законодательства«*. Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ войти въ подробный разборъ этого сочи-

ненія; мы укажемъ здѣсь только на тѣ положенія автора, которыя вполнѣ убѣждаютъ насъ въ правильности составившагося у насъ взгляда, на причины, мѣшающія у насъ развитію и успѣшному ходу торговыхъ и промышленныхъ ассоціацій, которыя представляютъ единственный—справедливый и естественный—способъ выйти обществу изъ теперешней безурядицы. *Основа*—врагъ всѣхъ искуственныхъ направленій, опекъ и стѣсненій свободнаго хода жизни—внимательно прислушивается къ голосу прямой, простой правды, пробивающемуся изъ-подъ давленія *внѣшнихъ, случайныхъ*, тисковъ, — къ правдивому голосу народа; вслѣдствіе этого, мы пришли къ слѣдующему отвѣту на вопросъ — въ чемъ лежитъ причина неуспѣшности нашихъ компаній, обществъ, товариществъ? Въ характерѣ ли народа, или во внѣшнихъ, легко устраняемыхъ, обстоятельствахъ? Думаемъ — послѣднее, потому что не имѣемъ достаточныхъ основаній отверждать первое. Такъ, мы видимъ — компаніи составляются, довѣріе и охота, значитъ, есть; но, разъ установившись, онѣ начинаютъ страдать отсутствіемъ того необходимаго единства между акціонерами и директорами, которое составляетъ душу предпріятія. Какъ вездѣ, и здѣсь необходимо довѣріе между собирательною единицею общества и властью *довѣренною*, выдвинутою изъ среды себя членами-акціонерами. Объясняя причины вредящія успѣхамъ промышленности и торговли, г. Пахманъ, во-первыхъ, указываетъ на *централизацію*, задерживающую свободное развитіе нашихъ ассоціацій: у насъ *мѣстное* дѣятельность подавлено столичною.... Естественно ли, въ самомъ дѣлѣ, сосредоточеніе всей почти компанейской дѣятельности въ одномъ Петербургѣ, гдѣ обыкновенно учреждаются управленія обществъ?! Слѣдовательно, тормозящая причина заключается *прежде всего* и *главнѣе всего* въ недостаткахъ нашего законодательства? Авторъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ положительно. Русское законодательство придаетъ акціонернымъ обществамъ характеръ государственно-экономическій. Ни одна компанія на акціяхъ не можетъ быть учреждаема безъ *особаго разрѣшенія правительства*. Формальности учрежденія компаніи слѣдующія: 1) просьба о дозволеніи учредить компанію, вмѣстѣ съ проэктомъ устава; 2) проэктъ устава разсматривается и *исправляется* въ министерствѣ по сношенію съ учредителями; 3) положеніе комитета министровъ или государственнаго совѣта возводится на Высочайшее утвержденіе. Въ успѣхѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій больше чѣмъ гдѣ-нибудь играетъ важную роль *своевременность*; а между тѣмъ процедура, подобная приведенной, отнима-

етъ часто много времени, особенно въ Россіи, при ея огромномъ пространствѣ и дурномъ состояніи путей сообщенія. Въ защиту необходимости государственнаго одобренія приводятъ два доказательства: 1) что акціонерное общество должно быть *юридическимъ* лицемъ; но это послѣднее не создается признаніемъ его общественной властью; значеніе юридическаго лица принадлежитъ компаніи независимо отъ признанія общественной власти. Признаніе государства можетъ выражаться уже томъ, если закономъ опредѣлены условія, при выполненіи которыхъ общество получаетъ ipso jure значеніе самостоятельной юридической личности во внѣшнемъ быту. 2) Другое доказательство состоитъ въ томъ, что »не всякое предпріятіе можетъ быть позволительнымъ и безвреднымъ для общества.« Но вѣдь разсмотрѣніе проэктовъ правительствомъ не доставляетъ на самомъ дѣлѣ (какъ это подтверждается опытами) интересамъ акціонеровъ и публики надежной гарантіи, обращаясь такимъ образомъ въ безполезную, тормозящую формальность. Авторъ признаетъ необходимымъ утвержденіе со стороны правительства только тѣхъ компаній, которыя носятъ на себѣ чисто государственно-экономическій характеръ, и которыя онъ называетъ *концессіонными*. Самовольное основаніе подобныхъ обществъ было бы присвоеніемъ себѣ государственныхъ правъ. Такъ напр., компаніи желѣзныхъ дорогъ, по самому существу своему, нуждается въ законныхъ привиллегіяхъ, каковы: экспропріація поземельной собственности, составляющая право государства, владѣніе публичными дорогами и проч. — И такъ, по мнѣнію автора, компаніи должны быть раздѣлены на два разряда: *концессіонныя* или государственно-хозяйственныя, и *частно-хозяйственныя*. Только при учрежденіи первыхъ необходимо разрѣшеніе правительства, и уставъ каждой публичной компаніи, представляющій какъ бы контрактъ ея съ государствомъ, долженъ быть издаваемъ въ видѣ особеннаго закона. Общества же втораго разряда, слѣдовательно, могутъ составляться безъ всякого вмѣшательства со стороны правительства, и принимать разнообразныя формы, сообразуясь съ *мѣстнымъ* характеромъ страны, въ которой учреждаются.

Въ русскомъ законодательствѣ самостоятельность компаній ограничена слѣдующимъ правиломъ: »Компанія, которой правила единожды утверждены правительствомъ, не можетъ простирать дѣйствій своихъ далѣе предназначенныхъ ей предѣловъ и не можетъ также допустить ни какихъ въ правилахъ своихъ перемѣнъ безъ новаго отъ правительства разрѣшенія, кромѣ однакожъ тѣхъ статей, которыя частнымъ ея уста-

вомъ именно дозволено будетъ измѣнять, по ближайшимъ указаніямъ опыта, самому правленію компаніи, или общему собранію акціонеровъ.« Это правило, въ силу вышесказаннаго, должно быть примѣнимо *только* къ компаніямъ перваго разряда и отнюдь не касаться втораго. Авторъ затѣмъ переходитъ къ вопросу о томъ административномъ вліяніи, которое заключается въ правительственномъ надзорѣ за дѣятельностью акціонерныхъ обществъ; но этому надзору онъ не придаетъ значенія достаточной гарантіи противъ злоупотребленій, на основаніи указаній самаго опыта. Чѣмъ же замѣняется она? Англійское законодательство (1856 и 1857г.), предоставляя обществамъ свободу образованія и дѣятельности, направлено преимущественно къ двоякой цѣли: чтобы жизнь и дѣятельность акціонернаго общества была какъ можно болѣе открыта, публична, и чтобъ оно въ лицѣ своихъ представителей несло строгую отвѣтственность за свои дѣйствія. Итакъ, *гласность* и *отвѣтственность* — вотъ тѣ гарантіи, на которыя должна опираться промышленная свобода. Подъ гласностью авторъ понимаетъ прежде всего активную публичность жизни и дѣятельности компаніи, открытость дѣйствій органовъ акціонерной администраціи. Объ отвѣтственности вотъ собственныя слова его: »Смыслъ этой гарантіи заключается не столько въ законныхъ взысканіяхъ, которыя грозятъ нарушителю своихъ обязанностей, сколько въ томъ, что лица, стоящія во главѣ управленія дѣлами компаній, не должны смотрѣть на себя какъ на самовластныхъ и независимыхъ хозяевъ предпріятія и общественной собственности (господа директоры, слышите?) Долго владычествовали акціонерные баши-бузуки безконтрольно и безнаказанно, пока невыносимый произволъ не переполнилъ мѣру терпѣнія безгласныхъ акціонеровъ (это вѣдь всегда такъ бываетъ). Не болѣе двухъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ многіе акціонеры пришли наконецъ къ сознанію, что они настоящіе собственники общественнаго капитала. Безропотная покорность поколебалась. Наступила реакція, дошедшая въ нѣкоторыхъ компаніяхъ до жесткаго *обнаженія* безпорядковъ. *Личное участіе въ дѣлахъ* ознакомило съ истинными причинами упадка компаній и навело, при содѣйствіи журнальной полемики, на многія практическія средства къ сдержанію разрушительнаго потока произвола.« Законъ нашъ говоритъ прямо, что директоры не что иное, какъ уполномоченные компаніи. Но на самомъ дѣлѣ всякая оппозиція со стороны акціонеровъ противъ безчестности или неспособности директоровъ, считалась послѣдними дерзкой выходкой и чуть-чуть не мятежнымъ

стремленіемъ къ анархіи. Не такъ давно г. Э. Перейра »жаловался на обнаружившуюся въ акціонерахъ *пагубную наклонность къ разсужденіи запросамъ;* глубоко сожалѣлъ о томъ времени, когда *добрые* акціонеры были довольны тѣмъ, что имъ *говорилось* и что *для нихъ дѣлалось*; скорбѣлъ о томъ времени, когда акціонеръ-спорщикъ былъ еще *миѳомъ*, и проч. и проч. (Од. В. № 28).« Но для ограниченія самовластія директоровъ необходимо должны быть расширены права акціонеровъ. Законъ не предоставилъ общему собранію права удалять отъ должности директора прежде срока, хотя бы его поведеніе и оказалось положительно вреднымъ; поэтому-то авторъ придаетъ большое значеніе новому правилу, расширяющему въ этомъ отношеніи власть общества, такъ что теперь правленіе директоровъ въ полномъ смыслѣ можетъ быть названо *ограниченнымъ*, нетолько de jure, но и de facto, — какимъ оно, повторяемъ, никогда не было, не смотря на постановленія закона, *нравственно* обязывавшаго правленіе дѣлать то-то и не дѣлать того-то. А извѣстно, что значатъ эти »нравственныя обязательства,« когда дѣло коснется матеріальныхъ, личныхъ выгодъ, подогрѣтыхъ безусловнымъ эгоизмомъ. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ дурнаго развитія уже учредившихся компаній — это именно генеральство директоровъ. Посмотрите на нихъ *до* и *послѣ* избранія (надо замѣтить, что они обыкновенно выговаривали себѣ заранѣе извѣстную продолжительность срока, въ теченіе котораго оставались въ полной безопасности отъ *дурныхъ* наклонностей акціонеровъ). Кроткій, смирный и преданный душою дѣлу господинъ, сдѣлавшись директоромъ, снимаетъ свою маску и является полнѣйшимъ деспотомъ, во всемъ безобразіи крайняго безапелляціоннаго произвола. Акціонеры спохватились — но уже поздно. И вотъ начинались эти нескончаемыя стычки, да жалобы... А дѣло—шло ко дну. Интересы общества страдали на каждомъ шагу. Директора накупали домовъ и и знать ничего не хотѣли: *имъ* было хорошо, а *другіе* пускай какъ знаютъ, такъ и дѣлаютъ... Невозможно было не возмущаться до глубины души, видя это барское величіе и спокойствіе, построенное на карманахъ акціонеровъ... Но приходилось молчать, потому что крики ни къ чему не вели... И — компаніи рушились, дѣло погибало...

Итакъ, *свобода*, *гласность* и *отвѣтственность* — вотъ тѣ существенно — необходимыя начала, которыя должны лечь въ основу успѣшной реформы акціонернаго законодательства.

Еще въ іюлѣ 1860 года, министерство внутреннихъ дѣлъ разослало

циркулярное предписаніе губернскимъ начальствамъ, въ которомъ, на основаніи высочайше одобреннаго предположенія, поручало *предложить* городскимъ обществамъ войти въ соображеніе объ образованіи изъ среды себя общественныхъ пожарныхъ командъ. Пожарная часть, находясь въ настоящее время въ завѣдываніи полиціи, требовала большихъ суммъ на свое содержаніе и, кромѣ того, никогда не была въ исправности, какъ по малочисленности пожарной прислуги, такъ и по неспособности ея къ своему назначенію. Министерство указало на опытъ г. Осташкова, Тверской губерніи, гдѣ уже, съ начала нынѣшняго столѣтія, существуетъ *общественная команда, устроенная свободною дѣятельностью мѣстныхъ обывателей*. Преобразованіе сдѣлалось окончательно необходимымъ по причинамъ, заключающимся въ правительственныхъ распоряженіяхъ 1860 года: 1) объ уменьшеніи до одной третьей части размѣра страховаго сбора съ имуществъ, изъ суммъ котораго, съ 1853 года, поддерживается въ 33 городахъ пожарная часть; 2) о предназначеніи къ совершенной отмѣнѣ этого сбора, и 3) о прекращеніи комплектованіи пожарныхъ командъ нижними воинскими чинами. — Большинство городовъ, не согласившихся на принятіе новыхъ пожарныхъ командъ, основывало свое несогласіе на томъ, что новая система не можетъ осуществиться за отлучками будтобы обывателей на сторону для заработковъ и потому еще, что она требуетъ на свое содержаніе увеличенія расходовъ, тягостныхъ, для бѣдныхъ средствами городовъ и обывателей. Вотъ, напримѣръ, Кіевское общество, приговоромъ 27 іюля 1860 года постановило, что оно »не имѣетъ средствъ къ содержанію въ постоянной исправности общественной пожарной части за обремененіемъ разными повинностями, и въ особенности квартирною; что рѣшительно не ожидаетъ отъ пожарной команды тѣхъ быстрыхъ и благоразумныхъ дѣйствій, какія свойственны настоящей полицейской, *подчиненной ближайшему надзору начальства*, и наконецъ, что Осташковъ, по ровному своему мѣстоположенію, малому пространству и незначительному народонаселенію, не можетъ служить примѣромъ для Кіева.« Такъ разсуждали Кіевскіе граждане, въ 1860 году; съ тѣхъ поръ многое совершенно перемѣнилось, и повыросло. Уже въ 1861 году въ 226 № *Московскихъ Вѣдомостей*, увѣдомляли о предположенномъ въ Кіевѣ преобразованіи пожарной части и учрежденія пожарнаго комитета; при чемъ выражены положительныя надежды, что при управленіи пожарною частью комитетомъ, сумма расходовъ уменьшится на весьма значительную цифру. Въ самомъ дѣлѣ, на

осташковскую пожарную команду, состоящую изо *ста* человѣкъ, выборныхъ отъ общества, съ 50 лошадьми, ежегодно расходуется — на ремонтъ инструментовъ и сарая для нихъ — всего только 64 рубля сер.

Въ г. Осташковѣ, пожарную повинность несутъ городскіе обыватели всѣхъ сословій; въ команду выбираются, по добровольному согласію, лица податныхъ и купеческихъ сословій на неопредѣленное время, и такъ дорожатъ своею службою, что до-сихъ-поръ не бывало еще примѣра, чтобы кто-нибудь уклонился отъ выбора, или отказался принять его. *Жалованья не получаютъ*, но купцы освобождаются отъ военнаго постоя, разложеннаго между собою другими домовладѣльцами изъ купечества, а мѣщане — отъ плетежа лично за себя податей, оплачиваемыхъ за нихъ мѣщанскимъ обществомъ. Являются на пожаръ кому въ чемъ пришлось — формы не полагается. Командою управляютъ два брантмейстера изъ тѣхъ же обывателей, служащіе также безвозмездно. Городской голова и члены Думы являются не только распорядителями на пожарахъ, но и первые подаютъ примѣръ личнымъ участіемъ въ тушеніи его. Лошади для команды доставляются городскими обывателями, *безъ различія званій и сословій*, обязанными къ тому подпиской. Полиція во внутреннія распоряженія и дѣйствія пожарной команды не вмѣшивается.

Отъ первоначальныхъ издержекъ на покупку инструментовъ города избавляются, такъ-какъ правительство не только передаетъ обществамъ существующій обозъ, но отпускаетъ на пополненіе его деньги изъ суммъ страховаго сбора (цирк. М. В. Д. 21 мая 1861 г.) Слѣдовательно, общества, на которыя расходы по содержанію командъ падали налогомъ, остаются теперь въ чистомъ денежномъ выигрышѣ, потому-что настоящія издержки составляютъ самую пустую сумму.

Въ Осташковѣ теперь не боятся большихъ пожаровъ: они обыкновенно прекращаются въ самомъ началѣ, — между-тѣмъ какъ полицейскія команды комплектуются изъ разряда неспособныхъ нижнихъ чиновъ, и они дѣйствительно, большею частію, неспособны къ выполненію довольно нелегкой пожарной службы.

Непосредственно къ изложенному нами вопросу примыкаетъ вопросъ объ учрежденіи *обществъ взаимнаго страхованія*, предложенный также министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторыми домовладѣльцами въ Кіевѣ, по словамъ Кіевскаго Телеграфа (№ 19), подготовленъ уже предварительный планъ проэкта объ учрежденіи такого общества на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: по соображенію, стоимость обывательныхъ не-

движимыхъ имуществъ г. Кіева, цифра страхуемаго капитала достигнетъ не менѣе 20 милліоновъ р. ф.; опредѣливъ съ этого капитала премію взноса съ тысячи р. по три рубля, общій сборъ съ Кіевскихъ владѣльцевъ составитъ *60 тысячъ въ годъ*. По частнымъ свѣдѣніямъ, пожарные убытки въ Кіевѣ по десятилѣтней сложности доходили ежегодно до 20 тысячъ; если отчислить 10 тысячъ на Правленіе, то будетъ ежегодно оставаться 30 т. р. запаснаго капитала, который черезъ десять лѣтъ возрастетъ до 300 тысячъ—сумма болѣе нежели достаточная, для Кіева. Такъ-какъ въ Кіевѣ только $^1/_{12}$ часть зданій составляютъ каменныя строенія; всѣ же прочія деревянныя, а въ отдаленныхъ кварталахъ даже крытыя соломой, то нѣкоторые домовладѣльцы предполагаютъ установить преміи взноса, одинаковаго для каждаго изъ трехъ разрядовъ домовъ, т. е. мало-опасныхъ, средней опасности, и наиболѣе опасныхъ; этимъ способомъ надѣются согласить городское сословіе и постановить взаимное страхованіе обязательнымъ по доступности малого платежа преміи. Для того же, чтобы въ нѣкоторой степени достигнуть уравнительности и дать преимущество однимъ передъ другими, при уплатѣ страховаго капитала за пожарные случаи, преимущество разлагать въ слѣдующемъ размѣрѣ:

1-й разрядъ, менѣе опасные, вычитать 5% т. е. за 1000 р. выплачивать.	950 р. ср.
2-й разрядъ, средней опасности, вычитать 10% т. е. за тысячу рублей выплачивать	900 — —
3-й разрядъ, болѣе опасный, вычитать 20% т. е. за тысячу рубл. выплачивать.	800 — —

Съ домовъ, оцѣненныхъ менѣе *ста* р. ср. никакой преміи не опредѣлять, а въ случаѣ пожара и достаточности запаснаго страховаго капитала, выдавать каждому по 75 р. въ видахъ пособія бѣднымъ своимъ собратамъ.—Слухъ носится, заключаетъ корреспондентъ г. Горобець, что скоро назначутъ городское собраніе, которое дастъ положительное заключеніе, на какихъ основаніяхъ пожелаетъ учредить взаимное отъ огня застрахованіе недвижимыхъ имуществъ.—Какъ важенъ вопросъ объ обезпеченіи имуществъ отъ опасности—это понятно каждому. Можно надѣяться, что хотъ этотъ вопросъ не будетъ брошенъ на полдорогѣ, безъ разрѣшенія

Въ настоящее время, весьма многіе видятъ спасеніе въ устройствѣ *Земскихъ Банковъ*. Къ-счастью, проэктированный Коммиссіей законъ по этому предмету обничаетъ всякого рода банки, занимающіеся поземель-

нымъ кредитомъ, не связываетъ ихъ устройства никакою напередъ установленною нормою и не стѣсняетъ никакими ограниченіями свободы кредитныхъ операцій банковъ. Провительственныя мѣры, указываемыя Коммиссіею, должны заключаться въ устраненіи разныхъ препятствій къ устройству и дѣятельности частныхъ банковъ, къ которымъ, по мнѣнію Коммиссіи, необходимо окончательно перейти отъ прежней системы казенныхъ банковъ.

Впрочемъ, пока-что, а свеклосахарнымъ заводчикамъ Кіевской, Подольской и др. губерній открытъ уже кредитъ въ кіевской конторѣ банка. Предложено было принять слѣдующую временную мѣру, кажется, при посредствѣ М. А. Грабовскаго: 1) предоставить свеклосахарнымъ заводчикамъ пользоваться кредитомъ не иначе, какъ подъ учетъ векселей на принятыхъ въ государственныхъ банкахъ правилахъ; 2) для разсмотрѣнія кредита тѣхъ изъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, которые обратятся въ контору за ссудами на общихъ правилахъ, постановленныхъ для учета векселей, образовать при кіевской конторѣ учетный комитетъ изъ управляющаго и нынѣшнихъ директоровъ отъ дворянства и купечества и назначеніемъ въ оныхъ двухъ или болѣе членовъ отъ свеклосахарныхъ заводчиковъ по соглашенію г. генералъ-губернатора съ мѣстнымъ губернскимъ предводителемъ дворянства; 3) предоставить правленію государственнаго банка снабдить кіевскую контору какъ потребными для этой операціи суммами, такъ и надлежащею, по производству оной, инструкціею.

Къ-сожалѣнію, мы почти ничего не слышимъ объ устройствѣ у насъ *сельскихъ банковъ*, которые, намъ кажется, необходимы не менѣе пособія свеклосахарнымъ заводчикамъ. Извѣстно, что крестьянину каждый занятый рубль обходится въ три-дорога.

Въ апрѣльской книжкѣ »*Сельскаго хозяйства*« помѣщена статья *Воздѣлываніе кукурузы* (пшенички), какъ источника богатства Южной Россіи, К. Флейшманна. — Считаемъ полезнымъ обратить на нее вниманіе нашихъ хозяевъ. — Достоинство кукурузы состоитъ, главнымъобразомъ въ томъ, что она — одно изъ плодовитѣйшихъ хлѣбныхъ растеній и содержитъ въ себѣ наиболѣе питательнаго вещества. Стоимость

годоваго сбора ея въ Соединенныхъ Штатахъ простирается до 400 милліоновъ рублей. Чѣмъ глубже вспахана земля, тѣмъ обильнѣе урожай кукурузы, впрочемъ она хорошо родится и на не слишкомъ хорошо разработанной почвѣ. Въ странахъ, гдѣ недостатокъ въ сѣнѣ или соломѣ, кукуруза вполнѣ замѣняетъ ихъ. Для этого кукурузныя растенія срубаютъ въ то время, когда колосья начинаютъ уже созрѣвать, но пока листья еще зелены; по срубкѣ ихъ оставляютъ на полѣ, гдѣ они и сушатся. Въ другихъ же мѣстахъ на сѣно употребляютъ одни листья, оставляя колосья на стеблѣ, а приступаютъ къ жатвѣ на досугѣ, мало по малу, такъ что окончательная уборка можетъ продолжаться до поздней осени. Весьма много кукурузы употребляется на водку. Этимъ растеніемъ при помощи нѣкоторыхъ пріемовъ откармливаютъ свиней и рогатаго скота, мясо которыхъ дѣлается отъ него весьма вкуснымъ и жирнымъ. Лошади охотно ѣдятъ кукурузу и дѣлаются отъ нея сильны и крѣпки. На крахмалъ тоже употребляется большое число кукурузы; отдѣляющееся черезъ броженіе, масло можетъ быть употребляемо на куреніе вина или на смазку машинъ, а стебли и корни ихъ даютъ хорошее топливо. Южная и юговосточная Россія въ особенности благопріятны для разведенія кукурузы, и это растеніе должно бы сдѣлаться здѣсь однимъ изъ главныхъ хлѣбовъ, тѣмъ болѣе, что оно свойственно именно такимъ странамъ, которыя подвергаются болѣе или менѣе продолжительнымъ засухамъ — обстоятельство, котораго ни одно хлѣбное растеніе не переноситъ легче кукурузы. Земледѣліе только тогда будетъ выгодно, когда наименьшимъ числомъ рабочихъ будетъ извлекаться наибольшая масса произведеній, которыя (имѣя въ виду отпускную торговлю) будучи скоро и дешево доведены до малѣйшаго объема, сдѣлаются удобными къ перевозкѣ. Эта задача вполнѣ разрѣшается воздѣлываніемъ кукурузы и новымъ способомъ обработыванія полей на нижеслѣдующихъ трехъ основаніяхъ:

1) Нужна только одна весенняя вспашка полей — періодъ подготовленія ихъ къ посѣву.

2) Кукуруза есть плодовитѣйшій родъ земляпаго хлѣба; и

3) Она заключаетъ въ себѣ весьма много питательнаго вещества и въ особенности пригодна къ откармливанію животныхъ, которыя употребленную ими пищу сами же и переносятъ на рынокъ, то есть, транспортируютъ ее въ наименьшемъ объемѣ.

Воздѣлываніе кукурузы весьма много способствовало быстрому раз-

витію и благосостоянію Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ, какъ замѣчено выше, она разводится въ огромномъ количествѣ. Легко понять причину подобнаго вліянія, вспомнивъ многообразное употребленіе кукурузы... Знаменитый, въ сельскохозяйственной литературѣ, Артуръ Юнгъ, въ путешествіи своемъ по Южной Франціи, впервые увидѣвъ воздѣлываніе кукурузы въ большихъ размѣрахъ, воскликнулъ: »Благословенна страна, которая въ состояніи производить растеніе это въ совершенствѣ!«

— *Коммерческое училище въ Одессѣ.* Государственный совѣтъ мнѣніемъ своимъ высочайше утвержденнымъ 14 ноября положилъ: 1) дозволить одесскому купечеству учредить въ городѣ Одессѣ коммерческое училище, для спеціальнаго образованія лицъ, посвящающихъ себя торговлѣ. 2) Проекты устава и штата сего училища представить при мнѣніи государственнаго совѣта, на высочайшее утвержденіе, и 3) Уставъ и штатъ одесскаго коммерческаго училища привести въ дѣйствіе, въ-видѣ опыта, на пять лѣтъ, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія, по истеченіи сего срочнаго времени, войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ или объ окончательномъ утвержденіи означенныхъ устава и штата, или о допущеніи въ оныхъ соотвѣтствующихъ указаніямъ опыта измѣненій и дополненій.

— *Лечебница для приходящихъ въ Кіевѣ.* Двѣнадцать молодыхъ врачей предположили открыть въ Кіевѣ, въ центрѣ города, лечебницу для приходящихъ больныхъ. Кромѣ этихъ врачей, при больницѣ будутъ состоять консультанты. Въ Кіевѣ госпитали далеки отъ города, клиника мала и полу-клиника не организована; клиническій матеріалъ, едва достаточенъ для студентовъ; пріемъ больныхъ въ клиникахъ ограниченъ бѣдныхъ людей въ городѣ много, а жилища ихъ иногда за 6—8 верстъ отъ центра города. Все это дѣлаетъ лѣчебницу нужною и сверхъ того есть надежда, что это дастъ нашей медицинской молодежи охоту и случай къ самостоятельной обработкѣ клинической медицины, которую мы какъ-будто забываемъ среди заботъ о точныхъ медицинскихъ наукахъ. Для доставленія средствъ къ первоначальному заведенію содѣйствовали офицеры забалканскаго пѣхотнаго полка и проф. Эргардтъ. Послѣдній, въ пользу новой лечебницы, прочиталъ двѣ публичныя лекціи о пищѣ, ея составныхъ частяхъ, достаточномъ и недостаточномъ количествѣ. Новая лечебница будетъ *вполнѣ частное* заведеніе. Въ пользу лечебницы имѣются въ виду еще публичныя лекціи.

— *Пожаръ въ г. Николаевѣ.* Въ николаевскомъ адмиралтействѣ

сгорѣло 1 февраля большое, двухъ-этажное, каменное, крытое желѣзомъ зданіе, въ которомъ помѣщались мастерскія: мачтовая, шлюпочная, купорная, столярная и парусная. Пожаръ открытъ былъ рано утромъ, но начался, вѣроятно, еще съ вечера и, какъ полагаютъ, отъ печки, примыкавшей близко къ балкѣ. Въ 10 часовъ утра уже торчали однѣ обгорѣлыя стѣны да мѣстами горѣлъ еще полъ да остатки балокъ. Потушили окончательно только на слѣдующій день. Всѣ принятыя мѣры не могли спасти зданія; о пожарѣ узнали совершенно случайно, по дыму выходившему изъ трубъ зданія, на разсвѣтѣ, когда мастерскія были заперты; когда въ тоже время отворены были двери, чтобы войдти для осмотра случившагося, то уже все зданіе изъ конца въ конецъ, было наполнено дымомъ; такъ-что изъ числа бросившихся въ парусную мастерскую, одинъ человѣкъ задохся и былъ вытащенъ уже мертвымъ. Кромѣ того, во время пожара два человѣка были ушиблены упавшимъ камнемъ. Большая часть матеріальнаго имущества мастерскихъ спасена и всѣ они, перейдя подъ другія временныя кровли, продолжаютъ свои работы обыкновеннымъ порядкомъ. Изъ окружающихъ предметовъ все осталось цѣло; уцѣлѣлъ даже и сосѣдній деревянный сарай съ мачтовымъ лѣсомъ. Дѣйствительная причина пожара, кажется, еще не дознана.

— *Самокатъ или Духоходъ Ст. Ив. Барановскаго.* Къ извѣстію, сообщенному самимъ изобрѣтателемъ во 2 № *Основы*, мы можемъ прибавить теперь слѣдующее: *самокатъ* или *духоходъ* съ вагономъ двигался по рельсамъ почти съ такою же скоростью, съ какою обыкновенно ходятъ поѣзды желѣзной дороги. Въ этомъ всѣ убѣдились; но вопросомъ ставили: *выгодно ли* будетъ замѣнить паръ сжатымъ воздухомъ. Теперь еще положительно на этотъ вопросъ отвѣтить невозможно, хотя за изобрѣтеніемъ во всякомъ случаѣ остается та громадная выгода, которую оно можетъ доставить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода (пожалуй съ помощію вѣтра) будетъ сгущать воздухъ, не требуя вовсе никакого топлива »мы постараемся, говоритъ авторъ »Современнаго Обозрѣнія« апрѣльской книжкѣ Морскаго Сборника, передать картину развернутую Барановскимъ на лекціи передъ своими слушателями. Вообразите себѣ большой городъ, на окраинѣ котораго, гдѣ нибудь на быстрой рѣкѣ или около водопада построенъ воздухо-сжимательный заводъ; на немъ сгущаютъ воздухъ тремя способами: вѣтромъ, если онъ дуетъ, водою, и наконецъ, *если только этихъ двухъ силъ недостаточно*— паровою машиною, такъ что на заводѣ всегда есть запасы сжатаго воз-

духа. Этотъ послѣдній посредствомъ большихъ трубъ проведенъ какъ газъ, во всѣ части города: на фабрики, въ адмиралтейство, на пристани, на станціи желѣзныхъ дорогъ — и вездѣ расходится по мѣрѣ надобности, тщательно обозначая въ каждомъ мѣстѣ особою машиною израсходованное количество... Неправда ли картина очень завлекательна и предметъ по видимому, заслуживаетъ полнаго вниманія какъ спеціалистовъ, такъ и лицъ могущихъ матеріально помочь производству дальнѣйшихъ опытовъ . Повторимъ вмѣстѣ съ г. Барановскимъ, что *все великое должно быть сначала малымъ и итти постепенно*... Читателямъ, интересующимся ближе познакомиться съ изобрѣтеніемъ, мы рекомендуемъ во-первыхъ статью самого изобрѣтателя, помѣщенную въ 4 № Морск. Сборн. за 1859 годъ, и во-вторыхъ статью г. Кузминскаго »Духоходъ« въ 4 № Морскаго же Сборника за настоящій годъ.

— *Предложеніе о заселеніи Крыма.* Въ Ѳедоссійскомъ журналѣ »Радуга« пишутъ; »Богемскій землевладѣлецъ *Іоганъ Арцтъ* въ письмѣ къ начальнику Таврической губ., заявилъ о желаніи переселиться въ Крымъ, въ окрестности г. Симферополя, 10-ти тысячъ *чеховъ* (богемцевъ) и *моравовъ*, готовыхъ жить на помѣщичьихъ земляхъ или пріобрѣсть для себя земли покупкою. Таврическій губернаторъ сообщилъ г. Арцту въ отвѣтъ, что для вѣрнѣйшаго успѣха въ столь важномъ дѣлѣ необходимо прибыть сюда ему самому, вмѣстѣ съ депутатами, для личнаго осмотра и выбора подъ поселеніе земель и для заключенія условій съ тѣми изъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ они пожелали бы занять. Въ тоже время губернскій предводитель дворянства здѣшней губерніи, г. Взметневъ, распорядился о томъ, чтобы сдѣлать предложеніе Арцта извѣстнымъ помѣщикамъ, владѣющимъ имѣніями въ Крыму и въ-особенности въ окрестностяхъ Симферополя. на тотъ конецъ, чтобы желающіе принять преселенцевъ могли заблаговременно обсудить это дѣло, и, по явкѣ изъ Богеміи и Моравіи депутатовъ, безъ потери времени приступить къ заключенію обоюдно выгодныхъ условій за право пользованія землею. Причемъ г. Взметневъ выразилъ съ своей стороны мнѣніе, что заявленное Арцтомъ желаніе 10-ти тысячъ чеховъ и моравовъ переселиться въ Крымъ чрезвычайно благопріятно для дворянъ-помѣщиковъ, земли которыхъ, лежащія въ настоящее время впустѣ на всемъ полуостровѣ и не приносящія дохода, могутъ быть заселены и приносить доходъ; и потому просилъ гг. уѣздныхъ предводителей дворянства поставить объ этомъ въ извѣстность землевладѣльцевъ, предложивъ имъ заблаговременно

обсудить, на какихъ условіяхъ, выгодныхъ для обѣихъ договаривающихся сторонъ, желаютъ они принять переселенцевъ изъ Богеміи и Моравіи на свои земли, имѣя въ виду ту очевидную пользу, какой должно ожидать отъ такого заселенія. Объ отзывахъ же помѣщиковъ съ подробнымъ объясненіемъ условій, просилъ сообщить ему своевременно, чтобы по прибытіи депутатовъ изъ Богеміи и Моравіи онъ былъ готовъ, не теряя времени, указать имъ землевладѣльцевъ, желающихъ вступить съ ними въ переговоры касательно водворенія ихъ соотечественниковъ на крымскомъ полуостровѣ.

ВІСТІ.

ПОДОЛЬ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

III.

Въ *Говорахъ* я знакомился со всѣми селами говорскаго имѣнія графа И. С — го, — молодаго человѣка, почти только-что вышедшаго изъ аудиторіи лицея и уже знакомаго съ европейскими улицами, какъ я знакомъ съ моими осламовскими, слѣдовательно, я не безъ причины въѣзжалъ во дворъ говорскаго палаца въ самомъ веселомъ расположеніи духа. И дѣйствительно, громады встрѣтили меня съ тѣмъ спокойнымъ видомъ, который уже показывалъ, что собрались они только на выборы. Одно мнѣ странно—съ самого начала,—это то, что помѣщика нисколько не интересовалъ этотъ первый актъ жизни громадъ, какъ обществъ съ правами гражданскими,—тѣмъ болѣе казалось это страннымъ, что молодой человѣкъ, какъ мнѣ извѣстно, жестоко скучалъ въ своемъ дворцѣ, занимаясь, въ одиночествѣ, постояннымъ far niente. Выписываетъ онъ «Patrie», но и эта единственная собесѣдница пріѣзжаетъ изъ Парижа для того, чтобы не оставался говорскій дворецъ совсѣмъ безъ журнала: зрѣніе графа такъ слабо, что ему рѣшительно не до чтенія. Чтецы?.. но графъ, вѣроятно, не напалъ еще на мысль обратиться къ чтецамъ.

При графѣ живетъ докторъ его больнаго родственника. Г. Яблоновскому, хотя и совершенно постороннему человѣку, показалось любопытнымъ—присутствовать при крестьянскихъ выборахъ и послушать ихъ первую со мной бесѣду о преобразованіяхъ. Мы пошли съ громадами въ садъ и тамъ выбрали самое тѣнистое мѣсто. Вступительная моя рѣчь была прослушана съ большимъ вниманіемъ. На нѣкото-

рыя мысли громада и здѣсь отзывалась одобрительнымъ гуломъ. Когда же рѣчь дошла до значенія старосты, его правъ и обязанностей и громада услышала, что должно принять на себя исполненіе повинностей человѣка, служащаго больше всего интересу помѣщика,—взрывъ негодованія выразился цѣлымъ потокомъ рѣзкихъ словъ, который полился изъ толпы, стоявшей до того времени въ молчаніи. Въ этомъ шумѣ уже слышалось мнѣ знакомое: «не треба намъ старости! то не треба старости!»

— Чикайте, громадо! не шуміть, не голосіть!.. дайте міні розтолковать діло!

И принялся я толковать, убѣждать и спорить. Долго, болѣе часу, шло у насъ самое горячее преніе.

— Я самъ розумію, люди добрі, що служба старости, поки ви на паньщині, виходить службою більшъ на пана якъ на громаду, и якъ попросите графа, щобъ вінъ подарувавъ старостамъ ихъ паньщину, то, здаетця міні, не повиненъ би вінъ одмовити вамъ въ тимъ. Але, громадо, треба просити. Ходімъ до графа,—и я разомъ зъ вами буду просити.

— «О! якъ пана, то заразъ и просити, а громаду такъ нікóли, не въ чимъ, не просять,—змушують до всёго.

— Ні, люди добрі, не для того будемо просити пана, що вінъ панъ, а для того, що на сей разъ хочетця вамъ минути ёго право, а минути ёго право можно тоді, коли вінъ самъ на тое добровольне пристане. Якъ що и панъ потребуе такого, на щò не дае ему законъ права, але на що ви можете згодитись, то тоді и вінъ буде васъ просить и я буду помогати ёму, буду просить васъ—якъ теперъ буду разомъ зъ вами ёго просити.

— «Ні, ми просити ёго не будемъ. На тое ви, ясний пане, начальникъ, щоби робити якійсь роспорядокъ... Ми удаемося до васъ, просимо васъ, а ви вже прикажіть, щобъ було по–справедливости.

— Якъ панъ вашъ не схоче пристати на що-небудь такее, на щó ви маете право по закону, то тоді удайтеся до мене и я запотрібую відъ пана якъ–слідъ по закону, и не буду ёго просити, не буду навіть питатись, чи ёму добре съ тимъ, чи ні. Бо я приставленъ до закона и мушу дбати объ тімъ, щобъ усякій законъ бувъ ушанованъ. Такъ и теперъ: якъ ви упретесь и не схочете відробити паньщину за старостівъ, то панъ удастця до мене и я повиненъ буду змусити васъ сповнить законъ. Законъ не говоритъ, щобъ паньщина старо-

сти пропадала, а я знаю, що самому старостові не буде часу ії відбувати; та й не годитця ему, старшому чоловікові, виходити на паньску работу нарівні зъ якимъ-небудь хлопцемъ. Коли казенні повинности старостови громада мусить, по закону, приняти на себе, то повинна приняти и ёго паньщину, поки тая паньщина не подарована паномъ. А хочете, щобъ вона була подарована:—просіть. Най кожна громада вибере заразъ по три депутати; я, разомъ зъ сими вашими виборцями, піду до графа и ми, якъ тамъ вінъ собі хоче, а випросимо-таки, щобъ вінъ подарувавъ старостамъ паньщину».

Но громады никакъ не соглашались на мое предложенье. Долго всѣ мои доводы были пустою тратою словъ. Я видѣлъ, что нѣтъ тутъ никакого недоразумѣнья, а просто крестьяне не хотятъ *просить* о томъ, что имъ казалось слѣдуетъ по справедливости сдѣлать безъ просьбы. Наконецъ кое-какъ поборолъ я упорство и щекотливость громады. Депутація составилась и пошла вмѣстѣ со мною ко дворцу. Я прибавилъ шагу, отдѣлился отъ депутатовъ и пошелъ одинъ въ комнаты помѣщика. Хотѣлось мнѣ предупредить его, представить ему всю опасность отказа въ такомъ маломъ, пустомъ для него дѣлѣ. Главнымъ образомъ я боялся за ту громаду, для которой выборы я отложилъ до другаго дня по той причинѣ, что на сходъ явилось меньше половины всѣхъ хозяевъ.

Обѣжалъ я всѣ комнаты,—нѣтъ нигдѣ помѣщика. Возвращаюсь назадъ,—встрѣчаю одного изъ лакеевъ.

— Гдѣ графъ?

— Графъ кажется здѣсь...

— Тутъ нѣтъ его нигдѣ. Пожалуйста, поищите. Скажите, что я хочу его видѣть.

Лакей бросился въ одну сторону, потомъ въ другую; наконецъ побѣжалъ на верхъ по неизвѣстной мнѣ лѣстницѣ. Возвратившись назадъ, объявилъ мнѣ, что графъ наверху,—сейчасъ придетъ.

Съ полчаса я походилъ, взадъ и впередъ, по комнатѣ. Нѣтъ его сіятельства.

— Подите, пожалуста, къ графу,—скажите, что я и громада просимъ его сюда на нѣсколько минутъ,—сказалъ я снова лакею.

И опять прождалъ я съ четверть часа. Потерявъ наконецъ терпѣнье, я попросилъ провести меня наверхъ.

Засталъ я графа занятаго разборомъ хлама, который когда-то представлялъ собою библіотеку.

— А я здѣсь вожусь все съ книгами,—заговорилъ графъ идя ко мнѣ на встрѣчу:—хочу привести ихъ въ какой-нибудь порядокъ. Право, есть нѣкоторыя книги довольно интересныя.

Обидѣться я не могъ: голосъ, взглядъ, движенія хозяина были таковы, что я считалъ себя достаточно отомщеннымъ.

— Васъ ждетъ депутація крестьянъ,—сказалъ я улыбаясь:—она хочетъ просить васъ, графъ, объ одной маленькой уступкѣ.

Лицо помѣщика выразило еще большее безпокойство.

— Считаю нужнымъ предупредить васъ, графъ, разсказать вамъ, какимъ образомъ они пришли къ мысли просить васъ.

Я наскоро разсказалъ, въ какомъ громада была волненіи и какъ трудно было мнѣ уговорить ее идти просить. Наконецъ, представляя необходимость этой маленькой уступки, я прибавилъ:

— Если вы, графъ, откажете имъ, то очень можетъ быть они откажутся отъ старостъ и мы изъ–за такой бездѣлицы будемъ имѣть большія хлопоты. Въ Пилипковцахъ самый выборъ старосты придется дѣлать съ помощью полиціи. Къ тому же, надо вамъ сказать, въ другихъ селахъ помѣщики почти вездѣ отказываются отъ панщины за старосту. Да и въ самомъ дѣлѣ, старостѣ столько придется бѣгать, хлопотать изъ–за вашего интереса, что не грѣхъ бы было... сдѣлать ему что–нибудь. Если потомъ, когда уже станетъ онъ исправлять свою должность, захотите вы подарить ему что-нибудь,—подарокъ вашъ можетъ показаться взяткой... теперь же, отказываясь отъ его барщины, вы дарите ее громадѣ, а, главное, дѣлаете то, о чемъ васъ просятъ.

Графъ, улыбаясь и поправляя рукою волоса, проговорилъ:

— Чтожъ, надо подарить... придется подарить.

— Пойдемте же.

— Идемъ.

Мы сошли въ низъ.

На дворѣ передъ крыльцемъ стояла полукругомъ депутація всѣхъ селъ, но за депутаціей, тоже полукружіемъ, стояла уже и громада всѣхъ селъ.

Началась сцена довольно забавная. Помѣщикъ, поздоровавшись съ громадою и какъ бы не зная, что передъ нимъ стоитъ депутація, ожидавшая его выхода, сталъ распрашивать (разумѣется, по–польски) о томъ и о сёмъ.

— Кого выбрала *Говорская* громада?

— Михайла Копаньчука, ясний пане.

— А! это тотъ, что *сидитъ* тамъ, на горѣ, возлѣ того... какъ его...

— Ні, вельможний графе: ёго хата тутечки въ улиці, щó заразъ за корчмою.

— А! знаю, знаю.

Депутація, отвѣсивъ поклонъ, начала-было говорить свое.

— А *забаразновецкіе* кого выбрали?—прервалъ графъ.

— Игната Подлісного. .

— Ага, знаю:—это тотъ, чтó недавно перестроилъ хату.

— Ні, вельможний граие:—я не перекладавъ ще хати.

— Какъ же это! помнится мнѣ...

— То, мабуть, вельможний грапъ думають про того, що...

— А *брацловскіе* кого выбрали?

— Мене, вельможний графе!

— А!—ну, поздравляю, поздравляю тебя...

Депутація, пользуясь минутой молчанія, снова отвѣсила поклонъ и на этотъ разъ успѣла–таки проговорить половину своей короткой рѣчи.

— Вотъ хорошо, что вы теперь тутъ всѣ собрались, прервалъ графъ:—я хотѣлъ поговорить съ вами. Панъ комисаръ (*) жалуется, что нѣкоторые изъ васъ не слушаются, поздно выходятъ;—на панщину: это нехорошо, этого прежде за вами не водилось.

— Здаетця намъ, що не повинно бъ бути въ насъ такихъ, щобъ не слухали.

— Ну, а вотъ комисаръ говоритъ, что есть... Я предупреждаю васъ, что если только будетъ какое нибудь непослушаніе, то я поссорюсь съ вами... Гдѣ панъ комисаръ?... Попросите сюда пана Лисневича!...

Лакеи бросились во всѣ стороны.

Депутація, снова пользуясь минутою общаго молчанія, отвѣсила поклонъ и заговорила. На этотъ разъ ихъ рѣчь была поддержана и громадою, которая, подаваясь мало по малу впередъ, почти смѣшалась съ своими депутатами.

Выслушавъ до конца просьбу, графъ отвѣчалъ:

— Я подумаю объ этомъ.

И началъ графъ опять говорить о совершенно постороннихъ вещахъ.

(*) **Главноуправляющій.**

Въ первый удобный моментъ громада воротилась къ своему дѣлу. Тутъ ужъ и я присоединилъ свой голосъ.

Графъ по прежнему отвѣчалъ, что подумаетъ, и сталъ поминутно оглядываться во всѣ стороны, спрашивая, пошли ли за управляющимъ?

Когда пришолъ управляющій, графъ взялъ его на сторону и долго говорилъ съ нимъ шопотомъ. Наконецъ, обратился къ громадѣ:

— Черезъ двѣ недѣли я буду объѣзжать съ паномъ комисаромъ всѣ фольварки и тѣмъ громадамъ, которыя будутъ до того времени во всемъ исправны, послушны,—тѣмъ громадамъ... я... можетъ быть и подарю барщину старосты. А теперь подождемъ съ этимъ дѣломъ. Вотъ панъ комисаръ говоритъ мнѣ, что въ послѣднее время одна только Браиловка оставалась попрежнему исправною, послушною, спокойною... Спасибо вамъ, браиловская громадо, спасибо!... Я, чтобы отличить васъ отъ прочихъ, хочу вамъ что нибудь сдѣлать... Приходите... да, приходите въ пятницу, или нѣтъ,—въ субботу... впрочемъ лучше въ пятницу, приходите въ пятницу въ лѣсъ; тамъ будетъ въ это время экономъ и панъ комисаръ.. и я выѣду... приходите же въ пятницу,— я вамъ позволю набрать по немногу *сушнику*... разумѣется, безъ сокиры... Смотрите же, чтобы ни у кого не было сокиры... Боже сохрани, если найдутъ у кого–нибудь сокиру.

Панъ–комисаръ, объясняя всемилостивѣйшее одолженіе графа, растолковалъ браиловецкой громадѣ съ безукоризненной ясностью всю ненужность присутствія сокиры при собираніи въ лѣсу сушника подъ надзоромъ экономa, комисара и самого графа.

Я, не дожидаясь уже конца этой забавной сцены, поѣхалъ на другіе выборы.

Потомъ г. Лисневичъ, разсказывая мнѣ о безпорядочности нашихъ крестьянъ, говорилъ:

— Ну, вотъ вы были свидѣтелемъ, какъ самъ графъ объявилъ браиловецкой громадѣ, что въ такой–то день могутъ придти въ лѣсъ и набрать себѣ топлива. Что же вы думаете, собрались они въ тотъ день?... десять, много пятнадцать человѣкъ пришло!..

Да, чрезвычайно странные люди — наши крестьяне, — думалъ я смѣясь.

Въ Пилипковцахъ громада рѣшительно отказалась выбирать старосту и не соглашалась даже собраться на сходъ такъ, что я принужденъ былъ послать на сходъ становаго пристава. Графъ былъ чрезвычайно опечаленъ, можно сказать—обиженъ. Онъ поблѣднѣлъ... потомъ

вскипѣлъ и проговорилъ съ негодованіемъ: «Ну, стоитъ ли послѣ этого дѣлать имъ добро?.. Нѣтъ, я все больше и больше убѣждаюсь, что чѣмъ лучше для нихъ дѣлаешь, тѣмъ они неблагодарнѣе... Ничего, ничего не стоитъ для нихъ дѣлать!...

Въ Великомъ Поросятковѣ, по окончаніи волостныхъ выборовъ, г. Ганицкій пригласилъ къ себѣ всѣхъ выборцовъ на закуску. Гостепріимная хозяйка была очень рада случаю, а проголодавшіеся выборцы—еще болѣе. Между прочимъ, хозяинъ, заговоривъ о выбранныхъ волостныхъ судьяхъ, высказалъ свое удивленіе: почему громада не выбрала человѣка, бывшаго въ Поросятковѣ судьей безсмѣнно болѣе пятнадцати лѣтъ? Этотъ человѣкъ былъ тутъ же. Услыхавъ, что рѣчь идетъ о немъ, онъ отвернулся въ сторону, махнулъ рукой и проговорилъ:

— На́що імъ мій розумъ! то колись старі вчили молодихъ, а теперъ вже молодні вчять старихъ!

— Нащо та́къ говорите, перепрошаю васъ,—отозвался стоявшій возлѣ него рослый крестьянинъ.—Ви, діду, не кривдуйтесь тимъ, що ми васъ не вибрали, бо ми не безъ причини васъ облишили. Теперъ, уважайте, нові настають порядки,—потребують безпримінно и новихъ людей...

— Якъ вамъ, пане Адольфе, подобаетця увага сёго чоловіка?—спросилъ я хозяина.

Въ нѣкоторыхъ селахъ бесѣда на сходѣ шла чрезвычайно ровно и, большею частью, держалась только того предмета, который вызвалъ сходъ. Въ этихъ селахъ преобразованіе не казалось преобразованіемъ, а выходило просто нѣкоторымъ расширеніемъ личныхъ правъ крестьянъ; что жъ касается до матеріальнаго ихъ быта, то онъ оставался почти безъ измѣненія. Правда, и тутъ вырывались иногда изъ толпы вопросы, которые иной назвалъ бы страшными, непріятными, а пожалуй увидѣлъ бы въ нихъ и чорную неблагодарность крестьянина. Но, помоему, эти вопросы не должны казаться ни страшными, ни даже непріятными. «Дежъ тая воля?» «Яка жъ то переміна?» «Що жъ тутъ ліпшого?» «То й лісъ зостаетця панськимъ?» Эти, и

подобные вопросы показывали ясно, что громады исполняли повинности передъ своими помѣщиками такъ, какъ будутъ они исполнять ихъ и теперь, по уничтоженіи крѣпостнаго права,—этого страшнаго меча, который могъ разсѣкать самую крайнюю невозможность. Вѣдь надо же помнить, что всякая громада есть частица той массы, которая ликуетъ и кричитъ, что ей будетъ теперь лучше.

— Ліпше?

— А вжежъ.

— Всімъ ліпще?

— А вжежъ,—всімъ.

— Чому жъ намъ нема нічого ліпшаго?

— Бо вамъ и до сёго часу було добре.

— Дé тамъ добре!...

И послѣднее замѣчаніе говоритъ не крестьянинъ Иванъ, а просто Иванъ и Иваны всевозможныхъ видовъ и со всевозможными прозвищами и должностями. Не къ чему было толковать имъ, что теперь вы имѣете такія и такія права, а вашъ помѣщикъ уже не имѣетъ надъ вами такихъ-то и такихъ-то правъ.... Гражданскія права еще не представляютъ теперь значенія для всякаго крестьянина, особенно въ томъ селѣ, гдѣ помѣщикъ жилъ какъ просвѣщенный человѣкъ, а не какъ либеральный падишахъ.

Въ *Дашковцахъ*, на сходѣ, при одномъ случаѣ, особенно рѣзко высказалось то недовѣріе къ нашему брату–*пану*, которое во многихъ другихъ селахъ высказывалось на каждомъ шагу. Громада, представляя мнѣ человѣка, котораго она уже рѣшила выбрать въ старосты, говорила, что нечего тратить время на балотировку, потому что «на нёго пристають всі до едного.» Но я, желая исполнить хоть какую-нибудь формальность выборовъ, предложилъ выбиравшимъ поднять руки. Ни одна рука не подымалась. Я думалъ, что меня не разслышали и повторилъ предложеніе. Руки все-таки не подымались и громада молчала.

— Люди добрі! ви жъ кажете, що пристаете на сёго чоловіка...

— Всі, всі, всі до едного! закричала громада:—най буде вінъ нашимъ старостою!

— Підніеси жъ руку той, хто вибірае сего чоловіка на старосту.

Я порахую скільки такихъ, що пристають на нёго, а скільки такихъ, що не пристають.

Ни одна рука не подымалась и видно было, что всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, въ щекотливомъ положеніи; переглядывались другъ съ другомъ, посматривали то на меня, то на помѣщика; переминались съ ноги на ногу; перемѣняли мѣста, особенно стоявшіе впереди.

— Щожъ то значить? чомужъ жоденъ зъ васъ не хоче піднести руки и тимъ способомъ показати міні, що вибірае сёго чоловіка.

— Та ми жъ кажемо ясному пану, що всі до едного пристаемъ на нёго,—снова заговорила громада.

— Такъ піднеси жъ руку той, хто пристае!

— Пащо жъ се?

— Щобъ и я бачивъ голосъ кожного зъ васъ. Бо такъ ви говорите міні, що всі пристаете...

— Всі, всі!

— Ну, добре,—кажете що всі. Але я не могу роспознати, чи всі тое кажуть, чи може е й такі, що мовчать...

— Ні, ні!—нема такого!

— А хто знае,—може й е. Сей чоловікъ стоіть до васъ плечима; вінъ не буде бачить, хто підніcъ руку, а хто не підніcъ.

— Ми не будемо підносити рукъ; жоденъ не піднесе... Ми всі до едного пристаемъ на сёго чоловіка, але підносити руку не будемо жодный.

— Для чого жъ то?

— Але, бійтеся Бога! якимъ способомъ будемо ми тое робити, коли ми не знаемо, на якій то конець?

Долго я толковалъ крестьянамъ цѣль моего требованія, но громада все-таки стояла на своемъ и твердила, что не знаетъ «на якій конець» поднимати руки. Ясно становилось, что громада не вѣрила моему толкованію. Крестьянинъ до этого времени подымалъ руку только передъ евангеліемъ во время присяги и, помнится мнѣ, что въ другихъ селахъ, когда я предлагалъ такую же форму выбора, то почти у всѣхъ поднятыхъ рукъ меньшіе два пальца были поджаты. Словомъ, въ поднятіи руки дашковецкая громада понимала непремѣнно присягу, а присягалъ крестьянинъ всегда на то, что́ требовалось неизвѣстнымъ текстомъ присяги, прочитываемымъ постороннимъ человѣкомъ и потому теперь, боясь вѣроятно, чтобы я въ минуту этой

присяги не воспользовался случаемъ и не прочиталъ обязательства, опаснаго для ихъ новыхъ правъ,—они не соглашались поднять руки и говорили: «не знаемъ, на якій то буде конець».

— Ну, ежели неподобаетця вамъ, громадо, такій способъ вибора, то зробімо такъ: тіі, що пристають на сёго чоловіка, идіть сюди, а тіі що не пристають—зоставайтеся на місті.

Всѣ разомъ тронулись и перешли на указанное мѣсто.

Въ *Мурованныхъ Куриловцахъ*, коснувшись повинностей передъ помѣщикомъ, я спросилъ громады, исправно ли они отбываютъ барщину. Помѣщикъ сейчасъ же взялъ меня подъ руку, заговорилъ о совершенно другомъ предметѣ и мало по малу просто оттеръ меня отъ толпы крестьянъ. Отойдя со мной всторону, онъ началъ говорить о чрезвычайно исправномъ отбываніи барщины во всѣхъ селахъ его имѣнія.

— Правда,—замѣтилъ помѣщикъ:—въ послѣднее время были маленькіе грѣшки; но это я объясняю теперешнимъ несчастнымъ ихъ положеніемъ: каждый день, почти каждый день въ прошломъ мѣсяцѣ, они были заняты саранчей—И все-таки она истребила больше половины засѣва, а у многихъ—все до послѣдняго стебля.

Но только-что́ выбранный старшина, вмѣстѣ со старостами, въ этотъ же день просили меня дать имъ, хоть на первое время, больше власти, нежели предоставлено закономъ, потому, говорили они, что многіе хозяева просто безсовѣстно поступаютъ съ помѣщикомъ. Помѣщикъ почти цѣлую весну не требовалъ барщины, видя, какъ народъ занятъ истребленіемъ саранчи. Потомъ, когда хлѣбъ въ полѣ сталъ дозрѣвать, помѣщикъ предложилъ крестьянамъ хватать прежде свой хлѣбъ, а потомъ уже браться за его помѣщичій. И послѣ всего этого «є багацько такихъ, що жнуть теперъ на ланý за гроши, а паньщини не хтять відбути ані едного дня въ тижню, хоть що́-хочъ ёму роби!» И съ какимъ искреннимъ негодованіемъ разсказывали мнѣ все это старшина и старосты! Я еще разъ поговорилъ съ громадами, далъ наставленіе старшинѣ, переговорилъ съ судьями, и уѣхалъ. Черезъ недѣлю въ куриловецкомъ имѣніи по всѣмъ селамъ порядокъ былъ уже возстановленъ. Что́ же касается до нѣсколькихъ тысячъ прогульныхъ дней,—помѣщикъ не говорилъ о нихъ ни слова. Такимъ образомъ, по возстановленіи порядка, не было и помину о прошломъ. Взявъ въ со-

ображеніе такія условія отношеній помѣщика къ крестьянамъ въ куриловецкихъ селахъ, я предвижу, что тутъ дѣятельность моя не пропадетъ даромъ, и потому на эти села я обращу возможно большее вниманіе и отдамъ имъ возможно-больше своего времени. Первый шагъ вездѣ, во всемъ важенъ, но начинать, кажется, никому нехочется. Если же мнѣ удастся въ Куриловцахъ вывести трудъ крестьянина изъ болота паньщины, то за Куриловцами пойдутъ и другія села.

Григорій Гс.

ЗЪ СТАРИХЪ САНЖАРЪ (Полтавського повіту).

(29 квітня 1862 р.)

Въ *Основі* чимало друковано вістей про городи, и дуже, дуже мало про села,—тоді-якъ *Основа* повинна бути першъ усёго голосомъ сільского люду, ёго нуждъ, ёго щоденного життя,—повинна обороняти ёго одъ неправдъ и не допускати, щобъ *чужий* духъ, або чужа мова, прокрадаючись у села, нікчемничила чисту селянську мову и народне житте. (*) Такъ собі мизкуючи и душею бажаючи запомогти такій недостачі селянськихъ вістей *въ Основі*, ставъ я на тому, щобъ у кожному селі, де доведетця мині бувати, збірати вісті и посилати іхъ до »*Основьянъ*«.

Позавчора довелось мині два дні прожить у *Старихъ Санжарахъ*. Напишу, що́ розвідавъ про сє́ містечко.

Старі-Санжари, въ кінці XVII и на початку XVIII віку, були сотеннимъ городомъ Полтавського полку.—У старихъ ділахъ Полтавського Губернського Правленія мині траплялось находити сліди, що ще въ 1751 року Старі-Санжари звались городомъ; объ тімъ, коли и черезъ що́ іхъ перейменовано зъ города на містечко — народъ незвістенъ, и я відомости не знаходивъ. И теперъ народъ ділить Стари-Санжари на три главніхъ кутки: городъ, кріпость и поділъ.

(*) *Основа*—про всіхъ, про всю громаду, про весь народъ—городський и сільський. Мабуть, в.—п. Перехо́довець не добре вчитався въ *Основу*; а то бъ не нарікавъ на насъ *Ред.*

Сліди кріпости ще е й досі, ще й теперъ е глибокий рівъ, котрий, видно, бувъ колись виходомъ до Ворскли; кругомъ рова йдуть стіни (брустверъ); у давнину, стіни були не дуже товсті, а тілько високі, и сама кріпость не була настоящою кріпосттю, а тільки не величкимъ укріпленнемъ зъ півночної, південної и східнёї сторони. У кріпості колись була и церква св. Миколи. Роківъ зо три назадъ, на місто ії, трохи дальше и къ полудню, збудовано нову деревьяну церкву,— того жъ таки святого. Не далеко відъ кріпості—волость и школа. На кутку, котрий зветця кріпосттю—більше пустині ґрунти, и хати дуже рідко; бо зъ сёго місця, такъ багацько виселилось людей, що въ Константиногродському повіті заселили ціле село Перещепину; окроме того, багацько виселилось у Кримъ.

Кутокъ, що зветця *городомъ*, заселений густо, більше торговими людьми. Езъ десятокъ нівідь-якихъ деревьянихъ лавочокъ, біля котрихъ и збіраетця що-дня дуже—дуже рано торгъ.—Поділомъ звуть кутокъ по-надъ Ворсклою (Санжаровці більше звуть ії Рогизною, черезъ те, видно, що на ій росте багацько рогози)—А що за прехороший видъ зъ кріпості на Ворсклу, особливе весною у розливъ! Вода поняла оксамитні луги и поробились невелички островки, на котрихъ, якъ золото, сяе лопухъ. Наврядъ чи е де другая, така гарна містность, якъ у Ст. Санжарахъ! Хто любить природу, зелені луги, золотіі островки, срібні сади вишневі, тому треба побувать у Санжарахъ.

Живуть у Санжарахъ трохи не все козаки; временно-повинних селянъ небагато, а міщанъ ще менше. Козаки—народъ убогій, черезъ те, що мають дуже мало землі. Есть міжъ ними й богачі—чоловіка 15 або й 20; поробились вони багачами, деручи зъ своіхъ братівъ, да скуповуючи не—за—що у бідних землі. Настане пора платить подушне (на душу приходитця, такъ сказано мині козаками, самий казні 2 карб. 67 коп. да якихсь-то *прибавочних* $1\frac{1}{2}$ карб.): де убогому взять стілько грошей? отъ и йде вінъ до жида (*), або и до свого брата-багача позичать и платить 20 процентівъ за півроку, або заставить на-упадъ упругъ землі. Такимъ побитомъ и порозживались багачі, та не йде імъ у користь неправдою нажитее: народъ не любить багачівъ, — каже, що вони *здирники* и *нече-*

(*) Жидамъ, *по закону*, не можна жити у Стар. Санжарахъ; одначе, зъ позволення станового, да справника, не тілько живуть, а й пинкують,—дурять народъ.

стивці. И справді, кажуть, усі почти багатиі козаки підъ *судомъ*. Судовикамъ нема кращої поживи, якъ попадетця підъ судъ багатий козакъ: скілько вінъ переносить імъ, скілько перевозить усячини, такъ и сказати не можна! Я знаю козаківъ, котрі були багатими, а якъ подержали іхъ літъ десять *підъ судомъ*, такъ пойшли въ старці...

Знаючи, що Старо–Санжаровська козача волость мае на процентахъ у Государственному банку зайвихъ грошей більшъ 2 тисячъ карб., я ставъ радить козакамъ и голові, щобъ завели у себе, по приміру другихъ волостей, *ссудну кассу*. Усі вони одвітовали кині, що вони давно вже сёго й сами бажають, да неможна зробить, бо волость іхъ не въ такому *розряді*, щобъ можна заводити касси, а начальству нема діла до того, якъ гірко біднимъ позичать у багачівъ; начальству аби були *хворменні порядки*. Кроме тіхъ грошей, що лежать у банку, Ст. Санжаровська волость мае що–року зъ лісівъ, да поля, доходу $1^1/_2$ тисячи карб., а де вони дівaютця—про те тілько начальство знае!... Балакавъ я зъ волостнимъ головою (чоловікъ розумний, та мабуть хитрий; *чиновникъ*!) щобъ завести у волості больницю,—»больница, каже вінъ, а особливо лікаръ, або хочъ би підлікарье, діло дуже потрібне, та не можна завести.«

— Чому? питаю я.

— Багато турбования?

— Якого?

— Спершу треба, щобъ начальство предписало, а послі треба, щобъ громада згодилась на те; а громада не хоче,—каже, що нехай лучче баби вишіптують.—Та ще громада бъ сякъ–такъ, може бъ и згодилась, та мука просить розрішения... Отъ, приміромъ сказать: у насъ три ярмарки у селі; одна на Юрия, друга на Пантелимона (27 іюля); трейтя на Семена (1–го сентября). Дві послідніхъ зовсімъ не впору, якъ разъ у робочий часъ. Давно вже мізкуемо прохать, що бъ перемінено на други числа, да боязко, черезъ те, що нікому клопотать у Полтаві, а тамъ якъ піде у Губ. Росправу, то й пиши пропало, або ідь *да уклонись якъ слідъ* секретареві, да столоначальникові...

Побалакавши ще де про що, вийшовъ я до громади. Громада збіралась на раду про московський провіантъ, котрий слідовало получить хазяинамъ за те, що харчовали москалівъ. Громада була велика: поприходили и баби, и молодиці и дівчата. Повівъ я річъ про больницю, про лікара. Правда, спершу стали казать, »що намъ не тре-

ба сёго нічого, у насъ баби відшепчуть, та костоправи;« а далі зрозумівши діло, стали казать, що ні–за–що нанять лікара, нема грошей.

»Якъ нѣма? кажу я. Ажежъ ви часто оддаете провіантъ на церкву: церквей у васъ, хвалить Бога, доволі, ажъ шість; е и лишні, бо дві за штатомъ, и всі церкви не убогиі; ви кращебъ продавали провіянтъ, а на ті гроши и завели бъ больницю.«—»Э, э! чому не воно! почулось разомъ зъ усіеі громаді,—се такъ!—оддай гроши, то не буде ні грошей, ні больниці! Се вже ми знаемо!...

Роспитуючи дальше, я догадався, що громада ні голові, ні якому начальству своіму не вірить ні на шагъ. А не вірить черезъ те, що голови й писарі, повиучувавшись на московський ладъ и по московськимъ книжкамъ грамоті, да помазавшись *палатськимъ* миромъ, одрізняютця одъ народа, роблятця перевертнями, думають, що вони розумній усіеі громади, та часомъ и обдурюють громаду, кажучи: *»такъ Палата предписала.«*

Биля волости заразъ и школа. Зайшовъ я й туди. Крий Боже, що за школа!!. Просто не школа, а душениця біднихъ дітей. У школі заставъ я 65 хлопцівъ и 8 дівчатъ. Учить іхъ за плату (100 карб. на рокъ) панотець Ондрій Болдовський, которий наймае уже самъ відъ себе собі підмогача, якогось бурсака. Учять дітей по московськимъ книжкамъ; рідного слова вони не чують. Спитавъ я що бъ указали мині самого давнійшого и самого кращого учня. Мині показали на хлопця Инду, котрий вже четвертий рікъ ходить у школу. Передъ нимъ лежала свящ. история; я попрохавъ, щобъ хлопья прочитало: прочитавши про Иосифа, ставъ я прохать, щобъ росказавъ, те, що читавъ. Ні въ зубъ! Тоді давъ я ёму прочитать те жъ саме зъ *Граматки* Куліша; хлопья прочитало и росказало якъ слідъ. Другий хлопець, Будлій—читавъ *книжку Наума*. Прочитавъ вінъ мині про видъ землі, и одного слова не росказавъ. Питавъ ще я трохъ хлопцівъ и всіхъ дівчатъ: — те жъ саме! Читае—и нічогисінько не розуміе. Питаю одну дівчину: що таке *плодъ* и *древо*? мовчить, не знае; а дерево, садовину знаете?—знаю, каже!—Зъ арихметики ще гірше! питаю: 3×4—знае; а три рази почотирі—невтне; 4 у 16? знае; а 16 поділить на 4—не знае.—За те, якъ гарно усі знають книжечки на памьять!! Питаю: хто бувъ першимъ царемъ у жидівъ? Ніхто не сказавъ; а тілько я промовивъ: скажить мині *о царяхъ*,— заразъ и затрещали: »два сына Самуловы предались лихоимству«...

Що жъ то таке лихоимство? питаю—»Не знаемо« —»А хабарі знаете?—»знаемо!«—Питаю зновъ дівчини: відъ кого родивсь Исусъ Христосъ?—не знае; а якъ сказавъ: роскажіть о рожествѣ Христа? такъ зразу и пролепетала напамьять витовчене зъ книжки.

Пан–отець и его підмогачъ кажуть, що вони бъ ради учить дітей по українськимъ книжкамъ, що відъ такоі науки велика бъ польза була, такъ щожъ, коли Палата не предписуе. Ради бъ, щобъ діти не вчили всёго на памьять, а росказували своіми словами, такъ не можна сёго робить черезъ те, що якъ приіде на экзаменъ палатський чиновникъ, такъ велить, що бъ діти безпримінно видвичали слово въ слово, якъ надруковано въ книжці!

Показали мині самихъ недавніхъ хлопцівъ,—которі ходять зъ Пилишівки й досі гараздъ не вміють азбуки. Учять іхъ по старій методі: *азъ, буки, віді*. Про нову методу пан—отець и не чувъ и ні защо не вірить, щобъ можна дитину за тиждень навчить читати.

Учять ще співать по церковнимъ нотамъ и одну пісню (*для встрічи при приізді Управляющаго Палатою*): »мы тебя любимъ сердечно.«

Діти усі якось залякані; іхъ и лають, и бьють ленійками и різками и муштрують, щобъ якъ увийде въ школу писаръ, або голова, або инший хто, то щобъ уміли *всі разомъ* встати.

Що жъ за диво після сёго, що тілько 20 душъ *по волі* ходять у школу, а останні по *приказанію*! що народъ не вірить въ пользу грамоти,—каже: »училище почти 20 літъ, якъ заведено, а ні одноі душі не навчили до–ладу; въ школі не учять, а мучять?!...

Бідні батьки, бідна дітвора! жалко васъ!... Діти дуже раділи, якъ роздавъ я імъ наськи книжечки; а чоловікъ зъ шість зъ громади сказали мині: »отъ—коли бъ по такимъ книжкамъ учили, то може бъ и толкъ бувъ,—а то дають ни–відь–що!«

И таки справді ни–відь–що! Одинъ школяръ, читавъ при мині книжку: »*о повсемьстномъ распространеніи грамотности на нравственныхъ началахъ*. Питаю: чи знаешь, що читаешъ?—»А хто ёго знае, каже; дали що бъ читавъ, такъ и читаю.«

По дорозі въ Санжари заіздивъ я у селі Мачухахъ у школу. Тутъ було 60 хлопцівъ и 10 дівчатъ. Учять пан–отці. Я заставъ отця Михайла Животкова; чоловікъ дуже хороший, діти у ёго смілійші и вдачній відвічають. Жалко, що и въ сій школі ведетця лайка, бійка (не різками) и муштра вставання. И сей пан–отець каже, що покіль

не предпишуть учить по украінськимъ книжкамъ, потіль пользи буде мало; бо діти московськихъ книжокъ не понимають, хочъ и учать іхъ на памьять.—Чи вже жъ-таки, скажемо відъ себе, не прийшла й досі пора додуматьця, що корові сідло не пристало?

Олександръ Переходовець.

29 Квітня 1862 р.

ИЗЪ ЛУБЕНСКАГО УѢЗДА, (Полт. губ.)

Новости неутѣшительны. Разскажу все по-порядку. Въ половинѣ февраля отцу случилось быть *на громадѣ*, созванной окружнымъ начальникомъ. К—скимъ, по случаю переноски шершневскаго магазина съ одного мѣста на другое. Лѣтъ десять тому назадъ строился магазинъ нашъ, не при этомъ окружномъ, правда. Когда дѣло зашло о томъ, гдѣ поставить его, громада сказала, что всего лучше *на піску*. Окружному хотѣлось поставить въ болотѣ, гдѣ онъ и поставленъ былъ. Громада возражала, что ему тутъ не мѣсто, что когда его наполнятъ хлѣбомъ—онъ войдетъ въ землю.—«А, се въ тебе млинъ мабуть оце стоіть, «сказалъ окружный говорившему: такъ магазинъ вітеръ зупинятеме...» и магазинъ поставленъ-таки тамъ, гдѣ и вы его знаете. Теперь онъ дотого покоробился, что оказалось нужнымъ сдѣлать по-громадському и перенести *на пісокъ*. Дѣло сдѣлано, составлена смѣта на 1915 р. 55 к., объявлены торги въ палатѣ; они, какъ водится, не состоялись и начальство рѣшило перенесть его *хозяйственнымъ образомъ*. А вы знаете, какой пріятный трудъ для окружнаго дѣлать дѣло казенное хозяйственнымъ образомъ... особенно, когда у него то и дѣло, что̀ переноска магазиновъ и училищъ по уѣзду съ одного мѣста на другое... Созвана громада въ квартирѣ одного маіора уланскаго полка, квартирующаго теперь въ лубенскомъ уѣздѣ. Здѣсь окружной объявилъ ей, что такъ-какъ на публичные торги къ подряду никто не явился, то начальствомъ предоставлено обществамъ право сдѣлать переноску хозяйственнымъ образомъ. А потому онъ приказалъ громадѣ выбрать изъ среды себя двухъ состоятельныхъ хазяінівъ, честныхъ и смышленыхъ, которые бы постоянно надсматривали за работами и дѣлали разсчеты съ рабочими, получая деньги, по мѣрѣ надобности, отъ волостнаго головы, который будетъ вести счеты. Гро-

мада, потолковавши, назвала двухъ козаковъ — З — ка и Данилу Оч—ка. Пока названныя лица протолпились въ хату, окружный держалъ громадѣ рѣчь такого содержанія: «Хорошо, что вы переносите магазинъ; вотъ, еслибъ еще перенесли и другой туда же. Я совѣтую вамъ сдѣлать подушную раскладку и на переноску этого магазина: тогдабъ вы заспокоили себя на 25 лѣтъ...»

Для большей ясности я считаю нужнымъ сдѣлать маленькое отступленіе. Квартира маіора была простая козацкая хата съ кімнатою. Въ кімнатѣ оставался маіоръ, въ передней комнатѣ былъ окружный и часть громады, другая часть въ сѣняхъ, а остальные на дворѣ. Окружный не любитъ возраженій, особенно не къ дѣлу. Были примѣры, что на возраженія козаки получали оплеухи, или толчки въ лицо. А потому, такъ-называемые хазяіни, изъ опасенія посрамленія передъ громадою, или совсѣмъ не ходили на раду, или становились поодаль. Вотъ почему З—ко и Оч—ко не сразу предстали предъ окружнаго.

З—ко началъ просить объ отмѣнѣ громадскаго приговора, такъ-какъ онъ человѣкъ совершенно одинокій, и для постояннаго надсматриванія за работою, долженъ будетъ оставить свое хозяйство. При объясненіи, онъ сказалъ ненарокомъ: «если меня не уволите, то лучше мнѣ позвольте самому перенести магазинъ».

— Ахъ ты.... (Позвольте мнѣ не повторять дальнѣйшихъ словъ, сказанныхъ въ гнѣвѣ окружнымъ. Говорятъ, онъ перемѣнился въ лицѣ.) — Я четыре года хлопочу объ этомъ, а ты.... чтобъ доказать: ось я З—ко! Понимаешь ли ты, что это казна...

Громада поддержала З—ка: «нехай З—ко самъ, нехай З—ко»— слышалось отовсюду. Окружный ушелъ въ кімнату, З—ко тоже оставилъ раду. Громада тоже начала расходиться понемногу. Окружный вышелъ черезъ нѣсколько времени и началъ прежнее; хотѣлъ, чтобы намѣсто З—ка избрали другаго. Громада стояла на своемъ: нехай самъ З—ко... — «Изберите двухъ фундаторовъ, говорю я вамъ...» — Буде вже й того, ваше в—іе, отозвался наконецъ Данило Оч—ко, що збирали фундаторівъ и на Юрища: и двісті карбованцівъ пропало и Юрища не наши...—Вы помните дѣло о Юрищахъ. Это общій выгонъ селъ: Шершневки, Ерковца, Вязовки и Марковца. Въ послѣднее десятилѣтіе почему-то, въ луб. уѣздѣ, на общіе выгоны нѣкоторыя села начали предъявлять свои исключительныя требованія. Дѣло обыкновенно завязывалось займомъ скота другой громады, велось съ тратою громадскихъ денегъ и оканчивалось: оставить попрежнему въ общемъ

владѣніи. Такъ было и съ Юрищами: вязовчане загнали шершневскій скотъ, дѣло пошло въ суды, къ окружному... и 225 р. с. шершневское общество потратило, и вязовчане тожъ... а рѣшено: оставить попрежнему въ общемъ владѣніи. Послѣ такого напоминанія, окружному стало неловко.

— И се другий пьяний, сказалъ онъ, не проспався спьяну... Оч—ко оскорбился и ушелъ. Громада настаивала на своемъ. Призвали З—ка; онъ тоже упорствовалъ. — Ну, такъ представьте залогу 600 р. с. — «На що залогъ, сказалъ З—ко, за меня громада поручитця.»—Обидві (т. е. громады двухъ селъ) «поручимось,» закричали. — «И будете помагать?» сказалъ З—ко. — И будемо помагать. — «Да за что́ ты берешься, подумай только,» началъ окружный: одни майстрі 500 р. стоить будутъ тебѣ, да еще то и то.... началъ онъ смѣту читать... Та ти и коровки попрадаешь, та ничого не зробишь.» З—ко и громада стояли на своемъ. — »Будемъ помагать,« кричала громада: — намъ все рівно, кому не помагать, чи вамъ, чи З—кові; намъ ще лучче своему помагать.» Окружный хотѣлъ, чтобъ О — ко былъ половинщикомъ, послалъ за нимъ; но тотъ, оскорбленный, не явился; что́ ему ни говорили, онъ не захотѣлъ идти. Окружный уступилъ силѣ обстоятельствъ. На другой день явился въ Ш** помощникъ окружнаго — описать имѣніе движимое и недвижимое у З—ка. Описали, а на що? сего й досі ніхто не зна. Мабуть, щобъ знать... Призвалъ З—ка, повелъ по магазину: оце нужно перемѣнить, оце, оце. З—ко слушалъ, слушалъ его, видитъ, что, по его, все нужно перемѣнить, не вытерпѣлъ и съострилъ: «якъ же то перемінишь? поставить намісто дубового осинове, або березове, чи якъ?» — Нѣтъ дубовое. — «Якъ дубове то й се годится, воно тілько почерніло.» Онъ сконфузился и уѣхалъ. Чрезъ нѣсколько дней позвали З—ка къ окружному въ Лубны. Чего тутъ не было? и увѣщанія и угрозы... Между тѣмъ З—ко договорилъ майстрівъ изъ шершневскихъ козаковъ, занимающихся постройкою млинівъ. Окружный пріѣхалъ, созвалъ громаду, призвалъ майстрівъ къ магазину, началъ говорить, что они неспособны перенести его.—»Ну чи ви зробите таке крильце?« сказалъ онъ подкопецъ, обращаясь къ Макару, главному майстру. — «Аби матеріялъ, то ще й лучче зробимо», отвѣтилъ Макаръ. За симъ послѣдовалъ тычокъ кулакомъ въ лицо Макару... Макаръ отступилъ назадъ. Окружный пошелъ въ магазинъ. Голова и майстрі за нимъ; въ главѣ стоялъ не Макаръ уже, а Самілo. Гово-

рилъ здѣсь окружный, говорятъ, много о ихъ неспособности и глупости. Но они никакъ не вѣрили ему, а Саміло имѣлъ неосторожность повторить замѣчаніе Макара, за что и его мужичья морда почувствовала прикосновеніе кулака... Вышли изъ магазина—новая сцена. Явился старикъ съ жалобою: »мене зять покинувъ: я ему одписавъ свою землю, щобъ вінъ живъ зо мною, а вінъ узявши бумагу, пішовъ до свого батька.—«На що жъ ти дававъ ему бумагу? Чомъ ти до мене, або до голови не зайшовъ, якъ дававъ бумагу... я бъ тобі посовітовавъ...»—Я не въ Лубняхъ дававъ бумагу, а въ Хоролі.—«Отце такъ?»—Въ Лубняхъ багато беруть грошей, а въ Хоролі меньше.—Окружный, не сказавъ ни слова, уѣхалъ...

Дѣло не кончено и до времени моего отъѣзда, хотя есть частныя, словесныя распоряженія готовиться къ переноскѣ....

ИЗЪ СЕЛА МЛИНІВЪ (Зіньковського повіту, Полт. губ.).

Якъ виіхать зъ Опошні на Ахтирку, заразъ направо одъ великого шляху стоіть невеличке село Млини, Зіньківського повіту. Село невеличке, да знаеме всімъ. Спитайте, чи въ Котелові, чи въ Богодухові, чи у Врублівці—усюди знаютъ Млини. Та якъ и не знать іхъ, коли відсіля постачаютця миски на всю Харьківщину и на Дінъ. Знаемні Млини ще більше черезъ благочестивого протопопа отця Петра Лубьяновського, уже помершого. Багацько у Млинахъ и въ Опошні есть старихъ людей, котрі зазнаютъ Лубьяновського. Та й хто не знавъ ёго? И царъ Олександръ Павловичъ знавъ ёго лично. И знали Лубьяновського не за багацтво, бо вінъ не мавъ его; не по пишностямъ, або роскошамъ якімъ, ні: знали его за розумъ, за ласкавий привітъ до всякого, за щирі его ради. Чи треба було кому позичити якого рубля грошей, чи такъ у якому ділі порадитись—усі йшли до Лубьяновського, якъ до батька. А що, кажуть, за строгий чоловікъ бувъ у церкві,—такъ и сказать не можна! Разъ, кажуть, старого Кочубея звелівъ вивести зъ церкви, за те що розмовлявъ тоді, якъ отець Петро ишовъ зъ *переносомъ*. И довговічний, кажуть, бувъ Лубьяновський. Родився вінъ у 1740 року, більше пятидесяти літъ бувъ священникомъ и благочиннимъ, збудовавъ у Млинахъ хоро-

шу каменну церкву; діждавсь внуківъ и правнуківъ и вмеръ підъ деветосто літъ.

Отожъ, кажу, село Млини стоять собі у долині, по сей бікъ Ворскли и засажені роскішними садами, найбільше сливьяними, кругомъ есть хорошні ліса.

Зъ панівъ живе у Млинахъ тілько якись Г—ъ, кажуть, зъ татаръ, чи що. Не знаю, скільки у ёго временно-повинніхъ крестянъ; по іхъ хатинахъ видно убожество, видно, що тутешні люде недавно стали людьми.

Козаківъ, да *казенныхъ* крепаківъ, у Млинахъ не багацько: всёго сорокъ дворівъ. Земель пахатныхъ у козаківъ нема; черезъ те и въ хліборобстві вони не кохаютця; промишляють усі мискоробствомъ и зовутця *полúвьянниками;* міжь ними тілько одинъ гончаръ. Жінки порaютця біля товару, у кого е; прядуть, такъ якъ и всюди по Украіні, а де—котрі водятця зъ садовиною: сушять сливи и продають у Опошні, въ Полтаві, а де-хто и въ Кременчугъ возить. Бочка сливъ (відеръ 40) продается рублівъ 50. Та гарно жъ и сушять сливи! Краще ніжъ оттні хранцузькі *черносливи.* Не багато, одначе, заробітківъ на сливахъ. Звісно: свої садки невелички, треба наймать, треба сторожа приставить, треба и се и те. Отъ, колибъ казна наділила млинянцівъ землею не въ наемъ, а въ продажу, або въ подарунокъ, то певно бъ вони порозводили великі и гарні сади.

Мискоробство прибиточній. Піколи мині було роспитатьця гараздъ, скільки коштуе миска самому хазяіну; а на-швидку сказано мині, що кожний хазяінъ (зъ наймитами) виробить за рікъ 27000, або до 35000 мисокъ; кожна зъ нихъ у продажу дешевше чотирохъ шагівъ не йде. Та недумайте, що вже й тутъ великі заробітки, ні: треба купить дровъ, нанять наймитівъ, заплатить за землю, де глину беруть. Ставъ я питати, чи давно ведутця у Млинахъ поливьяники? и одказано мині, що дуже дуже давно; що видсілл мискоробство и гончарство перейшло вже у другі села. Старий дідъ росказавъ мині, що літъ триста (!) назадъ, ще якъ писалась четверта ревизія, якпісь два Литвини утікали зъ Польщи; тамъ, де теперь стоіть село Млини були тоді ліса непроходимні; такъ отъ ті Литвини, засівши у лісахъ, щобъ іхъ не поймали, покопали собі землянки и стали робить:—одинъ миски, а другий — горшки. Трохи згодя, вони не помирились; гончаръ перейшовъ дальше до Опошні, а мискоробъ зостався на своему місці

и съ тоеі пори́ повелось гончарство и мискоробство. У теперешню пору мискоробство стало годъ-одъ-году кращать: мині показували и тарілки, и чайники, и каламарі такиі гарні, що хочь куди!

Хатки у мискоробівъ чистенькі, чепурненьки, одначе, живуть бідно; кажуть, що *опека окружнихъ*, головъ, да волоснихъ писарівъ гірше всякого крепацтва. Чудне діло оці *голови!* Дуже чудне!! Збірають іхъ зъ козаківъ; покіль не зберуть и чоловікъ, якъ чоловікъ, а зібрали—и пішовъ здирство робить краще станового. А все черезъ те, що вибори нівідь-якъ роблятця: зберетця громада, приіде палатський чиновникъ, або окружний, и, замісь того, щобъ тілько дивитись за порядками, а громаді дать волю вибрать кого вона схоче, вінъ и почне казати: «треба онъ того, Клима, або Евхима, вибрати головою: я его *давно знаю*, чоловікъ вінъ дотепний». Ну, и вибірають Клима и Евхима мовчки; а нехай хто попробуе заикнутьця, що Климъ, або Евхимъ, чоловікъ хочъ и дотепний, а въ голови не годитця, и не годитця черезъ те саме, «що его давно знають»—крий Боже! заразъ назвуть такого смільчака *бунтовщикомъ*, грімнуть, що его за бунтъ посадять у тюрьму, пошлють у каторгу!... Громада и носи повісить! Махне руками, та й годі! И стане Климъ головою и здирствуе...

Хотівъ я побувать ще у водяному млині, котрий недалеко відъ села вистроіла казна, да не впорався, не було часу, треба було поспішать до-дому. А кумедну штуку розказали мині про той млинъ. Ставъ вінъ казні 40 тисячъ карбованцівъ, а не змоловъ, кажуть, и чотирехъ тисячъ пудъ хліба, и теперъ хочуть ё продать. Та й краще зроблять! На що вінъ стоятиме, коли на ёму не можна молоть. Сорокъ тисячъ грошей, чи казеннихъ, чи мирськихъ, все одно, пропали; казні зъ того млина поживи не буде, бо въ казни багато хазяінівъ; а якъ хто купить, то, може, й доведе до пуття. Розказують: якъ попсовався цей млинъ, такъ Палата й прислала свого *инжинера*, чи якъ тамъ вінъ величаетця, щобъ роздививсь, щò треба полагодити у млині и чого буде стояти те ла́годіннє. Приіхавъ инжинеръ, взявъ зъ собою старшину и поіхали у млинъ. Походивъ инженеръ, походивъ, подививсь, та й каже: «а якъ ти думаешь, старшина: щó треба зробить, щобъ налагодить оцей млинъ?

— Не знаю, каже старшина: я чоловікъ неграмотний, вамъ лучче звісно се діло.

— Да мині здается, треба тисячъ три карбованцівъ.

— А я полагодивъ би й за пьятсотъ. Нехай мині оддадуть на

шьять літъ въ оренду, я дурно налагожу, ще й Палаті платитиму рублівъ сто.

— Якъ же ти полагодишъ? питае инжинеръ.

— Теперъ не знаю, каже старшина, а тоді побачу.

Инжинеръ розсердився, вилаявъ старшину и поіхавъ. Мабуть здорову сміту написавъ, бо Палата и не лагодила млина. — Оттакъ-то пропадають дурні гроши!...

Така сама почти притча була и зъ мостами черезъ Ворсклу. Въ осени, кажуть, построили мости, а весною вони попровалювались....

Людей грамотнихъ у Млинахъ нема. Пішъ радъ би завести школу, есть и хата громадська, дуже придачна на школу, да ніколи попові... —то въ церкві, то по приходу, то уроки дае у Г—а паненятамъ: — отъ и ніколи, отъ и школи нема!

О. Переходовець.

Марта 2 дня, 1862 р.

ИЗЪ Г. ТАРАЩИ (Кіевской губ.).

I.

(*1 мая 1862*).

Нѣсколько дней назадъ я посѣтилъ сельскую приходскую школу въ с. Лисовичахъ (5 верстъ отъ Тараща) и спѣшу отдать вамъ отчетъ о моемъ посѣщеніи.

Число учениковъ въ этой школѣ простирается, по спискамъ, до 71 мальчиковъ, и 27 дѣвочекъ, — цифра довольно значительная, но малая, особенно по числу дѣвочекъ, для селенія съ 1000 слишкомъ человѣкъ жителей. Впрочемъ я засталъ въ школѣ не болѣе 25–30 человѣкъ, что происходитъ отъ приближенія рабочаго времени. По этой же причинѣ уроки съ 1 мая прекращаются совершенно на 4 мѣсяца, до конца августа.

Помѣщеніе школы болѣе чѣмъ неудовлетворительно: тѣсно, грязно, а зимою, говорятъ, еще и невыносимо холодно. Въ первое время по открытіи школы въ ней *не топили вовсе*, а нынѣшней зимой хоть и топили, но стѣны были сплошь покрыты слоемъ изморози, и вѣтеръ дулъ безпрепятственно сквозь дыры и щели въ стѣнахъ. И здѣсь занимались! Лица, завѣдывающія школой, не позаботились о луч-

шемъ помѣщеніи для нея, вѣроятно изъ подражанія старинным бурсамъ: не топили вѣдь, дескать, и тамъ, а учились же, и сколько умныхъ людей выходило оттуда." Теперь, впрочемъ, строится новое помѣщеніе, для школы и волостнаго правленія вмѣстѣ, и предполагаютъ окончить его къ зимѣ. Лѣсъ для этой постройки далъ помѣщикъ (г. А. Браницкій), а на всѣ остальные расходы деньги собраны съ громады. Мнѣ кажется неудобнымъ это сосѣдство школы съ волостнымъ правленіемъ: при нынѣшнемъ состояніи *всѣхъ* нашихъ присутственныхъ мѣстъ и настоящемъ развитіи народа, подобное сосѣдство можетъ дурно подѣйствовать на учащихся; безъ сомнѣнія, и «волостныя» правленія, подобно столькимъ инымъ «правленіямъ» и «управленіямъ», не свободны отъ бюрократической грязи и тѣхъ возмутительныхъ сценъ, которыя могутъ развратить неиспорченную еще натуру ребенка, и толкнуть его на ту торную дорогу взяточничества и крючкотворства, по которой идутъ многіе и многіе; особенно она привлекательна для вышедшихъ изъ народа, какъ средство показать осязательно свое преимущество предъ неграмотными или неслужащими собратьями. Вотъ что̀ сказалъ мнѣ одинъ здѣшній мѣщанинъ, когда я спросилъ, почему онъ не посылаетъ своего сына въ воскресную школу: »Та на́–що ёму́ туди́ ходи́ть? Отъ, мене́ ба́тько навчи́въ тро́хи чита́ть и підписа́тись, и я ёго́ навчу́; а то якъ бу́де тамъ вчи́тьця, то й бу́де такъ, якъ N, що съ пірцёмъ хо́дить, та я́беди за чве́ртку горілки пи́ше; або отъ Х., такій сами́й. Неха́й лу́чче коле́са ро́бить!«

Извините за отступленіе. Перехожу къ преподаванію въ Лисовицкой школѣ. Прежде въ ней преподавалъ одинъ приходскій священникъ, но съ 1 января прошлаго года приглашенъ имъ еще другой преподаватель, изъ жителей того же селенія (однако не крестьянинъ, — сохрани Богъ)! Этого–то преподавателя я засталъ въ школѣ и наблюдалъ методу его преподаванія.

Преподаваніе начинается съ *церковно–славянской* азбуки, а не съ русской, не говоря ужъ о народной, южнорусской! Это общій недостатокъ почти всѣхъ школъ, открытыхъ при церквахъ, хотя учредители школы считаютъ это достоинствомъ. Къ–чему дитяти всѣ эти титла, азы, буки, и т. п? Развѣ, чтобы вспоминать потомъ: »азъ—би́ли въ шко́лі неразъ; бу́ки—набра́вся у школі му́ки?» Поистинѣ—мука, а не наука! Не въ дьячки же приготовляютъ всѣхъ ихъ, а встрѣтится ли надобность въ церковно–славянской грамотѣ въ обыденной жизни—

это сомнительно, между тѣмъ набиваютъ голову ребенка совершенно непонятными ему словами и названіями, пріучаютъ его къ машинальному зубренію, безъ всякаго участія ума и воображенія, и тѣмъ-самимъ не развиваютъ, а останавливаютъ развитіе ребенка, — и это называется ученіемъ! Прости имъ, Господи: не вѣдятъ бо, что́ творятъ!

Въ числѣ наказаній (не понимаю, къ чему наказанія въ первоначальной школѣ?), непослѣднее мѣсто, разумѣется, занимаетъ березовая каша. Первое слово, которое услышалъ я, входя въ школу, было »а розга!«

Къ–сожалѣнію, я опоздалъ уже на урокъ дѣвочекъ, и потому не могу ничего сказать о нихъ.

Кромѣ чтенія, въ школѣ «обучаютъ» письму и ариѳметикѣ; «знаніе ариѳметики покамѣстъ ограничивается умѣньемъ писать цифры, а нѣкоторые и пишутъ кое–какъ.

Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія имѣли бы иное значеніе, если бы было извѣстно, кто съ какого времени ходитъ въ школу; тогда можно бы видѣть успѣхъ *сравнительно съ временемъ* ученія, но подобныхъ свѣдѣній въ школѣ не имѣется.

Что́жъ за причины такого неудовлетворительнаго состоянія этой школы и сельскихъ школъ вообще? На это одинъ отвѣтъ: *неудовлетворительное образованіе сельскаго духовенства и недостатокъ матеріальныхъ средствъ школъ.* О первой изъ этихъ причинъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, (*) въ слѣдующемъ скажу о другой.

II.

(*29 мая 1862.*)

Въ прошломъ письмѣ (отъ 1 мая) я писалъ о приходской школѣ въ с. Лисовичахъ и обѣщалъ поговорить о вредѣ, происходящемъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ въ школахъ и вліяніиэтого на преподованіе. Исполняю обѣщанное.

Можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ, что я приписываю недостатку средствъ вліяніе даже на преподаваніе, но вліяніе это выказывается очень осязательнымъ образомъ: кто согласится за-

(*) Объ этомъ не могло быть напечатано—по обстоятельствамъ. *Ред.*

ниматься въ школѣ *отъ пяти часовъ утра до шести часовъ вечера* (пишу прописью, чтобы вы не сочли за описку) за вознагражденіе *шесть руб. ср. въ мѣсяцъ*, кромѣ такого преподавателя, который будетъ заставлять выучивать наизусть разную чепуху? Человѣку, желающему заняться какъ слѣдуетъ, недостало бы силъ.

Но это еще не главное; важнѣе всего то, что народъ смотритъ на школу, какъ на новое, мало-полезное, учрежденіе, требующее у него,—подобно многимъ другимъ новымъ учрежденіямъ,—денегъ; притомъ, происходящій отсюда налогъ на жителей падаетъ неравномѣрно, ни по состоянію ихъ, ни по пользѣ, которую приноситъ школа каждому изъ нихъ непосредственно. Деньги на содержаніе школы собираются, по раскладкѣ, съ душъ; одинъ имѣетъ одного сына, другой пятерыхъ,—а платятъ одинаково; первый богатъ, второй бѣденъ, — но тотъ и другой платятъ по ровну; сынъ перваго ходитъ въ школу, а дѣти втораго должны помогать отцу работать, потому что иначе не чего будетъ ѣсть,—все-таки они платятъ одинаково. Едва ли это равномѣрно Но чѣмъ же замѣнить такой способъ содержанія школы? Взамѣнъ его можно предложить нѣсколько иныхъ: напримѣръ, плату за право ученія, всеобщій новый налогъ, обращеніе къ помощи частныхъ лицъ и, наконецъ, содержаніе отъ правительства. Разсмотримъ вкратцѣ каждый способъ.

Плата за право ученія, хотя сдѣлала бы налогъ пропорціональнымъ прямой пользѣ, приносимой школою каждому, но имѣетъ другое неудобство: народъ не настолько еще призналъ необходимость образованія, чтобы платить за него послѣдню копейку, если его къ этому не обязываютъ. Отсюда, конечно, число учениковъ уменьшится вдругъ, и будетъ потомъ уменьшаться постоянно, по очень-простой причинѣ: положимъ, что для содержанія школы, въ которой учится 100 учениковъ, необходимо только 100 р. с. ежегодно; слѣдовательно, всякому придется платить по 1 р. Но многіе предпочтутъ вовсе ничего не платить, не посылая дѣтей въ школу; положимъ, что такихъ наберется человѣкъ двадцать. Въ школѣ останется такимъ-образомъ вмѣсто 100 только 80 учениковъ, а расходы на школу (жалованье учителю, помѣщеніе, отопленіе и т. п.) едвали можно уменьшить въ той же пропорціи; поэтому, каждому изъ оставшихся 80 учениковъ придется платить уже не рубль, а больше; отъ этого опять уменьшится число учениковъ, опять увеличится плата, и т. д. до того, что, пожалуй, никто не пойдетъ въ школу.

Всеобщій налогъ тоже не устранитъ неравномѣрности нынѣшняго, частнаго; иной скажетъ:—за что́ я буду платить, когда я не нуждаюсь въ школѣ?—и онъ будетъ отчасти правъ.

Къ частной благотворительности обращаться также нечего: мало-ли мы видѣли примѣровъ заботливости нашего общества объ образованіи народа? Слава Богу, что оно хоть воскресныя школы содержитъ: будетъ съ него покамѣсть!

Остается затѣмъ назначить содержаніе отъ правительства, изъ тѣхъ средствъ, которыя оно имѣетъ или можетъ имѣть, не отягощая народа новыми налогами. Что оно можетъ имѣть ихъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Какое употребленіе дѣлается изъ богатствъ, принадлежащихъ богатымъ церквамъ и монастырямъ? — Ровно никакого. А на что́же лучше употребить ихъ какъ не на народное образованіе? Считаемъ нелишнимъ развить эту мысль, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ святотатствѣ.

Весьма значительныя суммы эти принадлежатъ *монастырямъ*. Что́ должно понимать подъ словомъ «церковь?»: домъ-ли, назначенный для богослуженія, или общество вѣрующихъ? Я думаю, что послѣднее: можетъ-ли что-нибудь принадлежать *дому*, т. е., вещи, чему-то неодушевленному? Значитъ, деньги эти принадлежатъ обществу. Хорошо. Имѣетъ-ли общество право употребить на свою, т. е., общую пользу то, что́ принадлежитъ ему?—Очевидно, имѣетъ. Какое же лучшее употребленіе можно сдѣлать изъ этихъ денегъ, какъ не на образованіе народа?—Никакого. Я думаю, что противъ этого никто не станетъ спорить. Вѣдь въ чёмъ заключается истинная польза и богатство церкви? Конечно, не въ томъ, чтобы въ церковныхъ кладовыхъ лежало какъ-можно больше денегъ; не въ томъ, чтобы иконы были въ золотыхъ окладахъ, осыпанныхъ алмазами и жемчугомъ, не въ томъ, чтобы парадныя одежды высшаго духовенства стоили сотни тысячъ, а въ томъ, чтобы всѣ, составляющіе церковь, были возможно богаче богатствомъ духовнымъ, «его же тати не крадутъ, и тля не истлѣваетъ»..... Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ заключать, что духовенство должно, по-философски, omnia sua secum portare, нѣтъ, пусть употребятъ на школы только лишнее изъ церковнаго, особенно монастырскаго, имущества—и того будетъ довольно. (*)

(*) Для примѣра, возьмемъ Кіевскую Печерскую Лавру.—По недавно—обнародованнымъ свѣдѣніямъ, въ прошломъ году было въ ней 135,000 богомольцевъ.— —

Кромѣ содержанія школъ, изъ этихъ денегъ должны непремѣнно даваться ученикамъ безплатно всѣ учебныя пособія.

Во всякомъ же случаѣ, необходимо, чтобы народныя школы перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія: для всякаго человѣка необходимо сперва общее образованіе, а спеціальное послѣ; между тѣмъ, всѣ народныя школы, находясь въ вѣдѣніи духовенства, болѣе или менѣе носятъ слѣды семинарщины, что́ не только излишне, но и очень вредно. Притомъ, есть много и другихъ причинъ, препятствующихъ духовенству заняться этимъ дѣломъ.

Пока довольно.—О крестьятскомъ дѣлѣ не напишу теперь ничего: ходъ его видѣнъ изъ того, что у насъ на каждомъ шагу встрѣтишь донскаго козака... Впрочемъ, напишу что́ знаю. То, напримѣръ, что́ пишутъ въ «Gazecie Polskiéj» о событіяхъ въ имѣніи Воронцова—Мошнахъ и Староселѣ, — ложь безсовѣстная.

ИЗЪ ХАРЬКОВА.

I.

(1 мая 1862 г.)

Обыкновенное явленіе весенняго времени въ Харьковѣ составляетъ движеніе крестьянъ изъ Курской губ. черезъ Харьковъ на Югъ, преимущественно *на Донъ* и *въ Черноморію* для лѣтнихъ заработковъ. Каждую весну, обсѣявъ свои маломѣрные клины, крестьяне, казенные и, частью, временно-обязанные украинцы южныхъ и западныхъ малоземельныхъ уѣздовъ Курской г. составляютъ партіи или артели, и длинными обозами (потому что каждый имѣетъ свою телѣгу съ лошадью, нагруженную походнымъ скарбомъ) ѣдутъ въ Черноморію и на Донъ, гдѣ пользуются хорошею заработною платою при косовицѣ и жнитвѣ и возвращаются домой еще во́-время—къ уборкѣ своего поля.

Въ апрѣлѣ приходятъ въ Харьковъ артели рабочихъ изъ среднихъ великорусскихъ губ.: каменьщики, штукатуры, печники, плотники и проч. На этихъ рабочихъ въ Х. всегда большое требованіе. Харьковъ обуяла какая-то *манія* строиться: ее нельзя приписать обилію денегъ (и нашъ городъ не избѣгъ безденежья,) а скорѣе развившейся у насъ въ послѣдніе годы страсти къ наживѣ и аферамъ. Пос-

тройки производятъ большею частію въ долгъ, подъ залогъ тѣхъ же мѣстъ и будущихъ домовъ. Нѣтъ ни одной улицы и переулка, гдѣ бы не было огороженнаго на улицѣ мѣста, не возводилась постройка, и не лежала куча кирпича и мусора. У насъ всѣ постройки выводятъ изъ кирпича, потому что лѣсъ гораздо дороже. Такъ-какъ всѣ они строются для наживы, то, отдѣлавши на-скоро внутри, домохозяева стараются отдать въ наемъ жильцамъ, домъ сырой, невысохшій, не заботясь о наружной его отдѣлкѣ; множество домовъ, построенныхъ въ послѣдніе годы (почти всѣ), стоятъ красные, неоштукатуренные, чрезъ-что обнаженный кирпичъ втягиваетъ въ себя наружную сырость и распространяетъ ее по всему зданію. Объ устройствѣ панелей и мостовой домохозяева вовсе не заботятся.

Въ Харьковѣ и окрестностяхъ открылись уже и гулянья въ садахъ, устраиваемыя предпринимателями съ платою за входъ, конечно, не менѣе 25 и 30 к. ср., что при настоящей дороговизнѣ очень ощутительно. Но положимъ, эти сады частные, которыми всякъ можетъ распоряжаться, какъ ему угодно. Но, жаль подумать, что единственный городской, публичный —*университетскій*, въ который, съ основанія его, памятнаго еще здѣшнимъ старожиламъ, всегда былъ свободный входъ, отдается уже 2 или 3 года университетскимъ начальствомъ на аренду содержателю, который по праздничнымъ и другимъ днямъ недѣли беретъ плату за входъ въ садъ. Въ нынѣшнее дорогое время не всякій, а тѣмъ болѣе недостаточный семейный чиновникъ каждое воскресенье можетъ бросить 30 к. или еще болѣе, и потому онъ и семейство его лишены удовольствія пройтись по саду и подышать чистымъ, свободнымъ отъ пыли, воздухомъ, въ воскресенье, въ свободный для нихъ день недѣли. Единственное поэтому осталось у насъ свободное гулянье за городомъ, *въ Куряжѣ*, куда дѣйствительно, впродолженіе всего лѣта ѣздитъ и ходитъ по праздникамъ средній и простой классъ — помолиться Богу, подышать чистымъ воздухомъ, выпить чаю изъ превосходной воды, что все обходится почти безъ всякихъ издержекъ.

II.

(30-го мая 1862 г.)

Съ наступленіемъ лѣта общественная дѣятельность и у насъ пріутихла, но вседневная суета продолжается. Городъ нѣсколько опустѣлъ: многіе уѣхали за-границу, въ свои имѣнія, деревни и хутора. Впро-

чемъ, съ приближеніемъ Троицкой ярмарки, городъ снова оживится навремя, чтобы потомъ затихнуть окончательно на все лѣто. Главный предметъ торговли на ней составляютъ *лошади* и *овечья шерсть*. Вся торговая дѣятельность происходитъ на такъ–называемой *Конной площади*, находящейся на краю города, въ самомъ же городѣ только въ послѣдніе годы стали открывать ярмарочную торговлю въ рядахъ московскіе купцы и евреи. Говорятъ, что на нынѣшней ярмаркѣ мало или вовсе не будетъ привозной шерсти, потому что, по случаю долго стоявшей холодной погоды, запоздали стрижкою овецъ и доставкою шерсти, которая будетъ одна грязная, не перегонъ; о чемъ уже многіе и заявили.

Внутренняя городская жизнь идетъ своимъ чередомъ: строеніе новыхъ и передѣлка жилыхъ домовъ продолжается, хотя и съ меньшею энергіею и поскромнѣе прошлогодняго. Полиція обратила, наконецъ, вниманіе на ветхость тротуаровъ, — и приказомъ полицеймейстера, предписано объявить всѣмъ домовладѣльцамъ о непремѣнномъ исправленіи ветхихъ тротуаровъ къ августу мѣсяцу, съ тѣмъ, что послѣ этого срока полиція сама займется исправленіемъ ихъ на счетъ домовладѣльцовъ. Но пока приказъ этотъ принятъ только къ свѣдѣнію; объ исполненіи же еще никто изъ домохозяевъ не думаетъ. Доски и вообще строевой матерьялъ въ Харьковѣ дорогъ, по причинѣ огромнаго на него требованія и дороговизнѣ доставки изъ дальнихъ лѣсныхъ дачъ; въ окрестностяхъ всѣ лѣса уже истреблены; плитной камень также дорогъ по трудности его доставки изъ Волчанскаго уѣзда; такъ–что *тротуары* изъ *крѣпкаго желѣзняка*, мнѣ кажется, были бы гораздо выгоднѣе, ибо рѣже требуютъ ремонта и противустоятъ непогодѣ и времени.

По предмету народнаго образованія я нынѣ могу сообщить кое-какія извѣстія: такъ получено разрѣшеніе на открытіе въ Харьковѣ *школы для приготовленія сельскихъ учителей*, что, вѣроятно, въ скоромъ времени и осуществится. Образовавшееся въ Харьковѣ *общество для распространенія грамотности* получило изъ М. П. Пр., чрезъ г. попечителя округа, отвѣтъ на посланный для утвержденія проэктъ устава, что проэктъ не можетъ быть утвержденъ впредь до составленія и утвержденія вообще устава о народномъ образованіи. Почему изъявившіе желаніе участвовать въ обществѣ приглашены собраться 29 числа мая для выслушанія отвѣта Министерства и чтобы вновь ходатайствовать объ утвержденіи устава общества, не дожидаясь утвержденія общаго о народномъ образованіи.

О *воскресныхъ* школахъ Харькова ничего не слышно; вѣроятно, на лѣто, онѣ закроются, по недосугу преподавателей, кои, будучи большею частью изъ воспитанниковъ гимназій, студентовъ и учителей, заняты экзаменами, по окончаніи которыхъ уѣдутъ на вакаціи; ученики же школъ предпочтутъ проводить свободное время на рѣкѣ въ купаньи и играхъ. Одинъ ревнитель просвѣщенія предложилъ мысль объ открытіи воскресныхъ школъ въ удаленныхъ отъ средины города предмѣстьяхъ Харькова, гдѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ частныхъ школъ для простаго народа. При этомъ поднятъ вопросъ о томъ, существуетъ ли, въ-дѣйствительности, первая мужская воскресная школа, о которой, со времени ея открытія въ 1860 г., ни разу не упомянуто въ мѣстной нашей газетѣ, между тѣмъ какъ о 2-й воскресной и женской школахъ являются по временамъ отчеты?

Еще есть одна новость, весьма важная для насъ Харьковцевъ—это *устройство городскихъ часовъ*. Положительно извѣстно, что Харьковскою Городскою Думою заказаны лучшему парижскому мастеру *башенные часы* за 5000 рублей изъ городскихъ суммъ. Они скоро будутъ доставлены въ Харьковъ и помѣщены на соборной колокольнѣ (самой высокой во всемъ городѣ, 43 саж.), гдѣ для нихъ уже устраивается особая комната; бой будетъ механическій. Это, дѣйствительно, очень полезное дѣло; недостатокъ часовъ давно уже чувствовался, тѣмъ болѣе, что многочисленный классъ людей, опредѣлялъ время только по звону церковному къ обѣднѣ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о мѣстности Харькова и неудобствѣ купаній. Въ Троицкіе праздники, называемые у насъ на Украинѣ *святою недѣлей*, а въ Россіи—*зеленою* недѣлею и семикомъ, наступили чрезвычайные жары, и все мужское населеніе обратилось къ купанью. Къ-сожалѣнію, на обѣихъ нашихъ рѣчкахъ, протекающихъ чрезъ средину города на протяженіи 2—3-хъ верстъ, рѣшительно нѣтъ ни одного сколько-нибудь удобнаго мѣста для купанья, и нѣтъ никого изъ сострадательныхъ и предпріимчивыхъ людей, кто бы устроилъ общественныя купальни, или плоты, для раздѣванья; нѣтъ даже и частныхъ купалень; на мѣстахъ, гдѣ купаются, сваливаютъ навозъ, и вода едва протекающая, уже теперь зацвѣла и пахнетъ отвратительно. Тутъ же рядомъ съ купаньемъ стоятъ на берегу трои бани, и подлѣ нихъ, при домѣ купца Павлова, устроены заводы свѣчной и мыльный и конфектное заведеніе; сточная труба проводитъ отъ нихъ нечистоту въ рѣку къ мѣсту купанья; наконецъ, вмѣстѣ

съ людьми, купаютъ и лошадей, и моютъ бѣлье, и на эти неудобства никто не обращаетъ вниманія. Медико–полицейскія мѣры, предписываемыя закономъ, относительно чистоты города, устройства плотовъ, спуска нечистотъ и проч. исполняются только на бумагѣ и никогда на дѣлѣ. Очевидный образчикъ этого–садикъ, разведенный на городской счетъ, съ большимъ трудомъ и издержками, у подошвы *Университетскаго бульвара*, или *горки*, гдѣ каждый вечеръ собирается погулять и посидѣть публика, нежелающая гулять въ садахъ: садикъ этотъ обратился въ грязное мѣсто, въ сорную кучу, и полиція какъ–будто не видитъ и не знаетъ этого.

Н. Наливайко.

Центральная Научная
БИБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. №

ОБЪ ИЗДАНІИ
«ЧЕРНИГОВСКАГО ЛИСТКА»
въ 1862 году.

Еженедѣльная газета «Черниговскій Листокъ» издается и въ 1862 году, *съ апрѣля мѣсяца*, по прежней программѣ:

I) Отдѣлъ литературный. Небольшіе разсказы, стихотворенія на великорусскомъ и южнорусскомъ языкахъ, путевыя записки, очерки изъ народнаго быта, анекдоты, сцены, юмористическія замѣтти, эпизоды изъ охотничей жизни и т. под.

II) Новости, вѣсти и слухи. Фельетонныя замѣтки о городскихъ новостяхъ, свѣдѣнія о театрѣ, концертахъ и т. под.; вѣсти изъ уѣздовъ Черниговской губерніи, а также и изъ другихъ губерній, но имѣющія повсемѣстный интересъ.

III) Общеполезныя свѣдѣнія. Небольшія статьи по части сельскаго хозяйства, домоводства, промышленности и торговли, популярной медицины, народнаго образованія и т. под.

IV) Библіографическія извѣстія. Краткія замѣтки о книгахъ, имѣющихъ мѣстный интересъ.

V) Разныя объявленія: вызовы, запросы и отзывы. Сюда войдутъ сторонніе объявленія частныхъ лицъ, а также и оффиціальныхъ вѣдомствъ, если таковыя будутъ сообщать.

Цѣль изданія — доставить возможность мѣстнымъ жителямъ имѣть свой печатный органъ общественной жизни и дѣятельности.

По прежнему, мы покорнѣйше просимъ всѣхъ, сочувствующихъ общественной пользѣ, содѣйствовать намъ въ успѣхѣ нашего предпріятія. Для отдѣла, подъ рубрикою «Новости, вѣсти и слухи», намъ дорого всякое извѣстіе, интересна даже мимолетная замѣтка о важныхъ происшествіяхъ въ уѣздахъ: несчастіяхъ, пожарахъ, наводненіяхъ, неурожаяхъ, падежехъ и т. п.; о состояніи земледѣлія вообще; о замѣчательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, о забавныхъ приключеніхъ, толкахъ, слухахъ и т. п.

Отвѣты авторамъ статей, намъ присланныхъ, будутъ печататься въ самой газетѣ подъ рубрикою «Отвѣты редакціи **Листка**».

«Черниговскій Листокъ» выходитъ разъ въ недѣлю, объемомъ отъ половины до одного печатнаго листка въ четвертую долю средней величины.

Цѣна **«Черниговскаго Листка»** въ 1862 году, съ пересылкою по почтѣ 4 руб. сер.

Иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія просто: въ Черниговъ, въ редакцію газеты **«Черниговскій Листокъ»**.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору **«Черниговскаго Листка»**, Леониду Ивановичу *Глѣбову*, въ Черниговѣ, въ зданіи пансіона при гимназіи.

NB. За объявленія для напечатанія въ **«Листкѣ»** плата полагается слѣдующая: не болѣе пяти строкъ (или не болѣе 175 буквъ)—10 коп. сер., не болѣе десяти—15 коп., не болѣе 15 — 25 коп., не болѣе двадцати—30 коп., не болѣе двадцати-пяти—40 коп., не болѣе тридцати—50 коп., не болѣе сорока—75 коп., не болѣе пятидесяти—1 руб. сер., за троекратное припечатаніе объявленій первыхъ шести разрядовъ плата удвоивается, а двухъ послѣднихъ—прибавляется къ означенной цѣнѣ 50 коп. сер.

Редакторъ *Л. Глѣбовъ.*

Въ книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова и у другихъ книгопродавцевъ, поступили въ продажу:

I.

ЛЕКЦІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ,

Н. И. КОСТОМАРОВА,

составленныя и изданныя П. Гайдебуровымъ. СПБ. 1862 г.

Выпускъ первый. Содержаніе: Вступительная лекція; Лѣтописи; Лѣтопись, приписываемая Нестору; Кіевская лѣтопись; Галицко-Волынская лѣтопись; Густинская лѣтопись; Бѣлорусскія лѣтописи; Новгородскія лѣтописи; Псковская лѣтопись; Важская лѣтопись; Суздальская лѣтопись; Софійскій Временникъ; Вторая Софійская лѣтопись; Воскресенскій Сборникъ.—Составъ Русскихъ лѣтописей.

Цѣна **50 к. ср.** безъ пересылки.

II.

Сочиненія И. П. Котляревскаго:

1) ЭНЕИДА,

2) НАТА́ЛКА-ПОЛТА́ВКА,

и 3) МОСКА́ЛЬ-ЧАРІВНИ́КЪ.

Цѣна **1 р. ср.**

Оперетты «Ната́лка–Полта́вка» и «Моска́ль-Чарівни́къ» продаются и отдѣльно по **25 к. ср.** каждая.

16181 БІБЛІОТЕКА

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 5-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ажъ — ажно; какъ (союзъ).

Бадёритись — бодриться, бойко идти.
Базікати — болтать, точить.
Ба́лка — естественная долина въ степи; оврагъ.
Бари́ло — боченокъ.
Березозо́ль — мартъ.
Бле́йвасъ — балбесъ.
Бода́й! — что́бъ!
Бо́жа доро́га — (вінъ на Божій дорозі) — онь близокъ къ смерти, — умирающій.
Бо́рошно — мука́.
Боя́ринъ — шаферъ.
Бровеня́та — (уменьш.) — брови.

Ва́лахъ — выкладеный баранъ.
Валаша́ти — выкладывать, холостить барановъ.
Ва́рмія — армія.
Ввишъ — вышиною.
Вгамова́ти — утишить, успокоить.
Вга́мува́тись — притихнуть; успокоиться.
Вгомони́ти — уговорить, успокоить.
Вели́кдень — Свѣтлый праздникъ.
Верхі́вья — вершина дерева.
Ви́гоіти — вылечить.
Визеру́нки — рисунки.
Ви́лаяти — выругать, выбранить.
Ви́мантачити — выманить; выканючить.
Ви́пручатись — вырваться; высвободиться.
Вирина́ти — всплывать на поверхность воды.
Височе́нний — очень высокій.
Витіва́ти — затѣвать, выдумывать.
Ви́шкварка — (перепосн.) выжига.
Вівця́ — овца.
Вітря́къ — вѣтряная мельница.
Вмовля́ти — уговаривать.
Во́вняний — шерстяной.
Вовту́зитись — возиться.
Воруши́тись — вертѣться, шевелиться.
Впо́ратись — управиться съ хозяйствомъ, съ дѣломъ.
Впьяти — опять.
Вра́нці — поутру.
Врі́вні — въ-уровень.
Вча́діти — угорѣть.

Ганбува́ти — пренебрегать; безчестить.
Га́нка, Га́шка — Агафья.
Гарча́ти — рычать.
Гафтъ — шитье, преимущественно золотомъ.
Генъ - генъ! — геть - геть! — тамъ — тамъ.
Геть! — поди прочь!
Гле́къ — кувшинъ.
Годя́щій — годный.
Го́іти — лечить.
Гори́цвітъ — Adonis vernalis, L. и Viscaria vuldaris, Röhl.
Гори́ще — чердакъ, вышка.
Горо́дець — маленькій огородокъ.

Дванадцять — двѣнадцать.
Двічі — дважды.
Дереза́ — полевое колючее растеніе, изъ котораго дѣлаются вѣники.
Де́рть — крупно-смолотая мука́.
Діжечка — кадочка.

Дме — дуетъ.
Дóвгий — долгій, длинный.
Дратувáти — дразнить.
Дрíбязокъ — мелочи.

Жи́тнє бóрошно — ржаная мукá.
Жовчъ — желчь.
Жóденъ — жаждый.

Завви́шки — вышиною.
Загагáкати — загоготать.
Загати́ти — запрудить.
Задрíпанка — замарашка, съ запачканнымъ подоломъ.
Зажи́рливий — жадний.
Заквічáтись — убрать голову цвѣтами.
Замая́чити — показаться вдалекѣ.
Замíтáти — заносить снѣгомъ.
Замíтъ — наносъ снѣгу; сугробъ.
Занеду́жати — заболѣть.
Запéкуватий — злой, закоренѣлый.
Заприся́гсь — поклялся.
Зарáння — заранѣе.
Заскреготáти — заскрежетать (зубами.)
Затёнъ — зарубка.
Затишокъ — затишье.
Затинáти — затянуть, напѣвать.
Зáхíдъ — закатъ солнца.
Зáхистъ — защита отъ холоду, отъ вѣтру, — затишье.
Захищáтись — спрятаться, защищаться (отъ холода, отъ бури, дождя.)
Заялóзений — засаленый.
Займáти — задѣвать; затрогивать.
Зберегти́ — зберечь.
Зве — зоветъ.
Здáтись — пригодиться, понадобиться.
Здúрця — взяточникъ; обдирало.
Змагли́вий — спорливый, упрямый.
Зненáцька — нечаянно, неожиданно.
Знущáтись — издѣваться.
Захóджуватись — начинать, приступать.
Зполóхатись — испугаться, встревожиться.
Зýздріти — увидать, примѣтить.

Извивáти — свивать, завивать.
Изнівичити — измять, испортить, изуродуватъ.

Казáвъ — говорилъ.
Казúтись — бѣситься.
Калю́жа — лужа.
Кá-зна-що! — чортъ (катъ) знаетъ что́.
Карбóваний — нарѣзанный.
Квітень — апрѣль.
Ки́пнемъ (спáрити) — кипяткомъ обварить.
Ки́шло — обжитое мѣсто; гнѣздо.
Кілько — нѣсколько.
Кітная вівця — овца-родильница.
Кла́птикъ — кусочекъ; лоскутокъ.
Клейни́ти — клеймить.
Клейно́ — клеймо.
Кля́тий — (брапн.) — проклятый.
Кóване слóво — стихи.
Колихáти — качать (колыбель).
Колóда — значительная часть стада овецъ.
Коломáрчикъ — чернилица.
Кóміръ — воротникъ.
Кóпань, кóпанка — выкопанный колодезь безъ сруба.
Копи́ця — копна.
Коржъ — лепешка.
Кори́сть — польза, выгода.
Корписáти — корпаться, ковырять.
Кострубáтий — взъерошеный; сердитый.
Коштувáть — стóить, цѣниться; отвѣдать; пробовать (о пищѣ и питьѣ).
Кри́вдити — поступать криво, несправедливо, съ кѣмъ; обижать.
Кри́хта — крошка.
Кротови́на — кучка земли взрытая кротомъ.
Ку́рево — дымъ, овміамъ.
Ку́рить — дымитъ.
Куль — снопъ (о камышѣ, соломѣ).
Кура́ — буря; мятель.
Куре́никъ — (умен. — курінь) — шалашъ.
Курни́кати — тихо пѣть.
Кущъ, кущáнка — небольшая кучка овецъ.
Ку́рява — дорожная пыль.

Лугъ — лѣсъ.

Манáттє — тряпки — платье.
Мáючи звúчай — соблюдая приличіе.
Мáйстеръ — мастеръ.
Метéлиця — мятель.
Мúзкатись — ласкаться, любезничать.
Миршáвий — дрянной, невзрачный.
Мо — (отъ мóже) — можетъ-быть.
Молóшніша (вівця) — имѣющая болѣе молока.
Мотля́тись — мотаться.
Мотóрний — проворный, живой.
Мотýзочка — тоненькая веревочка; бичовка.
Мьясни́ці — мясоѣдъ.
Мьяси́во — мяса́.

Надбі́лшати — сдѣлаться болѣе; подрости.

Надокуча́ти — надоѣдать, наскучать.

Накі́тчата — только-что́ родившіяся ягнята.

Напа́хатись — пропитаться (духомъ); набраться (запаху).

На-про́весні — при наступленіи весны.

Нара́яти — присовѣтовать.

Наста́чити — припасти, наготовить.

Насті́лникъ — скатерть.

Натякну́ти — напомнить; намекнуть.

Нацапати — нащупать.

Наймитчу́къ — нанятой работникъ.

Недові́ркувато — недовѣрчиво.

Незго́дно — невыгодно; несогласно.

Не-пере́ливки — (перенос.) — не шутки.

Ни-відь-що́ — Богъ-знаетъ что́; нелѣпица.

Ни́зькоро́слий — малорослый.

Но́чви — корыто, лотокъ.

Ну́жа — (перенос.) — нечистыя насѣкомыя, нападающія на человѣка и скотъ.

Обера́ется — избирается.

Обкі́тъ — время, въ которое овцы родятъ.

Одбу́ча — отбываніе.

Одвітува́ти — отвѣчать.

Одіспа́ти — (овецъ) — проспать (овецъ), такъ что они разбредутся.

Одказа́ти — отвѣтить.

Одмовля́тись — отказываться.

Оду́жати — выздоровѣть.

Одчипи́тись — отвязаться; отстать.

Огоро́жа — ограда; городьба.

Окоріньки — корни.

Окрі́мний — отдѣльный; особый.

Оліа — постное масло.

Опини́тись — очутиться.

Оси́ковий — осиновый.

Оскубти́ — ощипать, оборвать.

Осмі́шкуватись — усмѣхаться.

Осо́бе — особо.

Осо́бне — отдѣльно, особнякомъ.

Ось — вотъ.

Одкара́скатись — отдѣлаться, отбиться, отцѣпиться.

Отру́шуватись — отряхиваться.

Охану́тись — опомниться.

Палама́рка — жена пономаря.

Пали́ччя — (множ.) — палки.

Пе́вно — вѣрно.

Пе́лена — передняя часть рубахи, платья, приподнятая такъ, чтобъ положить въ нее что́-нибудь.

Пеня́куватий — упрямый, своенравный.

Переверта́ти — переворачивать.

Підпали́ти — поджечь.

Підпа́сачъ — помощникъ пастуха.

Підстри́бувати — подскакивать; подпрыгивать.

Пи́ка — рожа (лицо).

Пилнува́ти — наблюдать, пристально смотрѣть; стараться.

Плига́ти — прыгать.

Плигну́ти — прыгнуть.

Пло́щикъ — оконечность стрѣлы.

Пляка́тьця — кормить маткѣ дитя (объ овцахъ).

Пля́мкати — издавать звукъ губами при ѣдѣ.

Повзъ — подлѣ, мимо, близь.

Позна́читись — обозначиться, сдѣлаться замѣтнымъ.

Поже́жа — пожаръ.

Покіль — пока, покуда, покамѣстъ.

Полюва́нне — охота.

Помарні́ти — похудѣть, подурнѣть, постарѣть.

Помо́стъ — деревяный полъ.

Попе́реду — прежде, впереди.

Пора́яти — посовѣтовать.

Порина́ти — нырять; утопать.

Поро́снути — шибко уйти; разбѣжаться въ разныя стороны; розсыпаться.

Породі́лля — только-что́ родившая женщина.

Порськи́й — прыткій, дикій, пугливый.

Порядкува́ти — распоряжаться, устроивать.

Послухня́ний — послушный.

Пота́ла — добыча; истребленіе.

По́ти — до-тѣхъ-поръ.

Поти́лиця — затылокъ.

По́толпъ — толкотня; тѣснота; толпой

По́топтомъ (йти) — одинъ другого топтать.

Почере́жно — поочередно.

Пріся — Афросинья.

Прибл́уда — приблудная скотина; бродяга.

Пригада́ти — припомнить.

При́грівъ — жаръ солнца.

Призо́ръ — присмотръ.

Пристано́вище — пристанище.

Прихи́лище — пріютъ, пристанище.

Причи́ста — праздникъ (Богородичный) Успенія.

При́шви — головки къ старымъ голенищамъ.

Прогавля́тись — промѣшкать.
Прокре́нъ — растеніе.
Про́світокъ — мині про́світку нема́е — отрады, покоя, свободы нѣтъ.
Простроми́ти — проткнуть.
Простува́ти — прямо идти.
Простягти́сь — протянуться.
Пужа́ръ — пожаръ.
Пустова́ти — шалить.
Пу́чки — пальцы.
Подо́батись — понравиться.
Поедна́тись — сойтись, согласиться другъ съ другомъ; жениться.

Ре́гітъ — хохотъ.
Риба́льство — рыболовство.
Ри́ховка — желѣзное кольцо на деревяшкѣ.
Рівець — небольшая канавка.
Різдво — Рождество.
Рімний — равный.
Річки́ — (множ.) рѣки.
Роздивля́тись — всматриваться.
Розгуби́ти — растерять.
Ро́змиръ — война, вражда.
Розчо́впати — смекнуть, понять, раскусить, разобрать въ чемъ дѣло.
Рости́на — растеніе.
Руша́ти — трогаться съ мѣста.
Ру́шити — тронуть съ мѣста, поѣхать.
Рушни́къ — полотенце.

Самотни́й — одинокій, уединенный.
Свино́та — (собир.) — свиньи.
Свідокъ — свѣдѣніе; свидѣтельство, свидѣтель.
Серде́га — бѣдняга.
Си́ній ка́мень — купоросъ.
Сири́ця — сыромятная кожа.
Скоти́на (собир.) — рогатый скотъ.
Сно́зи — поперечныя связи 4-хъ жердей, составляющихъ остовъ плетеной трубы.
Сопілка — дудка, свирѣль.
Спашъ — потрава хлѣба на корню.
Співа́чка — пѣвица.
Спітка́ти — встрѣтить.
Спра́ва — дѣло.
Спромо́жность — возможность.
Спускъ — овецъ съ баранами.
Срібло́ — серебро.
Сте́ха — Степанида.
Стовбула́—(ста́ти)—вверхъ ногами.
Сторчъ — стоймя; головой внизъ.
Стрива́ти — погодить; обождать.
Стя́га — полоса.

Тирлува́тись — останавливаться на ночлегъ съ стадомъ овецъ.
Тічъ (существит.) — течь.

У-де́нь — днемъ.
Умо́ва — уговоръ условіе.

Фигрува́ти — фигурировать.

Халя́ва — голенище.
Хари́та — Харитина.
Хмизъ — мелкія прутья, хворостъ.
Ходи́тоньки—ходу́сеньки—(дѣтское, уменьшит.) — ходить.
Храмо́та — болѣзнь, отъ которой хромаетъ скотъ.
Хру́мати — хрустѣть.
Ху́га — мятель.

Цапъ — козелъ.
Ци́ндрити — матать: расточать.
Ціпо́къ — палка.
Цуциня́ — щенокъ.

Частува́ти — угощать.
Черва́ — (собир.) — червь.
Черева́тий — брюхатый.
Четвероугло́вий — четырехъ-угольный.
Четве́ръ — четвертокъ.
Чимчикува́ти — идти, пробираться.
Чо́венъ — челнокъ.

Ши́бениця — висѣлица.
Ширъ — ширь, ширина.
Шлюбъ — вѣнчанье.
Шмато́къ — небольшая часть стада овецъ.
Шталтъ — образецъ, способъ.
Шука́ти — искать.

Щерба́ — остатки ухы.
Ще́липъ — челюсть.
Щикави́ця — трава.
Щоде́нно — ежедневно.

Ялова (вівця) — овца, не имѣющая приплоду.

Объясненіе къ рисункамъ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ», Л. М. Жемчужникова, отлагается, за отсутствіемъ его, до слѣдующей книжки. Самые рисунки — кому слѣдуетъ — прилагаются.